



МИХАИЛ БАКОВЕЦ

S-T-I-K-S

Игра в кошки-мышки

В этом мире не нужны лекарства, исчезла проблема с продуктами — любые изысканные яства можно найти, лишь затратив минимум усилий, потеряла свою остроту жилищная проблема, не требуются услуги пластических хирургов а само понятие — возраст, у старожил забылось. Паразит, навечно поселившийся в крови, бережёт своего носителя лучше, чем охрана золото в Гохране, и он же превращает в безумцев 95 % всех в течение первой недели, после чего приходит очередь троих из выжившей пятёрки. Улей, СТИКС — как только не называют это место, где с завидной регулярностью перемещаются куски из разных миров, эпох и цивилизаций.

По мотивам мира S-T-I-K-S, созданного Артёмом Каменистым

Михаил Баковец

Улей. Игра в кошки-мышки

Получилось всё у меня, как в том анекдоте: хотел как лучше, а вышло, как всегда. Работа у меня не самая авторитетная — водитель «газельки» в мебельном магазине. Вдвоём с грузчиком (правда, я и сам подвизаюсь на той же стези, причём платят только «шоферские»), но что делать — кризис, мать его, работы толком не найти) катаемся по городу и области, забираясь, подчас, в такие дали, куда и дорог-то толком нет.

Вот и сейчас укатили за сто двадцать кэмэ под вечер от родного дома.

Почему вспомнил известную присказку? Да вот пришлось.

Вчера в магазин пришла парочка — мужчина и женщина лет за тридцать, заказала мебель, а девчонки-менеджеры заверили их, что мальчики привезут заказ не сегодня, так завтра. Мальчики — это я и мой напарник Павел. Всё бы хорошо, но эти девочки (Паша сердито рядом под нос бормочет: дуры, млин, блондинки акушером головой о кафель уроненные) перепутали города — две буквы в середине, а на карте сто километров. Мы не проверили, созвонились с заказчиками, узнали время и когда те ответили, мол, до десяти вечера в любой момент приезжайте, мы дома, заверили, что сегодня и будем.

Выяснилось всё, когда мы в пять вечера привезли мебель совершенно чужим людям. Всё, как в старом советском кино, только у нас не Новый Год, магазин, а не баня, и я с напарником трезвые до безобразия. А по навигатору, что в первом городе такая же улица и дом имеются, что во втором.

Ситуацию мы прояснили, заказчикам сообщили (Пашок на дур из магазина наорал по телефону) и те нормально отнеслись, что сегодня мебель не привезём. И надо мне было предложить напарнику довести до места мебель. Сыграло свою роль и общение с заказчиком — обычно, таких понимающих редко встретишь, чуть что и сразу вопли, оскорбления, угрозы вроде «да ты уже завтра там работать не будешь, ясно?».

— Ну что там, Паш?

Напарник возился с навигатором, который внезапно стал показывать невесть что, словно туман, окутавший нас, напрочь заглушил сигнал со спутника.

— Да непонятно... хренова китайская дешёвка! — Он со злости закинул бесполезный прибор в узкий бардачок между сидений. — Не врежемся?

— Не должны, если только придурок какой не понесётся навстречу.

Я врубил все фары, какие были: дальний, противотуманки, «аварийку», диоды в «морде» (за них, правда, влететь может от гайцов) и пару фароискателей на крыше. Плюс, скорость сбросил до минимума.

— Голова что-то разболелась, — вздохнул напарник и сильно потёр лоб, — ещё и пить охота. Не осталось воды?

— Если только в будке посмотреть, дистиллят валялся. Будешь?

— Не траванёшь?

— Хе, ты чего? Это такая же вода, только без солей и прочего. Пар сгущенный, если тебе так проще.

— Ты ещё скажи, сгущёнка, — хмуро произнёс Пашка и вдруг сделал стойку, вытянувшись вперёд и чуть ли не вжавшись лицом в лобовое стекло. — Опаньки, а там что-то есть. Свет мелькнул, яркий такой.

Лично я не заметил ничего, хотя, в тот момент на мгновение повернулся к нему,

предлагая дистиллированную воду. Приятель оказался прав — через пять минут я въехал на окраину города. Свет, который он увидел, оказался прожектором на крыше автозаправки, работающий с перебоями: на секунду начинает слепить, а потом ещё минуту еле светит.

— Электричество, что ли, вырубili? — нахмурился Пашка. — Ни одного фонаря и этот заправочный едва коптит, видать, от «дырчика» запитан. И воняет чем-то... ну и гадость.

— Может из-за пожара и свет отрубили, — ответил я. Запашок и в самом деле был тот ещё, какой-то химический, с кислотатым привкусом, от которого першило в горле и начало ломить в висках.

— Я звоню мужику, заодно узнаю, что тут произошло. Может тут всех давно эвакуировали, а мы прём прямо в центр ядовитого облака.

— Тогда бы на выезде пост стоял, пожарники или менты. Но позвони, да, вдруг он на машине подкатит сюда и проводит до дома, а то мы без навигатора провозимся тут долго — городок-то немаленький.

Сначала Пашка несколько раз набирал номер и прикладывал к уху и только после этого с досадой воскликнул, обратив внимание на значки на экране:

— Чёрт, сети нет!

Запах химии был всё сильнее и сильнее, от него уже мутило так сильно, что я всё меньше обращал внимание на дорогу. И это повлекло трагические последствия для меня и напарника... особенно для него, как показало будущее.

Перед капотом мелькнули какие-то сухие ветки, вроде бы на них что-то болталось яркое, красные лоскутки или обрывки оградительной ленты. Хоть и ехал медленно, но из-за тумана увидел палки в самый последний момент, да и голова тяжёлая от вони. Плюс, мелькнула мысль, что пара тростинок никак не повредит машине... а потом меня бросило вперёд, на руль. Рядом вскрикнул Пашка, впечатываясь лицом в стекло. «Газель» встала на дыбки, чуть ли не вертикально задрав задний бампер, тяжёлая мебель в «будке» с грохотом ударила в заднюю стенку, и этот толчок сильно отозвался в спинке моего сиденья.

Пашку стошнило.

— Паша, ты как? Живой? Что-то сломал или отбил? — не на шутку встревожился я. Ремни помогли частично — не дали размазаться по панели, но напарник всё равно «поцеловался» с лобовым стеклом. А я до рези в груди приложился рёбрами о руль.

— Норм... ально, жить буду. Что это было?

— Мы в канаву свалились, — зло произнёс я. — Жэкэошную. Сейчас помогу выбраться.

Дверь открыть не сумел, пришлось крутить ручку стеклоподъёмника в неудобной позе, а потом призвать на помощь все свои гимнастические способности, чтобы выбраться из машины.

Как и подозревал (картинка после падения, которое изрядно встряхнуло мозги, одуревшие от вони, сложилась целиком из пазлов: сухие ветки, яркие лоскутья, глубокая яма), мы оказались в яме, вырытой чёртовыми работниками ЖКХ. Которые вечно роют свои «клады», а потом засаживают сухими палками, словно в надежде, что те скоро зазеленеют. Или пытаются вырастить дерево желаний, вешая дары — тряпочки, пакетики и ленточки, моля об одном: только бы больше не пришлось копать и все ржавые трубы одномоментно превратились в новенькие, прямо только что с конвейера.

Язычники поганые! Все беды от их племени, а ещё от дураков и дорог.

Это я так шучу, взбадриваю сам себя, потому как ситуация хуже не придумаешь, повезло, что не разбились с Павликом.

— Суки, — выругался я, когда по колени утоп в жидком глиняном месиве, которое тут было вместо дна. — Суки, суки, да чтоб вас...

Добрался до пассажирской двери, постучал в окошко, привлекая внимание напарника. Когда он приотпустил стекло, я поинтересовался:

— Как ты?

— Хреново... тошнит, голова болит... состояние мутное, словно, засыпаю. Пока не постучал, я и не заметил, что ты вышел.

Плохо, всё очень плохо.

— Пащ, я тебя такого бугая не вытащу. Сиди и никуда не уходи, а я за помощью.

— Да куда мне тут идти... — его вновь затошнило, через минуту снова заговорил. — Тарас, поспеши, что ли, а то загнусь тут.

— Извини, это я ерунду из-за нервов сморозил, сам не подумал... ага, я быстро.

Быстро не получилось.

Сначала долго не мог выбраться из ямы, постоянно соскальзывал с крутых стенок, из-под рук сыпались куски земли и глины, наконец, додумался воспользоваться машиной. Оказавшись на асфальте, я крикнул напарнику, что помощь вот-вот придёт и пошёл вперёд.

Слева тянулось поле, сплошь утыканное столбами линии электропередач. Справа, едва угадывались в тумане дома частных домов — одно- и двухэтажные коттеджи. Но когда добрался до них, оказалось, что все они недостроенные, только коробки, без крыш, дверей и окон. На мои крики никто не откликнулся, даже собаки не затыкали, когда я подобрал несколько камней и бросил их в металлические листы, ограждающие некоторые участки (совсем без ограды строек не было, либо профлисты, либо рабица или серые деревянные штакетины).

Строительная площадка тянулась долго, наверное, было больше километра от начала застраиваемого поля и до первого заселённого дома города.

Вот только я не дошёл до него.

Внезапно накатил волна дурноты, что я не удержался на ногах и рухнул на колени. А затем повалился на бок и скрючился в позе эмбриона. Перед глазами всё плыло и двоилось. Ближайший забор из оцинкованного профлиста превратился в два, «двойник» стал мерцать, то превращаясь в полупрозрачную картинку, то набирая объём. Туман стал стремительно редеть, неприятный запах исчез практически полностью или я его в своём состоянии не ощущал. Наконец, все спецэффекты пропали — забор вновь остался один, воздух очистился, химическая вонь пропала, как будто и не было её.

Но вот самочувствие ухудшалось семимильными шагами. Я ещё запомнил, как сумел подняться на ноги и сделать несколько шагов к забору, увидев в ней калитку с молочно-белым плафоном лампы на «гусাকে» сверху. А потом всё как отрубил.

Реальность отключилась.

Пришёл в себя от холода и дикой головной боли. Со стоном поднялся на колени, осмотрелся, оценивая место. Вокруг серели стены из пенобетона с чёткими ровными швами раствора, снизу холодила тело бетонная стяжка, сверху желтели пёстрые листы OSB. Сбоку в стене имелась деревянная дверь, почему-то придавленная «козлами» из толстых досок и брусков. За спиной, сквозь пластиковый стеклопакет падали серые лучи рассвета, судя по блеклости, ещё очень рано, солнышко даже на линию горизонта не вышло.

Комната сравнительно небольшая, примерно пять на пять метров, практически без отделки, без разводки проводов и труб, в одном углу лежат несколько пачек минеральной ваты, тонкая стопка квадратного пенопласта, дрель с насадкой для перемешивания раствора.

Кувалда на длинной обрешиненной ручке с аббревиатурой на латинице и пара молотков той же фирмы. Кувалдочка, кстати, нетяжёлая, зато вытянутая и гранёная, удобно такой что-то забивать в сложных местах, где нужен размах, но деталь в узком проёме, какой-нибудь штырь в трубу, края которой нельзя повредить. А вот такое вытянутое и гранёное било, вполне удобно в этом случае. Хотя, это мой не слишком профессиональный взгляд, может, это «фишка» фирмы.

Как я сюда попал? Ничего не помню. Гадство, там же Пашка один в машине всю ночь провёл!

Резко шагнул к двери и остановился от волны тошноты и головной боли.

Да что же это такое?! Последствия от аварии или ночная гарь, от которой в носоглотке скребло хозяйственным ёршиком?

Постоял несколько минут, немного пришёл в себя и неспешно направился к двери. Откинул в сторону «козлы», послушал, что там снаружи и потихонечку потянул на себя дверь.

Первое, что увидел — следы крови на стене, двери с обратной стороны, струйка из крупных капель на полу и лужица рядом с порогом, возле которого я стоял. От такой картины сразу же тело бросило дрожь, несмотря на тёплое летнее утро.

— Что же я наделал? — охнул я и схватился за голову. Не от мысли, что кого-то, может быть даже хозяина или сторожа дома избил, а от вспышки головной боли.

Кулаки были сбиты так, что страшно было смотреть на них. Согнуть и разогнуть пальцы, было очень больно. Мало того, на предплечье левой руки имелась глубокая рана, похожая на укус.

На улице было тихо, никакого намёка на ночной пожар. Вот только гнетёт меня нечто неуловимое, заставляет пригибаться к земле и прятаться за забором. Возможно, страх перед расплатой за ночную драку, которую я не помню, возможно, последствия отравления дымом... не знаю.

Страх, наверное. Страх встречи с полицией и обвинение в причинении телесных повреждений разной тяжести и проникновение на чужую территорию.

Мне бы поскорей добраться до машины и узнать, как там Пашок. Надеюсь, ему хватило ума выбраться и пойти на поиски помощи, когда я не вернулся.

На месте всё было очень плохо.

В первый момент, когда я увидел свою «газельку» на дороге, то сильно обрадовался. Появилась надежда, что с напарником всё в порядке, что он нашёл помощь, дозвонился до МЧС или коммунальщиков с их автопарком тракторов и кранов. Спустя несколько секунд увидел, что машина лежит на боку, а когда подошёл ещё ближе, грязно выругался — кабина машины была разворочена так, словно, в ней рванул фугас или пьяные пожарники своими бензорезами постарались.

Позабыв обо всем на свете, я бросился к технике и опять замер в шоке. На этот раз к столбняку примешалась изрядная порция ужаса при виде окровавленной тряпки на асфальте в нескольких метрах от уничтоженной «газели». В тряпке я узнал футболку напарника.

— Да что же здесь происходит, вашу маму за ногу? — прошептал я и опустился на влажный от утренней росы и холодный асфальт. Опять накатила дурнота, появилась слабость и какая-то апатия. В таком состоянии я пробыл минут пять, пока не услышал странное урчание с той стороны фургончика.

«Животное? Странное какое-то... никогда не слышал», — пронеслась мысль.

Спрятаться тут было негде, убежать тем более. Кабина разгромлена, будка закрыта, дорога и обочина чистая от кустарника и даже траву там недавно скосили. Но и встречаться с, например, собакой, которая запросто может наставить новых укусов (как бы, не от неё я и заполучил рану на руке), меньше всего хотел.

Равнодушие сменилось страхом, который заставил мозг усиленно работать над проблемой.

Опять невидимое животное заурчало, раздались звуки шагов, но странные — частые и громкие, больше похоже на цоканье. Явно не собачьи, хотя когти у тех могут издавать такие звуки, это же не кошки, что умеют их втягивать. Но и на каблочки женские не похожи, не могу представить даму, которая способна издавать такие урчащие звуки. Человеческое горло вообще не приспособлено к такому, разве что в ужастиках кинорежиссерам удаётся смодулировать нечто похожее.

«Ох, блин!», — мысленно вскрикнув, я погрузился в холодную глинистую жижу в яме, в которую ночью свалилась наша машина. Другого места, где можно спрятаться от неизвестного животного я не смог придумать. Да и голова совсем не варила, в ней родилась на мысль, что это укрытие вполне себе ничего, на большее была неспособна.

Я совсем не думал, что собака, даже бешеная, решится прыгнуть в канаву. Водобоязнь не даст, сильно на это надеюсь. Мне бы дожидаться помощи, а там плевать на всё — полицию, обвинения. Лишь бы оказаться в больнице и узнать, что случилось с Пашкой. А холод и смущение за свой непрезентабельный внешний вид, я переживу как-нибудь.

Урчание и стук приблизились к самому краю, ещё чуть-чуть и я увижу того, кто их издаёт.

— А-а!

Усилив тональность урчания, зомби прыгнул с места ко мне в яму. Я успел отшатнуться в сторону, почти влип в стенку канавы, пропустив тварь в метре от себя. Мертвец со всего маха и с громким хлюпаньем вошёл по пояс в жидкую глину и намертво там застрял.

Вытянув руки в мою сторону, он лёг на жижу и сумел меня зацепить длинными пальцами с уродливыми серыми крючковатыми ногтями. От быстрого движения двух лап рубашка на животе превратилась в лохмотья, а на теле появились несколько глубоких ран. Боли почти не почувствовал — адреналин работал, как неплохое обезболивающее. И, благодаря ему же, я выскочил наверх по отвесной и скользкой стене, оставив плотно завязшего зомби плескаться в яме и громко урчать от недовольства тем, что добыча ушла.

«Подальше от города, подальше от жилья, подальше от людей!», — билась в голове мысль, гоня вдоль обочины под прикрытием высокой дорожной насыпи в сторону поля, начинающегося сразу за заправкой.

Поле оказалось картофельным, его высокая ботва и глубокие грядки хорошо спрятали меня от чужих взглядов.

Отдышавшись, я осмыслил то, что недавно увидел.

В галлюцинации я не верил. Никогда подобными расстройствами не страдал, не баловался «травкой» и «кислотой». Да я даже не курил и алкоголем сильно не увлекался! Зато я верил своим глазам — тот... то существо, издающие странные звуки, простым человеком не было, хотя отдалённо на него походило. Почти точно таких же ваяли режиссеры ужастиков — от Голливуда до Болливуда.

Зомби.

На существе даже остатки одежды имелись, рваные и засаленные до невозможности,

явно не день или два носит их.

Я стёр слой грязи с левой руки и посмотрел ещё раз на рану. Потом, холодея от мысли о страшной участи, я прикусил кожу на руке рядом с раной. Отпечаток зубов совпадал с укусом сильно, может быть побольше был, но это явно след человеческих зубов.

— Млин! — зашипел я и ударил кулаком по рыхлой грядке. — Гады, за что?

Теперь я понял причины своего недомогания. Всё это из-за заражения неведомым вирусом, который поразил жителей городка.

Война и это удар бактериологическим оружием? Авария на некоем предприятии? Терракт? Падение метеора со спорами бактерий, вызывающих зомбирование?

Ответов на все эти вопросы у меня не было.

Внезапно появилась безумная мысль, что всё ещё может обойтись, если я себе отрежу укушенную руку. Всего лишь левая, а я правша — быстро привыкну, зато жить буду. Несколько секунд я серьёзно её обдумывал.

— Уже поздно, — прошептал я, процитировав слова киношного генерала из старого комедийного отечественного боевика. В самом деле, рубить нужно было сразу, когда кусок плоти отхватила неведомая тварь, а сейчас зараза уже по всему организму кровью разнесена. Одна надежда на иммунитет и русское авось.

Авось, да вывезет кривая куда-нибудь.

Глава 1

В грядках меня сморил сон. Незаметно для себя, опустошенный физически и морально, я отрубился и очнулся только от лучей солнца, начавших припекать мою спину.

Самочувствие было совсем гадкое. Всё тело крутило, то жар, то холод терзали его. Левая рука опухла и начала сочиться сукровица из раны. Ладони постигла та же участь — ни сжать в кулаки, ни распрямить пальцы. Вот, кстати, ещё одна проблема, реши я взяться за ампутацию. Ну, отрубил бы я себе руку с укусом, и что? Мясо на кулаках сбито до костей, там явно и слюна, и кровь зомбаков попала внутрь.

Лежать и помирать не хотелось ни капли. В городок тоже идти желания не было — до меня ни разу не донесся ни один звук, все, как будто (хотя, почему — как?) вымерли. Даже перестрелки не услышал, а ведь отдел полиции в городе должен был быть, как-никак, а пятнадцать тысяч населения имелось, одним опорным пунктом не обойтись. Плюс охотники, плюс, какие-нибудь выживальщики, плюс криминал, которого не быть, не может, а у того левые стволы, даже если это переточенные «газовики» и обрезы «тулок» с «ижами». И, несмотря на всё вышперечисленное, в городе стояла тишина.

Нет, не туда моя дорога меня ведёт, не туда. Нужно к себе возвращаться, к родным и друзьям. Не верю я, что везде такие ужасы.

И тут я спохватился — ведь можно позвонить, прояснить обстановку, сообщить о беде, просто дать знать, что жив и, местами, здоров.

Я полез в карман, во второй и потом выругался, когда понял, что аппарата нет. Я мог его потерять в ночной драке, о которой у меня отшибло память, мог выронить при прыжке в яму, или сотовый выпал от удара когтей.

Без телефона было очень плохо, когда такое творится вокруг. В случае войны, теракта или карантина, сотовые станции обязательно известили бы об этом абонентов в данной местности.

Всё-таки, у нас тут не кино и при такой массовости скрыть от общественности гибель многотысячного города, не удастся. Замаскировать под что-то иное — да, но не спрятать совсем.

Придётся возвращаться в городок и искать телефон. Не обязательно сотовый, мне и городского будет достаточно. Главное, чтобы он работал, и его хватило на несколько звонков.

Картофельное поле примыкало к заправке, с другой стороны от той росла крошечная дубовая роща, за ней начинался гаражный кооператив, и уже потом шли улицы частного сектора, за которыми вдалеке торчали пятиэтажки. В одном из коттеджей я и собирался поискать телефон.

Идти в полный рост я не рискнул. На этом поле я буду торчать бородавкой на лице красотки. Лучше потратить чуть больше времени, но зато сохранить свою жизнь... или её остатки.

Пришлось вставать на четвереньки и так передвигаться, иногда падая на живот, чтобы дать отдых натруженным и непривычным к такой манере движения конечностям. Хорошо, что почва была мягкая, никаких болезненных ощущений в коленках.

Добравшись до асфальтовой дорожки, которая описывала круг вдоль забора из сетки-рабицы, что окружал заправку, я замер, начав всматриваться в строение. Может быть, там

есть кто-то живой? Или там нет никого, и у меня появится шанс добраться до телефона и аптечки?

Через пять минут я увидел движение. Но не на территории заправочной станции, а за ней, среди молодых дубков. Кто-то там быстро шёл мне навстречу. Или на заправку.

Когда я рассмотрел неизвестного, добравшегося до сетчатой ограды, то у меня волосы по всему телу встали дыбом, а сердце стало биться тише, чтобы не привлечь внимание ЭТОГО своим стуком.

Из рощи вышло настоящее чудовище трёх метров ростом, горбатое, с огромной пастью, полной зубов.

Чудовище было похоже на тварь из старого фильма «Тварь Питера Бенчли». Только вместо акульего плавника, она хвасталась горбом, да рыбьего хвоста у наблюдаемого мной красавчика, не было. А то, что это красавчик, а не красавица, было видно по «хвосту» между ног.

Чудовище не остановила ограда — прошла сквозь неё, как сделанную из паутины и пластилиновых столбиков. Возле колонок остановилась, повела мордой в стороны и громко всхрапнула, или, быть может, фыркнула. Видимо, запах топлива не учуяла.

Нанюхавшись, чудовище проделало ещё один проход в заборе совсем рядом со мной. Прошла в пятнадцати-двадцати метрах справа, не обратив внимания на меня, неподвижно лежащего среди ботвы и боящегося шевельнуть даже глазами.

Только спустя полчаса я отмер и пополз между двух грядок, скрываясь между ними и стараясь не шевелить ботву. Каждые несколько метров я замирал и вслушивался в окружающий мир. Убедившись, что никто не гуляет по полю, не урчит поблизости и не хлопает сочной растительностью, я пополз дальше.

Идею разжиться телефоном, я забросил в самый дальний уголок. Куда-то за мечту дожить до космической эры и приобрести межпланетное такси и таксовать от Земли до Марса. Пока по улицам гуляют такие чудовища, желание позвонить, будет сродни мечте полетать в космосе.

Грядки были длиной метров триста! Когда я уткнулся в высокую траву, которая сменила ботву, то сил в теле почти не осталось. Кое-как отполз подальше от края поля и вновь отрубился. На этот раз провалялся совсем недолго, судя по тому, сколько прошло по небу солнышко. Очнулся от чувства опасности: совсем рядом слышалось знакомое урчание и тяжёлые шаги нескольких существ из кошмаров.

Высокая и густая трава не позволяла их увидеть, но зато я их очень хорошо слышал. До ближайшего, было метров шесть-семь. Не валяйся я, уткнувшись лицом в землю, смог бы сквозь траву его рассмотреть.

Скорее всего, меня они не искали, просто тройка зомби решила пройти по травяной поляне в сторону города. Через пару минут я рискнул слегка повернуть голову и посмотреть вслед мёртвым тварям. Три штуки высоких голых и сильно изменившихся существа с длинными когтистыми лапами и небольшими толи горбами, толи наростами на шее под затылком, или сразу и тем и другим. Они совсем не походили на того зомбака, которого я увидел самым первым у своей машины и уж точно даже близко не имели сходства с чудовищем у заправки.

Как только они скрылись из виду, я встал на четвереньки и пополз по траве, стремясь как можно быстрее удалиться от города. Самочувствие застыло в пограничном состоянии: мне уже не становилось хуже, но и улучшений не замечал.

Через сотню метров, поляну или, скорее всего, заброшенное поле, часть которого распахали под картофель, пересекла грунтовая дорога. Там, в пыли, чётко просматривались следы колёс какого-то крупного автомобиля. Проскочил он сравнительно недавно, час, может, два назад. Иначе, едва уловимый ветерок давно бы, если и не затёр следы, то отпечатки протектора разрушил, точно.

«Живые люди или пусть даже один человек, но живой!», — обрадовался я.

Следопыт из меня был аховый, может быть кто-то другой смог бы разобраться направление, куда ушла машина, но только не я. Посчитав, что неизвестный водитель летел из города, чьи улицы заполнили живые мертвецы, я выбрал направление, в котором дорога изгибалась, удаляясь от зачумленного места.

Шёл, как и до этого: осторожно, с остановками и вертя головой на триста шестьдесят градусов. На зрение, никогда не жаловался, как и на реакцию, поэтому на каждое движение вдаль реагировал одинаково: резко опускался на корточки, отползал в поле и там прятался в траве.

Как минимум один раз меня это спасло: заметил метров за двести впереди, группу странно стоящих людей, мужчин и женщин. Причём мужчины были сплошь без штанов, хотя в рубашках, а парочка даже в пиджаках. Меня они, к счастью, не увидели, но и уходить с дороги не собирались, словно, были любителями солнечных ванн на природе. Пришлось ползти с километр, обходя по дуге это страшное собрание.

В итоге оказался в березовой лесопосадке, длинной и широкой. Посчитал бы лесом, если бы не ровные ряды стволов и не просвет впереди, в сотне метров.

Здесь я впервые, увидел следы пиршества зомби.

На крошечной полянке стоял столик, сбитый из почерневших тонких досок на вкопанных березовых чурках. Рядом со столом, с одной стороны располагалась лавка из тех же тонких и старых досок, прибитых к двум пням, с трёх других, стояли широкие чурбачки. На столе оставались одноразовые тарелки, пластиковые вилки и ложки, был воткнут большой кухонный нож с блестящим толстым лезвием и удобной рукояткой из мягкой цветной резины, две полупустых бутылки с водкой, одна с красным вином, очень много объедков. И половинка огромного арбуза.

— Арбуз? — вслух произнёс я, не веря своим глазам. Я точно знал, что в нашей области до начала продаж ещё добрых две, а то и три недели. Отдыхающие привезли его с собой из тёплых краёв? Но, вроде бы, и там бахчевые ещё не успели, а этот, аж сахарный весь. Явно с грядки сорвали не полудозрелым.

Потом я увидел бутылку с какой-то минеральной водой и жадно за неё ухватился.

Вода уже успела почти полностью выдохнуться, согреться на солнце, но показалась родниковой из-за того чувства жажды, что меня мучила.

Напившись, я выбросил пустую бутылку в сторону и только сейчас увидел две палатки — камуфлированную и сине-зелёную.

Та, что была раскрашена в три неброских цвета, была разорвана с одного края и держалась на одной дуге. Вторая, с виду казалась целой, но светлая ткань — та часть, что имела ярко-голубой оттенок — была густо залита тёмной кровью.

Здесь же лежали несколько кусков костей с ошмётками сухожилий, над которыми вились крупные зелёные мухи.

— Бу-у-э!

Тошнило меня минут пять. Выпитая вода вылетела первой, следом потекла горькая

желчь, последние две минуты меня тошнило одним воздухом. Ещё в самом начале ноги перестали меня держать, и я упал на колени, уткнувшись лбом в берёзовый ствол.

Кое-как придя в себя и с трудом поднявшись, я выдернул нож из стола и заковылял прочь от места бойни.

За посадкой нашлась знакомая грунтовка с, всё теми же, следами машины. Идти по ней не рискнул, выбрав дорогу в поле, среди травы и молодой березовой и сосновой поросли, которые неплохо должны были прикрыть от чужих взглядов.

Что б эти мёртвые твари протухли на солнце! И вместе с теми, по чьей вине они появились.

Под вечер, пройдя несколько полей и лесопосадок, я вышел на окраину промзоны, за которой очень далеко просматривались башни жилых высоток.

Ничего похожего я в области не знал. Пусть бывал в пяти или шести районах области, из почти что двадцати в неё входящих, там многого не видел, но точно знал, что ни в одном не было таких махин, как и столь больших заводов с пузатыми трубами, чья высота исчислялась десятками метров, нет. А хотя... откуда-то же тянуло вчерашней кислой гарью, может быть, как раз из этих труб?

— Бр-р, — я потряс головой, — нет, не может такого быть...

Это точно не моя область, если только я не прошагал две сотни километров и не вышел к окраине областного центра. Там были огромные заводы и дымили они постоянно, из-за чего даже квартиры в тех районах города стоили процентов на тридцать-сорок ниже, чем в остальных и в два раза дешевле по сравнению с центральными улицами.

Мог я в каком-нибудь трансе столько прошагать? Или не помню просто своей дороги, как забыл ночное приключение?

Что-то я уже начинаю сомневаться в своей психике, может быть, подводит она меня и галлюцинации преследуют меня весь долгий день. Или авария оказалась гораздо опаснее и сейчас я лежу в палате интенсивной терапии под капельницей и в коме.

— Бр-р, — повторно потряс я головой, — этого мне ещё не хватало.

Галлюцинации или нет, но к промзоне я подходил очень осторожно, прячась за каждым кустиком и всматриваясь в любую тень, причудливые кучки мусора и мятые мусорные контейнеры.

Галоперидол лучше, чем клыки зомби.

Так, крадучись, добрался до забора из бетонных плит, пошёл налево вдоль него и скоро нашёл щель, сквозь которую можно пробраться на территорию предприятия. Здесь, между плит был большой зазор, заложённый частью серым, выкрошимся от сырости и времени кирпичом, а в оставшемся промежутке торчала толстая ржавая труба, уходящая к пруду в тридцати метрах от стены. Щели рядом с трубой хватало, чтобы мне со своей немаленькой конституцией тела протиснуться за забор.

Зачем я сюда лез, рискуя нарваться на выстрел испуганного охранника, если и сюда добрались мертвяки? За возможностью найти телефон и новостями. Страшно было находиться в информационном вакууме, среди смертоносных созданий и чувствовать, как смерть всё пристальнее всматривается в тебя.

За забором лежал обычный замусоренный пустырь, которых хватает в любом городе. Кругом рваные пакеты, горки бычков, пластиковые бутылки, стеклянные из-под пива и водки, какие-то тряпки и размокшие катонные коробки, развалившиеся деревянные

«барабаны» от проводов, штабеля полетов и многое другое.

Потом пошли цеха из красного старого кирпича и огромных бетонных блоков. Двери и ворота с моей стороны, все были закрыты, а от пустыря, вся прочая территория была огорожена хорошим забором из профлиста, с воротами на роликах. Запертыми.

Перелезть или подлезть, не удалось ни в одном месте, пришлось карабкаться по такой старой железной лестнице из арматуры, что там ржавчина, аж как мох покрывала металл, съев тот, больше чем наполовину.

Изрядно измазавшись, и пару раз почти сорвавшись, когда ступеньки резко прогибались под моим весом, я оказался на плоской крыше, с кантиком из тонких бетонных блоков с прорезанными отверстиями для слива дождевой влаги.

Второй лестницы на ту сторону, не было и мне пришлось идти вдоль длинной крыше цеха, ломая подошвами старую-престарую смолу и пластинки ссохшейся грязи, которые в изобилии валялись здесь.

Исследования заняли меньше пяти минут. В итоге, я пришёл к мнению, что тут мне ничего не светит, нужно возвращаться обратно к лесенке, спускаться и искать проход дальше. Или вовсе вылезать обратно за территорию завода и брести к городу вдоль забора.

Последнее я и сделал.

Самочувствие становилось всё гаже и гаже. Меня выворачивало наизнанку, через каждые полчаса... наружу лезла только слюнь да слюна. К тошноте и головной боли прибавились короткие непроизвольные судороги по всему телу, из-за чего часто оступался и падал.

Пока обошёл завод, сбил в кровь колени и локти, рассёк бровь, сломал или вывихнул указательный палец на правой руке.

Галлюцинации, особенно слуховые, преследовали меня давно и когда я услышал шум нескольких мощных моторов за спиной, то даже не стал оборачиваться, посчитав эти звуки за глюки.

«А ещё каламбурить находятся си...», — не додумав мысль, я охнул от острой боли в правом бедре, сведенном судорогой, и упал на обочину узкой асфальтированной дорожки. Насыпь оказалась высокой, а сил у меня не оставалось, поэтому я просто скатился по жухлой траве в канаву и там затих, слыша стук крови в висках.

«Однако, это что-то другое», — пронеслась мысль в голове, когда биение пульса не стихло, а наоборот, усилилось, стало множиться, а затем и вовсе весь шум поглотил сильный взрыв. Несколько мгновений спустя, над головой пролетел беспилотник, ну, или невероятно крошечный самолёт, в котором может уместиться только китаец-подросток из южных районов своей страны, свернувшись калачиком.

Уж на эти аппараты, я насмотрелся в новостях, когда там показывали уничтожение очередной колонны с террористами в Сирии, накрытой ракетами с беспилотных летательных аппаратов. Данная модель, которая проскочила над головой, заметно отличалась от телевизионной, но ведь и не клепают их по копирке производители.

«Неужели, война? Потравили газом народ, потом десант высадили... Но зачем? Что интересного в нашей области?!».

На моё счастье, рядом, в траве, торчала большая бетонная труба для стока воды на другую сторону насыпи, вот в неё-то я и забрался на последних каплях сил.

Кажется, она и станет мне могилой — дальше я физически не смогу двигаться, если внезапно не улучшится самочувствие.

Трескотня выстрелов и взрывы, стихли через несколько минут. Потом что-то оглушительно рвануло, отчего заметно дрогнула земля, и с трубы сверху посыпались чешуйки отслоившегося старого бетона.

Никак рванул один из бензобаков или боеукладка... не видел я, кто там катил по дороге, толи, простые машины, толи, броневики, потому и предположить точно не могу. Да и не всё ли равно мне?

Оказалось, не всё равно.

Совсем неожиданно, с другой стороны трубы исчез свет, загороженный крупной фигурой в сером камуфляже. Человек, который так неожиданно оказался по соседству, забрался в трубу спиной вперёд, отталкиваясь одной рукой и пятками, и меня не видел. Он прополз до середины, после чего откинулся на спину полностью, звонко ударив при этом небольшой каской, прикрывающей ему голову.

Лежал неподвижно не меньше минуты, издавая страшные хрипы с присвистом, потом зашевелился, опустил правую руку на живот и снял с ремня плоскую фляжку из тёмно-зелёного пластика.

Пить!!!

Только сейчас я ощутил страшную жажду, вызванную не только общим недомоганием после отравления газом, но и постоянной тошнотой, которая обезвожила организм.

А неизвестный, между тем, кое-как справился с пробкой одной рукой, поднёс горлышко ко рту и сделал первый глоток.

Почти тут же он захрипел и забился в конвульсиях, повернулся на правый бок и его начало тошнить. Фляжка упала на дно трубы и негромко забулькала, теряя своё содержимое. Тут же в воздухе запахло спиртным и чем-то не очень ароматным, с кислым уксусным запахом.

Человек затих очень скоро, оставшись лежать на боку в позе эмбриона.

После того, как он откинул копыта, пригубив содержимое фляжки, пить из неё мне сильно расхотелось. Правда, жажда никуда не делась, лишь становилась сильнее, а вид емкости и лужица жидкости на бетоне рядом с ней в паре метрах от меня, буквально сводила с ума.

Дошло до того, что появились какие-то силы, чтобы выбраться наружу и посмотреть на место разгрома автомобильной колонны.

Глава 2

Исподволь, я рассчитывал получить помощь от выживших или хотя бы добыть лекарств и воды. Но при виде места боя, последняя надежда на благополучное завершение моих приключений умерла — три огромных костра жарко горели на асфальте, да несколько тел рядом с ними уже наполовину обуглились, а вместе с ними и всё их снаряжение.

Вернулся в трубу к телу единственного бойца, сохранившемуся целым, со всем содержимым в карманах.

Первым делом я схватился за фляжку, в которой немного плескалось влаги с неприятным спиртовым запахом.

— Но ведь, водка же, — прошептал я одними губами, вспомнив старый анекдот, — была, не была.

Кто не умирал от жажды, да ещё находясь в сумрачном состоянии рассудка, тому не понять, насколько желанна будет почти пустая фляга, чьё содержимое прямо на глазах убило человека.

Впрочем, неизвестно от чего тот загнулся, ведь хотел бы умереть, то не стал бы прятаться от беспилотника в трубе, чтобы потом принять яд. Может, просто не успел напиться и рана доконала, или жидкость не в то горло попала, и он банально задохнулся?

Это я так себя успокаивал, поднося горлышко фляжки ко рту. Задержав дыхание, я сделал четыре больших глотка, полностью опустошив емкость.

— Ну и... гадость, — смог выдать из себя я фразу и чуть не выплюнул всё обратно. — Га... до... сть.

Я привалился спиной к стенке трубы, не обращая внимания на мёртвое тело по соседству.

Болела и кружилась голова, заставляя летать на «вертолётках» как во время дичайшего предпьяного состояния. Тошнота сошла, но осталась слабость в теле. Прошли и судороги, которые до этого доставали особенно сильно.

Сильно воняло горячей резиной, синтетикой и подгоревшим мясом. Особенно мясом и я догадывался, откуда он шёл.

Не сразу понял, что самочувствие резко улучшилось. Только машинально отодвинувшись от мёртвого тела, воняющего дымом и химией, понял, что руки-ноги нормально слушаются, почти ничего не болит и головокружение прошло.

Как-то резко появился вкус, запахи обрели насыщенность, пальцы больше не были старыми перчатками, в которых осязание напрочь отказывает.

Соединить одно с другим — содержимое фляжки и улучшение здоровья, я смог быстро. И тот факт, что умирая, боец хотел напиться из неё, лёг в эту теорию ровным кирпичиком.

Выглянув наружу и убедившись, что там никого, я забрался обратно в трубу и схватил за ноги труп. Нужно было его осмотреть, но не в тесноте же это делать?

Первое, что увидел — чужой непривычный камуфляж. Тёмно-серая куртка на молнии с кучей карманов и резинкой на пояснице. Такого же цвета штаны с набедренными карманами и шнурками на бедре, голени и под коленом. И это не гражданский вариант точно, видны погоны, весь вид кричит об отсутствии излишеств и чистой функциональности, которая присуща только воензированной форме. Да и шнурки на штанах тут не просто так, ими перетягивают конечность при ранении, чтобы не истек человек кровью, шнурки

используются вместо жгута, которого может не оказаться под рукой или если рана такова, что нельзя терять ни единой секунды на поиск аптечки в рюкзаке.

Куртка на спине прожжена до мяса. С левой стороны груди зияет ужасная рана, сквозь которую блестит розовое лёгкое, распухшее и сочащееся кровавой пеной и слизью. Такое бывает при ранении в грудную клетку, у кого-то оно сдувается, а у других вылезает наружу сквозь рану, и однажды я сам такое видел, когда на полковых учениях во время стрельб отрикошетившая от стального столба на мишенном поле пуля, ударила в соседа. От страха и по молодости я тогда пытался пальцем затолкать лёгкое обратно в рану у бьющегося в судорогах парня, из которой оно лезло, как квашня из кадушки.

Вот теперь, мне стало понятно, откуда свист и хрип взялись, и почему его начало тошнить от единственного глотка. Не только при ранении в живот врачи запрещают давать пить или есть, но и при ранах в грудь, тоже, так как в обоих случаях у пострадавшего возникают рвотные позывы, судороги и усиливается кровотечение, которое может запросто убить его.

А ведь стоящая вещь в этой фляжке имела, недаром умирающий хотел напиться из неё, да вот не получилось, из-за такой раны. Как он вообще смог забраться в трубу с такими дырками в теле? И спина обожженная — он же на ней полз по бетону, сдирая волдыри, как наждачкой! Такую живучесть просто шоком и желанием жить, не объяснишь. М-да...

На правой, сохранившейся целой руке (левая была сожжена до угольков), на тыльной стороне кисти имела татуировка. На том месте, где у зеков набивается солнышко с короткими и длинными лучами, у покойника имелся целый рисунок: рядом с костяшками чёрной и красной краской были наколоты стилизованные языки пламени, в которых прыгали рогатые и хвостатые существа с вилами в руках. Выше, почти у самого запястья, белой и жёлтой тушью изображался ангел на облаках с огненным мечом в руках, а между ними на коленях и с руками, сложенными в молитвенном жесте на груди, стояли несколько чёрных человеческих фигур.

В уцелевшем кармане куртки отыскал небольшой блокнот в чёрной кожаной уже сильно затёртой обложке. Все страницы в нём были исписаны словами на латинице (ни одного знакомого — английского или немецкого, которые с горем пополам мог различать), кроме того, часто встречались католические кресты сверху и внизу страниц. Скорее всего, это был крошечный молитвенник

— Какой-то сектант или сдвинутый на религии, — прокомментировал я увиденное.

После осмотра тела я вернулся на дорогу, где остовы машин уже наполовину прогорели, и можно было подскочить на границу огня, схватить самого ближнего и наиболее уцелевшего мертвеца за ногу и вытащить на «холодок». Точнее, я накинул ему со второй попытки на ногу петлю от ремня, снятого с осмотренного трупа, чтобы не обжечься.

Со спины, человека пропекло так, что смотреть не мог — тянуло очистить желудок от эликсира. Спереди же, картина была более приглядная и приятная.

Самое главное — на поясе у бойца висела фляжка с похожим напитком, правда и тут не обошлось без неприятностей, так как ёмкость треснула, и сейчас эликсир медленно по капле утекал в землю.

Чертыхнувшись, я метнулся к брошенной рядом мертвецом у трубы пустой фляжке и перелил в неё. Спасти удалось грамм двести всего, и я не знаю, хватит ли этого количества, чтобы полностью излечиться от отравления.

Кроме фляжки достался нож — массивный «рембоид» с блестящим лезвием без единой

царапинки, и пистолет, по виду обычный «глок», но с магазином всего на двенадцать патронов. Да и сами жёлтые цилиндрики были крупными, совсем не девятимиллиметровыми «парабелловскими» патронами, с которыми я хорошо знаком! Может, это сорок пятый калибр, как у знаменитого кольта девятнадцать-одиннадцать?

Да уж, подозрительные патрончики, одно то, что на доньшке гильзы вместо привычных букв и цифр стоит непонятная ерунда вроде штрих-кода, говорит сама за себя. А когда я крутил в пальцах один из них, то чувствовал, как внутри свободно пересыпается порох, будто, его наложили в два раза меньше положенной нормы.

Плюс, сам пистолет подозрителен, может другая модель, вроде бы их там штук десять — от семнадцатого до тридцатого? По надписям было не понять ничего, я там даже слова такого — глок, не нашёл.

На шее у человека шли по кругу слева направо татуировки с религиозной тематикой — черти, огонь, грешники и ангелы.

Рассматривая тело, я совсем позабыл про окружающий мир и когда отвлёкся от карманов мертвеца на странный шум неподалёку, то увидел, как через заводской забор перелезает самое странное и страшное существо, которое я когда-либо видел в жизни.

Размером туши, тварь могла посоперничать с крупным кабаном, даже чем-то схожа с ним оказалась — горбатое тело, вытянутая морда, торчащие клыки из пасти. Вот только лапы были больше, как по длине, так и толщине, а вместо щетины на теле росли... наверное, костяные иглы и самые большие, уже не иглы — спицы, имелись на горбу. Пятачок зверя обзавёлся костяной нашлапкой с острыми краями, которыми одинаково легко рыхлить землю, асфальт, поддевать что-то и отжимать, как фомкой... не знаю даже, это мне пришло в голову при первом взгляде на столь уродливое создание.

Явно родственник того монстра с автозаправки, от которого я прятался в картофельной ботве.

И сейчас этот родственничек лез ко мне.

Спасало от немедленного знакомства то, что по стене чудовище не умело карабкаться, только зазря царапало задними копытами бетон плиты, перекинув передние через верхний край. При этом тварь зацепила и «егозу» — тончайшую металлическую ленту с заточенными до бритвенной остроты краями, но никак не показывала, что подобное изделие доставляет хоть какой-то дискомфорт.

Я, как замороженный смотрел на неё, пока псевдокабан не сорвался со стены и не скрылся с моих глаз.

— Уф, ну и...

Вздых облегчения, сопровождаемый словами, прервал сильный удар в том месте, где только что видел страшное создание. Показалось, что одна из плит чуть качнулась.

— Да ну нах! Не верю... — выдохнул я, не сводя взгляда с многотонной плиты, цементированной с соседними, и покоящейся на невысоком, залитым из бетона фундаменте.

Несколько секунд спустя стену сотряс ещё один удар, и я чётко увидел, как отлетели куски раствора, которыми были промазаны стыки между плитами, а сама плита треснула по самому низу.

Я развернулся спиной к ломаемому забору и рванул во все лопатки прочь. Бежал почти ровнёхонько назад, откуда пришёл, но потом, вместо того, чтобы повернуть в поле на старый след, завернул в противоположную сторону — своё желание оказаться в городе я не бросил,

да и лучше себя чувствую среди кирпичных и бетонных коробок, где прожил всю жизнь, чем среди лесов, полей да оврагов.

В своём старом состоянии между небом и землёй, я едва плёлся, расстояние казалось марафонским, зато сейчас после эликсира я пролетел этот путь за считанные минуты.

Через десять минут я оказался в гаражном кооперативе среди эксплуатирующихся и строящихся коробок. Метнулся влево — тупик, вправо — огромный котлован под, как минимум три гаража, помчался дальше по прямой и в этот момент услышал эхо частых быстрых шагов за спиной.

Обернулся и похолодел — в паре сотен метров за мной несся старый знакомый псевдокабан. Для такой прыткой твари подобная дистанция — тьфу и растереть.

Я заметался по сторонам, хотел вернуться к котловану, рассчитывая, что массивная туша чудовища застрянет на дне, где блестела лужица воды поверх глиняной массы, но туда, путь мне был уже отрезан.

Наверное, сейчас я побил рекорд Усейна Болта. В самый последний момент, уже чувствуя дыхание зверя на пятках, я метнулся вправо и втиснулся в щель между двумя гаражами. Постройкам явно не один десяток лет, только в то время, ещё до моего рождения, так поступали. Сейчас же экономят и на материале — одна стена вместо двух, и на земле — лишние тридцать-сорок сантиметров, любому гаражному владельцу пригодятся.

Впереди щель упиралась в стену соседнего гаражного ряда, над головой нависал козырёк крыши. Получается, сам себя загнал в ловушку, но зато хоть не порвёт меня на части эта тварь, а там придумаю, как выбраться или получу помощь.

В проём показалась страшная харя чудовища. Несколько секунд меня сверлили крошечные чёрные глазки, едва видимые под нависаемыми на них костяными щитками, потом монстр стал отходить назад.

Пятился.

— Твою ма...

Да у неё что — мозгов совсем нет, если собирается с разгона втиснуться сюда?!

Но нет, мозги у чудовища имелись и вполне себе неплохие. Вместо того, чтобы с разбега влететь в промежуток между стен гаражей и застрять в ней, как пробка в бутылке, псевдокабан нанёс удар в угол стены.

Один из гаражей был собран из бетонных блоков, вероятно, сворованных владельцем (имеющим немалую должность в каком-нибудь СУ или ЖКО, так как в свободной продаже такие дефицитные вещи не имелись) с места работы. Его сосед остановил выбор на красном кирпиче.

И вот сейчас часть кирпичей разлетелась красным крошечным щебнем и пылью от удара бронированным пяточком.

Будь материал современным — присадки, добавки, собственные технологии завода-изготовителя (а там во главу ставится умеренный конфликт качества и экономии) и отверстия для воздушной теплоизоляции, то конец мне пришёл бы через десять, максимум, пятнадцать минут. Но ГОСТовское качество увеличило мне жизнь на час и дало шанс спастись.

В один из ударов, когда уже от стены мало что осталось и если бы не столб пыли, то можно было легко просмотреть внутренность гаража, с той стороны вылетело нечто тёмное и небольшое, не крупнее футбольное мяча. Предмет угодил в морду невероятно точно — прямо в район глаза.

От удара псевдокабан рыкнул и сел на зад, явно находясь в прострации, в состоянии грогги, как говорят боксёры.

Всё это время я тискал пистолет во вспотевшей ладони, ожидая подходящего момента, чтобы пристрелить тварь. Три патрона из двенадцати были уже потрачены, но без толку: пули не пробивали толстый череп чудовища.

И вот этот момент настал.

Шагнув вперёд.

Я почти приставил ствол к морде врага точно напротив глаза и спустил курок.

Выстрел!

Как и до этого руку высоко подкинула отдача, и я потерял секунду, чтобы вернуть оружие на прежнее место.

Выстрел!

Пуля ударила в кровавое месиво на месте глаза.

Выстрел!

Выстрел!

Только после четвертого до меня дошло, что псевдокабан так и сидит на задних копытах, слабо реагируя на попадания тяжёлых пистолетных пуль. Да и реакция-то — подёргивания тела в момент удара «маслины».

Сдох, сука?!

Ага, сдох, прям как сидел, так в той же позе и отдал Богу душу. Правда, терзают меня сомнения, что к рождению подобного монстра приложил руку Создатель.

От кончика бронированного пяточка до короткого хвоста в чудовище было полтора метра. От земли до верхушки горба больше метра. Всё тело было покрыто редкими чёрными иголками, а на горбе иглы превращались в длиннющие, сантиметров по двадцать пять, шипы. Эдакая смесь кабана, броненосца, ежа и дикобраза.

Откуда только такая ошибка природы взялась?!

Предмет, который меня спас, оказался тяжёлым гидравлическим домкратом-пятитонником.

Хозяин гаража подставил тот под переднюю чашку на «ниве», у которой снял полуось. Во время сотрясений вызванных ударами твари по стене, домкрат понемногу кренился, выползая из-под металлической пластины, и последняя атака освободила чашку, на которую сверху давила мощная пружина подвески. Именно она и дала мощнейший импульс домкрату, который позволил оглушить тварь. Думаю, человеку или простому животному, тому же нормальному «человеческому» секачу тяжелая железка на такой скорости попросту снесла бы голову с плеч.

После спасения, на меня накатила апатия. Уже ни о чём не думая, я присел на горку битых кирпичей и откинулся спиной на соседнюю стену.

Устал.

Как же я устал за последние сутки, кто бы знал! Не только физическая немощь мучила меня, но и морально сейчас я был выжат, как лимон в чай.

Нащупал флягу и выпил остатки эликсира. Скорее всего, это какая-то витаминная и лекарственная смесь, позволяющая очень быстро поднять на ноги человека, улучшить тонус. Вот ещё бы вкус ему получше, да и поесть не мешало бы ко всему прочему.

Итак, я могу с грустью констатировать, что я ПОПАЛ. Фантастику я любил — читал и играл до армии запойно, потом страсть уменьшилась, да и работа мешала в прежнем темпе

предаваться увлечениям. Зато из них я получил специфические знания: люди могут попадать в другие миры, чаще всего это происходит неожиданно и не всегда попаданец способен определить, что же с ним случилось. И в новых мирах всегда встречаются невероятные твари, которые мечтают попробовать на зуб иномирянина.

В пассиве у меня — могущественные враги, раны, болезни, плен и пытки, в активе — гарем из принцесс, фотомоделей, валькирий, сверхспособности, магия и эпический меч. Мда...

Я оценивающе посмотрел на пистолет в руках, потом вспомнил какой-то фильм — современную экранизацию шекспировской драмы «Ромео и Джульетта», где герои бегали с пистолетами и кто-то вечно кричал, принуждая к миру нечто вроде «уберите ваши мечи, господа, уберите мечи». М-да... может, и стоит назвать моё оружие мечом, но это явно не эпическое оружие. Достаточно вспомнить, как пули рикошетили от черепа псевдокабана — вряд ли эпическое оружие позволит себе так обмишуриться.

— Ну, и где мой Эскалибур? — вслух спросил я и, не дождавшись ответа, продолжил. — Так и знал, что кинут.

Дальше я передвигался по крышам гаражей, постоянно пригибаясь к грязной потрескавшейся смоле, которой тут всё было покрыто.

— А вот и рояли пошли.

Фраза ушла в пустоту, но предназначалась неведомому наблюдателю или тем, кто меня закинул в этот мир, мол, бодрость духа не потерял, держусь и даже подшучиваю над собой и своей ситуацией. Мало ли какие тут тесты и заполнение анкеты, лишние баллы пригодятся.

А насчёт роялей — так вот один из них стоит передо мной, хм, лежит.

Ещё один покойник из состава разгромленной колонны, об этом говорит знакомый серый камуфляж и разрисованные руки, лицо и шея на тему Ада и Рая. Обожжённый — ужас как. Половина лица почернела и похожа на шлак из печи, камуфляж обгорел от плеч до самого пояса, лёгкая каска из чего-то вроде прессованного или клееного кевлара намертво прикипела к голове.

На спине у мертвеца висел небольшой плоский рюкзак, крепящийся на груди и животе ремешками, кроме плечевых лямок. Сохранился ремень с кобурой, ножнами и большой флягой, на бёдрах висели небольшие подсумки с короткими прямыми магазинами от автомата вроде незабвенной М-16 или его клона в этом мире (раз есть «нивы» и «глоки», то должны быть и два соперника — АК-47 и М-16).

Обгоревшие лохмотья куртки и майки на груди сорваны, видна красная, вся в волдырях кожа и кожаный треугольник на шнурке, похожий на мусульманский тумар. Сейчас он был раскрыт, скорее даже разорван, а его содержимое — белый крупный шарик похожий на крупное глазированное драже-конфету, был прижат к губам покойника.

Проглотить драже у сектанта сил уже не хватило — лишь донести до рта. После чего он отключился, а затем и умер, к слову, недавно совсем, вон, тело теплое всё ещё.

От немедленного мародёрства (да, да, только так, трофеями можно назвать лишь те вещи, которые снял с лично убитого тобой врага) меня удерживала ракета в теле человека.

Самая обычная небольшая ракета, размером с колбасную палку сервелата. Она вошла чуть ниже правой ключицы почти по самый хвостовик. И почему-то не сработал ни взрыватель, ни самоликвидатор.

Размер у главного оружия беспилотника сильно подкачал, то-то вся техника и люди больше пострадали от огня, чем от взрывов.

Больше всего удивила невероятная живучесть местных: у одного все главные органы были вывернуты наружу, а тому сил хватило уйти с места боя, забраться в трубу и только там скопытиться. И вот передо мной второй живчик, который отошёл на два с лишним километра от разгромленной колонны, будучи насквозь пробитым ракетой и наполовину обгоревшим до угольной корочки, поднялся на крыши гаражей и уже здесь скончался от ран. Удивило то, что он так поздно решил принять лекарство. Времени до этого у него было столько, что в случае с панацеей он бы уже новой кожей оброс на месте сожжённой. Или это яд? Особо хитрая капсула, с отравой для безболезненной смерти, если спасения нет, а мучиться нет желания.

Чёрт, не понять.

На всякий случай белый шарик я взял. И что странно — стоило сжать его двумя пальцами. Как ощутил сильное тепло от него и как-то машинально потянул его в рот, собираясь проглотить. Спихватился, когда поднёс руку уже к самым губам, и быстро спрятал в тот же тумал, в котором он хранился у бывшего владельца, тем более что шнурок не

пострадал от огня, как и кожаный футляр.

Почти не трогая тело, чтобы случайно не активировать смертоносную начинку ракеты, я снял остатки ремня с оружием и флягой, осмотрел карманы штанов, вытащил шнурки из брючин и ботинок с высоким берцем.

Жаба прыгала и подталкивала к тому, чтобы забрать и рюкзак. Но мертвец на нём лежал, и двигать его тело я очковал из-за ракеты в теле. М-да, каламбурчик вышел.

Ничего, я и так неплохо поживился: пистолет с пластиковой кобурой, два магазина к нему, четыре магазина к автомату (которого не нашёл поблизости), литровая фляжка с эликсиром, полная на две трети, тяжёлый нож, непонятная таблетка-шарик (весит немного, а ценность её может быть огромной раз умирающий потащил её в рот, а не стал пить эликсир).

Пистолет был точной копией моего первого приобретения. Выглядел более ухоженным и был снабжён дополнительными девайсами, которые отсутствовали на первом. Глушитель, открытый коллиматор и лазерный прицел. Все эти предметы имели компактные, практически крошечные размеры и находились в специальных отделениях на кобуре. Сама кобура была пластиковая и могла использоваться как приклад к пистолету, что я и сделал, отойдя подальше от трупа.

Приклад, глушитель, коллиматор, лазерный прицеп заняли своё место на пистолете, превратив тот в нечто футуристическое. Последней раз я нечто подобное видел на страйкболе, когда кто-то притащил «Пустынного Орла» в полном обвесе. Ремешка для носки на плече изменившего форму пистолета не имелось, но я нашёл выход: связал два шнурка от ботинок, привязал к затыльнику приклада и перекинул получившуюся конструкцию через плечо.

Теперь пистолет болтался чуть ниже подмышке, не хлопая по ногам и не мешая ходьбе, при этом вскинуть к плечу тот можно было за пару секунд.

Второй пистолет я решил выбросить, оставив только магазин с пятью патронами. Слишком тяжело тащить больше килограмма лишнего груза, тем более, что стрельбе по-македонски не обучен и сомневаюсь, что с такими мощными пистолетами это вообще возможно.

Ред-дот выставил по лазерному пятну целеуказателя на расстояние в двадцать метров. Конечно, такое оружие с длинным стволом и мощным патроном способно вогнать пулю в «яблочко» и на полста метрах, но я трезво рассчитывал свои силы, плюс, боялся, что глушитель снизит дальность и скорость полёта пули. А без глушителя... не знаю даже, прав или нет, но на стрельбу могут заглянуть многие, кому я стану не рад. Например, этот псевдокабан прискакал на звуки взрывов и пальбы.

Потратил всего один патрон на окончательную пристрелку, убедился, что точка на коллиматоре и выщерблина в кирпичной стене практически совпадают, сама отметина глубокая, и это даёт надежду, что все мои страхи по поводу снижения мощности и точности выстрела беспочвенны, и успокоился на этом.

В город я не стал заходить без разведки.

Гаражный кооператив примыкал к улочке частного сектора, за которой вырастали многоэтажки. А между гаражами и коттеджами располагалась вышка сотовой связи.

Мобильная связь мне, как бы, и не была нужна, вряд ли тут моя сим-карта отыщет своего оператора связи, зато на конструкции из стальных уголков есть лестница,

поднимающаяся до самых антенн на макушке.

По этой лестнице я поднялся метров на двадцать, после чего почувствовал, что ещё чуть-чуть и от страха меня сведёт всего так, что самостоятельно спуститься, я уже не смогу. Никогда не думал, что так могу испугаться высоты, но вот, вишь как вышло?

Сверху часть крупного города была, словно на ладони. На зрение не жаловался до этой поры и чем дальше наблюдал, тем мрачнел всё больше и больше.

Город был населён и в то же время полностью мёртв. По его улицам ходили, стояли на тротуарах и проезжей части, лежали на газонах и прямо на голом асфальте, сбивались в группки, выходили и исчезали в зданиях, сотни мертвецов. Большая часть их выглядела вполне прилично, а уж такое расстояние и вовсе делало из них самых обычных людей. Меньшую, даже с моего наблюдательного места нельзя было спутать с обычным обывателем из-за мутаций, изуродовавших их тела. Заметил факт, что у таких уродцев поголовно нет штанов и нижнего белья, хотя остатки рубашек, курток, свитеров и прочих деталей верхней одежды, иногда и вполне сохранившихся, имелись. Все мужчины поголовно и часть женщин из «старичков» красовались с голыми задами.

— Насилуют они, что ли, друг друга или новичков? — ошалело спросил я неведомо кого. — Или на них есть свои извращенцы?

А в ответ тишина.

Дважды я видел супермутантов, проскакивающих улицы в поисках добычи. Каждый раз там сначала возникала паника среди простейших зомбаков, потом мелькала огромная туша неведомо кого и всё затихало. Выходит, среди этих созданий нет такого уж мира и более сильный не прочь закусить слабым.

Делать в городе, мне нечего. Сюда только в составе танковой колонны ходить, предварительно обработав улицы помощью «солнцепёка». Зато с другой стороны, за речкой и полем, просматривались невысокие домишки маленькой деревеньки. До неё идти километров пять от города, но чтобы избежать ненужной встречи с мутантами и зомби, придётся сделать крюк ещё в пару камэ.

Спустившись с высоты, я глотнул эликсира для бодрости и потопал в сторону деревни с надеждой, что там врагов будет меньше и встреча с супермутантами обойдёт меня стороной.

Брода не нашёл, перепрыгнуть не смог — пара метров ширины, в ручье на моём пути было, пришлось переходить по пояс в воде, держа оружие и патроны над головой.

Пока переходил поле, то на мокрую одежду наловил тонну пыли, пыльцы, сухих листочков и прочего мусора, превратившись в чучело. Больше всего боялся, что капризный импортный ствол откажет из-за попавшей в механизм соринки, а это для меня, смерти подобно.

Проверить работоспособность оружия пришлось уже через сто метров.

На околице рядом с дорогой, выходящей из деревеньки, стояли в кустах несколько зомби. Двое новичков, в замызганных футболках и таких же штанах из хэбэшки, а рядом с ними нечто грязное, с колтуном на голове вместо причёски и обрывках рубашки.

На моё счастье, стояли они ко мне спиной, и между нами было метров двести.

Идея, как перестрелять без излишнего риска эту троицу, пришла в одно мгновение. Следующие десять минут я резал траву ножом и вязал из неё венки, в который вставлял короткие метёлки той же травы. Несколько пучков привязал к рукам, сунул в рукава, за шиворот (хоть и неприятно было) и за пояс.

Подкрадывался к тварям по краю дороги, стараясь сливаться с высокой травой. Со

стороны я должен был сейчас выглядеть, как куст, только вместо веток и листвы присутствовала трава. Надеюсь, мозгов у зомби поубавилось после заражения, и диссонанс в пейзаже они не заметят до самого последнего момента. Или вовсе умрут в полном неведении, откуда пришла к ним окончательная смерть.

В сорока метрах, я дал себе короткую передышку, а то после гусяного шага у меня бёдра огнём горели, потом осторожно полез в придорожную высокую траву, которая должна была скрыть меня полностью, с учётом маскировки.

Первым я выбрал грязнулю, справедливо полагая, что мутировавший зомби, будет поопаснее своих неопытных коллег. Красная точка коллиматора легла сначала на затылок живого мертвеца, потом меня стали грызть сомнения и я опустил прицел ниже, между лопаток почти под самую шею.

Выстрел!

Несмотря на глушитель, звук был такой громкий, что на долю секунды я впал в ступор от неожиданности и страха.

Беспшанный зомби исчез из поля видимости, но вместо него появились целых два — дамочка в грязной блузке некогда белого цвета и драном пиджаке от брючного костюма и почти полностью голый мужик с увеличенной челюстью и выдающимися вперёд надбровными дугами. Вместе с парочкой одетых, они смотрели в мою сторону, при этом дёргались, вытягивали шеи и принюхивались.

Всё это время я сидел неподвижно, удерживая пистолет на весу в одном положении, чтобы не привлечь внимание движением.

Выстрел!

Повторно я нажал на спуск спустя несколько минут, когда зомби отвлеклись на какой-то шум в самой деревеньке.

Стрелял опять по корпусу между лопатками и шеей, рассчитывая если не на повреждение позвоночника, то на его контузию от мощнейшего удара по соседству.

На этот раз оставшаяся троица пробежала до меня метров десять и остановилась, начав принюхиваться и не сводя взгляда с моей позиции.

Пожалуй, если бы был хоть небольшой ветерок и дул он от меня к ним, то уже давно бы учуяли запах сгоревшего пороха. А пока мне везло.

Вот дамочка нерешительно сделала несколько шагов вперёд, ещё парочку, ещё, потом наши взгляды встретились и я понял, что она меня увидела. Издав горловой крик, эта тварь бросилась ко мне.

«Спокойствие, только спокойствие».

Выстрел! Ещё один!

Второй пулей сбил с ног зомби и тут же перевёл оружие на оставшуюся парочку. Добил остаток патронов по ним, развернулся и бросился бежать прочь, на ходу перезаряжая оружие.

— Млин! — выругался, когда пустой магазин уронил под ноги. — Уроды!

Промчался метров сорок, после чего развернулся, перехватил оружие двумя руками и приготовился стрелять чуть ли не в упор. Но в этот момент мой ангел-хранитель решил отвлечься от развлечений и прийти на работу. Это я о ситуации с зомби — троица мертвецов оставалась на ногах и даже двигалась за мной с упёртостью осла, бредущего за морковкой на палке перед своей мордой. Но шли, не бежали даже, медленно, и один из одетых постоянно падал.

Пока они вышли на дистанцию уверенного поражения в голову, я успел перевести дух и усмирить дрожь в руках.

Выстрел! Выстрел!

Голозадая дамочка и один из новичков рухнули с расколовшимися черепами.

Отбежав на несколько метров, я подождал последнего и прикончил его. Потом дошёл до начала деревни, добил самого первого, которому пуля угодила точно в позвоночник между лопаток, лишив подвижности. Второму крестнику правка не требовалась — тому выстрелом разнесло шейные позвонки, отчего голова болталась на обрывках мышц и лоскутах кожи.

Оружие меня сильно порадовало — точное даже с глушителем, мощные патроны, удобная хватка. Одно плохо — боеприпасов у меня к нему остались одни крохи.

Больше в деревне никого не было — ни живых, ни мёртвых.

Хм, к слову о мёртвых. Немного странным был тот факт, что из ран у зомби текла самая обычная красная кровь и запаха разложения не чувствовалось, только зловоние присущее бомзам, никогда не моющимся.

Странно это всё.

В первом же доме я выломал простенькую филенчатую дверь на крыльце и попал внутрь.

Так... коридор, комната налево, комната направо, чуть дальше вроде как кухня... ого, аж с печкой! Нашёл окаменевшую соль в гранёном стакане, две пачки заплесневелых макарон, мешочек, пошитый их плотного холста, с сухарями. Соль и сухари прихватил с собой. В комнатах, украшенных коврами со всех сторон, кроме старой мебели не было ничего полезного.

В следующий дом проник через окно, выбрав, самый богатый на вид. Опять печка внутри, двухконфорочная плита, подключённая шлангом к небольшому газовому баллону в углу (что у них тут — газопровода совсем нет?), опять комнаты с коврами на полу, стенах и даже диване.

В шкафу разжился чистой одеждой по размеру. Не из бутика — плотные штаны, тонкая тельняшка, куртка из того же материала, что и штаны. Цвет, как у выгоревшей армейской «песочки» или у современной «горки» после пары стирок. Ещё нашёл брезентовый рюкзак, в который положил простыню (на всякий случай) и припасы. В этом же доме разжился очередными сухарями и солью.

На кухне нашёл под вязанным узким пёстрым половичком люк в подпол, где обнаружил несколько рядов стеклянных банок с соленьями и вареньем. Потемневшие огурцы и всплывшие к крышке помидоры меня не заинтересовали, как и засахарившееся варенье, а вот дюжина жестянок с консервами меня порадовали. Да ещё как — живот тут же забурлил при виде их, заранее предупреждая, что мне придётся их съесть, даже, если окажутся просроченными.

В подполе нашёл две трёхлитровых банки с прозрачной жидкостью. Сковырнув с первой крышку, я ощутил ядрёный запах деревенской самогонки, выгнанной без всяких сухопарников и бражных колонн. Вторая не пахла ничем, зато на дне лежал серебряный крестик, а на крышке была приклеена серая бумажка с надписью «Крещение. 1990». На вкус содержимое — вода водой.

«Да это и есть самая обычная вода, набранная на Крещение в девяностом году! Какая-нибудь бабулька верующая тут жила», — догадался я.

Удивительно, но вода была свежа и вкусна, как только что набранная из родника. Очень

своевременная находка, а то у меня во фляге только эликсир один, вторую совсем забыл наполнить, когда пересекал ручей. Водой из банки наполнил фляжку до горлышка, остатками напился, потом выловил крестик и привязал тот к шнурку на шее.

С сухарями и консервами в рюкзаке я поднялся на чердак, на который вели сразу два лаза — из дома и с улицы. Так у меня будет возможность сбежать через один из путей, если второй окажется перекрыт. Перед тем, как сесть трапезничать, сначала озаботился страховкой — заложил старыми обрезками досок, по какой-то неведомой причине, оказавшимися на чердаке, люк на улицу и в комнату. Не бог весть какая преграда, но хоть чуть-чуть да придержат противника.

В трёх банках оказалась тушёнка, в пяти лежала перловая каша с мясом, в оставшихся, в томатном соке плавали большие куски рыбы. Наклеек на них не было, приходилось сверять клейма и раскладывать по схожести, после чего открыть по одной из каждой партии.

Всё казалось свежим, но от рыбы я решил воздержаться. Как-то не доверяю я таким консервам, пролежавшим неизвестно сколько времени в подполе без присмотра. Зато вкус у тушёного мяса был великолепным! Наверное, именно про такие консервы и говорят «а вот в советское время тушёнка была лучше всех, сейчас уже не та».

— Белорусская, что ли? — хмыкнул я, вертя пустую банку и силясь отыскать хоть какую-то надпись. — СССР?!

На жести был чётко отпечатан штамп с этими буквами, больше разобрать не удалось. Да ну, не может такого быть... или может, если неведомые существа перенесли меня в прошлое? С другой стороны, я очнулся сегодня в том же городе, в который въехал вчера, и автозаправка, по которой шастал тот монстр, выглядела вполне себе современной. Самое простое пояснение — местные хозяева, те ещё плюшкины.

— Отравители и жмоты, нет бы выбросили старье, — пробормотал я. — Спалю дом, если отравлюсь.

На ночлег я остался на чердаке, даром, что место удобное и на улице уже стало смеркаться. Да и ложе вполне себе неплохое: не какие-то камешки керамзита или листы минеральной ваты, а душистые мелкие опилки. Постелив поверх них простыню, я растянулся поверх неё, положил рядом пистолет и отрубился через несколько секунд.

Проснулся от одуряющего чувства жажды. Ещё не открыв глаза, я нащупал фляжку, скрутил с неё пробку и припал губами к горлышку.

Жажда прошла, но вот общее состояние организма было аховое, вновь вернулась головная боль, в желудке непоседливым комом ворочалась тошнота, ломило суставы и мышцы.

Все эти симптомы были слишком похожи на вчерашние, связанные с укусом неизвестного мертвяка. На отравление старой тушёнкой не стоило и надеяться.

Во фляжке эликсира оставалось, меньше ста грамм и я их выдул в три больших глотка. Вроде бы стало чуть полегче, но вот что мне делать потом, когда болезнь вернётся назад, я не знаю. Людей бы найти, да только где? Вокруг лишь одни супермутанты и зомби.

Есть шанс натолкнуться на новичка вроде меня в этой или похожей деревне — кто начнёт работать головой нормально после переноса, тот быстро догадается держаться подальше от крупных населённых пунктов. Ну, а так как без ничего выжить трудно и выполнить неизвестное (если оно, конечно, есть) задание неведомых инопланетян ещё тяжелее, то народ будет искать мелкие посёлки, деревни и всяческие хутора. Здесь и одеждой можно разжиться, и продуктами, и даже оружием, если полазать, как следует по домам.

Но вот вопрос — нужны ли мне такие новички? Я помню, каким был вчера — шатающимся под лёгким ветерком призраком, дёргающимся от судорог, едва видящим этот мир сквозь тошноту и дикую головную боль. Такого напарника самого нужно будет защищать, а не ожидать поддержки с его стороны. Без эликсира ни я, ни он (или они) далеко не уйдем.

Погоняв в голове древнюю, как всё человечество мысль «что делать», я решил последовать словам Скарлет О'Хара.

После выпитого эликсира проснулся голод, который я задавил банкой тушёнки и рыбными консервами. Не думаю, что меня прикончат древние продукты, скорее загнусь от неведомой болячки, угнездившейся в моём теле.

Сразу уходить из дома не стал.

Сначала облазил все комнатки и углы в поисках оружейного сейфа. Когда не нашёл, прибрал к рукам небольшой топорик со скошенным лезвием и сильно выгнутой рукояткой. Явно его местный хозяин доводил сам, уж очень удобная вещь получилась. Такому, что полешки раскалывать, что вражеские черепа.

Топор примостил в самодельную петлю на левой стороне поясного ремня, из пустой жестяной банки соорудил накладку на лезвие, чтобы самому не пораниться.

— Ну, спасибо этому дому — пошёл я к другому.

Осматривать посёлок дальше не стал, решив, что от добра добра не ищут, у меня и так рюкзак наполовину полон продуктами, чтобы несколько дней не пухнуть не голода. Что же насчёт оружия, так ведь неизвестно, у кого и где его искать и есть ли вообще оно в поселении. Плюс, не хотелось мне в этом месте задерживаться дольше необходимого, подспудно чувство тревоги гнало меня прочь, и немалую роль в этом сыграл едва уловимый запах кислой гари. Позавчера точь-в-точь такая же вонь стала предвестником моих и моего напарника неприятностей.

Пошёл до грунтовки, чтобы сберечь ноги и для лучшего обзора. Но через полчаса, увидев впереди группу из пяти зомби, топчущихся на одном месте, свернул в поле и дальше углубился в молодую березовую поросль. Потом так и двигался — лесопосадками и лесами.

Постепенно самочувствие стало ухудшаться всё больше и больше. Эликсира, чтобы его поправить при себе не было, и я даже однажды пожалел. Что не отлил во флягу деревенского самогона — сто грамм могли бы хоть притупить негативные ощущения.

Как бы ни было плохо, но наблюдательность я не терял. Благодаря чему заметил очень много интересного на местности. К примеру, некоторые леса, казалось, были собраны из нескольких пазлов. Вот лиственный массив и вдруг резко переходит в сосновый бор, граница чётко видна по хвойной подушке и густому разнотравью, папоротнику и хвою. А вон поле засеянное овсом разделено наискось точно таким же, но заросшим высоким бурьяном, борщевиком и мелкими ещё берёзками и осинками.

Дважды выходил на дорогу и обращал внимание на разницу между левой и правой стороной, да и сама дорога с обочинами и кюветами отличалась от «соседей», было такое чувство, что некто кинул по правую и левую руку поля из разных мест, а между ними пристроил дорогу откуда-то ещё.

Странные дела творятся в этом мире, ох, странные.

После полудня наткнулся на очередную странность, грунтовка, проходящая между двух лесопосадок, внезапно закончилась бетонкой. Срез был очень чёткий, сама же дорога из плит чуть-чуть возвышалась над просёлком. Лесопосадки не исчезли, но глаз резало некое отличие между дальним краем и этим, немного другие деревья, моложе, что ли, расстояние между ними меньше, больше кустарников. Создавалось впечатление, что лесники очистили и немного облагородили лесопосадку ровно по краю бетонки.

Очередная странность или очередной финт российского менталитета?

Бетонка через двести метров поворачивала почти под прямым углом в просвет между деревьями и упиралась в железные ворота. За воротами торчали крыши, покрытые серым шифером, ангаров или скотников.

Свежих следов не видно, между стыками плит проросла трава и местами вымахала очень высоко, под створками ворот — такая же беда. Понятно с первого взгляда, что как минимум месяц, тут никого не было. Но и по дороге, по строениям и воротам (хотя бы их наличию — в нашей стране давно бы умыкнули такую полезную вещь, да и колючую проволоку с ограды смотали и убрали в дальний угол амбара, как и шифер) становилось ясно, что территория месяц назад плотно использовалась.

Судя по множеству коровьих следов на земле, сейчас уже закрытых мелкой ярко-зелёной травкой, это были коровники.

Два длиннющих строения, общей сложностью голов на сто.

Рядом с ними стояли два МТЗ, заброшенные, как и всё здесь.

Ворота с коровников были сорваны, и изнутри тянуло сильным запахом разложения. Совсем рядом от входа лежали два или три коровьих костяка с клочками кожи и засохшими чёрными волокнами мяса на костях.

Что-то полезное искать в стойлах я не собирался, и уж тем более нюхать местное зловоние, поэтому развернулся и направился к высокому строению, расположившемуся метрах в пятистах от скотника.

Оказалось, это был недострой. Два здания из плит — четырёхэтажка с двумя подъездами и узкий, длинный со стенами метров восемь высотой, склад. Склад имел только

три стены и крышу, четвёртая отсутствовала полностью и сквозь проём была видна гора больших полиэтиленовых мешков с чем-то белым. Из интереса подошёл, разрезал толстый прозрачный материал. Поковырялся кончиком ножа в спрессовавшейся массе.

Вроде бы селитра, самая обычная, которую фермеры таскают на поля в качестве минерального удобрения. Да и на железной дороге очень часто можно увидеть вагоны с похожими мешками. Только как она тут оказалась — это вот вопрос из вопросов! Хотя, не так это мне и интересно.

Четырёхэтажка, явно была административным зданием. Сужу по количеству и размерам окон, в жилых домах так не принято делать, тем более, здание ещё старой постройки, как бы, не со времён Союза.

Внутри всё пусто, перегородки разломаны и вынесены рачительными жителями из ближайших деревень и дачных посёлков. Сняты даже лестничные пролёты и попасть на второй этаж, не говоря про верхние, и речи не шло.

Вышел на улицу, обошёл строение по кругу и нашёл, что искал — железную пожарную лестницу. Начиналась она на высоте двух с половиной метров от земли и ничего рядом, из того, что можно подложить, не валялось. Другому, пришлось бы возвращаться не солоно хлебавши, но мне с моим ростом и длиной рук ничего не стоило с разбега заскочить на стену, оттолкнуться от неё и в прыжке зацепиться за нижнюю перекладину. Несколько секунд болтался, переводя дух, потом подтянулся, перехватился на ступеньку выше, ещё выше и скоро уже стоял на ногах.

Где-то на середине восхождения ногу пронзила судорога, и я чуть не слетел со второго этажа вниз. Больно ударился подбородком о железный прут от неожиданности. С минуту висел на одних руках, почти обняв лестницу. Наконец, острая боль прошла и к ноге вернулась подвижность.

Как-то идея осмотреться по сторонам уже не казалась стоящей, мне до крыши карабкаться и карабкаться, да и потом придётся спускаться. В любой момент очередная судорога или ухудшение самочувствия может скинуть меня на землю, со всеми сопутствующими негативными последствиями.

К счастью, до самого верха лестницы больше тело не отказывало. А в самом конце пути меня ждал сюрприз — толстый цилиндр глушителя уставился мне в лоб, как только моя голова поднялась выше парапета. Глушитель начинался на длинном стволе автомата, собранного по схеме булл-пап, приклад которого упирался в плечо молодой стройной женщины, одетой в светло-коричневую с серыми разводами милитаризованную форму. Из-под кепки с матерчатым затыльником выбивались иссиня-черные локоны.

— Попробуй только прикоснуться к оружию, и ты труп, — чётко произнесла она. — Что тебе здесь нужно?

— П-понял... осмотреться хотел. Можно, я назад полезу, если место тут занято?

— Можно Машку за ляжку, — блеснула познаниями в армейском юморе незнакомка. — Лезь сюда и поскорее, пока элитники не набежали.

Как только я неуклюже перевалился через парапет, у меня забрали всё оружие и патроны.

— Винтовка где, Аника-воин?

— Какая винтовка? — удивился. — Я вашего ничего не брал и тем боле винтовок не видел никаких!

— Вот такая, магазины и патроны к которой таскаешь с собой, — брюнетка кивком

головы указала на боеприпасы, которые я снял с мёртвого тела на гаражной крыше.

— А её и не было. Патроны отдельно лежали, без оружия. Был только пистолет и пара магазинов к нему.

— Просто так лежали? Местечко покажешь? А зачем тебе тогда патроны без оружия, или любишь таскать лишнюю тяжесть? Хотя, тебе, кабану, это как пара коробков спичек, — забросала она меня вопросами.

— Нашёл случайно... хм... на мёртвом теле лежали. Винтовку не видел — только пистолет и нож.

Озвучивать свою мысль, что после прочитанных сотен томов о мире постапокалипсиса на родной Земле, я эти патроны взял в расчёте на то, что они тут как крепкая валюта ходят.

И тут меня опять накрыло: замутило, появилось головокружение, заломило в висках и в позвоночнике, в последний, словно, раскалённый шуруп ввернули рядом с лопаткой. Я выпал из реальности и до меня не сразу дошёл тот факт, что меня уже несколько раз о чём-то спрашивают.

— Что? — стряхнул с себя оцепенение.

— Ты новичок? Давно попал под перезагрузку?

— Перезагрузку? Что это?

— В этом месте давно оказался?

— Перенесло меня два дня назад, — честно признался я. — А ты можешь рассказать, где я и что происходит?

— Потом, пока на вот — глотни, а то тебя с ног валит, — девушка сняла флягу со своего пояса и подала ту мне, при этом тяжёлый автомат удерживала одной рукой с необычной лёгкостью, словно, тот был сделан из пенопласта.

В нос ударил знакомый аромат эликсира, разве что к нему примешивался слабый аромат корицы и чего-то цветочного.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я незнакомку и сделал несколько больших глотков. Свежепринятый эликсир заметно отличался по вкусу от трофейного, в лучшую сторону.

— Всё-всё, хватит. Нектар много пить нельзя. Лучше стало?

Я прислушался к своим ощущениям, потом неуверенно кивнул:

— Вроде бы.

Лучше мне, если честно, не стало — и до этого не так плохо себя чувствовал, если не считать два последних приступа.

— Тогда пошли. Нам вон за ту коробку, — девушка указала на одну из двух надстроек на крыше, по всей видимости, выходы из подъёзов.

На другой стороне крыши находился пост для двух человек. На тонких прутках чуть-чуть выше края парапета была растянута маскировочная сеть под цвет бетона. Под ней стояли два невысоких раскладных стульчика, раскладной низкий столик, на парапете на сошках стояла огромная винтовка с глушителем и массивным прицелом, на треноге в стороне у второго стульчика находился какой-то прибор, похожий на бинокль, безобразно отъевшийся на стероидах, и три ящичка чуть больше коробочки из-под сотового телефона на парапете за границей сети. Вроде бы что-то похожее стояло и там, где я поднимался по лестнице.

На столике стояли две кружки, большой термос и крошечный ноутбук. Один стул был свободен, на втором, рядом с винтовкой, сидела ещё одна девушка, блондинка.

— Сам поднялся сюда, говорит, хотел на месте осмотреться, — сообщила ей моя

конвоирша. — Два дня назад попал в Улей. Раз не обратился, то иммунный, так получается.

Блондинка обернулась, мазнула по мне взглядом и равнодушно отвернулась назад, произнеся пару слов:

— Не иммунный, он заражён.

«Чёртов укус, всё из-за него!».

Брюнетка молниеносно вскинула автомат, направив тот мне в грудь.

— Стоп, стоп! — я отшатнулся к самому краю крыши, выставил руки вперёд, потом понял, что так, запросто спровоцирую на выстрел — пуля столкнёт меня вниз, а на крыше может быть, и не станут пачкать всё вокруг кровью и мозгами, или не захотят возиться с тяжеленным трупом, и присел на корточки. — Я нормальный, просто устал и в шоке от случившегося. Не каждый день доводится в другой мир попасть чуть ли не в пасть зомби и мутантам. Я просто уйду и всё, хорошо?

— Пусть идёт, — сказала блондинка, не оборачиваясь в нашу сторону. — И не стреляй здесь, а то на запах ещё набежит кто.

— Иди, — брюнетка на миллиметр сдвинула ствол автомата в сторону лестницы и вернула оружие тут же на место. — Извини, знакомство не задалось у нас.

Возле лестницы меня опять скрутило. Пришёл в себя от нескольких сильных ударов по щекам.

— Ты скоро обратишься. И так очень долго рассудок сохраняешь, наверное, это из-за нектара, который пил, — брюнетка указала на пустые фляжки, которые так и лежали рядом лестницей (оружие и патроны она забрала сразу).

— Это из-за укуса? Меня позавчера, как только здесь оказался, укусили за руку...кто — не помню, но рана осталась, после этого стал себя плохо чувствовать, — спросил я незнакомку.

— Укус? — удивилась она. — А-а, поняла! Это просто ты принял заражённых, за зомби.

— Разве это не так?

— Не совсем так. Все мы здесь... попей ещё нектара, спасти не спасёт, но немного ещё протянешь и сможем поговорить, а то я так соскучилась по болтовне, что готова с горошником язык почесать, а уж с тобой и вовсе. Я ещё и по сексу соскучилась, — девушка задорно мне подмигнула и провела кончиком языка по губам. — Был бы ты почище, то могли подарить друг другу полчаса приятных ощущений.

— Вот чего мне сейчас больше всего хочется, так это секса, — пробурчал я, на короткий миг оторвавшись от фляги. — А ты сама не боишься заразиться в таком случае?

— Шучу я, неужели сложно понять? — фыркнула она. — Мы все тут заражённые. Только есть простые, вроде тебя, которые быстро теряют рассудок и начинают меняться, и мы — иммунные, у кого вирус в полуспящем состоянии находится. Вроде ослабленных бактерий, которые вводят при прививки от болезни.

Я вернул флягу владелице, посмотрел на лестницу, не удержался от тоскливого вздоха и поинтересовался:

— А шанс есть вылечиться от такой беды? Что это вообще, за место? Как твоя напарница поняла, что я заражён?

— Тише, тише, не части так. Отвечаю по порядку. Шанс есть, но девяносто девяти целым и столько же сотым процента, он не светит. Спасти неимунного от обращения может великий знахарь и белая жемчужина. И то, и то невероятно редко и уж тем более никто не захочет эти ценности тратить на бесполезного новичка вроде тебя. А у неё есть способность

отличать таких, как я от подобных тебе.

— Я очень полезный, правда-правда. А где можно отыскать то или другое?

— Великих знахарей никто не видел в глаза, лично я такого не слышала да и считается он, за что-то вроде местной легенды, как Главный Кластер. Белый жемчуг добывают из... — тут девушка резко прикусила язык. — В общем, и тут тебе не светит ничего.

— Секрет? — криво усмехнулся я.

— Не секрет, суеверие. Некоторые слова нельзя упоминать за пределами стаба, а кое-что и не на всяком стабе стоит озвучивать.

— Типа, накаркать можно?

— Угу, — девушка кивком подтвердила мою догадку.

— А что такое стаб?

— А тебе это нужно? — спросила девушка.

— Напекаешь, что мне пофиг и будущему зомби не пригодятся знания высоких материй?

— Я тебе прямо это говорю, — пожала плечами собеседница. — Случаев, что кто-то из заражённых смог выжить, невероятно мало. В основном везёт тем, кто оказывается на кластерах рядом с научно-исследовательским стабом, там чудачки такие имеются, что им не жаль потратить белую жемчужину. Правда, везение ли это? Потом им приходится отрабатывать такой подарок в виде подопытного кролика во всяческих опытах.

— Далеко до этих учёных? — сделал я стойку.

— Далеко, очень. Расстояние — это ерунда, можно взять машину какую-нибудь в одном из кластеров и с ветерком промчать за полдня. Но как миновать мёртвые кластеры, муров, мутантов и много кого ещё, разрезанные мосты и территории атомитов?

— Понятно, — тяжело вздохнул я. — А как выглядит эта белая жемчужина из Того-чьё-имя-нельзя-произносить?

Девушка хихикнула после моих слов.

— Ух, как завернул. Я запомню обязательно, — сказала она, чем вызвала у меня удивление.

— Это же из Гарри Потера! Не смотрела этот фильм?!

— Не-а, у меня такого не было, а на стабе мало интересных киношек, плюс, не люблю их смотреть, если они не про любовь.

— Если только из нелюбви к фильмам, тогда простительно не знать.

— Ты чем слушаешь, а? Я же сказала — у меня, в моём родном мире такого фильма не было. Ты что-то знаешь про мультиверсум?

— Что-то слышал, но так, не особо, — развёл я руками. — Это связано с множеством параллельных миров, так?

— Почти. Это когда существуют миры похожие друг на друга почти во всём. Например, в ста мирах есть ты. Ты приходишь домой с работы в одно и тоже время, но вот именно сегодня один-Ты задержался на секунду, второй-Ты пришёл на секунду раньше, третий-Ты на половину секунды, четвёртый-Ты пришёл вовремя, но держал свою сумку не в правой, а в левой руке...

— Всё, всё, я понял. Неясно только, как мне это поможет получить жемчуг и понять, что это именно белая жемчужина.

— Обычный жемчуг видел? В ювелирные магазины со своей девушкой ходил хоть раз?

— Ходил, — кивнул я.

— Видел там украшения с жемчугом?

— Видел, — вновь кивнул я. — Получается, эта панацея один в один, как жемчуг из ракушек? Такая же белая, блестящая, круглая?

— Конечно, а каким же ещё может быть жемчуг? Что с тобой? Что смешного я сказала?

— Ничего такого... так, представил, как глотаю серёжку из жемчуга, чтобы спасти свою жизнь. А он очень дорогой? — я едва нашёл в себе силы, чтобы убрать довольную улыбку, когда понял ЧТО весит у меня на шее.

— Очень. Дороже белого жемчуга нет ничего, за одну жемчужину можно купить себе безбедную жизнь в любом, самом лучшем стабе.

— И сколько этой жизни будет?

— Много. В принципе, мы тут бессмертные, болезни нам не грозят, старость не приходит, гибнем от клыков тварей, от пули внешников и муров, от ножа в живот в поножовщине в барах.

— Понятно. Значит, мне нужно найти две жемчужины — одну себе и одну для сладкой вечной жизни. И как правильно нужно принимать это лекарство, если я смогу завалить Того-чьё-имя-нельзя-называть?

— Просто глотаешь. Это споран или горох нельзя так есть, настолько они ядовитые.

— Споран и горох?

— Тот вирус, который подарил нам вечную жизнь без болезней и старости, и который превращает двадцать девять человек из тридцати в тварей, убьёт тебя, если не будешь принимать кое-что. Вот этот нектар сделан из споранов или виноградин, которые растут в голове у тварей.

— Чего?!

Девушка негромко засмеялась и подмигнула:

— А ты что думал? Они едят нас, мы их — вот такая пищевая цепочка. Иначе никак, только мучительная смерть. Не будешь пить нектар, и, сначала у тебя появится слабость, потом боль, которая начнёт расти, пока ни о чём другом думать не можешь, под конец скорчишься и умрёшь в луже мочи и блевотины.

— Кхм... Непривычно слышать такие слова от симпатичной девушки, — признался я.

— Что делать, жизнь такая, что весь прошлый лоск мигом слетает.

— Да уж... слушай, а как готовить этот нектар или его только покупать? Самостоятельно, не сварить?

— Каждый делает сам, в этом ничего сложного нет. Нужно растворить одну виноградину в рюмке с алкоголем, потом залить водой, примерно стакан, после чего профильтровать через ткань от осадка, как раз там весь яд и остаётся. Горох растворяют или в очень крепком алкоголе, но это может занять часы, а можно и в уксусной кислоте, потом, когда закончится реакция, погасить содой и вновь процедить. Алкоголь и уксус встречаются повсеместно, сложность не в этом, а в добыче спорана и гороха. Первые, ещё можно без большого риска получить, а вот за горох можно лишиться головы.

— Я не заметил особой опасности от зомбаков, только мутанты заставили поседеть.

— А виноградин и гороха в простых заражённых и нет совсем. Чтобы созрели эти драгоценные вещички, нужно, чтобы тварь немного изменилась. А горох прорастает в тех, кого ты зовёшь мутантами, — она коснулась своего затылка пальцем, — вот здесь у каждого есть споровой мешок. У меня и у тебя — у тебя временно — это просто крупная родинка. У заражённых она растёт, пока не становится большой шишкой и вот в ней-то и хранятся

споры и горох с жемчугом. Кстати, это и самое слабое место у тварей, даже элитника можно прикончить одним ударом или пулей, если угодить в споровой мешок, вот только чем сильнее тварь становится, тем лучше у неё защита, вплоть до костяных пластин, которые даже пулемётная пуля не берёт. Тут только пушка нужна.

— Нектар делают из всего — споранов, горох и жемчуг в дело идут? — уточнил я.

— Нектар, только из споран, горох нужен для улучшения Дара, а жемчуг, для приобретения Дара.

— А...

— Сейчас, сейчас, не торопи меня. Дар — это особая способность у иммунного. Этих способностей — миллион! Кто-то может прикурить сигарету от пальца, кто-то промчатся стометровку за три-четыре секунды, другие могут столкнуть плечом железнодорожный вагон, или скопировать любую вещь, которая умещается у него в ладони, или видеть вдаль безо всякого бинокля, стрелять без промаха или взглядом сбивать с ног врага, или как у моей напарницы возможность отличать заражённого и иммунного. Перечислять долго слишком. Способность появляется где-то, через неделю после появления в Улье. По правде сказать, у семи человек в каждом десятке это ерунда одна, чтобы поднять её на высокий уровень, нужен горох, который совсем не просто добыть.

— Ульем называют этот мир? А как ты сюда попала? Кто вообще закидывает сюда людей и есть ли тут местные жители?

— Да, мы в Улье. Называют его за соты-кластеры, из которых он состоит. Кластер — часть территории соседнего мира, скопированная со всем содержимым и перенесённая сюда.

— Скопированная? — переспросил я.

— Да. Будь всё иначе, ты бы услышал в своём мире о пропавших городах со всеми своими жителями. Кто забрасывает нас, я не знаю, да и никто не знает. Какой-то феномен в рамках Вселенной, который нам не понять, хотя есть чудачки, которые пытаются.

— Те самые учёные? — догадался я.

— Они самые. Кластеры каждый раз перезагружаются со всем своим содержимым и теми же самыми жителями. Исключения очень незначительны.

— То есть, через какое-то время я опять окажусь в том же месте? — не поверил я. — И в тоже время? Для меня все эти приключения будут сном или я всё забуду?

— Не сон и не амнезия. Да, ты опять посетишь Улей, но это будет просто похожий на тебя человек с твоими же привычками и памятью, но не ты.

— А обратно домой никак? Кто-то же должен был попытаться пройти в тот момент, когда меняется кластер? Вдруг там что-то вроде телепорта возникает?

— Этот вопрос задают все новички и ответ всегда один — нет, нельзя. Обратно из Улья, дороги нет. Идиоты, которые надеются при перезагрузке уйти из Улья, становятся идиотами на самом деле, у них мозги отказывают и ходят они, пуская слюни и сопли с вечной улыбкой на лице, пока какой-нибудь заражённый не слопаёт его.

— Сколько всего кластеров?

— Никто не знает. Тысячи. Миллионы. Кластером может быть и город-миллионник, и небольшой хутор.

— И они постоянно восстанавливаются? — уточнил я. — А как часто? И как понять это, чтобы не стать идиотом?

— Тебе это всё равно не грозит.

— Да хватит уже! — взорвался я. — Хватит напоминать мне о скорой смерти!

Девушка пожалала плечами, мол, от этого не уйти, так чего разной ерундой страдать вроде лживого соболезнавания.

— Некоторые кластеры могут меняться через несколько часов, другие через месяцы и годы, но стандарт, около месяца. Есть стабильные кластеры, которые никогда не перезагружаются. Их называем стабами и вся жизнь в Улье крутится в них. Чаще всего стабы мелкие, крупные встречаются реже и почти всегда заселены.

— Вроде городов?

— Да, это города и есть. Есть нормальные стабы, где можно гулять с мешком жемчуга на плече и никто даже не покусится с алчностью, а есть и такие, где за твоё оружие или штаны с красивой вышивкой могут нож загнать в спину и всем будет на это наплевать.

— А далеко до ближайшего?

— Километров семьдесят в ту сторону, если по прямой, — брюнетка махнула рукой на запад. — Но прямой дороги нет, придётся обходить несколько кластеров, где тварей полно. Ориентиры имеются, но ты не запомнишь, если только написать, но мне лень черкать, я люблю болтать и только. Плюс, муры шалют повсеместно.

— Это кто такие?

— Бандиты. Отморозки, которые за горсть споранов мать родную убьют. Есть мы — рейдеры, и они — муры.

— Я тут видел несколько машин с людьми, их потом беспилотник расстрелял.

— Далеко это случилось?

Я мысленно прикинул пройденное расстояние и назвал тридцать километров.

— Далеко, это хорошо. Так что с этими людьми не так? Здесь многие катаются в составе колонн. Одинокой машине, если это не танк, сложно уцелеть.

— Они были в наколках на тему Ада и Рая с грешниками. Кто навёл беспилотник, я не видел.

Девушка задумалась на несколько секунд, потом неуверенно произнесла:

— Я точно не знаю, могу только догадываться... скорее всего, ты столкнулся с Отрицателями, это такая секта в Улье. В принципе, безопасная, если не лезть в их дела и не мешать. У них бывает бзик, когда срываются с места и катят в центр Улья, вроде как паломничество совершают. А беспилотник, точно внешников был. Удивительно, что они так далеко забрались, нет здесь поблизости кротовьих нор, до границы с их мирами километров четыреста!

— Что, что?

— Внешниками, мы называем иномирян, которые научились открывать проходы в Улей самостоятельно. Нас они люто ненавидят и при случае, всегда уничтожают. Всегда в дыхательных масках ходят, чтобы не подхватить инфекцию. Достаточно, чтобы кто-то из нас, иммунных оказался в их мире и тому придёт хана. Этот вирус, который нас наделяет Дарами, убьёт почти всё население, останется три или четыре процента в живых.

— А вы на кого здесь охотитесь? На тварей, или охраняете свою базу? А как твой стаб называется, сколько до него?

Девушка помолчала, потом решила.

— Ты же видел тот старый коровник? — спросила она. — Мы заметили сверху, что ты подходил к воротам.

— Видел? Но там нет никого, только тухлые кости валяются. Ни одной твари нет и

близко.

— Тебе повезло, что нет, иначе до перерождения не дожил бы. Очень скоро кластер с коровниками уйдёт на перезагрузку. До него осталось часов пять-шесть. Сюда перенесёт целое стадо коров, до которых очень охочи сильные твари.

— Не до людей?

— Нет, — помотала она отрицательно головой, — мы стоим ниже на лестнице по вкусовому предпочтению. Самые лакомые кусочки для них — травоядные животные, которые никогда не перерождаются. Коровы, овцы, козы и так далее. Твари их буквально чувствуют и слетаются на кластер, как пчёлы на мёд. И убивают не всех сразу, не жалуют падаль. Вместо этого на некоторое время оставляют несколько животных живыми. Обычно до пяти сильных тварей приходит, один-два элитника со свитой из горошников.

— Элитники? Горошники? Это по содержимому спорового мешка так называли?

— Да, ты правильно догадался. Из элитников берут жемчуг — черный и красный, и янтарь, это такая мелкая соломка внутри мешка, в ней и находятся жемчужины. Из горошников — горох. Простых заражённых, которые только обратились и мешок ещё не вырос, кличут пустышками.

— А как понять, что приходит время перезагрузки? Или у всех иммунных, что-то вроде шестого чувства появляется на это явление?

— Есть Дар, который позволяет с точностью до часа угадать момент перезагрузки. А тем, кому с таким чувством не повезло, стоит ориентироваться по туману и кислому запаху, идущему от него. Его так и называют — кисляк. Первым делом он скапливается в низинах, потом поднимается вверх и затягивает весь кластер.

— А в тех, кто придёт сюда после перезагрузки, белого жемчуга не будет? Я бы отработал его цену.

— Не будет. Белый жемчуг водится рядом с центром, куда Отрицатели катаются для паломничества. У них чаще всего он и водится.

— Жаль, — искренне вздохнул я.

— Успокойся, всё равно бы никто тебе не дал такую ценность. Белый жемчуг или принимают сразу, пока никто не узнал и не решил отобрать, или прячут на стабе, вроде как золотой фонд хранят, на чёрный день...

Тут из экипировки собеседницы раздался сдвоенный щелчок. Девушка тут же выудила из кармашка куртки наушник и вставила тот в ухо, после чего нажала на крошечную кнопку на клипсе, проводок от которой прятался в одежде, а второй цеплялся к наушнику.

— Тебе пора уходить, время беседы вышло, — сообщила она, выслушав короткое указание по радиостанции. — Я сожалею.

И таким она тоном это произнесла, что у меня всё внутри похолодело.

— Ты... — голос неожиданно сел, из горла вылетел практически сип, — ты убьёшь меня?

— Иди. Быстро!

Как специально, самочувствие и не думало ухудшаться, пока я спускался по лестнице. Так бы свело меня судорогой, и я бы свернул себе шею при падении. Та же смерть, да. Но не так обидно было помереть бы, чем от рук той, с кем почти полчаса вёл нормальную человеческую беседу.

Это ж надо такому случиться — иметь при себе лекарство и быть убитым просто потому, что тебя принимают за заразного. Показывать жемчужину я не стал, хотя была

мысль уточнить — а не ошибаюсь ли я? Понял из разговора, что это такая ценность, за которую меня могут прикончить прямо тут же, наплевав на грязь и запах крови. С таким хабаром, парочка стрелков в юбках свернут свою точку на крыше четырёхэтажки и вернутся в родной стабильный кластер победителями.

Когда спустился вниз, то всё ждал, когда же чужая пуля разнесёт мне макушку. От строения уходил деревянной походкой и ощущением чужого взгляда между лопаток.

Только оказавшись в лесопосадке метрах в трёхстах от четырёхэтажки, понял, что мне опять повезло.

— Не стала стрелять?

— Нет, — взгляд брюнетки виновато вильнул в сторону. — Не смогла. Он хороший, просто не повезло в этой жизни парню.

— А если наведёт на нас тварей раньше времени? Или обернётся и придёт назад по своим следам и с памятью, что тут можно пожить?

— Вот вернётся, тогда и прикончу. А вот так, в спину, после того, как поговорили — не могу.

— Ну-ну, — покачала головой блондинка, — смотри, чтобы нам не пришлось сожалеть о твоей доброте.

Как только ощущение взгляда сквозь снайперский прицел исчезло, я расслабился и буквально рухнул на землю у ближайшей берёзки. Лежал на спине, раскинув руки в стороны и уставившись в голубое небо в прорехах кроны, долго, не меньше десяти минут. И только после этого, окончательно поверив, что смерть от пули временно мне не грозит, полез за тумалом.

Вновь появилось странное чувство тепла и желание съесть жемчужину, едва белый блестящий шарик оказался у меня в руках. На этот раз я не стал ему сопротивляться.

Миг и таблетка жизни мягко скользнула по пищеводу в желудок, где на несколько секунд подарило ощущение приятного огонька. Слегка припекло и тут же ощущение пропало.

И это всё? Я здоров?

Честно говоря, немного разочаровался. Уже морально готовился к тому, что начнёт корёжить, ломать, кожа ползет клочками и выпадут волосы, в общем, всё, как происходит на экране, спасибо — чтоб им всем оказаться в Улье — потугам сценаристов.

Улучшение заметил только через десять минут, которые отмахал в быстром темпе. Обратил внимание, как легко идётся, дышится и даже зрение обрело невиданную чёткость. О головной боли с тошнотой, которые докучали с самого утра, и вовсе позабыл — от них не осталось и следа.

Скорее всего, жемчужина не только исправляла вирус в лучшую сторону, но и мутила разум, выплёскивала столько эндорфинов, что от удовольствия все мои страхи ушли, осталась бесшабашность и молодецкая удаля. Только этим могу оправдать свой следующий поступок.

Резко развернувшись, я направился назад.

Нет, я не собирался вновь примкнуть к паре девушек, засевших с огромной пушкой. Сознавал, что меня прибьют ещё на подходе, посчитав, что обращение состоялось, и я пришёл, возжелав вкусного девичьего мяса. Зато никто не мешал устроиться в стороне, на границе кластеров, и понаблюдать за процессом перезагрузки с последующей охотой на элитную нежить. То есть, тварей, раз вирус их не убивает. Вот, к слову, и объяснение, почему из тех обращенных, прибитых мной на окраине деревеньки, текла почти нормальная (разве что чуть-чуть темнее — считай, одна венозная, без грамма артериальной) кровь.

Ждать пришлось очень долго. Только вечером появился густой туман, окутавший фермерское хозяйство. Висел он около часа, а потом в мутной пелене резко вспыхнули фонари, раздалось мычание множества коров, стрекотание мощного бензогенератора.

Никаких особых спецэффектов я не заметил и если бы не видел ранее, что коровники были пусты, даже мертвы, и появился здесь только сейчас, то разницы между первым вариантом и после перезагрузки, не увидел. Подумаешь, сначала темно и тихо было, просто, пришло время кормления-доения, вот и врубили генератор, и началась суета.

Да уж, простенько всё, прям как с чудо-таблеткой!

И опять мне пришлось ждать, мучаясь от голода и жажды. Хорошо, что к эликсиру или нектару, как называла его брюнетка, не тянуло.

Через три часа не вытерпел и тихонечко отбежал к луже, замеченной ещё по светлому времени суток. Раз уж мне теперь никакие болезни не грозят, то можно спокойно пить и не

бояться дизентерии.

Черпал воду ладонями, сложенными ковшиком и старался не обращать внимания на глинистый привкус.

Напившись, я только хотел встать с колен на ноги, как в совсем рядом раздался знакомый горловой звук и шум тяжёлых шагов.

«Вот я попал!», — мысленно охнул я и медленно растянулся на земле, рядом с той лужей, из которой только что пил.

По звукам, которые до меня доносились, в сторону коровника ушли три крупных твари.

Десять минут я лежал и боялся пошевелиться, потом, успокоенный тишиной и подзуживаемый любопытством, поднялся на четвереньки, следом на ноги и медленно двинулся на прежнюю лёжку.

На подходе я услышал истошный человеческий крик, от которого у меня мороз по коже прошёл. За ним заорали коровы, чьё мычание, полное ужаса, добавило мурашек по телу. Несколько мгновений мешкал, борясь с собой и желая удрать подальше от места, где такое происходит.

Победил разум... нет, я не ушёл, как можно было подумать, наоборот, остался. Раз уж столько времени потерял и дождался выполнения двух пунктов своего плана — перезагрузку и приход тварей, то стоит посмотреть и на то, как таких монстров уничтожают. Да и привычки заражённых стоит изучить, если получится.

Эйфория давным-давно ушла из тела, на её место пришла усталость, желание завалиться куда-то и поспать часиков надцать, а ещё поесть и попить хорошей минералки, смыть вкус земли, тины и глины, которые с ночи ощущаются во рту.

Лишь после десяти часов я смог увидеть всех троих супермонстров, которые пришли ночью к коровнику.

Один — самый огромный, ростом даже больше увиденного однажды на автозаправке, поражал количеством костяных пластин на теле и буграми сухожилий и мышц. Руки болтались на уровне лодыжек, которыми он постоянно помогал себе при ходьбе. Из-за огромного горба, постоянно ходил согнувшись. Из позвонков выросли толстые, десятисантиметровые шипы, ступни раздались во все стороны. Превратившись чуть ли не в ласты или даже лыжи, если смотреть на толщину, а пятка обзавелась загнутой вверх шпорой больше двадцати сантиметров. Голова была похожа на маленький чемодан, в бытность свою бывший круглым шаром, но после потуг вандалов превратил в куб, замер где-то посередине между этих двух форм. Где там мог прятаться мозг — не знаю, челюсти начинались, чуть ли не на затылке. Морда вытянутая, с торчащими вверх и вниз крупными кинжалами-зубами с мой указательный палец толщиной. Довершали украшение тела множество небольших шипов, тесно росших от запястья до локтя, образуя что-то похожее на пилу.

Два прочих монстра, были намного проще. Никаких шипов и костяной брони, так, на самых уязвимых местах что-то виднелось, но не понять: то ли участки грубой утолщенной кожи, то ли проглядывают пластины будущей костяной брони. Пасти — не чемоданы совсем, хотя зубы почти не уступают тем, что торчат у старшего собрата. Шпор нет, но ноги превратились во что-то вроде копыт, кость затянула всё от кончиков пальцев до колена.

В коровнике раздалось мычание, грохот и истошный вой, потом из ворот вышла туша супермутанта, который волок корову с разорванным брюхом, из которого тянулись толстые серые кишки.

Животное было ещё живым, когда монстр приступил к трапезе. Рядом с ним ждали

своей очереди пара его сопровождающих, свита.

Рассматривая тварей, я начал понимать, как мне повезло, что столкнулся с псевдокабаном, а не кем-то из них. Даже один из свиты супера, уже оказался бы неодолимым противником для меня, вооружённого пистолетом с экспансивными пулями и уменьшенной навеской пороха в патронах.

Охотницы проявили себя в тот момент, когда супермутант наелся, сожрав половину немаленькой коровьей туши и отвалил в сторону. К мясу мгновение спустя рванули мелкие и забыли обо всём на свете, погрузив свои уродливые бошки в требуху.

Сначала я увидел, как сильно дёрнулся супер, как его горб буквально взорвался костяными осколками, чёрной кровью и кусочками плоти. И только секунду спустя после этого до меня донёсся едва слышимый хлопок выстрела.

Мутант, почти упавший на землю, быстро вскочил на ноги, почти встал на цыпочки настолько вытянулся вверх. И тут же рухнул на землю после второй пули, попавшей в уголок челюсти с левой стороны головы.

Третью пулю стрелок всадил по дёргающемуся телу на земле.

И только сейчас отвлеклись от трапезы свитские, заметившие, что супер попал в переделку.

Первый только успел оставить в покое мясо и подняться в полный рост, как пуля попала ему в лицо. От мощного удара голова твари запрокинулась назад, даже горб не помешал. Получив такой смачный поцелуй, монстр отлетел к стене коровника и там забился в судорогах.

Второй с места прыгнул на крышу коровника, разнёс несколько кусков шифера и с трудом устоял на стропилах. Всего лишь несколько мгновений балансировал, лоя равновесие, чтобы сделать второй прыжок и оказаться на другой стороне коровника. Но этих мгновений хватило снайперу, чтобы вогнать пулю ему в горб рядом с затылком. Тварь после этого рухнула на крышу и с громким треском лопающегося шифера и ломаемых досок упала внутрь коровника.

И опять супер поднялся с земли. На этот раз решил передвигаться на четвереньках. Двигался быстро, но стрелок на крыше четырёхэтажки оказался немного быстрее. Две пули с ничтожной паузой попали в горб и голову, выбивая фонтанчики крови, плоти и костей.

Всё — конец.

Супермутант свалился в траву и больше уже не поднялся. Только ноги быстро-быстро дёргались, срывая дёрн пластами. В стороне, у стены коровника, почти так же билась в агонии вторая тварь. А из самого коровника несся слитный рёв ужаса обезумевших животных, потом раздался какой-то хруст и стук и следом сквозь разломанные супером ворота на улицу вылетели несколько чёрно-белых крупных бурёнок с пятнами крови на боках.

Смотреть дальше мне расхотелось. Да и смысла больше не было — охота закончилась полной победой охотников. Для себя же я уяснил, что против таких тварей нужна пушка с великанским калибром и при этом тихая, чтобы успеть сделать несколько выстрелов и остаться незамеченным, плюс, не раскрыть себя на всю округу грохотом выстрелов, поразив одну цель и наведя на себя десяток.

И ещё одно — на таких тварей даже и не стоит думать охотиться, не мой уровень.

Чтобы свести все риски встречи с тварями, я забрался в такую глушь, что попросту

заблудился. Пытался ориентироваться по солнцу, но не силен я в этом и лишь с закатом определился со сторонами света. К этому времени у меня кишка на кишку шла войной, сообщая окрестным зарослям громким рыком о желании хоть что-то получить внутрь съестного.

Дважды выходил на поляны с какими-то ягодами, красные с плоской косточкой и водянистые. С каждой поляны собрал по литру, никак не меньше, но чувство голода не утолил ни на грамм. Вот жажда не мучила совсем благодаря множеству ручейков и ключей в лесу. Считаю, в каждом овражке, бочажке из-под земли сочилась вода.

Лес закончился на берегу неширокой речке с быстрым течением. Здесь я отмылся, как смог простирал одежду и обзавёлся чуть более лучшим оружием, чем имел. До этого держал при себе метровую дубинку из сломанного молодого деревца. Сейчас же сделал кистень из кремнёвого окатыша с дыркой в середине, шнурка от штанов сектанта, который лежал в кармане и короткой прочной палки, в качестве рукоятки. Каменное било было размером в полтора моих кулака, а весь кистень в длину от камня до кончика рукоятки, сантиметров девяносто.

Несколько раз взмахнул новым оружием, ударил по дереву и решил, что сойдёт, чтобы навестить один из маленьких кластеров — деревню или посёлок, и там разжиться чем-то более стоящим. Пусть не ружьём, но топор или вилы, та же коса перевязанная лезвием вперёд, вполне сгодится.

Но ружьё, всё же, лучше.

Ночевал в глубокой яме-выворотне оставшейся от упавшего могучего дуба. Подстелил охапку веток, накидал в округе побольше хвороста для примитивной сигнализации и завалился спать.

Несмотря на голод, отрубился очень быстро и проспал без сновидений до самого рассвета. Только утренняя прохлада и густой туман со стороны речки, заползший в мою берлогу, заставили проснуться, иначе спал бы да спал.

Никакого завтрака, моциона и гигиены — глаза открыл, потянулся с хрустом, потом взял в руку кистень и торопливо, чтобы согреться, потопал вперёд.

Ещё до полудня речушка, вдоль которой я шёл, привела меня к небольшой деревушке с покосившимися старыми домами. Среди трёх десятков построек, только четыре выделялись в лучшую сторону, остальные, казалось, ровесники революции. У некоторых домов брёвна в срубе сгнили настолько, что из них сыпалась труха. Крыши были покрыты настолько старым шифером, что он был чёрен, как смола и сильно зарос мхом. Окна крошечные для сбережения тепла, по размерам чуть больше, чем современные форточки.

При взгляде на это поселение у меня появились сомнения, что я смогу тут разжиться огнестрельным оружием. Разве только у какого-то деда на сеновале под полом, обрез «смерть председателю» спрятан.

Первым навестил самый богатый и новый дом, построенный из клееного бруса. Участок рядом с ним был обнесён забором из металлических пластин, выкрашенных тёмно-красной краской. Никаких грядок с огурцами, помидорами и прочими деревенскими дарами, я не нашёл, вместо них почти вся территория была засажена газонной травкой. Вместо яблонь и слив с вишнями росли кусты можжевельника, туевики и карликовые сосны.

По дорожке из тротуарной плитки, я дошёл до входной двери, на которой была наклеена блестящая пластинка с надписью «Черепаша». Судя по массивности и толщине стального листа, окрашенного молотковой коричневой краской, производитель подразумевал, что ее

прочность сравнима с панцирем животного.

Для успокоения совести я подергал за ручку, убедился, что та заблокирована замком и направился вокруг дома, высматривая удобное место для проникновения. На первом этаже везде стояли решётки, ажурные и тонкие, поставленные больше для красоты, чем защиты. Но даже такая преграда была для меня неодолима без мало-мальского инструмента.

Выход нашёлся быстро: по одной из решёток я забрался на плоскую крышу крылечка, а с него попал внутрь дома, разбив ближайшее окно на втором этаже. Стеклопакет сдался после первого же удара кистеня. После чего мне оставалось просунуть руку в прореху, нащупать ручку и распахнуть створку.

Внутри пахло пылью и особенно сильно мышами. Этот запах я не спутаю ни с чем, уж слишком часто бывал на дачах и загородных сезонных домиках. Без хозяев, они миглом населяются серыми воришками, для которых нет понятия туалета, а есть — где приспичило, там и облегчилась.

Кухня была пуста. Ни крупинки, ни щепотки соли или сахара, зато хватает дорогой техники. Здесь я обзавёлся тяжёлым кухонным тесаком с изогнутым лезвием. Интересно, а сколько этот холодное оружие мне прослужит? Первый свой нож я потерял, когда стали бить судороги, и я начал спотыкаться и падать, в один из таких моментов и уронил его, ещё повезло, что не проткнул себе бок при этом. Следующие два ножа отобрали дамочки-снайпера.

В зале стоял огромный плазменный телевизор незнакомой фирмы и шикарнейшая стереосистема. На журнальном столике из калёного стекла расположился ноутбук. Севший, к сожалению.

В соседней комнате стояла разложенная тахта и большая беговая дорожка, при виде последней я мысленно покрутил пальцем у виска: вот чудачки, тут такая природа, а они гоняют в помещении, вместо того, чтобы дышать свежим воздухом на лесной тропинке или вдоль речки.

Вторая комната оказалась спальней, и здесь мне повезло подобрать одежду. Обзавёлся коричневыми джинсами из плотной материи, широким кожаным чёрным ремнём, чёрной футболкой с длинными рукавами и большой англоязычной надписью из трёх слов на груди и спине и лёгкую куртку из прочной материи и шёлковой подкладкой цвета хаки с кучей карманов.

С обувью, всё было намного хуже — ничего подходящего своего размера не отыскал и близко. Осмотрев двухэтажный коттедж от крыши до основания, я навестил следующий. Здесь я получил ценный подарок — колун на длинной ручке из фибергласа марки «Матрикс». Очень лёгкий, чуть больше двух килограмм и удобный. Длинная ручка позволит и мах сделать хороший, вложив побольше сил, и удержать противника на расстоянии. Лезвие толстое и неширокое, как раз, чтобы раскалывать твёрдые породы древесины и не застревать в той. Сгодится и против черепов заражённых. Не понравился только кричащий, ядовито-красный цвет ручки, который издали будет виден.

Нашёл два фонаря, один работал от подзаряжаемого аккумулятора, второй от двух пальчиковых батареек. И первый, и второй были полностью разряжены, но если из-за отсутствия электричества я не мог зарядить один, то вот ко второму нашёл батарейки — попросту вынул из часов, которые продолжали тикать, как ни в чём ни бывало. Светодиод в фонаре, правда, светил тускло на этих полусевших элементах питания, но хоть что-то.

Продуктов и здесь не было.

Третий дом выбрал из «старичков», присмотрев самый обжитый и наиболее ухоженный, чтобы не нарваться на жильё алкаша, у которого только основой для эликсира можно разжиться, да и то не факт.

Топор легко справился со старой филенчатой дверью, потом со следующей, ведущей с терраски в дом. И вот там я и столкнулся с первым заражённым, в этой деревне. В темноте не сразу увидел движение на полу. Но когда почувствовал, как кто-то ухватил меня за ногу, от страха подскочил так, что ударился макушкой о низкий потолок. Наугад махнул топором, вырвал ногу из захвата и вылетел пулей обратно на улицу. Там поднял топор над головой и принялся ждать противника.

Пока дождался, успел немного успокоиться, и когда через порожек перевалилось... нечто, только сплюнул от досады: мараться об ЭТО? Да к чёрту. Под перезагрузку попал хозяин дома (то-то двери изнутри были на задвижку закрыты, я это заметил, но не придавал значения в азарте и от голода) — плюгавый старичок, лет восьмидесяти. После обращения он ссохся ещё сильнее и почти полностью потерял силы. Только и мог, что с трудом передвигаться ползком, кое-как цепляясь руками и отталкиваясь пятками.

Я даже не стал пачкать свой новенький топор, просто обошёл это слегка порывивающее существо, ухватил за щиколотку и вытащил за калитку.

При тусклом свете фонаря провёл инвентаризацию дома. Из минусов — неприятный запах старого туалета, тухлой еды и плесени, много углов, гора мебели — кресла, диван, кровать, четыре стола и больше десятка стульев с табуретами, о которые я постоянно спотыкался и натыкался в процессе поиска. Из плюсов — куча долгохранящихся продуктов и старая курковка шестнадцатого калибра с десятком патронов. Ружьё, к слову, оказалось непростым. Им оказался настоящий довоенный «зауэр», который мечтают заполучить многие коллекционеры в старом мире.

Обратившийся старичок наградил меня горой круп, макарон, целой упаковкой соли, а это двенадцать килограмм, пятью трёхлитровыми банками сахара и тремя с растительным маслом, две картонные коробки с яичной лапшой и штук сто жестяных банок с тушёным мясом, сардиной, килькой, фасолью, кашей с мясом.

Куда столько одному пожилому человеку, ума не приложу. Разве что списать на привычку пожилых людей всегда иметь запасы на чёрный день, на войну, на революцию, на голод и так далее. Зато теперь, я от голода не умру точно.

Все продукты находились в крошечной кладовке с рядами полок из крашеных досок вдоль стен. Одна из полок, выделялась даже при свете фонаря. Или выделялась именно в свете фонаря. Как-то так.

Заинтересовавшись, я пошатал её из стороны в сторону и совсем не удивился, когда легко слезла со стены вместе с металлическими уголками, на которых держалась. За полкой пряталась ниша с большим кинжалом и наганом! Кроме оружия там лежала банка из толстой жести из-под советских леденцов.

Оружие выглядело не очень: воронение на револьвере местами сошло полностью, и там появились рыжие пятна, лезвие кинжала было изрыто мелкими кавернами и тоже имело налёт ржавчины. В коробочке нашлись четырнадцать патронов.

— Вот тебе и смерть председателя, — покачал я головой, вертя в руках наган. — Ещё бы вспомнить, как им управляться.

Про наган я знал хорошо только анекдот, да и тот не дословно. А этот ко всему прочему сильно отличался от виденных на Земле. Первое отличие — длинный ствол. Раза в полтора

больше, чем на образце, с которым мне доводилось иметь дело. Следующее — крохотные патрончики, в которых я опознал знакомые по тире и ТОЗ-17 малокалиберные патроны калибра 5,6 миллиметров. В барабане нагана были вставлены втулки, которые заметно выделялись. Но вот зачем это было нужно делать, чем не устраивал владельца оригинальный мощный патрон? Или переделка не кустарная? На левой стороне рукояти рядом с полустёртым клеймом звезды с трудом разобрал примерный год выпуска, то ли двадцать-какой-то, то ли тридцать-с-чем-то прошлого века.

Кинжалом оказался немецкий штык времён войны с варварски сточенными элементами для крепления к винтовке. Ещё одна жемчужина для коллекции.

Продукты покидал в мешок из холстины с матерчатыми завязками, револьвер убрал в карман куртки. В соседний высыпал патроны, вставил два латунных патрона (ещё бы знать, с чем они и насколько работоспособны) в ружьё, которое повесил на плечо. В левую руку взял мешок, в правую топор, кинжал, чуть ранее, сунул за пояс.

Перекус устроил в коттедже, осмотренном самым первым. Там имелся большой камин и запас дров рядом, а на кухне чистые кастрюльки из толстой нержавеющей стали, одну из которых можно будет поставить на угли или повесить на вертел, если смогу соорудить его из чего-то.

Пообедал супом, который провалился в желудок, как в бездну. После стольких дней сухомятки и голодовки, горячее сморило меня на месте. Прямо там же у камина и уснул.

Проснулся как заново рождённым — ни боли, ни мути в голове, ни жажды и голода. Хотя, нет — кушать хотелось.

Суп в кастрюльке, подвешенной на цепочке на кочергу, в камине частью испарился, но зато оставался горячим и после томления приобрел неповторимый и сногшибательный вкус и аромат. А ведь я далеко не повар и при готовке блюда просто побросал в кастрюлю тушёнку, рис, фасоль из банки, сыпанул приправ, которые единственные из съестного лежали на кухне в котедже и совсем не заинтересовали мышей.

Перед тем, как выходить, посмотрел в окна со второго этажа. И сразу увидел комитет по встрече — у калитки ворочался в пыли знакомый старичок, рядом с ним стояли два бесштаных индивидуума с сильно изменившимися чертами лица. Да и руки обзавелись уже настоящими животными когтями.

Первой мыслью было достать ружьё и свалить всех троих из окна. Потом передумал, взяла опаска, что на шум могут примчаться супермутанты или кто-то из их свиты. В этом доме окна большие, сквозь любое может даже носорог протиснуться. А решётки... про них и говорить нечего — декоративный хлам для защиты от деревенского Ваньки-алкаша. Так что, лучше обойтись без шума. Но и совсем без огнестрельного оружия идти на разборку с тварями было страшно, поэтому в карман куртки положил наган.

Отоспавшись, я сумел вспомнить процесс зарядки данного револьвера через боковое окошко и проворачивание барабана в бок после каждого вложенного в гнездо патрона. Теперь остаётся надеяться, что патроны не «скисли» за столько-то лет и «мелкашка» с близкого расстояния станет смертоносной.

На руки намотал толстые махровые полотенца, порезанные острым кухонным ножом на ленты. Шею прикрыл шарфом из гардероба, а голову ушанкой, завязав её под подбородком. Жарковато и слегка оглох, но так безопаснее.

Перед тем, как выйти на улицу чрез дверь, которая легко раскрывалась изнутри без ключа, в последний раз подумал, не совершаю ли я глупость? Можно перестрелять уродов или выйти из дома через окно на противоположной стороне, прикрывшись строением от их глаз. И одновременно с этим я хотел проверить свои силы. Ведь это простые, самые простые твари, из мутантов Улья! Должен же я знать, что ожидать от них и от себя, смогу или нет справиться с похожими созданиями, если опять останусь без оружия? Во мне метр девяносто и было до переноса сто килограмм мышц с капелькой жирка, а в моих будущих противниках и ста восьмидесяти не наберётся, а по весу едва на семьдесят выглядят.

— Ладно, хватит рефлексировать, — нервно проговорил я, стоя перед порогом. — Тварь я дрожащая ли право имею... тьфу, фиговы классики, вас бы в такую ситуацию.

И тут же пришла в голову мысль: не бродит ли где-нибудь по Улью далеко-далеко Достоевский, Пушкин и прочие выдающиеся писатели? Сталин и Гитлер, Македонский и прочие. Может быть, где-то есть кластеры, стабы, где в замке закрепились рыцари и инквизиторы, сжигающие в кострах всех заражённых, а на элитников ходят в поход за славой, как на драконов из легенд. И там же маги — те самые иммунные с Даром, о которых мне рассказала брюнетка на крыше.

— Да ну нафиг! — почти взвыл я от хоровода нелепых мыслей. Тут скоро чужие головы крушить в рукопашной предстоит, а в собственную, в данный момент, всяческая чепуха лезет.

Как только я оказался на крыльце, так парочка голозадых тварей мигом оживилась и громко заурчали. Потом друг за другом полезли через забор, а я сделал несколько шагов вперёд, чтобы иметь место для замаха.

Первый мутант тут же сорвался назад, когда тонкие пластины согнулись под его весом, а второй оказался ловчее и очень прытким. Настолько, что заставил меня пожалеть о своём поступке выйти с топором и револьвером в кармане, а не с ружьём в руках.

От меня до забора было метров двадцать, которые заражённый преодолел за две-три секунды.

За четыре метра до меня он сделал огромный прыжок и буквально распластался в воздухе, протягивая ко мне жёлтые когти.

Хрясь!

Топор ударил тварь в левое ухо и там застрял. Через мгновение противник пролетел мимо, обдав ветерком и зловонием, и рухнул на землю за моей спиной, при этом лишив меня оружия.

— Сука!

Второй голозадый уже бежал ко мне и почти на той же дистанции повторил манёвр своего товарища. В последний момент я успел отшатнуться, ухватить за грязные остатки рубашки и отправить в сторону раненого упыря, который пытался подняться на четвереньки с топором в голове.

Выгадав несколько секунд передышки, я вытащил из кармана наган и направил тот в грудь мутанту, который уже успел вскочить на ноги и развернуться в мою сторону.

Попытался выстрелить и не смог — спусковой крючок смещался, но выстрела не происходило. Вспомнил про курок, щёлкнул им и вновь надавил на спуск — осечка. Плюнув на это, я бросил в противника револьвером.

Оружие разбило тому нос, но атаку даже на мгновение не замедлило. Через долю секунды он врезался в меня. Зубами вцепился в левое предплечье, которое я выставил ему навстречу, правой лапой начал рвать куртку напротив сердца, а левой чуть не угодил в лицо. Только чудом успел перехватить когтистую конечность за запястье и отвести в сторону, загибая от себя в болевом приёме.

Он давил, я держался.

Развернувшись в бок и отступив на полшага назад, я рывком вернулся в прежнее положение и вбивая ребро стопы в колено мутанта. Захрустела кость, чужая нога искривилась, ещё сильнее, потом хруст буквально оглушил — как сухая доска сломалась, со звуком выстрела! Нижняя конечность мутанта сложилась вбок, тварь не удержалась и стала завалиться назад, но меня не отпустила — намертво вцепилась, зараза.

При падении я окончательно завернул захваченную руку и сломал, как ногу до этого.

Но даже получив две тяжелейшие травмы, мутант продолжал сосредоточено грызть полотенце и царапать куртку.

— Да отцепись ты... нахрен иди! — прорычал я ему в лицо и сдавил чужой кадык пальцами. Ощутил грубую непривычную кожу, шершавую, словно, намозоленная ладонь, а не самое нежное место.

Твари было плевать и на это, только урчание почти полностью исчезло.

Выпустив шею, я ткнул пальцем в глаз... ещё сильнее... ещё... под ногтем хлопнуло, потом из глазницы полезла слизь, и остатки деформированного глаза... что-то захрустело, звук передался через ноготь чуть ли не в барабанные перепонки, заставив содрогнуться от омерзения.

Рёбра ошпарила острая боль — прорвал, таки, куртку и шёлковую подкладку, которую и ножом-то порезать непросто, гадёныш.

— Сдохни!!!

Палец нащупал кость, сместился чуть в сторону, потом погрузился во что-то мягкое... глубже... ещё дальше. Тело подо мной внезапно забилося в судорогах, хватка ослабла и через секунду пропала совсем.

Освободившись от зубов, я откатился в сторону и быстро поднялся на ноги.

Оценил обстановку: один бьётся в конвульсиях, второй с завидной постоянностью пытается подняться на ноги, не обращая внимания на топор в черепе, и постоянно падает обратно на землю.

А за забором урчит старикашка, пытаюсь перебраться ко мне, и где-то в стороне ему отвечает ещё парочка мутантов.

Сражаться в рукопашную мне как-то резко расхотелось, и когда рядом с домом появились очередные две измененные фигуры, я держал в руках ружьё с взведёнными курками.

Эта парочка не отличалась особой прытью, поэтому, наверное, и появились поздно. На грязных телах сохранилась одежда, и даже штаны у одного имелись.

Я прицелился в голову, подпустил первого на десять метров и спустил курок. Из ствола вылетел клуб белого дыма и чуть ли не факел огня, приклад чувствительно толкнул в плечо. Тут же сделал шаг в сторону, чтобы облако дыма не мешало видеть.

Подстреленный, лежал на земле без движения с раскрытой головой. В патроне была либо пуля, либо дробь в контейнере, которая на таком расстоянии не успела разлететься и единой массой влетела в цель.

На втором мутанте у меня вышла осечка, а тот в двух метрах от меня, совершил неожиданно быстрый рывок, двигаясь ничуть не медленнее первой парочки, зарубленной топором.

Встретил его прямым ударом ноги в живот и после того как оттолкнул назад, перехватил ружьё за тёплые стволы и разнёс прикладом череп твари. К сожалению, вместе с мозгами на землю полетела и часть оружия. Старенькое оружие не выдержало такого отношения и сломалось — переломился приклад в шейке.

— Тьфу ты! — в сердцах сплюнул я на землю. — Да что ты будешь делать!

Не везёт мне с оружием в этом мире, ну, просто катастрофически не везёт.

Видимо, на выстрел или на урчание старикашки, к дому подошли ещё четыре твари. Одна была резкая, резче первой парочки и пришлось постараться, чтобы её прикончить. В итоге я получил две глубоких царапины на шее, а тварь полностью лишилась головы.

Разобравшись с оставшейся троицей, буквально осатанев от боли в ранах, я изрубил в куски урчащего, ползающего по земле, старика-мутанта.

Больше нежелательных гостей не было.

После кровавой бойни мне опять пришлось переодеваться. Ничего неприметного из одежды не осталось, так что пришлось после помывки в бочке с дождевой водой и перевязки кусками простыни, надевать ярко-синие джинсы и клетчатую светло-серую рубашку.

Возможно, в остальных домах деревеньки и лежит подходящая одежда, которая полностью устроит меня цветом и фасоном, но у меня больше не было желания оставаться здесь дольше необходимого. Даже возможность разжиться новым ружьём, не могла заставить это сделать.

К слову, ружьё я выбрасывать не стал, решил сделать из него обрез, но позже, когда набреду на место, где смогу разжиться «болгаркой». Из курковок, обрезы получаются — милое дело, безопасность гарантируется на сто процентов. Это не современные ружья, где сдвижной предохранитель может стронуться случайным образом. А вот такую штуку можно хоть за пазухой хранить, если одежда просторная и позволяет это, хоть за поясом или даже в рукаве. Максимум, что может случиться — зацепится курками за ткань, но при должной сноровке, этой неприятности легко избежать.

Продукты, воду, ружье с патронами, я сложил в большую хозяйственную сумку, к которой привязал брезентовый ремень, чтобы можно было повесить на плечо. Из толстой алюминиевой проволоки сделал кольцо, получились ножны для кинжала, сбоку за пояс сунул револьвер, так неприятно подведший меня. Позже нужно будет разобраться в причине осечки. На правое плечо положил топор, с которым у меня лучше всего получается разбираться с тварями. На обух бы наварить штырь какой, чтобы пробивать черепа без напряжения, вроде того, что имели на клевцах воины в средневековье.

Когда покинул дом, нагруженный как ишак, то понял, как ко мне сбежались мутанты, по какой причине, то есть, ведь не настолько и громко урчал старикан, мало того, он мордой в землю утыкался постоянно, ну какая тут громкость? А всё дело в дыме.

Точнее, запахе дыма из каминной трубы. Специально ведь выбирал самые сухие дубовые полешки, от которых дыма не видно, лишь дрожащее марево можно заметить, если приглядеться к дымоходу. А вот про запах я и не подумал совсем. Решил, что после перерождения, твари приобретают силу и ловкость вместо мозгов, а нюх остаётся прежним, человеческим. А оно вон как вышло. Дымок из трубы поднимался вверх, а потом через сотню метров остывал и опускался к земле, начинал стелиться по ней, потом добрался до чутких ноздрей тварей и они тут как тут — нарисовались, фиг сотрёшь.

Повезло мне, что суперов в деревеньке не оказалось, или ушли, или тут изначально не было их.

Будет мне наука на будущее.

Теперь костры не жечь никогда или от великой нужды, когда что так, что эдак меньше угрозы жизни не будет. С готовкой тоже стоит поостеречься, ведь запах жареного мяса, готовящегося супа, разогреваемой каши, слышен далеко. А уж от всяческих парфюмерных ароматов и вовсе стоит держаться так далеко, насколько это возможно. Радует, что не курю, иначе не могу себе представить, как боролся бы с никотиновой ломкой. По слухам из прошлой жизни, чуткий человеческий нос может уловить запах дымящегося табака до полукилометра. Если это правда, то мутанты унюхают и с километра и даже с двух.

М-да... сочувствую я тем курильщикам, кто попал в этот мир.

Двигался, как и прежде, вдоль речушки.

Через несколько часов она вывела меня к большой реке, за которой на другом берегу виднелись многоэтажные дома очередного города. Чтобы переправиться на ту сторону, пришлось пройти километр по берегу, прежде чем наткнулся на базу отдыха — насыпной пляж, зонтики и лежаки под ними. Большой причал в стороне, явно для парома или прогулочного большого катера, ещё один причал поменьше, на котором были пристёгнуты цепями две моторки, тут же длиннющая «колбаса» и несколько водных велосипедов.

Ни людей, ни мутантов на пляже не увидел и рискнул подойти к причалу.

С моторками связываться не стал — не моё, не умею я пользоваться лодочными моторами, только видел со стороны, как их запускали. Процесс схож чем-то с запуском бензогенератора или мотокося. Отказался не столько из-за неумения — две лодки имеются, тренируйся сколько влезет, даже если один мотор накроется, на втором всегда можно учесть предыдущие ошибки — из-за шума, который издают эти девайсы.

Уж лучше я потихонечку вёслами или педалями поработаю, чем приманю к себе очередного супера. И не дай бог им окажется речной! На земле хотя бы призрачные шансы есть убежать или отмахаться, в воде же, ни единого.

Стараясь действовать тихо, скovyрнул ушко под цепь с одного из речных велосипедов. Сильно изуродовал при этом аппарат, но мне его назад владельцу не сдавать, а доплыть, и на таком сумею, дыра в пластмассе в надводной части на ходовые качества и непотопляемость, не сказывается.

Из-за течения, которое отнесло меня ощутимо вниз на неудобном плавательном средстве, до города пришлось добираться около часа. Сначала по берегу, так как более удобной дороги поблизости не было, а потом по найденной тропинке, ведущей в сторону города.

И там, на тропинке, я впервые столкнулся с нормальными людьми в этом мире. Нормальные, это значит, что они не захотели попробовать меня на вкус и не вели разговор, рассматривая через ружейную мушку.

Первым эту парочку заметил я, сказала привычка последних дней всё время быть начеку. Прятаться за любым кустом и ходить на открытой местности, полусогнувшись.

Двое мужчин лет сорока в светлых рубашках с короткими рукавами, один в длинных ярких шортах, второй в светлых лёгких штанах на шнуровке, оба в сланцах и с головными уборами — кепке с широким козырьком и соломенной шляпке с длинным шнурком, спускающимися на грудь. На плече у каждого болтался чехол с удочками, на другом плече складной стульчик и узкое цилиндрическое ведро с крышкой.

Спокойно шли и о чём-то болтали, пока не заметили меня впереди с топором в руках.

Несколько минут мы смотрели друг на друга, не зная, что ожидать от такой встречи.

Первым заговорил я:

— Привет, мужики! А что это за место? Это стаб, да?

— Это Шерстинск, парень, — после короткой паузы ответил тот, что красовался в шортах и выглядел постарше. — Ты бы не пугал народ топором, и так странностей хватает и у всех нервы на взводе. Примут тебя менты с ним и пришьют ношение холодняка.

— Это хозбыт! — тут же возмутился я. — И почему мне нельзя носить топор с собой? Как мне тогда до вас через тварей добираться? Или скажут прятать в кустах перед въездом?

— Каких тварей?

— Ты о чём?

Я растерялся, не знал, то ли они серьёзно, то ли шутят так надо мной, опознав новичка в Улье.

— Ну, этих... заражённых, элитников всяческих, горошников и пустышек. Разве не так? Мне одна девчонка рассказала про них, — ответил я.

Тот, что был в штанах, что-то хотел сказать или спросить. Но его товарищ дёрнул за край рубашки, что-то произнёс тому на ухо, заставляя примолкнуть. После этого обратился ко мне:

— Не знаю, что там тебе эта девчонка наплела, но ни я, ни приятель, ни о каких заражённых не слышал. Ты в город сходи, в райотдел обратись или сразу в администрацию. Вроде как они с самого утра там совещаются, все шишки в красном доме сидят. А мы не в курсах, нам кроме рыбалки не нужно ничего.

— А-а...

— Иди туда, — не дал мне и слова произнести всё тот же мужик и махнул рукой себе за спину. — Там всё объяснят. Только приberi в сумку топорик свой и дырокол, а то точно упрячут в кутузку до выяснения, не любят менты такое выпячивание.

— Спасибо, — на автомате кивнул я, благодаря за совет. — Значит, тварей тут нет?

— Нет, нету. Никаких тварей никто тут отродясь не видел.

Обошли мы друг друга по кругу: я принял влево, сходя с тропинки, а пара рыбаков ушла вправо, придерживаясь расстояния метров в пятнадцать между мной и ими. Я опасался злой шутки с их стороны, выстрела из пистолета, спрятанного под рубашками или ещё какой пакости. А чего боялись они... потом уже я понял, что меня приняли за словившего белочку или сбрендившего на почве потрясения после случившего с городом.

Про нынешнюю ситуацию я могу сказать одно — странно это всё.

Тропинка привела меня к автобусной остановке, на которой стояли шесть человек, из них три бабульки, женщина с мальчуганом лет шести-семи и полицейский при полном параде: каска, зелёная сумка с противоголозом, чёрный бронежилет, брезентовый подсумок, пистолетная кобура на ремне и АКСУ на плече.

От греха подальше я снял рубашку, оставшись в одной майке-алкоголичке, завернул топор и ружьё, чьи стволы вызывающе торчали из сумки, и упрятал свёрток в неё. Туда же спрятал наган.

От остановки решил держаться подальше, вернее, от полицейского на ней, выставленного, по всей видимости, в качестве охранника.

Стоит, понимаешь, маячит там, а мне с бабульками ой как интересно было бы пообщаться. Узнать про местность, про тварей и вообще ситуацию в целом.

К остановке вела самая обычная дорога, по которой через пять минут я вошёл в город. Слева и справа стояли пятиэтажные дома, чуть дальше в глаза бросался красный «Магнит», рядом с которым стояла длиннющая очередь в основном из пожилых людей.

Увидев на тротуаре неподалёку троих подростков, я свернул к ним

— Это что там такое? — поинтересовался у молодёжи. — Что выдают?

Те смерили меня взглядами, оценили сумку, внешний вид. Потом самый старший паренёк дал ответ:

— Так инопланетяне нас забрали на свою планету. Так теперь все продуктами закупаются. Ты чё — не знал?

— Инопланетяне? — с глупым видом переспросил я.

— Пил, чё ли?

— Не борзей, пацан, — тут же рыкнул я. — Не пил, но не в курсах совсем, вообще не местный, случайно в вашем городке оказался. Что тут у вас происходит, пояснить нормально можешь?

— А может ты сам инопланетянин? — нагло ответил тот. Парня нисколько не смутил тот факт, что грубит амбалу в три раза тяжелее себя и вполовину выше ростом. Или родители не из простых, приучившие кровиночку чувствовать себя хозяином положения везде и всегда, или алкоголь, запах которого едва-едва чувствуется от компании, придал смелости. А ведь им лет по четырнадцать-пятнадцать всего, маловаты для употребления спиртного, как ни посмотри.

— Ага, сейчас достану бластер и всех тут поджарю. А ну колись, сопляк!

Мальчишки дружно вздрогнули и сделали по два шага от меня.

— Ты чё такой дерзкий, мужик? Вон мусора катят, щас сдадим им, скажем, что пристаёшь! — раскрыл рот вожак малолетней шайки.

Посмотрев на дорогу, я увидел, как вдалеке показался узик с синими полосами и на бортах и капоте, с работающей мигалкой на крыше.

— Да зови! Легко! Заодно узнаю у них, с каких это пор соплякам разрешено водку пить, — срезал я их кураж.

И тишина в ответ.

Узик проскочил мимо, не обратив никакого внимания на нашу компанию. Я лишь заметил, что там салон забит битком мужиками в бронежилетах и касках, с оружием в руках.

— Ну, так что тут происходит? — нарушил я затянувшееся молчание.

— А у нас тут не подают, — хмуро ответил мелкий. — Сходи, да поищи какого другого рассказчика. Сотка с тебя за инфу, ясно?

М-да, бесстрашные ребята, неужели им так по мозгам ударил алкоголь, что чувство самосохранения напрочь отключилось?

— И сотки нет. Зато есть кое-что другое... — я сунул руку в сумку, нащупал рукоятку штыка и наполовину вытащил наружу, демонстрируя пацанам, чтобы не возникло недопонимания, тут же сообщил. — Есть штык немецкий, старый, ещё с войны. Подарю за интересный рассказ.

— А не свистишь?

Глаза у троицы азартно заблестели. Подумаешь — айфоны, айпады и прочие гаджеты, такая ерунда есть у всех или её можно получить, пусть и с определёнными трудностями. А вот штыка ни у кого из сверстников нет и в помине.

— Зуб даю.

— Ага, мы тебе всё выложим, а ты свалишь в сторонку, — недоверчиво произнёс мальчишка. — Типа, моё слово — хочу даю, хочу забираю.

— Ментам стуканёте, что у меня есть холодное оружие. Они сейчас нервные носятся, им только повод дай, чтобы палками кого отходить и в обезьянник сунуть. Ну, так что, договорились?

— Ок, — кивнул собеседник. — Слушай сюда...

Всё оказалось и плохо, и хорошо одновременно, хотя плохого, было больше. Шерстинск оказался только что перезагрузившимся кластером. Утром жители города проснулись и не узнали панораму за окном. Исчезли несколько деревень, которые просматривались с верхних этажей многоэтажек, река изменила направление русла, появился непонятный лес там, где вчера вечером желтело поле с яровыми посевами. А самое удивительное и неприятное — исчезла большая часть города.

Кластер прошёл по железнодорожным путям, делившим город на две неравные части. Пропал вокзал, пропал частный сектор, хлебопекарный завод, районная больница с городской подстанцией и ГРП (газовая распределительная станция). Исчезло отделение ППС, которое располагалось в отдельном здании, вне районного отдела полиции, а вместе с ним морг и военкомат.

Важные шишки в городе собрались в администрации, окружили себя полицейскими с автоматами и не показывались на глаза населению. То ли, решают важные вопросы, то ли, дожидаются самостоятельного решения проблемы или помощи.

Ухудшения самочувствия ни у кого не было. По крайней мере, пацаны об этом не в курсе. Может быть, сердечника да особо впечатлительные особы и слегли, но это же совсем другое, не заражение неизвестным вирусом, после которого мутируют в супермутантов.

Кто-то загрузил в машину семьи, личное добро и покатил по дороге, куда глаза глядят, видимо, рассчитывая рано или поздно наткнуться на знакомую местность. Другие побежали в магазины закупаться продуктами, свечами и батарейками для фонарей, лекарствами и спичками. Третьи относились философски к неожиданной проблеме и продолжили заниматься своими делами и проводить время в праздности, как это сделали два недавно встреченных рыбака.

Целый кластер иммунных? Может такое быть или нет? Брюнетка сообщила, что из сотни только три или четыре человека не заражаются. Сам я ощутил недомогание на

рассвете, примерно часов через семь, как провалился в Улей. Местные жители тут примерно столько же.

— А где у вас райотдел находится? — спросил я ребят, когда разговор завершился и штык поменял хозяев. — Только не светите перед кем не нужно, а то отберут.

— Не учи учёных... а зачем тебе мусора?

— Помощь им предложу свою, да и знаю я кое-что про этот перенос.

— Что?!

— Ты знаешь, где мы?!

— Знаю. В другом мире.

— Ну-у, об этом любой дурак догадался уже, — пренебрежительно скривился старшой. — Лучше бы сообщил, что за планета и кто тут живёт.

— Про планету и даже созвездие с галактикой ничего сказать не могу, а вот кто живёт здесь — про это я в курсе. Только вам и вашим родителям мои слова могут показаться шуткой.

— Ты говори уже, сами разберёмся, — поторопили меня, чуть ли не в один голос, пацаны.

— Зомби здесь живут и мутанты.

Три пары глаз скрестились на моей перевязанной руке и повязке на боку, хорошо просматриваемой под майкой.

— Не бойтесь, не собираюсь я набрасываться на вас. Здесь заражаются не так, а вот так, — я сделал долгий глубокий вздох. — Через воздух. Практически все вы уже носите вирус, но лишь малая часть имеет к нему иммунитет.

— Свистишь же, — почти шёпотом произнёс побледневший, как снег мальчишка.

— Правда это. Не знаю, как будет в вашем городе, но во всех прочих местах, перед тем, как стать зомби, у людей возникали сильные головные боли. Тошнота, судороги, терялось внимание, — я перечислил все те симптомы, которые сам испытывал несколько дней назад. — Лекарства против вируса нет. Лучше всего собрать вещи и уйти за город, в самую глухую чащу, потому что когда тут начнёт массовое перерождение, убежать, уже ни у кого не выйдет. И к тому же, скоро здесь окажутся мутанты, это те зомби, которые отъелись на людях и стали сильнее, быстрее и убить их стало, намного сложнее.

— Да врёт он всё! Я про такое в книжке читал, там тоже зомби ели мясо людей и менялись, — дрожащим голосом сообщил один из мальчишек. — Он специально из книжки нам всё говорит!

— Не вру. Помочь я вам ничем не могу — только предупредил. А доказательства вы сами увидели утром. Понимаете же, что оказались на другой планете, с другим воздухом и бактериями.

Оставив ошаренных ребят переваривать услышанное, я повесил сумку на плечо и направился искать отдел полиции. Не за тем, чтобы и в самом деле помочь своим рассказом, а за полезными вещами — оружием и снаряжением. Надеюсь, не всё оружие из оружейки раздали постовым и в патрули, уж один-то автомат или парочка с сотней патронов, остались в сейфах. Или у дежурных отниму... потом, когда начнётся обращение.

Внимания, в той суматохе и панике, царивших в городе, я к себе не привлекал. Людей вроде меня с сумками, узлами, и рюкзаками на моём пути хватало, также хватало народу полуодетого или одетого не по сезону.

— Не подскажите, где полиция? — остановил я женщину, тащившую из подъезда к

раскрытому багажнику «логана» два чёрных пакета с вещами.

Та смерила меня настороженным взглядом, потом мотнула подбородком в сторону:

— Туда ступайте. Идите прямо до кинотеатра, потом повернёте направо и до первого перекрёстка. Там увидите большой синий знак со стрелкой и надписью про отдел. Дальше разберётесь.

— Спасибо, — поблагодарил я её.

Участок располагался в двухэтажном здании старой постройки. С трёх сторон строение было окружено высоким забором и колючей проволокой поверх него. С четвёртой, фасадной, подъезд преграждали несколько железобетонных блоков с красно-белыми полосами на боках и длинный железный шлагбаум той же расцветки. Пройти можно было только пешком и мимо часового, жарящегося на солнышке в тяжёлом бронежилете и с автоматом на плече.

Увидев всё, что мне нужно, я пошёл вокруг участка, по ближайшим улицам, обращая внимание на дома, окна в которых выходили на райотдел.

Через пятнадцать минут остановил выбор на трёхэтажке, окрашенной в весёлый жёлтый цвет, сильно контрастирующим с чёрным старым шифером. До отдела полиции от дома было чуть больше ста метров. Две трети окон в здании оказались завешены шторами, сообщающими, что в квартирах никого нет.

Железная дверь, оснащённая домофоном, после отключения электричества перестала быть грозным препятствием. Простой замок и тот бы создал мне неприятностей больше, а тут просто потянул ручку на себя и вуаля — путь в дом открыт.

На третьем этаже, с которого открывался самый лучший обзор, была свободна только одна квартира и окна у неё выходили неудобно для присмотра за участком. Пришлось спускаться на второй, где из трёх квартир все три пустовали. Ну, или их хозяева закрылись и затихли, что те мышки.

Топором за считанные минуты вскрыл дверь — китайскую дешёвку чуть ли не из жести сварганенную. Потом кое-как притворил её за собой, когда вошёл в квартиру.

Внутри включил фонарик, чтобы не блуждать в полумраке.

Обстановка в трёхкомнатной квартире была небогатая, но и не бедная. Везде царил порядок, все вещи уложены, лишнего нигде ничего не лежит. Судя по тонкому слою пыли на видных местах, которые не то что хозяйка, но даже хозяин (если в квартире проживал холостяк) не оставит, местным квартирантам необычайно повезло — ещё за несколько дней до перезагрузки, они укатили из города.

Наблюдательное место устроил у окна, выходящего точно на полицейский участок. С кухни принёс столик, на котором быстро приготовил себе поздний обед. После перекуса занялся своим арсеналом, точнее, превращением ружья в обрез. В кладовке нашёлся целый комплект инструмента, имелась и «болгарка», но не было электричества, поэтому пришлось вооружиться напильником и взяться за стволы и приклад. Закончил нарушать УК через полтора часа, заработав несколько мозолей, зато получив удобное оружие. Ещё бы к нему патроны, в которых я был бы уверен на все сто. К сожалению, в этой квартире жил не охотник, так что пополнить боезапас, мне было не суждено.

В процессе наблюдения, время шло медленно. Понемногу напряжение, державшее меня уже давно, сходило на нет, и я стал расслабляться. В голове, нет-нет да закрадывались мысли, что этому городу ничего не грозит, его жителей не поразил страшный вирус. Появились опасения, что за взлом квартиры мне вскоре придётся держать ответ.

Наступил вечер.

Со стороны райотдела послышался негромкий рокот бензоагрегата, немного погодя по периметру полицейского участка вспыхнули фонари. Часовой, маячивший весь день у шлагбаума, скрылся внутри здания.

Дважды к райотделу подъезжали служебные автомобили — «четырнадцатая» и «хантер». Из машин сотрудники выводили скованных наручниками людей. Буйных. Прямо на улице одного такого непокорного, зарядившего лбом в лицо сотруднику, когда тот его вытаскивал из багажника УАЗа, жестоко отбучкали ногами, после чего вставили дубинку между скованных рук, вздёрнули их вверх и с её помощью поволокли к дверям участка.

Но, несмотря на такую сцену, в городе царила тишина и относительный порядок. В прочитанных книгах описываются подобные ситуации со сценами, где присутствует далёкая стрельба в городе, крики под окнами, тела расстрелянных мародёров и невинных обывателей. А тут — тишь да гладь.

Заскучав, я решил сделать себе кобуру под обрез, который после всех манипуляций, уже не поносишь на ремне.

Нашёл в диване пару высоких женских сапог и из них соорудил чехол под ствол. Верхним краем он был приторочен к поясному ремню, внизу же крепился ремешком к ноге чуть выше колена. Не от Зайцева из бутика рукоделье получилось, но вполне удобно, для меня сойдёт на первое время. Так, и руки свободны и обрез под рукой.

Уже в сгустившихся сумерках самочувствие чуть-чуть ухудшилось. В голове поселилась... нет, не боль, скорее тяжесть, которая бывает, если не доспать час-другой перед подъёмом на работу. И в животе засел комочек, будущий предвестник тошноты, а сейчас просто ощущение дискомфорта. Впрочем, мне это не помешало плотно поужинать.

Появление неприятных симптомов можно было списать на нервное состояние или откат после нервного перевозбуждения, не отпускавшее меня с момента, как увидел город, бродил по улицам и расспрашивал жителей, и которое схлынуло лишь недавно.

Да, можно списать и на это. Повторюсь, но ещё я вспомнил слова брюнетки про нектар, без которого даже у иммунных будут нелады со здоровьем.

Рецепт чудо-эликсира я помнил, но вот как представил, что нужно копать в голове у мутантов ради основного ингредиента, то скулы сводило судорогой от отвращения. А ведь я его пил и нахваливал, этот... витаминный коктейльчик.

Сна не было ни в одном глазу, благодаря отдыху днём у камина, я просто сидел у окна и смотрел на райотдел, на соседние дома, на улицу.

Уже почти в полной темноте на тротуаре неподалёку, появилась шатающаяся человеческая фигура. Даже при плохой видимости становилось ясно, что неизвестному мужчине очень плохо. Вот он схватился за голову обеими руками, потом издал горловой звук и согнулся кочергой, выбрасывая ужин под ноги.

«Началось!», — мысль ударила в голову, как хороший свинг. Получил хорошую встряску, прогнавшую всю сонную хмарь и заставившую шибче побежать кровь по жилам.

Я взял в руки обрез, открыл стволы, посмотрел на донца гильз, защёлкнул блок назад. Большим пальцем стал оглаживать курки, потом спохватился и убрал оружие в чехол на бедре.

Нервы это всё.

Через час звук бензогенератора исчез, и тут же в той стороне ярко полыхнуло огненное зарево.

Прямо на моих глазах райотдел запылал, как стог пересушенного сена, в который бросили спичку.

Я схватил топор и выбежал на лестничную площадку, потом чертыхнулся, метнулся назад за своими пожитками, схватил спортивную сумку, взятую в квартире вместо старой, перекинул через плечо и выбежал на улицу.

Пока обежал дом и добрался до участка, там уже всё было кончено — здание превратилось в один большой костёр. Жар ощущался на расстоянии в двадцать метров.

— Да что ты будешь делать-то!

Плюнув под ноги, я развернулся и пошёл в сторону реки.

Неопытный я ещё рейдер, всё поставил на один вариант и в итоге остался ни с чем. Возможно, стоило пройтись по городу, посмотреть, где и что находится — аптеки, оружейные и рыболовные магазины, оптовые базы, где полно консервов. А вместо этого я глаз не спускал с полицейского участка. Что ж, в следующий раз буду умнее, главное, дожить до этого раза.

Через два квартала мне повезло.

«Районное отделение Федеральной Службы Безопасности».

Надпись выделялась даже в темноте, да и пройти мимо высокого крыльца с гранитными ступеньками и полукруглого навеса и не заметить всё это, было сложно. Это не заштатный отдел полиции, где деньги выделяют только на косметический ремонт, тут всё серьёзней.

«А ещё там может быть штатное оружие, — загорелся я идеей. — Если только контрразведчики не держат пистолеты и автоматы в оружейке райотдела».

Тяжёлая стальная двустворчатая дверь была закрыта намертво. Решётки на окнах не скovyрнуть без инструмента, несмотря на их кажущуюся легковесность. Где-то должен быть запасной выход, но так как отделение располагалось в жилой многоэтажке с десятком подъездов, понять, какая дверь на первом этаже куда ведёт, было невозможно. Да и время жалко.

Когда увидел неподалёку несколько машин, то появилась идея сорвать тросом решётки.

Идея быстро умерла, когда завизжала сигнализация от разбитого стекла. Чувствуя, как холодный пот течёт между лопаток, я с трудом нащупал рычажок открытия капота, открыл тот и сорвал клеммы с аккумулятора.

— А в кино и книгах всё просто, — пробормотал я. — Чик проводками — и готово.

Чик или не чик, но я вспомнил, как легко и намертво клинитесь руль при повороте, если в замке нет ключа. И сорвать стопор практически невозможно, даже я со своей силушкой сумел такое проделать лишь раз, да и то на старенькой пятёрке.

Вместо троса во вскрытой машине взял гидравлический домкрат на две с половиной тонны. Потом я его подставлял под прутья решётки и работал рычагом, вырывая штыри из бетона, на которых держалась защита окон. Первый дюбель выскочил с оглушительным треском, заставив суматошно забиться сердце, второй выскочил тише, третий скрипел на всю округу как суставы ревматика.

Позже, когда решётка с грохотом упала на бетонную отмостку, я уже перестал обращать внимания на шум. Кому нужно — тот уже давно всё услышал и если не примчался, то в ближайшее время и не прибежит. Думаю, что перерождение ещё только началось и большая часть потенциальных суперменов валяется дома на диванах и едва соображают. А кто-то, из самых быстрых, начал своё пиршество и им нет никакого дела до какого-то шума за окном.

Главное, чтобы настоящие суперы, старожилы этого мира в город не заскочили. Помню

я, как быстро появился элитник со свитой возле коровника, несколько часов всего прошло с момента перезагрузки и они нарисовались тут как тут.

Окно разбил обухом топора, и по приставленной к стене решётке — окно было почти в двух метрах от земли — забрался в помещение.

Подсвечивая себе почти полностью севшим фонарём, я пошёл гулять по коридору и комнатам. Почти все помещения оказались закрыты, но двери были так себе, набор из тонкой фанеры и реек. Топор легко справлялся с любой из них.

Из пятнадцати кабинетов только два были из них открыты. Один, судя по электрочайнику, мультиварке с микроволновкой и индукционной плитой, выполнял роль кухни. Второй кабинет был спортзалом: станок со штангой, подставка с грифами под гантели и несколькими десятками «блинов» к ним, боксёрская груша, макивара, шведская стенка и прочий спортивный инвентарь.

Два кабинета мне взломать не удалось, так как там стояли стальные двери. Пробовал подступиться и так и эдак, но несущая стена, стальные косяки и глубоко вбитые анкера в кирпич не дали мне и шанса.

На одной висела табличка: архив. Вторая была безымянной, но что-то мне подсказывало, что за ней я и найду необходимые вещи.

Внезапно я услышал звон стекла, потом звякнуло железо.

На секунду превратившись в соляной столб, я встрепенулся и тихо стал красться в сторону звуков. Через несколько шагов спохватился и прислонил к стене топор и вытащил из чехла обрез, поочередно взвёл курки и продолжил красться дальше.

Звон стекла раздался особенно сильно, потом услышал сдавленные матюки, произнесённые мужским голосом, из комнаты, через окно которой я попал внутрь, выскользнула полоска бело-голубого света.

Неизвестный, который повторил мой путь с улицы в логово контрразведчиков, из кабинета выходить не торопился. Не меньше десяти минут он стоял внутри и слушал, даже фонарь погасил.

Если он хотел пересидеть меня, то явно выбрал не того соперника, уж после прятков с мутантами выдержка и усидчивость у меня стали ого-го.

Наконец, неизвестный зашевелился, сделал несколько шагов и вновь замер, потом шагнул опять и снова застыл в тишине, слушал окружающий мир.

Как только в дверном проёме показалась человеческая фигура, я приставил обрез к её голове:

— Стой.

— ... ать... стою... не стреляй.

Оба говорили шепотом, но в тишине этого хватало, чтобы понимать друг друга.

— Ты кто такой, что здесь нужно?

— А ты?.. — неизвестный попытался сыграть в еврея, пришлось сильнее вдавить стволы оружия ему в голову. — Да всё, всё... понял я. Работал я здесь водилой. Потом в инкассацию ушёл.

— Здесь что забыл?

— А что и ты. Ментовка-то тью-тью, горит. Вон зарево сверкает на полгорода.

— И что?

— А то, — огрызнулся он. — Слушай, ты такой же, как я, и точно не местный работник, уж тех-то я всех знаю и там у каждого ключи есть, не стал бы никто окно курочить. Залез

сюда за стволами, ведь так?

Я промолчал.

— Так, так. Только ты точно с дверями не справишься один.

— С его бы это?

— С того, что умей ты управляться с замками и вообще имел бы прямые руки, то не разнёс бы половину оконного проёма. А я могу всё сделать быстро.

— И аккуратно? — хмыкнул я с сарказмом.

— Да сейчас на аккуратность пофиг, кому она нужна? Городу хана пришла, я это ещё утром понял, когда увидел картину за окном, — пожал он плечами.

— И сразу за оружием полез?

— Видел бы ты то, что видел я — танк поспешил бы угнать.

«От танка я бы не отказался», — пронеслась мысль, но вслух сказал другое. — Ладно, иди к оружейке, я за тобой и смотри не дёргайся.

— Ты не поскользнься, а то зарядишь в спину маслину, — буркнул тот. — Ты это — ствол убирай, уже можно. И мне назад надо вернуться.

— Зачем? — тут же насторожился я.

— Домкрат прибрать. Ты его под окошком бросил, а я сюда закинул. С ним проще дверь вскрывать, если с замками ничего не выйдет.

Практически под конвоем я сопровождал собеседника к безмянной двери. Как и догадывался ранее — она и скрывала за собой пещеру Али-Бабы.

При себе коллега имел полный набор медвежатника. Подготовился он куда как лучше меня.

Газовой высокотемпературной горелкой разогрел край двери напротив замка, потом фомкой отогнул часть металла, вновь разогрел и опять поработал фомкой. Очень скоро обнажились ригели внутреннего замка. Точно так же он поступил с верхними и нижними, входящими в пазы автоматически при запираании замка на все обороты.

— Там ещё решётка есть с навесным замком, но это ерунда, домкратом отожду, — сообщил незнакомец, проводя какие-то манипуляции с ригелями.

За полчаса он, без особой суеты, открыл дверь, за которой, как и обещал, обнаружилась решётка из арматуры, крашеной в чёрной цвет.

— Не, тут такой домкрат не подставишь, — покачал он головой. — Ладно, мы вот так сделаем... дужка калёная по любому, хм...

Опять в ход пошла газовая горелка, гудящее пламя которой коснулось дужки замка. Раскалив металл, мужик достал из своей сумки с инструментами короткий болторез, захватил губками дужку, крякнул от натуги и с нескольких попыток перекусил её.

— Уф, готово, — он стрёл с лица пот и приглашающе махнул рукой в небольшую комнатку, в которой у стен стояли широкие и высокие сейфы.

— После тебя, — буркнул я. — И сумочку свою бери, а то и там замки имеются.

После стальной толстой двери и толстых ригелей запорного механизма сейфы больших проблем не доставили медвежатнику.

— Только без глупостей, — предупредил я его, когда он собрался открыть дверь на первом сейфе.

— И не собирался. Парень, ты оглянись по сторонам — мы в полной жопе, тут друг за друга держаться надо, а не стреляться, как Пушкин с Дантесом.

В сейфе стояли задниками рукояток в нашу сторону десять пэемов. Под ними на

полочке расположились чёрные пластиковые плашки, с вставленными в гнезда патронами и два магазина. В самом низу сейфа горкой были уложены чёрные новенькие кобуры.

В соседнем сейфе размером в три раза меньше обнаружили целых пять «Кедров» со сложенными прикладами, по два длинных магазина, три больших плашки с патронами к каждому и стопка светлых брезентовых чехлов в самом низу. В третьем стояла СВД с деревянным прикладом и цевьём, стопка магазинов и несколько плашек с патронами, причём, не простыми «медяшками», а «золотыми» — целевыми. Рядом с винтовкой в брезентовом чехле лежал стандартный прицел ПСО. Кроме винтовки там же находились три семьдесят четвёртых «калаша» и тоже с деревянными деталями. Подсумки от винтовки и автоматов, как и в прочих сейфах, находились внизу.

— У вас тут что в городе — всё старьё скинули контразведчикам? — удивился я. — Даже в армии уже давно пластик идёт и приклады складные, а тут позорные вёсла стоят.

— В армии такие же автоматы стоят на вооружении, насколько знаю. Зять... — тут мужик громко скрипнул зубами, что я вздрогнул и вновь направил на него обрез. — Да не бойся ты... своё это, личное... сердце болит по родным... В общем, он рассказывал, что у них такие же вторые номера стояли на вооружении.

— Вторые?

— Ну да, эмка два. Модель Калашникова номер два. Первую с тяжёлой пулей сняли лет десять назад уже.

Я почувствовал, что у меня идёт голова кругом.

— Какая модель? Это же ака семьдесят четыре!

Теперь уже на меня подозрительно смотрел собеседник.

— А это тогда что такое?! — я шагнул к сейфу и схватил винтовку за цевьё.

— Снайперка какая-то, не скажу тебе её марку, сам не знаю, — пожал тот плечами.

— Тьфу, маразм. Ты себя нормально чувствуешь, тошноты нет? Голова не болит? — поинтересовался.

— Ну, так, — тот покрутил ладонью в воздухе, словно ввернул-вывернул лампочку, — немного побаливает, но в пределах нормы... эй, ты что думаешь — я рехнулся или рехнусь вот-вот, стану тебя жрать?

— Уже видел, значит.

Тот замолчал, начал гонять желваки на скулах, потом негромко произнёс:

— Видел. Зять пару часов назад мою дочку загрыз. Беременную, на втором месяце уже была. Жили же душа в душу, никогда не сорились, видно же было, что любили друг друга, а тут с этими инопланетянами у всех мозги отказали. Сначала ему плохо было с обеда, дочка, Маша с ним сидела. Сознание терял не один раз за день, перестал узнавать нас, а потом вроде как уснул. Ну и я чуток решил покемарить... проснулся от криков Маши... бегом в их комнату, а там, — мужик закрыл лицо ладонями, — там... загрыз он её... откусывал куски и глотал. Я его и прибил... с утра при себе держал фомку, ждал, что хулиганье полезет по квартирам, от них собирался отбиваться. А пришлось родного зятя убивать, — опять помолчал, потёр лицо ладонями, отнял их и посмотрел на меня. — И когда уходил из квартиры... не мог я там находиться, тяжело... руки бы наложил запросто... увидел, как такие как зять ещё кого-то на улице грызли. Видел и просто сумасшедших, которые ещё никого не успели загрызть. Шли по улице, видать, искали добычу. Я видел эти ваши любимые фильмы про упырей, как их там... зомби, вроде бы... так все они и были ими, зомбями. Отравили всех нас, парень, перенесли сюда с частью города и отравили... чёртовы

инопланетяне! Я таким же стану и ты...

— Я уже не стану, а вот у тебя, пока шансов мало выжить. Головная боль и тошнота — первые признаки заражения. Те, кто послабее оказался, первыми обратились, а прочих или сожрут они, или присоединятся чуть позже.

— Ты что-то знаешь? И знал до этого? Ты мог спасти мою дочку?! — не обращая внимания на обрез, он шагнул ко мне.

— Ещё шаг и я стреляю, — предупредил я его. — Я знаю чуть больше твоего. Я не местный, не из Шерстинска. Пришёл в город с того берега реки после полудня. Думал, что нашёл спокойное местечко, где нет мутантов и желающих прострелить тебе башку...

Я рассказал всё, что знал сам, про свою одиссею, встречи, мутантов. Умолчал только о белой жемчужине, которая спасла мне жизнь.

— Значит, дочка скоро опять появится, живая, — прошептал он. — Я её могу спасти.

— Ты сначала себя спаси. Это, во-первых. А во-вторых, она уже будет другим человеком, с памятью и внешностью твоей дочери, но не ей. И там, рядом будешь ты сам, такой же. Кому она поверит — тебе или твоему двойнику?

— Разберёмся, — махнул он рукой и повторил, — разберёмся. Теперь я точно выживу, есть у меня ради чего жить и бороться, только бы иммунным оказаться.

Оружие поделили по-честному: патроны пополам, к ним я взял снайперку, один «калаш» и «макарку». С «кедрами» я не знал, как обращаться, покрутил в руках и поставил обратно в сейф этот ПП. Точно также не стал брать и гору оружия, уподобляясь героям из книг и игр. Кому сдавать этот хабар? То-то и оно... может быть, мне до торговца пару сотен километров тащиться, а с таким грузом на хребте, уже через десять начнёшь скидывать по пистолету-магазину, после каждой версты. И уж тем более не собираюсь повторять глупость киношных боевиков, которые обвешиваются горой оружия с одним магазином, превращаются в едва подвижную тушку, вместо того, чтобы к автомату взять десять магазинов, а не девять единиц оружия.

Обрез и наган оставил в оружейке. Винтовку перекинул через плечо, пистолет в кобуре (неразработанную я её едва смог застегнуть) на правом боку примостил, на правой стороне пристроил подсумок с четырьмя автоматными магазинами. Топор, который столько раз меня выручал, убрал в сумку, вместе с запасом патронов, магазинами к СВД и пистолету, прицелом.

Нагрузился, вроде как, и не сильно, но крайне неудобно, особенно мешала длинная винтовка за спиной поверх сумки.

Разбежались с мужичком, представившимся Николаем Петровичем, под утро, когда на горизонте забрезжил рассвет. Расстались не то чтобы друзьями — опасения друг к другу испытывали, скорее неплохими знакомыми. Я рассказал о своей жизни, он про своё житьё-бытьё. Нашли кучу нестыковок между нашими мирами, но минимальных совсем, вроде тех же автоматов и факта, что в мире Петровича полиция уже давно сменила милицию, сразу после развала СССР на волне повальной демократизации и борьбе со старыми пережитками. И, несмотря на такой резкий отказ от предыдущих ценностей, переход к новому режиму прошёл мягче, народ не озлобился до той степени, чтобы за крышевание ларька, закатывать в бетон или пускать под пресс семью конкурента, включая и детей и родителей. Мягче здесь люди оказались, намного мягче. Потому и в городе после случившегося сегодня не было нападений, массовых грабежей и погромов.

Менять направление движения я не собирался, поэтому обратно за реку перебираться не стал, вместо этого прошёл весь город насквозь, двигаясь в сторону дальнего леса, едва просматриваемого на горизонте.

Уже на окраине случись то, чего со страхом ожидал давно, но надеялся, что пронесёт мимо — нарвался на супермутанта.

Огромная, уродливая тварь, издалека похожая на невероятно раскаченного и питавшегося одними стероидами качка, с редкими волосами на голове и без клочка одежды на теле, сидела на крыше старой автобусной остановки в позе орла. Предыдущая, к которой вышел вчера днём и обошёл стороной из-за полицейского, такую тушу, точно не выдержала бы — там всё было сделано из профильных тонких труб и коричневого поликарбоната. Эта же осталась от наследия империи, когда делали всё так, словно, каждая остановка должна стать ДОТом на случай высадки вражеского десанта на территорию города — один железобетон.

Тварь сидела неподвижно, хоть и на виду и заметила меня первой. Об опасности я узнал после громкого счастливого урчания впереди и только после этого обратил внимание на

остановку.

«Попал!», — пронеслась мысль в голове.

Дав пару секунд, чтобы рассмотреть себя и впечатлиться, тварь с места, как лягушка совершила прыжок вперёд метров на восемь.

Развернувшись, я во все лопатки метнулся назад, под защиту железного забора, огораживающего место с мусорными бачками. Не Бог весть какая защита, но хоть что-то, по прямой этот образ из кошмарного сна догонит меня в несколько секунд.

Стрелять даже и не пытался, слишком хорошо помнил, как тяжёлые пистолетные пули отлетали от лобовой кости псевдокабана при стрельбе в упор. Вот эту тварюшку нужно кончать после того, как хорошо прицелишься в уязвимое место, а не на ходу и в панике по принципу «куда ляжет».

Успел укрыться за секунду до того, как в забор врезался мутант. Металл загудел, потом заскрипел под тяжёлой и чудовищной тушей.

Пока тварь в азарте ломилась напрямки, я обежал прямоугольник мусоросборного участка и юркнул в густые кусты, почти что за спиной монстра. Чертыхнулся про себя, когда зацепился стволом винтовки за ветки, оцарапал до крови щеку и чуть не выколол глаз сучком.

Упал на землю и замер, стараясь усмирить стук сердца за мгновение до того, как чудовище оторвало лист оцинкованного профильного железа и выскочило на мою сторону.

Как специально сердце стало молотить с такой силой, словно, в черепе поселился оркестр барабанщиков. Мне казалось, что этот стук слышен за десятки метров.

Тварь стояла совсем рядом со мной, двигала головой по сторонам, нюхала воздух сифилистичным обрубком носа и... не замечала меня.

Вот громко заурчав, монстр рванул вперёд, пронёсся совсем рядом со мной, едва ли не наступив мне на ноги. С хрустом разломал несколько кустов, ещё громче заурчал и выскочил на проезжую часть напротив меня и опять начал нюхать воздух.

А я лежал и боялся вздохнуть, понемногу дурея от стука крови в висках.

Вынюхивала тварь недолго — через минуту сорвалась с места и метнулась обратно к остановке, вернее в ту сторону. И как удалилась на порядочное расстояние, я отполз в сторону. Поднялся сначала на колени, посмотрел в спину уродцу и рванул в противоположном направлении, в город, рассчитывая укрыться в одном из подъездов.

Буквально через сотню метров за моей спиной опять раздалось довольное урчание.

«Да что б тебя, урод!».

И опять мне повезло с укрытием: вдоль тротуара стояли несколько прицепов-тонаров, в которых продавались напитки, пирожки с булочками, варили кофе и готовили шаурму с хотт-догами. За одним из них я и укрылся, по пути скинув винтовку с сумкой и отбросив их в сторону.

Гул крови в голове заметно усилился. Теперь уже зрение стало приносить проблемы — картинка мира потускнела. Прибавилось серого цвета, прочие потускнели, словно, я из лета оказался в мрачной слякотной осени.

Тварь крушить тонары не стала, вместо этого запрыгнула на крайний и пробежала по их крышам, заставляя те хрустеть, а сами прицепы угрожающе раскачиваться.

Остановилась точно надо мной и вновь начала громко втягивать воздух, при этом беспрерывно урча, на этот раз в этом звуке я различал досаду, злость и недоумение. Или просто мне это показалось.

Через несколько секунд мутант совершил огромный прыжок, пролетев у меня над головой, потом я услышал счастливый «урк», следом треск и хруст дерева с металлом, разрываемую материю и хлюпанье чего-то... скорее всего банок с консервами, с тушёнкой, в которой от тепла растаял жир.

«Конец припасам и оружию», — мысленно вздохнул я.

Разнеся вдрызг моё снаряжение, тварь осталась недовольной и вновь начала бегать кругами поблизости, пытаюсь отыскать такую вкусную мышку, которая так ловко прячется от неё.

В третий раз тварь меня почти догнала, лишь чудом я успел юркнуть в подъезд и захлопнуть за собою стальную дверь. Спустя секунду после этого стальной лист сотряс чудовищный по силе удар, оставивший внушительную вмятину в центре. Даже дверная коробка погнулась и отошла от стены вместе с анкерами, на которых держалась.

Спрятался под лестницей, представляя, что я та самая мышка в своей норке, в которую никакой кошке хода нет. Наставил в сторону ломаемой двери автомат, который так и сжимал в руке всё время, что бегал и прятался. Вспомнил про него только сейчас.

Наконец, дверь звякнула в последний раз и сдалась натиску супера, рухнув вместе с искореженной коробкой и торчащими длинными анкерами из неё в подъезд. Следом внутрь ворвалась тварь и, не дав даже прицелиться, взлетела по лестнице вверх.

Чуть позже над головой раздалось счастливое урчание мутанта, прерванное автоматной очередью.

К сожалению, судя по возобновившимся «уркам» и треску ломаемой двери, стрелок сплеховал, не сумел прикончить тварь и теперь та рвётся в квартиру, в которой тот заперся.

Было очень сильное желание выскочить на улицу и убраться прочь из дома, из города, благо, что до окраины тут пара сотен метров всего и оставалось. Но мне эта игра в кошки-мышки порядком надоела и, к тому же, где гарантия, что тварь наестся одним бедолагой, который с автоматом забаррикадировался на верхних этажах? Ещё один плюс — нас будет двое, возможно, это иммунный, раз всё ещё не обратился и даже имеет силы сражаться. Я помню, каким был на второй день — бери тёпленьким и кушай, я даже сопротивляться не смог бы.

Поднимался медленно, нащупывая каждую ступеньку ногой и не сводя взгляда с автоматной мушки, сквозь которую наблюдал за окружающим миром, а та была направлена на верхний пролёт лестницы.

Мутант обнаружился на третьем этаже и очень удачно стоял ко мне спиной, выламывая стальную дверь в квартиру. Смятые декоративные наличники валялись в стороне и сейчас тварь попеременно, то ломала стену рядом с дверью, то лупила кулаками по стальной преграде, отделявшую её от вкусного раннего завтрака. Штукатурка давно отлетела, сейчас пришла очередь кирпичей. Вот появилась достаточная щель, и тварь тут же сунула туда пальцы, подцепила стальной косяк дверной коробки и потянула себя.

Из квартиры раздалась матерщина, один за другим грохнули несколько выстрелов из автомата.

В это время я всё выбирал, куда же стрелять.

Слишком сильно мутант изменился, неизвестно что там с внутренними органами, на месте ли сердце, не отросло ли ещё одно, осталась ли оно по-прежнему самым важным после мозга органом? А что с черепом, насколько он толстый, что с мозгом в нём?

Мой взгляд бегал по уродливой туше монстра, пока не остановился на затылке, где

росла здоровенная шишка, размером в два моих кулака, плавно переходящая на шею. Вспомнил, как во что-то похожее влетали пули девчонок-снайперш. У монстра у коровника там была уже не просто шишка — горб, занявший всё свободное место от затылка до лопаток.

Очередная паническая очередь из квартиры (неужели палит прямо сквозь дверь, не боится рикошетов?) совпала с моей. От головы твари отлетели кусочки серой плоти, кости, брызнул фонтанчик чёрной крови. В ответ — удивлённое урчание и мутант сполз на лестничную площадку, царапая жуткими когтями стену и исковерканную дверь, сдирая нижними конечностями с ещё более жуткими изменившимися ногтями плитку.

Я ещё дважды выстрелил в голову, потом вогнал пулю в шишку на затылке. Окончательно монстр затих через несколько минут, до этого же момента бился в агонии, превращая приличную лестничную площадку, в филиал стройки, где работают и живут всяческие джамшуты.

— Эй, за дверью! — крикнул я. — Тварь мертва, не стреляй, а то на шум ещё набегут!

— Тарас, ты там, что ли?

Я мысленно выругался, потом плюнул под ноги, узнав голос стрелка.

— Петрович, ты как здесь оказался? Только не говори, что прикрывал меня!

Дверь шевельнулась и упёрлась в мёртвую тушу мутанта, опять раздалась матюки.

— Что там? — закончив ругаться и пихать дверь, поинтересовался собеседник.

— Мутант валяется, прям под дверью, мешает.

— Сдвинуть сможешь?

Я оценил размер твари и крикнул:

— Нет, здоров уж очень. В нём килограмм двести с лишним.

Петрович начал опять создавать многоэтажные конструкции и толкать дверь. Сдался минут через пять.

— Тарас, следил я за тобой, признаю. Только плохого не подумай зазря, мне просто нужно выйти к местным, тем, кто давно тут, кто знает тут всё. С тобой проще это сделать. Думал потом выйти, окликнуть издаля, — сказал он через дверь.

— Чувствуешь себя, как? — спросил я.

Минуту он молчал, потом виновато произнёс:

— Не очень, мутит меня, и голова трещит как перед сменой погоды. Всё плохо, как считаешь?

— Не знаю.

Ответ мой был честным. Я не знал, что означает состояние Петровича, так как у меня самого внутренности решили взбунтоваться совсем не вовремя, и голова после недавнего исполнения невидимого оркестра трещала как после жестокого похмелья.

— Тарас, ты тут?

— Тут.

— Слушай, давай дальше вместе двигаться? Вдвоём безопаснее, проще, дежурить можно по очереди. А если мне уж совсем хреново станет, то пристрелишь. Уж лучше так, чем превратиться в одну из этих тварей. Как ты на это смотришь?

Мне сейчас было как-то уже всё равно, да и резоны в словах собеседника были.

— Хорошо, пусть так и будет. Петрович, я тут маленько отдохну и пойду, поищу бензопилу, какую, эту тварь разрежу, чтобы дверь освободить. Подожди.

— Сам же сказал, что на шум ещё могут прибежать! — всполошился тот. — Ничего не

делай, меня дождись. Я сейчас через балкон соседний попробую перелезть.

— Только осторожней смотри, — предупредил я его, — соседи могут обратиться уже. Вот они рады будут, когда ты им в пасть сам придёшь.

— Разберёмся.

Пока Петрович искал дорогу ко мне, я занялся осмотром тела мутанта. Будь у меня побольше времени, возможностей и здоровья, то попытался бы вскрыть тушу и посмотреть, что там с внутренностями, куда стрелять можно и нужно, а куда даже и не стоит пытаться, лишь зряшний расход патронов.

Кстати, насчёт здоровья. Петровичу сейчас точно пригодился бы нектар, даже если он заражённый, то день-два, с его помощью, протянет. Да и мне это средство не помешает, если вспомнить слова брюнетки. Вот только добывать ингредиенты для него, мерзко уж очень.

Я покосился на бугристую, перевитую сухожилиями и мышцами тушу мутанта, обтянутую нездоровой серой кожей с тонкими прожилками синих вен и багровых капилляров и вдобавок залитую чёрной кровью.

От головы монстра мало что осталось после пяти автоматных пуль, а ведь там и нужно искать лекарство.

Шишка, казалось, состояла из множества долек, словно, очищенный мандарин, или чесночная головка внезапно выросла на черепе у мутанта. Ещё можно сравнить с закрытым бутонем цветка, но это уж слишком поэтично в адрес твари, которая любит человечину. Лепестки оказались невероятно жёсткими, но достаточно легко разрезались в местах стыка.

Вскрытая шишка была наполнена чёрной субстанцией, вроде минеральной ваты, которую для теплоизоляции на стройке используют. Совсем недавно я видел несколько упаковок такой, в том строящемся коттедже, где очнулся со сбитыми кулаками, после аварии.

Попробовал поковыряться в этой штуке и от омерзения не выдержал — стошнило прямо на мёртвого мутанта.

Тут рядом защёлкал замок в двери, следом раздался знакомый голос:

— Тарас, я это. Тут уже. Не стрельни случайно.

— Заранее предупредить надо, — с облегчением вздохнул я, опуская автомат. Особой веры новому знакомому не было, но зато я знал, что после лицезрения местной фауны, глупых мыслей в голове у мужика поменьше станет, если они там есть. В одиночку ему будет сложнее выжить, тем более, возраст у него почти в два раза выше моего, что сказывается на шансах добраться до безопасного места.

— Чем это ты тут занимаешься? — поинтересовался он, оказавшись рядом со мной.

— Вон, — я кивнул на вскрытую шишку, — лекарство добываю.

— Ого! — Петрович присвистнул от удивления, рассмотрев чёрную массу. — Это у него вместо мозгов?

— Нет, — мотнул я отрицательно головой, — мозги у него другие, можешь посмотреть — вон вытекают. А здесь лежит то, что поможет улучшить твоё самочувствие.

— Есть вот эту гадость? Да ни за что! — он скривился, потом увидел остатки моего завтрака. — Это что, ты уже попробовал?!

— Ага, двумя горстями в рот закидывал, — хмуро произнёс. — Вот, руки не помыл, и стошнило, а так-то вкуснятинка та ещё, за уши не оттащишь.

Тот ошалело посмотрел на меня, не зная верить мне или нет.

— Что с этой гадостью чёрной делать, я не знаю, — смилостивился я над мужиком. —

В этой вате должны прятаться некие спораны и горошины, именно они и нужны нам.

— Нам? — уточнил он.

— Нам, нам. Девчонка-снайпер сказала, что мутанты без нас не выживут, но и мы без мутантов тоже, если не станем пить эти спораны. Все иммунные живы до поры до времени, пока употребляют настойку из частей тела мутантов.

— Из всех мутантов?

Я пожал плечами и кивнул на мёртвую тушу:

— Да кто знает. Если вот так изменился, то точно, полезные ништяки внутри имеются. А в тех, кто выглядит, как человек ещё, то... не знаю, не помню, в общем. Их пустышками она называла, значит, пусто у них.

Тут я вспомнил про тех прытких тварей в деревеньке. Они уже заметно изменились к моменту нашей встречи, хотя до твари под моими ногами, им далеко было. Можно было вскрыть у них шишки и посмотреть, что и как там. Но мне это и в голову не пришло... эх, плохой из меня рейдер!

Петрович посмотрел на чёрную субстанцию, покачал головой, под нос матюгнулся, потом сказал «я сейчас придумаю» и исчез в квартире, из которой появился.

Вернулся через минуту с небольшим тонким полотенцем и толстой рукавичкой, которой домохозяйки прихватывают горячую посуду на кухне. Полотенце расстелил на полу рядом с мутантом, рукавицу нацепил на руку и полез в содержимое опухоли.

— Эх, половник нужно было взять, не лезет рука... ну да что уж теперь, и так справлюсь, — пожаловался он, выбирая всю чёрную вату и складывая её на полотенце. Потом растёр всю эту массу по ткани и выудил несколько некрупных шариков. — Есть кое-что, смотри — оно?

— Будто я знаю! — ответил я, принимая на ладонь семь кругляшей, которые Петрович вытер о полотенце перед тем, передать.

Два шарика были похожи на обычные горошины из магазина, что ничем другим, как горохом, и быть не могли. Оставшиеся пять, на жемчуг не тянули совсем, были крупнее гороха и имели серо-белый цвет.

— На катышки из манки похожи или пилёный сахар, — привёл аналогию Петрович, который с интересом смотрел на трофеи у меня на ладони. — Что дальше?

— Растворить в спирте или водке, потом разбавить водой и процедить. Рюмки на каждый споран, думаю, хватит.

— По квартирам если пошукать, то пузырь-другой можно отыскать, — сказал напарник. — Но это долго. А можно на той стороне в аптеку зайти, там или спирт в мензурках отыщем. Или настойку какую, боярышниковую, к примеру. Тебе же не принципиально, чем заливать?

— Вроде бы нет. Любым алкоголем растворяется. А горох в уксусе, но тоже можно крепким алкоголем, вот только дольше будет.

— А горох для чего нужен? — заинтересовался он.

— Для какого-то... Дара, — я запнулся, когда вдруг понял, что недавние кошки-мышки, скорее всего именно с Даром и связаны. Я вдруг стал невидимым для мутанта, а сердцебиение и плохое самочувствие связано с откатом, так называют последствия после применения особых способностей во всех книгах. — Тебе пока это не нужно. Пошли аптеку громить и внимательно по сторонам смотри — ещё с одним мутантом, я могу не справиться сейчас.

Аптеку вскрыли легко. Тут Петрович опять достал из своей сумки инвентарь медвежатника. Через пару минут рольставня сдалась, открывая доступ к стеклянной пластиковой двери аптеки. Ещё через полминуты сдала позиции и она, даже стекло не пришлось бить, созывая к себе шумом тварей из окрестностей. Потом, за собой опустили рольставню, хотя и пришлось при этом изрядно извернуться, просовывая руку сквозь щель между полузакрытой дверью и косяком, чтобы дотянуться до язычка антивандальной защиты.

— Спирта нет... боярышника, тоже что-то не вижу... хм, женьшень есть. Семьдесят градусов. Берём? — крикнул Петрович, возясь за витриной.

— Берём, — откликнулся я, в это время, собирая в пакет дорогие витамины и антибиотики. — Посмотри бинты, пластырь, жгуты... в общем, всё для перевязки.

Раствор приготовили тут же. Вылили из двух полулитровых пластиковых бутылочек с минералкой воду, кинули на дно по спорану, туда же добавили содержимое из пузырька с настойкой. Очень быстро шарик стал растворяться, при этом рассыпаясь на мелкие хлопья. Когда от него не осталось и следа, лишь белесый осадок, долили воды, дождались, когда смесь отстоится, и процедили через бинт.

— Кто первый будет пробовать? — поинтересовался Петрович. На бутылочки с нектаром он смотрел с опаской.

— Я.

На вкус нектар отличался и от эликсира сектантов, и от напитка снайперши. Пожалуй, в моё творение можно воды ещё добавить, а то вкус спирта силён. В остальном никаких различий не заметил — буквально сразу же, стоило первым глоткам попасть в желудок, самочувствие стало улучшаться.

— Всё получилось. Даже ещё немного воды можно влить, а то крепковат вышел. Не хватало, чтобы развезло нас днём на солнышке, — сообщил я Петровичу

Почти все мои припасы испортил мутант, когда срывал бешенство на, ни в чём не повинной, сумке, заодно и винтовку разломал. Целыми остались: пара банок консервированной каши, ПСО и топор, Ну, ещё патроны, которые тварь просто рассыпала на земле. Все снаряженные магазины к автомату, что лежали в сумке, пришли в негодность.

Прицел ещё можно было приладить к «калашу», так как на том имелся боковой прилив под крепление, но смысл? Это не снайперка, вдаль не постреляешь, а вблизи только хуже станет, из-за малого поля зрения.

Запас консерв восстановили в одном из тонаров, по которым прыгал мутант. Нашлись там жестяные банки с рыбными консервами (вполне неплохие, если верить наклейкам), с сосисками, которые, по всей видимости, шли в булочки, хорошая тушёнка (Петрович прям на месте проверил, вскрыв одну и потом на ходу умяв половину, оставшееся, протянул мне) и лаваша, запечатанные в вакуумные пакеты. Там же и вода имелась.

Долго не задерживались в зачумлённом городе. Петрович, было, предложил наведаться «кое-куда, там можем интересненькое найти», но я потребовал немедленно выходить.

Позже, на пустыре за городом я дёрнул напарника за плечо, пригибая к земле и указывая в сторону гаражного кооператива, примыкавшего к крайней улице. Там, по крышам шустро скакали две твари, немного отличающиеся от мутанта, успокоенного в подъезде, но не сильно.

— Видел? Было бы тебе сейчас интересненько, столкнись мы с ними.

До одиннадцати часов мы шли почти точно на восток, всё время держась лесов и рощ, обходя все открытые места. На дороги, даже и не думали выходить, несмотря на то, что мой напарник заметно снижал темп на нехоженой местности. За всё это время, прошли не более пятнадцати километров.

— Всё, Тарас, давай привал сделаем, а то сердце проклятущее, того гляди вылетит из груди, — одышливо произнёс Петрович, останавливаясь и вытирая пот ладонью с красного лица. — Хоть полчаса перекур, а то сил моих больше нет, идти.

— Только не перекур. Эти твари дым ого-го как чувят, лично проверено.

— Как скажешь, — с заметным сожалением ответил тот. — Эх-ма, так и бросишь, на старости лет травиться.

Для кратковременного отдыха нашли место, которое прикрывали плотные заросли кустарника.

Петрович скинул ботинки, рухнул на землю и задрал ноги вверх, положив те на ближайшую толстую ветку.

— Ох, лепота! — с наслаждением протянул он. — Ты бы тоже дал роздых ногам, разулся да поддержал на весу, чтобы кровушка сошла из них.

— Обойдусь, — отмахнулся я. — Есть будешь?

— Угу, чуток перекушу.

Ели консервы с лавашом, запивали всё нектаром и минералкой, потом отдыхали. О чём думал Петрович в это время, не знаю, но вряд ли о хорошем. При таких мыслях, лицо настолько мрачным не бывает. Я же размышлял о недавних событиях, когда устроил догонялки с мутантом. Судя по всему, у меня открылся Дар и неплохой, хотя я не отказался бы и от метания огня или молнии: эдак шархнул в жбан мутанту что-то раскаленное и

плюющиеся искрами, тот и свалился тебе под ноги.

— Петрович? — окликнул я спутника.

— Чего тебе? — ответил тот. — Уже подъём?

— Идти пока погодим, но подняться придётся. Хочу кое-что проверить, и мне будет нужна твоя помощь.

Тот открыл глаза и приподнялся на локте:

— Что именно?

— Я сейчас сделаю нечто, а ты скажи, что видишь.

— Мне бы конкретики, Тарас.

— Просто смотри на меня, всё примечай, что я стану делать и что произойдёт со мной, — сказал я. — Только смотреть и запоминать, потом расскажешь.

Петрович попытался встать, но я махнул рукой ему, мол, сиди, а сам стал вспоминать свои ощущения в тот момент, когда на меня бросился мутант с заправки. В память врезалось чувство пульса, грохочущего, как взвод барабанщиков. Не сразу мне удалось поймать нужный ритм, только спустя несколько минут в голове раздалась первые удары.

— Ох ты ж твою... — охнул Петрович.

Я тут же заглушил барабанный стук в голове и посмотрел на напарника:

— Что случилось?

— Да ты пропал, прям на моих глазах, — развёл тот руками.

— Давно?

Тот задумался, потом неуверенно ответил.

— А знаешь, не пойму. Я как-то не сразу понял, зачем смотрю на пустое место. Потом вспомнил про тебя и понял, что ты пропал. Но когда... — он не договорил, вместо слов развёл руками.

— Смотри ещё... И знаешь что?

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Попробуй толкнуть меня или кинуть чем-то, вон сучок рядом с тобой лежит, он лёгкий, им не зашибёшь, — сказал я.

— Как скажешь, Тарас.

На этот раз я просидел с барабанным стуком в голове секунд десять, прежде чем Петрович неуверенно произнёс:

— Э-э, тебя нет, пропал.

Он взял ветку в руки и несильно кинул в мою сторону, и промахнулся больше чем на метр.

— Тарас, попал?

Я молчал, продолжая наблюдать за его действиями.

— Как знаешь. Я сейчас тебя бить буду, — произнёс он и сделал два шага вперёд, на мгновение всмотрелся в меня, потом его взгляд вильнул вправо, куда улетела ветка, и в эту же сторону он прошагал дальше, оказавшись в метре с лишним от меня.

— Я тут.

— Твою ж м... — вскрикнул Петрович и даже подпрыгнул на месте. — Как ты там оказался?

— Никак, я тут и сидел. Это тебя куда-то понесло не туда. Давай вот что сделаем...

При очередном опыте я сидел между двух высоких палок с очищенной корой. На фоне листвы и коричневой коры кустарника, их чуть желтоватая блестящая древесина выделялась,

как буи на воде. Но и в этом случае Петрович промахнулся, метая «снаряды» и пытаясь нащупать меня лично.

— И что это было? — удивлённо спросил он. — Как ты это делаешь?

— Если не ошибаюсь, то это Дар Улья. Рано или поздно он проявляется у каждого и разной силы и направленности. А скажи-ка мне, Петрович, почему ты так мазал и искал меня где угодно, но только не в створе между палок? Ты же знал, что я там сижу, но начал щупать траву то слева, то справа, а палки летели куда угодно, но не в меня. Вру, один раз почти в голову попал, но я видел, что у тебя просто сорвалась она с пальцев, просто удачно промазал.

Тот почесал затылок, посмотрел на ошкуренные палки, что так и торчали в земле, потом заговорил, не скрывая удивлённых и озадаченных ноток в голосе.

— Понимаешь, ты как пропадаешь, так у меня что-то с вниманием становится, прям рассеянность нападает. Не сразу вспоминаю, что ты просил сделать, будто это было давно и вообще мне не интересно нисколько. И палки эти видел, вроде как, и помнил, что ты между ними находишься, а в голове, как будто кто-то шепчет, мол, ты левее кинь, там точно такое же место, как и между меток, и даже лучше. И такой же голос нашёптывал, когда я тебя руками ловил.

— Голос? — озадачено переспросил я.

— Ну, не прям так, по-настоящему слышал, — поморщился собеседник. — Ощущения такие просто... про голос, для большего понимания твоего сказал. Слушай, а этот Дар у каждого будет?

— Дар, у каждого, — кивнул я, подтверждая, — но всегда разный. Кто-то может сигареты от пальца прикурить, а другой стометровку за три секунды покрыть.

— Полезные штуки, — уважительно покачал головой он. — А то вечно зажигалки теряются или ломаются, а спички размокают. Да и убежать от тварей можно, никто не догонит, такого шустряка.

Я вспомнил парочку прытких мутантов, с которыми бился врукопашную. Те двигались, если и медленнее, чем сто метров за три секунды, то ненамного.

— Не сказал бы, что это так сильно поможет. Видал я тварей не менее быстрых, — сообщил я Петровичу.

— А у меня тоже будет Дар? — жадно спросил он меня. — А какой, это зависит от возраста или из какого мира прибыл?

— Должен быть, у всех же бывает, если та девчонка не наврала мне, или не приукрасила. А какой... Тут я уже ничего не могу сказать, Петрович. Ладно, пора нам собираться, а то уже времени много прошло с этими экспериментами.

Заночевали в каком-то дремучем парке, заросшем настолько, что мне пришлось местами использовать топор. Зато после того, как устроились в самой чащобе и срубленными ветками перекрыли проход, пробраться без шума к нашей лёжке, ни у кого не выйдет. Ужинали опять всухомятку, опасаясь запахом дыма, навести на себя тварей. Петрович посетовал, что не нашли саморазогревающихся консервов, а ведь они встречаются самые разные — от каши и супа, до компота.

Дежурили по пять часов и, вроде бы, даже выспались оба. Мне этих часов, вполне хватило на отдых, по причине молодости. Да и Петрович с начинающейся старческой бессонницей, не жаловался.

Шли до двух часов дня, за это время сделал две остановки на отдых и лёгкий перекус.

Лёгким он был, по правде говоря, для напарника, сам же я лопал так, что за ушами трещало, и в порциях не обделял себя. В итоге, у нас осталось только на ужин, завтра уже придётся сосать лапу или выходить из лесов и искать ближайший кластер, чтобы разжиться продуктами.

Когда в лесу наткнулись на старую дорогу — две глубокие колеи, уже заросшие местами молоденькими деревцами и кустами, то решили идти по ней. И вскоре она сошлась с бетонкой.

— Странно как-то, — Петрович присел на корточки и пощупал край плиты, сантиметров на десять возвышавшейся над грунтовкой, — это кому в голову так пришло дороги строить?

— Это не строили, тут граница кластеров. Ничего не слышишь?

Напарник насторожился, повертел головой по сторонам, потом отложил оружие и приставил ладони, как локаторы, к ушам.

— Да вроде бы нет, а что случилось? — спросил он через минуту.

Там, — я махнул в сторону, где бетонка пряталась за деревьями, — я что-то услышал. Может, показалось?

— А может, и нет. Дорога-то не заброшенная, могло опять, какого бедолагу перенести сюда...

И тут впереди раздалось знакомое урчание. Судя по тому, как испуганно посмотрел на меня Петрович, сейчас он и сам слышал этот страшный звук.

— Бежим! — я толкнул его назад, в сторону зарослей на соседнем кластере, по которому проходила заброшенная лесная грунтовка.

Урчание раздалось ещё ближе и внезапно изменилось — до этого мутант, словно, жаловался на свою судьбу, а тут чистая незамутнённая радость в его голосе зазвучала.

— Беги!!! — заорал я, когда Петрович запнулся, стал притормаживать и оборачиваться назад. — Бросай мешок и беги! Я разберусь!

Сам же скинул сумку на землю, остановился и обернулся назад.

Меньше, чем в двухстах метрах от меня по бетонке мчался с безумной скоростью мутант в рваной юбке и остатках блузки. Лицо уже сильно изменилось, понять, насколько красива была дамочка при жизни, было невозможно. Двигалась она с невероятной скоростью.

«Накаркали, млин», — с досадой подумал я, вспомнив наш разговор про дары Улья и, в частности, повышенную резвость.

Между нами оставалось метров двадцать, когда я начал стрелять.

«Двадцать один... двадцать один».

Две двухпатронные очереди в грудь и голову, первая притормозила мутанта, вторая разнесла тому лоб.

Не успел я обрадоваться, как с той стороны, откуда примчался мутант, донеслись голоса ещё двух. И один из них звучал внушительно, даже громче и басовитее, чем у моего противника в городе, гонявшего меня по кустам.

На что они реагировали — на зов собрата или мои выстрелы, гадать не стал. Не всё ли равно мне сейчас? И удрать не выйдет — догонят с такой-то скоростью. Нет, уйти, к примеру, лично я смогу, но вот у Петровича шансов на это меньше нуля. И бросить его я не мог, не так воспитан.

А ещё я надеялся на свой дар.

Когда на бетонке показались две фигуры — одна поменьше и уродливый серый «халк»

— я стоял на границе кластеров с топором в руках. Автомат убрал, вместо него в кобуре лежал пистолет с патроном в патроннике.

Увидев меня, гигант взревел и резко ускорился, попутно сметая в сторону своего тщедушного коллегу.

«Раз-два-три-четыре!», — мысленно произнёс я, представляя стук палочки дирижёра, и миг спустя, в голове зазвучали невидимые барабаны.

Я отошёл на два шага в сторону, пропуская мимо себя ошарашенного монстра, у которого буквально перед носом исчезла цель. Если же вспомнить слова напарника, что он становился рассеянным, когда начинал думать про меня, то одну-две секунды мутант станет собирать свои мысли.

Так оно и вышло.

Тварь замерла в нескольких метрах в стороне от меня, удобно встав спиной и открыв кошмарный затылок, где бугрилась шишка — самое уязвимое место у подобных созданий.

Продолжая слушать барабанную дробь, я подскочил к чудовищу и нанёс со всей силы удар топором по затылку. От столкновения металла и тела у меня осушило руку, отлетели несколько осколков кости от горба мутанта и... всё.

Пришлось отпрыгивать назад, чтобы не попасть под взмах когтистой лапы. Мутант бил вслепую и поэтому вполне мог попасть.

Желание не поднимать шум, чтобы не привлечь внимание к себе, сыграло дурную шутку. Мой топор просто не смог пробить защиту на голове противника.

Не обнаружив никого позади себя, тварь на мгновение замерла, потом резво повернулась в сторону сумки с автоматом и одним прыжком оказалась рядом с моими вещами, нагнулся, стал принюхиваться.

Когда мутант опустил голову к земле, то его горб разошёлся на две половинки, открыв вид на половинку очищенного мандарина. Щель между костяной броней была достаточная, чтобы вбить в неё лезвие топора и тут же дёрнуть оружие на себя.

Наверное, нарост со спорами и горохом был самым уязвимым местом у таких существ. Вот и эта тварь после удара топора в сосредоточие чёрной паутины и гороха, осела на землю, горой мышц и костей.

Мелкого шустрика я добил после этого без проблем: на миг ему показался на глаза, а потом подловил в то время, когда он пронёсся мимо меня. Точно также хотел свалить «халка», но не ожидал, что столкнусь с природной бронёй.

Когда начал потрошить первого мутанта, из кустов вылез Петрович с автоматом в руках.

— Я это... испугался немного... извини, что не помог... сказал бежать я и побежал... а потом гля — нету тебя, а отсюда только рычание слышно, — с виноватым видом запыханно произнёс он. — Ну, я и назад помчался... нехорошо бросать-то... да и один, что я сделаю? Вдвоём же проще справляться с этими тварями...

— И правильно сделал, что бежал. Тебя бы эти твари, махом разделали. И автоматом не свети — не дай бог, ещё такой урод примчится, — я похлопал ножом по костяной пластине на черепе твари. — Сейчас соберу полезные ништяки и обойдём бетонку по лесу, от греха подальше.

Ещё четыре горошины и четырнадцать споранов получили к, уже имеющимся у нас с троицы тварей, встреченных в лесу. Попутно, получил ещё немного информации про местную фауну. Например, у мутанта в городе, шишка с горохом прикрывалась костяным щитком, растущим на голове, эдакий козырёк. А вот у только что убитого, ещё один щиток

рос на спине и почти всегда эти две толстые костяные пластины плотно соприкасались, закрывая спораны и горох, как две створки раковины моллюска. Становился уязвимым мутант в тот момент, когда низко наклонял голову, поднимая затылочный козырёк, над спинным.

А вскоре после стычки, принёсшей мне и Петровичу седых волос, произошла вторая встреча с местными жителями. Первая, которая чуть не стала для меня и последней, случилась несколько дней назад на крыше недостроенной четырёхэтажки.

Лес никогда тихим не бывает, постоянно шелестит листва, перепархивает птичья мелюзга, отваливаются сухие ветки или падают, поражённые болезнью или насекомыми, листья. Но, всё это привычный фон, к которому привыкаешь и начинаешь реагировать на нештатные звуки или движения, например метрах в двадцати впереди нас и левее слегка колыхнулась ветка — слева направо! Я уже привык видеть взлетающих птах и даже поначалу резко дёргался, пугая и Петровича, который в лесу ориентировался хуже меня. Так вот, при взлёте птицы, ветки качаясь, двигались вниз и вверх. И, понемногу, я привык за эти дни блужданий по дебрям к подобным движениям в лесу. Крупного же зверя, который мог бы задеть по горизонтали ветви, не видел совсем.

То, как шевельнулась ветка, означало, что кто-то там тихо прошёл, не наступив ни на один сухой сучок. Слишком непривычное движение, в лесном краю.

— Вниз, ложись, — прошептал я и растянулся на земле первым. — Да падай же, млин, Петрович!

Тот растянулся рядом, звякнув всем, чем только можно.

— Впереди вон в тех кустах, где понизу трава с крупными красноватыми листьями растёт, только что кто был. Может — зверь, может — человек.

— Твари?

— Вряд ли, пока что в тактике засад они не замечены. Но чёрт знает, что они вообще могут. Я сейчас уйду в скрыт, в маскировку, то есть, и гляну там, что к чему, а ты страхуй. Но без большой необходимости, не стреляй, а то наведём тварей на себя.

— Сделаю, — прошептал напарник. — Ты уж там аккуратнее.

— Да уж постараюсь, — хмыкнул я.

На этот раз стук ударов пульса в голове, был оглушительен и вызывал сильную боль. Почти также мне было плохо под конец вчерашней гонки с мутантом, по городской улице. Эдак откат словлю и вырублюсь скоро, нужно брать передышку.

Отошёл я всего на несколько метров, когда впереди раздался негромкий вопрос:

— Эй, вы кто такие? Обзовитесь?

Петрович дисциплинированно молчал, целясь в сторону неизвестного, раскрывшего своё укрытие.

— У меня глушитель на винтовке, мне вас свалить — как два пальца! Твари и не услышат даже. Так что, живо назвались!

Голос был мужской и сейчас в нём проскальзывали истеричные нотки.

Я вернулся назад, спрятался за кустом позади напарника и снял маскировку.

— Петрович! Поговори с ним, узнай, что ему нужно и кто таков. Если что, сообщи ему, что палец у тебя на спуске и в любом случае ты успеешь выстрелить и поднять шум.

— Понял, сейчас всё сделаю.

Вновь я исчез из этого мира для всех. Немного пафосно прозвучало, но зато точно описывает ситуацию со мной.

— А ты сам кто? Честные люди не караулят в кустах с глушённой винтовкой! — крикнул Петрович.

— Не ори, придурок! Тут крутой кусач со свитой ходит, — шикнул на него незнакомец. — Шпиг я, на Атлантисе бываю часто, на Угольном и Машковском жил недавно. Теперь ты, и товарища своего кликни, нечего прятаться в кустах, неправильно это. Не муры же вы, какие.

— Так и сам не торопиться показаться честному собранию, — сбавив голос, ответил напарник. — Сам я зовусь Петровичем из Шерстинска, товарищ мой оттуда же, а имя сам у него спрашивай.

— Откуда? Какой Петрович? Кто окрестил?

— Обыкновенный, от папы досталось, мама Николаем назвала. А Шерстинск, это город такой, — заговаривал зубы незнакомцу Петрович, пока я крался к тому месту, откуда звучал голос.

— Чего?! Да вы, мать-иху, новенькие?!

После этих слов кусты точно напротив меня зашуршали, и из них выбрался здоровенный мужик, лишь на голову ниже меня, но в плечах не уступал ни на сантиметр, в цифровом неновом камуфляже, высоких тропических берцах, в балаклаве зелено-коричневой и с болтовой винтовкой, оклеенной маскировочной лентой. На конце ствола оружия, имелся небольшой, размером с сардельку, глушитель. Тут незнакомец не соврал.

— Не стрельни, дурень. Я не враг вам, — сказал он, повесил винтовку на правое плечо и направился к моему напарнику, при этом неосознанно сделав шаг в сторону, обходя меня. — Новичков только муры, да внешники обижают. Честный же рейдер, никогда не тронет, даже поможет, чтобы от Улья заслужить карму.

— Стой там, стрелять буду! — всполошился Петрович и ткнул автоматом в сторону Шпига. — маску сними!

В этот момент, не желая терпеть боль в висках, я скинул маскировку. Ни единого звука я не мог издать, даже не шевелился при этом, но мужик проворно развернулся, скидывая оружие с плеча и направляя его на меня.

— Ты что это? Что задумал?

— Успокойся, Шпиг, ты угадал, что мы новички в Улье. Единственные местные нормальные люди, иммунные, чуть не пристрелили меня, поэтому приходится страховаться.

— Точно новички? — настороженно спросил он, не отводя ствола от моей груди.

— Точнее не бывает. Я тут дней пять. Петрович, всего второй...

— Да, считай, третий уже, — поправил меня тот.

— Третий, — повторил я. — Видел я и мутантов, и иммунных. И те и другие, хотели убить.

— Чудно. Первый раз вижу новичков, которые шарят в местных реалиях и как колобки в сказке: и от дедушки ушел, и от бабушки ушёл. Кто это тебя хотел пристрелить?

— Да не всё ли равно? Может, приняли меня за заражённого, может, помешал в их делах.

— Ну да, это не моё дело. Ладно, — он вернул винтовку на плечо, — давай отойдём в сторонку и поговорим нормально, не тыча друг в дружку стволами и стоя на виду, как три тополя на Плющихе. Двигайте за мной, — и он шагнул в кусты, в которых до нашей встречи прятался, больше не обращая внимания на меня и Петровича.

Через две минуты мы сидели на вершине небольшого холма, неведомыми капризами

природы оказавшегося посреди леса. От местной растительности отличался густотой кустарника и возрастом деревьев, те были раза в три толще, чем у подножия. Хватало на холме и бурелома, ям от выворотней и старых, со сгнившей серединой пней. По едва заметной стёжке, Шпиг привёл нас к шалашу или землянке, точнее и сказать не могу, только описать — могучее дерево рухнуло, оставив в земле внушительную яму. А позже, человеческая рука накрыла его невысоким шалашом из жердей и маскировочной сетью, третью сторону, закрывали корявые корни выворотня, четвертая, служила входом.

— Здесь стаб удобно встал, на стыке четырёх кластеров, — пояснил он нам. — Мутанты не лезут, понимают, что поживы здесь не найти. А сверху можно следить за обстановкой и укрыться от перезагрузки.

— Ждёшь перезагрузку, потом мутантов, и бьёшь их ради гороха и споранов? — спросил я.

Тот посмотрел на меня и покачал головой:

— Какие нетипичные новички пошли. Почти во всём угадал, но ошибся в целях: мутанты мне не нужны, а вот хабар с кластера — очень даже.

— Это из-за глушителя. Думал, что спецом поставил, чтобы не привлекать внимание к себе выстрелами.

— Глушитель звук не сильно гасит, но рассеивает и кажется, что стрелок сидит намного дальше. Да и в целом, мне нет резона охотиться на тварей, выход не тот, а риск, выше многократно.

В шалаше места оказалось для двух человек, третьему, даже если всем свернуться калачиком, уже никак не уместиться, поэтому устроились снаружи, прикрытые густыми зарослями со всех сторон.

— Парень, а ты не скажешь, сколько до вашего ближайшего города идти? — спросил у него Петрович.

— Зови меня Шпигом.

— Петрович.

— Забудь про Петровича, — поморщился тот, — старые имена тут не в почёте, даже хуже того, могут не пустить на стаб, или прогнать из команды, если станешь за него цепляться. Улей не любит этого, он всем здесь даёт новую жизнь и новые имена.

— Да где ж его взять-то, мил человек? — удивился мой напарник.

— Ну, — Шпиг смешался, — обычно, новичкам даёт имя кто-то из рейдеров, кто первый их повстречал, или командир группы. Крестным становится.

— То есть, это ты?

— Не, — его собеседник тут же выставил руки вперёд, словно, отгораживаясь от слов человека напротив, — я не стану. Крёстный из меня так-сяк, а я не хочу разозлить Улей, если облажаюсь.

— И где ж тогда нам имена новые раздобыть? — продолжал наседавать на него Петрович. — Сам же сказал, что со старыми нас никуда не пустят.

— Вас, как раз и пустят. Новичков стараются не обижать, помогают, если возможность есть.

— А если обидят, то Улей накажет?

— Ты не хохми, дед, — нахмурился Шпиг. — Здесь свои правила и законы, свои условия жизни. Вон муры, не верят ни в бога, ни в чёрта, ни в Улей и потому дохнут пачками. Иногда на ровном месте смерть находят. Под выстрел снайпера, единственные из

толпы попадают, подрываются на mine, где перед ними, уже прошли.

— Муры, как понимаю, бандиты всяческие? — поинтересовался Петрович, получив кивок в ответ, продолжил. — Так что ж они с нормальными, э-э, рейдерами ходят по минному полю? Или тут такие законы, что можно и такое? Сегодня он душегубствует, а завтра идет в кабак, и пьёт спокойно пиво с теми, на кого вчера засаду устраивал?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Не знаешь — не говори. Много здесь всякого народу, за всеми не уследишь, бывает и так, что перекрашиваются всяческие твари. Выдают себя за честного человека и живут рядом со всеми. Пока правда не раскрывается. Или же Улей не накажет.

— Хм, — хмыкнул Петрович.

— Не хмыкай, поживёшь с месяц, и сам всё поймёшь. Если проживёшь, конечно.

Пока эти двое чесали языками, я вертел головой по сторонам и всматривался сквозь просветы зарослей. И кое-что высмотрел.

— Шпиг, а что там за здание белеет впереди?

— Не твоё дело, — отрезал он.

— Как знаешь, — примиряюще произнёс я. — Я просто спросил, в твои дела лезть не собираюсь.

Тот покатал желваки на скулах, потом нехотя ответил:

— Да чего уж там. Караулка стоит от военных складов.

— О как! Шпиг, а что на тех складах? — спросил его Петрович. — И большие они? Может, нам что-то перепадёт?

— Нет там складов, только караулка. И не перепадёт там ничего, после того, как вы стрельбу устроили, — со злости ответил он. — Удивляюсь, как вообще твари на вас не вышли. Там же кусач с лотерейщиком и несколько бегунов крутятся! Слух у них первоклассный, не уши, а прямо локаторы!

Петрович быстро посмотрел на меня, воспользовавшись тем, что наш с ним собеседник машинально посмотрел в сторону караулки, мол, расскажем или промолчим?

— А что в той караулке ценного? Может, мы поможем тебе разобраться с тварями, а ты поделишься? — предложил я.

— Поможете? — развеселился Шпиг. — Да вы прям Твинченки, юмористы хоть куда! Вот не были бы вы новичками — погнал бы я вас, куда подальше из этого места.

— Да не злись, Тарас дело говорит. Нет, так нет, просто, объяснил бы, почему наша помощь тебе не нужна? Или там ценностей, на одного только? Так мы и уйти можем, только скажи куда, — сказал Петрович ему.

— Вот не махали бы автоматами на дороге, то и шли бы себе, — мрачно произнёс Шпиг и нервно дёрнул щекой. — Испугался, что пальбу устроите и тварей приманите к моей лёжке, они же прямо через холм могли побежать, а там бы унюхали мои вещи и пиши пропало. Вам и так повезло, что на выстрелы никто не успел примчаться... или это были не вы?

— Мы, — решил я сказать правду. — Наткнулись на одного грязного мутанта. Пришлось стрелять, следом за ним ещё прибежали двое, один так чудовище прям, на спине горб костяной из двух половинок и пасть не меньше, чем чемодан.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался рейдер, — а дальше что? Как удрали? Выстрелов много я не слышал, а чтобы свалить кусача, так это там из пулемёта ленту высадить нужно. Или вас больше было, и только вам и удалось удрать, пока остальных рвали на куски?

— А у Тараса Дар есть особый, он и завалил тех мутантов, — сказал Петрович прежде, чем я успел раскрыть рот.

Я аж от досады поморщился.

— Да-ар?! — с сильным удивлением протянул Шпиг. — В натуре? И какой?

— Обычный, — ответил я. — Шпиг, ты сам тут секреты разводишь, с чего нам перед тобой откровенничать?

— Неплохой у тебя Дар, если с кусачём справился, — покачал головой Шпиг, потом чуть подумал и сказал. — Ладно, вот моё слово: поможете завалить тварей у караулки, и я поделюсь с вами трофеями.

— Оружием? Патронами? — тут же принялся выяснять Петрович. — Пайками? Что там вообще лежит? А то может и не нужно нам такое добро, даже продать или донести не сможем.

— Донести немного сможете и спрос на снаряды высокий. Там тридцатка в ящиках лежит от пушки бээмпэшной. За каждый снаряд, минимум три горошины дают, а могут и четыре, если дефицит у них на такие штуки.

— И сколько они весят? — спросил помрачневший Петрович. Видать, уже представил, как ему на плечи положат ящик снарядов.

— Немного, меньше кило. Из лент выщелкаем и в мешки положим. Уж десяток-то, допрёшь как-нибудь!

— Как-нибудь... — пробубнил Петрович.

— Да это чистые деньги! — возмутился Шпиг. — Тридцать горошин получишь. Сможешь пару недель на нормальном стабе перекантоваться с полным сервисом. Знахарю заплатишь, чтобы Дар твой помог открыть, приборавлишься. За это время присмотришься, решишь для себя, чем заняться. И тебе, — Шпиг посмотрел на меня, — тоже за снаряды нужно хвататься руками и ногами, если желаешь развивать свой Дар. Он только после гороха и растёт. Об этом хоть знаешь, новичок, или не просветили?

— Так, парой слов.

— Блина, — внезапно выругался он, — всё болтаю с вами... Вы как себя чувствуете?

— Нормально, в тварей оборачиваться не собираемся, — поспешно ответил Петрович. — Так что не бойсь.

— Да я не об этом. Вы живец пьёте, знаете про него? Тарас, ты-то должен знать, точно, раз пять дней здесь и ещё копыта не откинул. Но если что, то могу немного налить. Но немного — самому мало, не рассчитывал на вашу компанию.

— Живец? Нектар, может быть? — уточнил я.

— Нектар, живец, смак, — махнул рукой тот, — по-разному называют. И если спрашиваешь, значит в курсе. Вас одарили напитком те неведомые доброхоты, которые чуть не пристрелили и рассказали о жизни Улья?

— Можно сказать и так. Неважно это, Шпиг. Нектар у нас есть, мы знаем, как его делать. Спасибо за заботу, признательны тебе за это, но давай вернёмся к снарядам и проблеме, как их получить.

— Ну, проблема уже наполовину убавилась, если кусача с парой бегунов завалили...

Шпиг приоткрыл завесу над тайной караулки и своего логова на холме неподалёку. Оказывается, с некой периодичностью в лес переносится караулка с территории воинских складов. Сами склады, к сожалению, перезагрузка не трогает, но даже в караулке есть чем поживиться. Внутри, в оружейной комнате постоянно лежат три ящика со снарядами к

тридцатимиллиметровой пушке, это чуть более полутора сотен штук. А иногда перезагрузка захватывает «шишигу», ещё с пятью ящиками, но вот это, происходит очень редко.

Шпиг случайно узнал про этот кластер, двухэтажное небольшое строение совсем его не прельстило, и он ушёл по своим делам, после обнаружения. Через несколько дней ему пришлось драпать по собственным следам, забаррикадировался в здании и сутки провёл в осаде. Пока отбивался от мутантов, нашёл оружиеку со снарядами ящиками и на радостях чуть не умер от сердечного приступа. Потом едва не схлопотал второй приступ, когда пополз кисляк. Но не было бы счастья, да несчастье помогло: при первых признаках перезагрузки, все мутанты, которые сидели под окнами и облизывались на вкусного иммунного, дружно удрали прочь.

После перезагрузки, за которой Шпиг наблюдал с макушки холма-стаба, случайно найденного при паническом драпе, Шпиг наведлся в караулку и стал обладателем трёх ящиков самых ходовых снарядов в Улье.

О том, что случилось с солдатами, попавшими под перенос, он не стал рассказывать. Думаю, при таком отношении к новичкам, просто дождался перерождения или первых признаков заражения и прикончил, пока те в силу не вошли.

С той поры (с какой не уточнил) он так здесь и пасётся, предпочитая постоянный и немалый доход, риску охоты на мутантов.

С последней перезагрузкой ему не повезло. Из-за непредвиденных обстоятельств немного опоздал, а когда появился на стабе, то увидел, что на нужном кластере уже пасется стая мутантов во главе с сильной тварью. Перезагрузка перенесла двойной комплект караульных: новую и старую смену, плюс, машину с водителем и пассажиром, которые быстро переродились. На новый кластер, ко всему прочему, примчались старожилы Улья — лотерейщик и кусач (или два лотерейщика и один потом отожрался на человечине), плюс, уцелели несколько бегунов из вояк, плюс, мутанты притащили свиту, как раз та дамочка и была свитской, местные в остатках камуфляжа бродят, их по этим лохмотьям можно отличить. Иммунных, если такие были, и всех слабых мутантов, к этому времени сожрали.

Шпиг и не знал, что делать: горевать из-за лишних соседей или радоваться, что опоздал, и его не схватили за зад гости, при загрузке хабара в рюкзак.

Сейчас, когда узнал, что часть мутантов уничтожена и среди этой части, самый сильный, он загорелся идеей перебить остальных с нашей помощью, немедленно.

Пришлось его огорчить.

— Не, Шпиг, сегодня никак. Дар у меня только открылся, при использовании устаю сильно, продолжительность не очень, самочувствие, соответствующее. Сам об этом должен знать, — отказался я участвовать в немедленной битве добра со злом. — Завтра давай.

— А если завтра ещё набегут? Мало того, если сегодня заберём снаряды, то завтра к обеду, уже на стабе будем. А там можно успеть на караван, который к вечеру привезёт нас к покупателям снарядов.

— Караван? — удивился я. — Откуда?

— От верблюда. Думал, что у нас тут сплошная дикость, выживаем, как можем, носимся, вроде дикарей из пещерного века, где все против всех? Ничего подобного! У нас есть города, даже области целые из десятков стабов, и на тех областях зачищают тварей в ноль, при перезагрузке кластеров, сортируют иммунных, создают границы и не пускают тварей внутрь, к заселённым стабам. А между ними — стабами и областями, ходят караваны с товарами, переселенцами, рабочими и много ещё чем. Слушай, давай ты сам потом

подробности узнаешь, а? Время просто жалко.

— Точно завтра будем на стабе?

— Ей-Богу! — Заверил меня рейдер. — Мамой клянусь.

Грызли меня сомнения, что смогу справиться с тварями и удержу свой Дар до конца драки. Когда подкрадывался к Шпигу, то уже тогда проявились сильно негативные симптомы.

— Ты моего живца глотни, он у меня на рад-споранах сделан, ничего лучше нет. Для Дара, самое то, меньше неприятных последствий, быстрее восстановление, — подкатил с другой стороны Шпиг и протянул свою флягу.

Отказываться я не стал, но потом, вернув ёмкость владельцу, сообщил:

— Через час начнём, а пока отдохнуть нужно.

— Через час, так через час, время пока есть, — покладисто согласился он со мной. — Можешь вздремнуть, я толкну потом.

В деле уничтожения мутантов приняли участие я и Шпиг. Он сменил винтовку на револьвер с глушителем, я вооружился топором, закинув за спину автомат, а в кобуру пистолет.

Первую скрипку предстояло сыграть мне.

Караулка — двухэтажное здание из старого силикатного кирпича с одним входом, пустовала. Ни единой твари рядом с ней, не было. Осмотрев все комнаты, коих и было всего восемь, вместе с оружейной, я вернулся к Шпигу.

— И? — поинтересовался он. — Что там? Неужели всех один кончил?

— Никого нет. Ни в задании, ни в машине. Рядом тоже никого, если только не спрятались в кустах.

Шпиг задумался, потом предположил:

— Возможно, помчались на звуки ваших выстрелов и сейчас там бродят. Тут одни кости остались, они их не привлекают.

— Мы с Петровичем там долго пробыли. Убили, подождали новых, не дождалось, вскрыли шишки на головах и удрали.

— Не шишки, а споровые мешки, — машинально поправил он меня, почесал затылок. — Бывает и такое, что теряют направление звуков, замирают и так стоят, пока новую цель не заметят или не проголодаются. А лотерейщик, скорее всего, уже далеко, ему пищи много нужно, такие как он, на месте не стоят. Ладно, зовём Петровича и ставим его на фишку, сами начнём ящики таскать на холм, а потом уж займёмся сортировкой и набивкой мешков...

— Вон стаб. Наш перевалочный пункт, — указал ладонью на верхушки высоких тополей в трёх километрах впереди нас, Шпиг. — Ещё минут сорок пёхом и будем дома. Ну, почти...

— Поскорей бы, — устало вздохнул Петрович.

Ему приходилось хуже всех. Даже живец, который играл роль неплохого стимулятора, мало помогал пожилому человеку. В его мешке лежали восемь тридцатимиллиметровых снарядов, больше брать он отказался наотрез. У меня двадцать штук и я сейчас подумал, что ещё бы штучки три-четыре свободно донёс в рюкзаке. Больше всего тащил Шпиг — целых пятьдесят снарядов! Но рейдер в Улье уже прожил почти два года, за это время организм изменился, прибавилась сила, ловкость. Плюс, Дар сказывался. У Шпига была способность на время становиться невероятно сильным, в такие моменты, он мог, не напрягаясь, плечом сдвинуть с места железнодорожный вагон. Усиленно вскормленный горохом, Дар работал в несколько процентов от своих возможностей и в обычном состоянии Шпига, делая и так неслабого человека, ещё сильнее. Так что, эти сорок с лишним килограмм для рейдера, были не запредельной ношей.

Вообще, любой Дар рано или поздно становится неотъемлемой частью жителя Улья. Силовики всегда сильнее прочих рейдеров, шустрилы — быстрее, даже шаг у них очень быстрым становится, кто умеет метать огонь, у тех температура тела на пару-тройку градусов выше, достигая смертельных значений, по меркам Земли. С теми, кто раскачал дар электричества, лучше не здороваться — ударит током, словно, где-то провод коротит, а ты коснулся незаземлённой поверхности.

У меня же, в далёком будущем может возникнуть ситуация, что перестану попадаться людям на глаза, стану эдакой невидимкой для всех.

Но это дело не одного года, и даже десятилетия.

Шли мы сначала по ровной пыльной грунтовке, но метров за триста до тополей, за которыми пряталось поселение рейдеров, грунтовка сменилась старым избитым асфальтом. Описать эту дорогу можно так: не асфальт с ямами, а канава с кучками асфальта.

В ста метрах от начала раздолбанной дороги, на обочине, на специально отсыпанной площадке (или в старом родном мире этого кластера здесь был выступ для автобусной остановки или отнорок под тягач-дальнобой), стоял блок-пост из бетонных блоков. Никаких мешков с песком или землёй, не было и в помине, зато хватало витков колючей проволоки, спиралей «егозы», «ежей» из заточенной толстой арматуры. Амбразуры в «блоке» узкие и длинные, с торчащими из них рыльцами знакомых пулемётов. И знакомых не только мне.

— Шпиг, меня глаза подводят или там, в самом деле, стоят «максимки»?! — поинтересовался у нашего проводника Петрович.

— Ага, они самые. Где-то раздобыли целую кучу со складов длительного хранения, сделали спарки, есть и счетверённые установки. По мутантам из таких палить, милое дело! Ствол водой охлаждается, можно лупить длинными очередями. Элиту это не остановит, но такие твари редко сюда забредают, а вот горошники, валяются как фишки домино. И банды муравьев любо-дорого сразу из нескольких стволов валить, там же и бронебойные имеются, всяческие шушпанцеры, шьют в лёгкую. Кстати, будут попадаться винтовочные патроны варшавского союза, то сюда тащите — купят по твёрдой цене. Это если неподалёку попадутся, издали, смысла нет везти на своём горбу.

— Варшавского союза? — не понял я. — Что за патроны?

— Э-э, молодо-зелено, — покачал головой Петрович и ответил мне вместо рейдера. — Это наш, российский, калибр. Вон, у тебя в рожках патроны к автомату стандарта варшавского союза.

— Обычные у меня патроны, российские, — буркнул я. — Шпиг, а какие ещё патроны бывают? В калибрах сильный разбег?

— Да не, считай, что и нету никакого разбега, все патроны из разных кластеров одинаковые. Есть натовский стандарт, и есть варшавский. Стволы могут отличаться названием. Формой или даже питаемыми боеприпасами, но сами патроны, во всех мирах одинаковые.

За время разговора дошли до блок-поста, и тут нашу болтовню прервали. Метров за тридцать до постройки, в бойнице возникло шевеление, сразу пара пулемётных стволов сдвинулись в нашу сторону.

— Стоять! — рявкнули со стороны «блока». — Кто такие?

— Арт, ты что ли? — крикнул в ответ Шпиг. — Я Шпиг, со мной два новичка иммунных.

— Шпиг? Хм... ладно, топайте в посёлок, только за оружие не хватайтесь. На днях тут залётная банда разнесла «Титоныча» и сейчас там все на ушах. Ты, вообще, надолго? А то вечером меня сменяют, и можем в нарды повоевать?

— Не, Арт, я пас. Дождусь караван и дальше рвану.

— В Атлантис с хабаром? — догадался невидимый собеседник. — Тогда поспеши, а то колонна уже часа два как в посёлок вошла, того и гляди, укатит дальше.

— Бляха-муха, — выругался Шпиг, потом посмотрел на меня с Петровичем. — Так, мужики, живее шевелим ногами, если не желаем тут пару дней торчать. А местечко тут такое, что от скуки шарики за ролики за эти сутки зайдут быстро. И «Тритоныча» ещё разнесли какие-то суки.

— А это что? — спросил у него Петрович.

— Местный клуб, бар, баня, бордель с бильярдной и кегельбаном. Ладно, надавим, давай!

И мы надавили. Чуть ли не бегом промчали оставшееся расстояние до посёлка, проскочили мимо очередного поста с «максимами», лишь на минуту задержавшись для дачи пары ответов, пронеслись по единственной улице, по сторонам которой стояли одно- и двухэтажные постройки. Очень быстро сердце застучало с предельной скоростью, пот залил глаза, а воздух приходилось откусывать в буквальном смысле по кусочку и потому стало не до просмотров местного жителя-бытья.

— Уф, успели, — сообщил Шпиг, когда мы оказались возле блок-поста на другой стороне посёлка, за которым на бетонной площадке стояли около десяти грузовиков и два БТР-80. Ан, нет, вон за могучими машинами стоят два пикапа, сделанных на базе могучих джипов. В открытых кузовах пикапов располагаются вертлюги с тяжёлыми пулемётами, что-то вроде НСВТ или ДШК.

— Пошли заселяться, — скомандовал Шпиг. — Нам бы голову тут найти.

Голова или старший караванщик, нашёлся рядом с бронированным «камазом», самым дальним от блок-поста. Молодой мужчина, пожалуй, около тридцати лет, худощавый, среднего роста. Лицо узкое и выбритое до синевы, это и неудивительно, учитывая, что он жгучий брюнет. Карие глаза смотрят холодно, постоянно ожидая от окружающего мира

подлянки. Одет не в камуфляж, в котором я уже привык видеть местных (те девчонки, потом Шпиг, сейчас бойцы на постах)

— Что нужно? — вместо ответного приветствия спросил он у Шпига.

— С караваном до Атлантида дойти.

— Сами откуда? Кто такие?

— Я Шпиг, а эти парни новички, даже не окрестил ещё никто.

В холоде взгляда прорезался интерес.

— Иммунные?

— А какие же ещё? — удивился наш проводник. — Молодой уже чуть ли не неделю в Улье, даже Дар прорезался. А его товарищ дня четыре, считая сегодняшней. Признаков заражения нет, да ты и сам видишь.

Голова кивнул:

— Хорошо, беру всех троих. Есть автобус и бочка, куда полезете?

— В бочку, конечно, — тут же произнёс Шпиг. — На автобусы, никаких споранов не хватит.

— Заплатите старшему машины, — произнёс караванщик и отвернулся, показывая, что на этом разговор окончен.

Бочкой оказался бывший полуприцеп, с которыми рассекают по дорогам Земли дальнбойщики. В Улье же вместо брезентового чехла наварили стены и потолок, в форме арки из трехмиллиметрового листового металла. В стенках, где-то в метре от пола, были прорезаны узкие отверстия-бойницы. Сиденья (простые лавки со спинками), мастера расположили лицом к бортам. Округлая форма, скорее всего, для неудобства мутантов и, вдобавок, металл обварили частыми шипами, решётками и мотками «егозы».

Петрович, как только увидел, на чём ему придётся сидеть немалый путь, тут же пошёл на попятную:

— Не, я на таких досках не поеду! Ну нахрен, подобное счастье.

— В автобус тогда иди, там тебе мягкие сиденья предложат и цену раз в пять больше, чем здесь, — резко ответил ему Шпиг. Потом посмотрел на меня. — А ты куда? Со мной или тоже в комфорт? Учти, здесь спораны так просто не даются, лучше потерпеть, чем выкидывать на ветер за несколько часов комфорта.

— Я с Петровичем, Шпиг.

— Ну, как знаешь. Тогда бывайте, — рейдер быстро пожал руки и скрылся в «салоне».

Автобус был сделан на базе трехосного грузовика, вроде бы «урал», но могу и ошибаться. Из окон все стёкла удалены и заменены металлическими пластинами с узкими бойницами, дополнительно борта и потолок обварены листовым толстым железом. Из таких, ворота делают на гаражах. Сразу за кабиной торчала бородавкой самодельная башенка с длинным пулемётным стволом. В автобусе стояли в два ряда у заваренных окон кресла с мягкой обивкой.

И за всё это потребовали по шесть споранов, в то время как проезд в «бочке» стоил всего два.

— Патронами возьмёте? — спросил Петрович. — Семёрка автоматная.

— Натовская, или для калаша? — уточнил старший машины, здоровенный детинушка в российской зелёной «цифре».

— Для калашникова.

— Тогда с тебя рожок, полный.

— Да что ж так дорого-то? — удивился Петрович.

— Вали в бочку, там дешевле.

— Да ладно тебе, парень, не лезь ты в бочку, — миролюбиво произнёс мой товарищ. —

Рожок так рожок, вот, держи.

Рейдер посмотрел вниз магазина на золотистый пяточок капсюля, надавил на верхний патрон пальцем.

— Очень надеюсь, что там не карандаши насовал, — сказал он и посмотрел на меня. — У тебя тоже патроны?

— Нет, спораны.

Через полминуты мы с Петровичем заняли мягкие, хоть и замурзанные сильно, кресла в автобусе. Кроме нас тут сидели всего пять человек, с интересом посмотревшие, но воздержавшиеся от вопросов.

— Ох, как же здорово! — Почти простонал от удовольствия товарищ, регулируя кресло для большего комфорта. — Всегда бы так катался.

Только мы устроились, как в караван оживился — забегали бойцы, загремели сапоги стрелков в башнях по стальным ступеням, водители заняли свои места и запустили двигатели, как обычно зазвучал мат и поминание нерадивых личностей.

Сначала я пытался смотреть за пейзажем сквозь щель бойницы, но потом в тепле разморило, покачивание на ухабах внесло свою лепту, и вскоре меня сморил сон. Проснулся от резкого писка в салоне и первое, что увидел, когда открыл глаза — мигающую большую зелёную лампу на стене рядом с кабиной.

— Это что такое? — спросил я у рейдера в соседнем ряду.

— Зелёная остановка. Мальчики направо, девочки налево! — гоготнул он. — Новичок?

— Ага, — кивнул я, подхватил оружие, мешок и выскочил на улицу. Оставлять вещи в салоне опасался, мало ли что, кому потом претензии предъявлять? А снаряды, как я понял, здесь в цене, и желающие поживиться бесхозным добром, найдутся быстро.

— Это ты зря так, с вещами, тут не воруют. Кривой мигот оторвёт башку, если кого поймает на этом, — сообщил мне тот же рейдер, с которым я заговорил перед выходом на свежий воздух.

— Да я не воровства боюсь, просто, уже привык всё своё носить с собой. Мало ли что случится, вдруг придётся драпать со спущенными штанами и времени в автобус вернуться не будет? — немного слукавил я.

И вновь я уснул, стоило колонне возобновить движение. Под бронёй и защитой пулемётов совсем размяк, та тугая пружина, сжавшаяся под сердцем, понемногу, виток за витком расслабилась.

Проснулся, когда автобус остановился.

Сквозь бойницы мелькали узкие лучи фонарей, где-то впереди светила целая гирлянда ламп.

— Где мы? — спросил я у соседа.

— К Засечному приехали, небольшой стаб перед Атлантисом, он тут вроде заставы, фильтрационного пункта и культурного центра для тех рейдеров, кому нужно только гульнуть как следует и баб пощупать, в Атлантисе правила жёстче, там мигот в чёрный список внесут, и тогда даже в Засечном никто общаться не станет, — охотно сообщил рейдер, потом наклонился вперёд и протянул через проход правую руку. — Я Мох, девять месяцев тут уже, считай, инкубационный период прошёл, и я полноценно родился, ха-ха. А

ты новичок, я в курсе. Старое имя можешь не называть, не стоит за него держаться.

Рейдер оказался смешливым парнем, гыгыкал, плоско шутил, рассказал пару весёлых историй. Тонкого юмора не показал, но и навязчивости от него не было. С такими людьми как он, хорошо отдыхать в компании, снимать стресс пивом и водочкой с девочками. После мутного и скрытного Шпига, новый знакомый казался отличным и располагающим к себе приятелем.

— А вот и контролёры, сейчас посмотрят, сверят ментокарты с нами, и можем катить дальше, — сказал он. В салоне зажглись светодиодные плафоны на потолке, потом скрипнула дверь, к нам зашли двое мужчин и сразу направились ко мне и Петровичу.

— Новички? — спросил один из них, сам среднего роста с причёской «ёжиком» и внимательным взглядом серых глаз. Был одет в простые коричневые штаны с накладными карманами чуть выше колен, тёмно-серую рубашку и жилетку-сеточку с кучей кармашков и карманов, которые все были чем-то заняты, судя по их оттопыренному виду.

— Ага.

— Да.

— Давно?

Мы с Петровичем сообщили, потом назвали возраст и место, откуда пришли. И вот тут вышла закавыка — Шерстинск неизвестный знал, а вот про тот городок, в котором я оказался, нет.

— В Атлантисе на КПП скажите, чтобы вас к Магдалине отвели, ясно? И сам сообщу туда сейчас, если вы вдруг забудете, — сказал он, после чего развернулся и вышел из автобуса.

— Кто такая Магдалина? — едва за парочкой закрылась дверь, обратился к Моху.

— Особистка, вроде как. Новичков сортирует, подозрительных типов раскалывает. Она ментат неплохой у них, ментокарты снимает, с таких как вы, кто только что в Улье появился.

— Ментокарты? Сынок, ты бы по-человечески рассказал, — попросил Петрович.

— Да есть такая штука — ментокарта. Листок бумаги, иногда в пластике ламинируют его, и там всяческие точки, крючочки да палочки. Вроде как в прописи школьной, но работает, как штрихкод на продуктах. Для каждого такая запись уникальна, повторов нет, изменить невозможно, если только золотую жемчужину не съешь. Но после такого, ты богом станешь, сможешь хоть в элитника превращаться, хоть скопировать любого из рейдеров и даже выйти во внешний мир и не занести туда болезнь.

— Легенда это всё! — тут же сказал сосед через два кресла впереди. — Нет золотой жемчужины, как нет и главного кластера! Сами рейдеры придумывают сказки, а потом в них верят, это вроде философского камня, в средневековье.

— Средневековье было на Земле, а здесь Улей! — запальчиво ответил Мох. — Тут есть всё, здесь другие законы, ясно? Я сам слышал...

— Слышал, как твой знакомый рассказал о случае, когда тот подслушал беседу двух трейсеров, которые шептались, как им довелось услышать от одного рейдера про жемчуг золотой, после чего тот рейдер ушёл в центр Улья и обещал вернуться через год.

— Да иди ты... — огрызнулся на него Мох, потом обратился ко мне и Петровичу. — Вы его не слушайте, он сталкер обычный, даже не трейсер, а уж про стронга, ему лишь мечтать и остаётся. Вот и копит желчь, всему не верит.

— Сынок, ты мне про карту эту расскажи, что за зверь вообще? Может мне её, и делать не нужно.

— А это уже не от вас зависит, — пожал он плечами. — На любого новичка делают ментокарту или рейдера, если до этого такого не случилось. На некоторые стабы даже могут не пустить, если ты не желторотик, а бывалый ходок, но в базе про тебя нет ничего.

— Так что это? Палочки-точки это ерунда, для чего она вообще нужна? — прервал я его разглагольствования.

— Чтобы различать рейдеров. Здесь же кластер за кластером перезагружается. За год, один и тот же город может раз пятнадцать мигнуть, бывает, что два одинаковых человека становятся иммунными — и тот Петров, и этот Петров, оба на одну морду. Или разные люди, но крещёные Ульем одним именем, Монахом, к примеру. И как их тогда различать? Как узнать, что вот этот Монах честный сталкер, а вон тот — гнилой мур? Вот тогда и достают ментокарту и сверяют.

— И карта никогда не врёт? — уточнил я.

— Никогда. Что-то там с особыми волнами, которые испускает наш мозг и тот паразит, который в нас сидит. Эти волны накладываются друг на друга и создают уникальное и эксклюзивное ментополе, которое и видит ментат.

— Хм, понятно. Типа паспорта?

— Не совсем. Паспорта тут тоже есть, на гражданских стабах выдают. Гражданство даже есть! В общем, ментокарта — это ментокарта, а паспорт — просто паспорт.

— Сынок...

— Зови меня Мохом, хорошо? — перебил моего товарища парень.

— Хорошо, хорошо, — закивал Петрович, — я же не обидеть хотел, привык к молодёжи так обращаться, вот к языку и приклеилось. Мох, а расскажи ещё что-нибудь про Улей, а? Про муров, стабы, ментатов, про Атлантис, куда катим сейчас, чем здесь можно заняться человеку с прямыми руками, ещё интересно, все ли копии человека иммунные или только одна?

— Ок, — кивнул тот, — что знаю и успею — расскажу...

— Дамы и господа, — прозвучал насмешливый голос в динамиках салона, — прибываем к конечной остановке — Атлантису. Просим не забывать свои вещи, но если забудете спораны и горох, то мы вас простим за эту забывчивость и поблагодарим, вспомним добрым словом за стаканчиком сакэ в уютном баре.

Нас высадили на бетонной площадке, ярко освещённой мощными прожекторами. За площадкой начинался небольшой подъём, дальше стояли бетонные блоки, два шлагбаума, блок-пост...нет, скорее всего, караулка, просто окна совсем маленькие, совсем как бойницы. У шлагбаумов стояли несколько человек с оружием, к счастью, на нас оно не было направлено: пистолеты и ножи покоились в кобурах и чехлах, автоматы висели на плече или за спиной.

— Пошли, Петрович, представимся местным важнякам, — сказал я.

— Потопали, — вздохнул он.

Немного бил мандраж, когда с десятком своих попутчиков, двигался к «блоку». Возле шлагбаума обратился к первому попавшемуся солдату:

— Меня и товарища должна ждать Магдалена. Как пройти к ней?

Тот удивлённо посмотрел на меня, потом усмехнулся:

— Ждёт Магдалена?

— Угу, — кивнул я.

— Свидание назначила, что ль?

— Свищ, пошёл отсюда, живо! — произнесла молодая женщина, незаметно оказавшаяся рядом. Высокая, но какая-то болезненно худая, даже бесформенный камуфляж не скрывал её худобу. Автомата у неё не было, вместо него на левом боку висела кобура с большим пистолетом, справа узкий длинный кинжал или, быть может, кортик с крестообразной гардой, витой рукоятью и навершием, в виде какой-то зверушки.

— Да, Люси, понял, — торопливо произнёс хохмач и очень быстро умчался подальше от нашей компании.

— Вы новички, про которых с Засечного сообщили? — строго спросила она Петровича обратившись, видимо, как самому старшему.

— Новички, ага, а вот про то, что там и откуда сообщали — не в курсе, — развёл тот руками. — К некой Магдалене нам сказал один солдатик сходить, когда в Атлантике окажемся.

— Идите за мной, — приказала она, повернулась спиной и быстро пошла прочь от блок-поста. Мы тронулись следом. Через минуту мы стояли у небольшого двухэтажного здания, которое очень напоминало караулку, откуда вчера таскали снаряды. Отличия были в стенах и окнах: вместо кирпича — бетонные блоки, вместо стандартных окон — узкие и очень длинные, горизонтальные, в которые сможет пролезть только очень худой человек или ребёнок. Это если он протиснется сквозь прутья решётки.

На входе дежурил постовой за решёткой, делящей коридор пополам. Экипировка у бойца, та ещё: мощный бронезилет пятого класса защиты с фартуком и воротником, тяжёлая каска с протипопульным забралом, в руках незнакомый автомат буллпап, с большим магазином, коротким, но внушительного калибра, стволом.

По его требованию, нам с Петровичем пришлось сдать все свои вещи, которые на наших глазах упаковали и запечатали в брезентовые мешки с металлическими застёжками. Почти такие же используют инкассаторы, но на порядок меньшего размера, в эти можно барана откормленного спрятать, тут же сообщил мне тихо Петрович.

Проводница привела меня и Петровича на второй этаж, усадила в неудобные кресла с деревянными ручками и обитыми тёмно-красным дерматином и скрылась за дверью кабинета, рядом.

Вновь появилась секунд через пятнадцать и кивнула моему товарищу:

— Заходите, вас ждут для беседы.

Вышел мой товарищ, спустя двадцать минут, подошел ко мне и протянул руку:

— Дед!

— Что? — не понял я, но протянутую ладонь, машинально пожал — Какой дед?

— Я — Дед. Эта с-с... серьёзная девушка дала мне новое имя по местным правилам и всего лишь потому, что я её внучкой назвал, — покачал головой он. — Ступай, она тебя теперь зовёт.

В небольшом кабине за представительным столом, а котором стоял большой моноблок, сидела девушка не старше двадцати трёх лет, считай, ровесница моя. Строгий тёмный костюм, белая блузка со стоячим воротничком, застёгнутая под горло, минимум косметики, волосы зачёсаны назад и собраны в хвост.

— Здравствуйте, я Магдалена, мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Здравствуйте, меня...

— Стоп, — девушка выставила в мою сторону ладонь, — никаких имён, есть определённые правила, которые никому не стоит нарушать без особой причины. Мы здесь

одни, так что, не запутаемся при общении.

— Как скажете, — покладисто ответил. — Спрашивайте.

— Ваш товарищ, Дед...

Я едва сдержался, чтобы не засмеяться, уж очень не шло это имя моему спутнику.

— ... сказал, что очень многое про Улей он узнал от вас, в том числе правила приготовления живца. Откуда вы узнали всё это?

— Столкнулся с парой местных, они и рассказали, при этом чуть не убили. Приняли в тот момент за заражённого, да и было с чего — выглядел и чувствовал себя, крайне плохо.

— Кто они и где это было?

— Да откуда мне знать, — пожал я плечами. — Рейдеры, охотники на мутантов, как я понял. При себе были крупнокалиберные винтовки с глушителями, оптическая аппаратура, думаю, лазерные дальномеры, баллистические калькуляторы... да чёрт знает, что там ещё при себе имели. Дали напиток живца, рассказали про этот мир и отправили восвояси, правда, опасался, что пристрелят в спину.

— Почему опасались?

— Чтобы охоту им не испортил или не навёл тварей на их точку. Догадаться несложно, вариантов-то кот наплакал.

— Но стрелять не стали?

— Если сижу перед вами, то ответ и так ясен.

— Знаете, что я ментат?

Я молча кивнул.

— И то, что ментаты умеют забираться в чужие мысли?

— А вы умеете?

— Умею, и сейчас вижу, что вы лукавите. Что вы скрываете? Ваши ответы неполны.

«Зараза телепатическая, — улыбнулся я, — иди мужу мозги полощи».

Мох немного рассказал про таких, как моя собеседница. Мысли они читать не умеют, лишь видят эмоции, чувствуют настрой человека, его желания и очень точно различают правду и ложь.

— Не знаю, что вам сказать... я сказал, как было: встретились, поговорили, разошлись.

— И всё?

— Всё, — кивнул я.

— До этого и после, вы встречались с рейдерами или кем либо ещё из, как вы сказали, местных?

Я чуть подумал и почти всё рассказал. Почти — умолчал про белую жемчужину. Эта тема — табу, вообще, будет лучше, если я про неё и сам забуду и поверю в то, что иммунный с самого начала. Может быть, жемчужина сейчас где-то во мне и найдётся много народу из тех, кто решит распотрошить новичка, наплевав на суеверия.

— Вам сама Фортуна помогала буквально с самого первого момента, как попали в Улей. Дед сказал, что у вас необычный Дар. Расскажите, как он появился.

Я мысленно прошёлся по всей родне своего товарища, который уже во второй раз не смог сдержать свой язык. И ведь опять на том же самом месте его развязал.

— Мне стало очень страшно, спрятался и хотел стать невидимым... в итоге так оно и вышло.

— Я ещё никогда не слышала, что так быстро и такой силы может появиться Дар Улья у новичка, — покачала головой девушка и вдруг резко спросила. — Вы съели жемчужину? Да

или нет?

«Твою... зараза, Петрович, не дед ты, а Трепло!», — мысленно взвыл я.

— Да или нет?

— Мне обязательно отвечать?

— Желательно. У нас стаб со строгими правилами, мутных личностей мы немедленно выпроваживаем за его пределы. Немедленно, — девушка особо подчеркнула последнее слово.

Машинально я посмотрел на узкое окно, за которым ночную черноту разгонял свет фонарей.

— Да, съел.

— Откуда она у вас?

— У тех сектантов нашёл. Один из трупов хранил на груди в футляре, и я посчитал, что это очень ценная вещь. Потом при разговоре с охотниками...

— Трейсерами, рейдеров, которые охотятся на мутантов, называют трейсерами, — перебила девушка.

— Да мне всё равно. В общем, они рассказали, про жемчужины... я ещё испугался, что обыщут меня и отберут такую ценную вещь, и потому сразу её проглотил, как только отошёл от них.

— Я же говорю, что сама богиня удачи на вашей стороне, — чуть-чуть улыбнулась девушка и вновь задала неприятный вопрос. — Какого цвета была жемчужина?

— А это обязательно говорить? Это моя личная тайна.

— Вы помните, что я сказала про мутных личностей?

— Да мне плевать, — хмуро ответил я. — Зато потом расскажу, как из меня в Атлантике выбивали информацию и потом просто выбросили из стаба за то, что не стал сотрудничать с особистами.

— И это нам сильно повредит? — девушка изогнула левую бровь.

— Не знаю, но я постараюсь эти слова разнести в разные места. Если хотя бы один рейдер решит обойти ваш стаб стороной, не принесёт сюда ценные вещи, а отнесёт вашим конкурентам, то уже неплохо выйдет.

— Наши конкуренты — муры и внешники. Интересно, у кого с мозгами настолько не в порядке, что он добровольно сунется к ним с ценным товаром?

Я решил промолчать, понимая, что в этой словесной баталии я всё равно проиграю по причине своей полной безграмотности в местных реалиях.

— Я не просто так спрашиваю про жемчужину, пойми, — решила она зайти с другого бока. — Случаи, когда новички принимают жемчуг, настолько редки, что об этом никакой информации почти не имеется. Поможешь нам, и мы поможем тебе. Так какая жемчужина была у отрицателя?

— Догадайтесь.

— Как же тяжело с тобой, — тяжело вздохнула она. — Ладно, ступай, быть может, в следующий раз наш разговор получится продуктивней, сейчас же ты просто устал с дороги.

— До свидания.

Когда я взялся за ручку двери, Магдалена сказала:

— Совсем забыла тебя окрестить. Раз ты такой везучий, то отныне станешь... Сервием.

— Что?! — я резко обернулся к ней. — Это что за имя?

— Очень хорошее имя. Сервий Туллий был шестым царём Древнего Рима. Пс

преданию, богиня удачи Фортуна, полюбила его и, благодаря этой любви, Сервий поднялся из низшего сословия до самого высшего. Точно также эта богиня любит тебя. Всё, ступай, Сервий, — моё новое имя она буквально смаковала.

Ошарашенный я вышел в коридор и натолкнулся на Деда.

— Ну, что, как там?

— П... Дед, оторвать бы тебе бы твой длинный язык! То Шпигу выложил про мой Дар, то здесь, — упрекнул я товарища, отчего тот сильно смутился.

— Сам не знаю, как с языка сорвалось, словно, под гипнозом был. Может, она воздействовала на меня как-то, у неё же Дар мозгокрутный, — начал тот оправдываться. — Я не болтун, тем более, что после прошлого раза я старался следить за словами... Да вишь какая она. Недаром её Мох особистом назвал.

— А-а, — махнул я рукой, — оба вы своими языками друг друга стоите. Один всё выкладывает первому встречному, вторая — чокнутая историчка.

Первую ночь я провёл в жилом... контейнере. Обычные железные ящики гигантских размеров, которые перевозят сухогрузы по водным путям. Здесь их было, примерно полсотни штук. Может чуть больше.

Каждый делился пополам тонкой перегородкой из сэндвич-панели — два тонких металлических листа и между ними утеплитель. Получалась пара спальных номеров, которые едва дотягивали до одной крошечной тусклой звезды. Внутри имелась узкая кровать, шкафчик, умывальник и индукционная плита для готовки пищи. Все удобства на улице, помывка в бане, собранной из нескольких похожих контейнеров, где-то прорезанных, где-то сваренных друг с другом.

Понятное дело, что до комфорта, подобной «гостинице» было далеко.

Плюс один — цена. За эти номера не платили вообще, ни за воду, ни за электричество, подведённые к контейнерам.

Из-за того, что отоспался днем в автобусе, потом последовал не самый приятный разговор или мягкий допрос, уснуть мне удалось лишь на рассвете. Сон вышел тяжёлым и коротким из-за окружающего шума.

Безопасно — с этим не поспоришь, но под лязг дверей, мат соседей не больно-то отдохнёшь. Однажды, я могу привыкнуть и к этому, ведь спали же в войну люди под взрывы снарядов. Вот только мне этого не хотелось.

— Выспался? — поинтересовался Дед, когда мы с ним встретились часов в десять утра на территории контейнеров-домов. Показалось, что от него тянуло спиртовым запахом.

— Издеваешься?

— Понятно... прям как и я. Ну, что — перекусим и пойдём сдавать снаряды?

Перекусили в кафешке неподалёку, забрав все свои вещи с собой, так как надежды на замки в дверях, были слабые. Кормили в заведении полуфабрикатами, кашей с тушёнкой, консервированными овощами и фруктами. Сначала Шпиг, потом Мох просветили, что с чем — с чем, а вот с продуктами проблем в Улье нет. Хоть чёрную икру лопай каждый день, если отыщешь кластер, где её вдосталь имеется, а простые консервы — так вроде яблок в урожайный год по осени в садах. Разве что Мох сообщил то, чего нам Шпиг не сказал: быть осторожными с рыбными консервами, да и вообще со всеми подозрительными, просроченными и так далее. Ботулизм для иммунных, страшнее сибирской язвы. Наверное, это единственная болезнь, которая косит нас с гарантией.

За весь завтрак я заплатил один споран, а Дед отсыпал несколько пээмовских патронов, так как своего хабара из мутантов, у него не было. Делиться же с ним, у меня и мысли не возникло.

Да, я не рыцарь в сверкающих доспехах и считал, что своя рубашка ближе к телу. Помочь человеку, если это возможно и в моих силах, я могу и помогу, так воспитан. Но брать на содержание, опекать, делиться тем, что добыл в одиночку — Боже упаси. К тому же, Дед пришёл в Атлантис не с пустыми руками, моя финансовая помощь ему не сильно требовалась.

— Знаешь, — внезапно сказал он, когда мы вышли из кафешки и пошли на поиски магазина, где можно будет продать часть своих вещей, — а ведь Шпиг просто мечтал нас убить. Если бы не был таким суеверным, то лежали бы мы где-нибудь неподалёку от

Засечного, с простреленными головами.

— С чего бы ему такое делать? — удивился я. Да, Шпиг мутноват, многое недоговаривал, про свой кластер-кормилец, рассказал лишь из-за сложности ситуации, в которую мы втроём угодили. Но чтобы лелеял мысли убить меня и Деда?! Я же помню, как он побеспокоился, чтобы напоить нас живцом, сам ведь предложил, никто у него его не выпрашивал.

— С гнильцой человек. Ты ещё молодой, в жизни не повращался, для тебя белое — это белое, чёрное — чёрное и два варианта посложнее — чуть-чуть тёмное, чуть-чуть светлое.

— Хм.

— Не хмыкай, лучше слушай, что тебе говорят старшие. Только то, что он боялся получить от Улья мечь за убийство новичков, нас и спасло. Иначе он нас привалил бы ещё в караулке, когда таскали вы с ним ящики на холм. Или потом, когда мы почти дошли до стаба перед тем, как сесть в автобус. Ещё бы с прибытком оказался — плюс почти три десятка снарядов. Гнилой он человек, ох, гнилой. За своё место со снарядами держится руками и ногами, ведь тридцатка, здесь самое лучшее, что может быть против элиты. Дорожит своим секретом больше, чем рукой или ногой.

— И когда ты всё это успел обдумать?

— Да ночью, — пожал он плечами и зевнул, следом зевнул я машинально. — Не спалось, и я решил пройтись. Встретил парней, что с нами путешествовали в колонне, только в бочке, которым тоже не спалось. Ну, и решили в картишки перекинуться, пивка попить, заодно и разговорились. Про Шпига кое-что рассказали, мол, одиночка он и вообще опасный мутный тип, с которым лучше всего не связываться или держать ухо востро. Поэтому и говорю, что нам повезло с местными суевериями.

Атлантис, был огромен по меркам Улья, и весьма заштатным провинциальным посёлком, в сравнении с Землёй.

Делился он на три части. Центральная была отведена под большинство административных организаций, дома с гражданами Атлантиса, лучшие кабаки и магазины, тоже в этой части находились. Кольцом вокруг центра шла часть, где жили кандидаты на гражданство, постоянные отряды сталкеров и трейсеров, работающих, на Атлантис. Рабочий персонал по обслуживанию коммунальной части стаба и не входящий в состав граждан и многие другие, в том числе и перекасти-поле, которые дольше месяца не задерживались ни на одном стабе, больница для неграждан и магазины с товаром похуже, чем в центре, точно такие же низкоранговые кабаки. Третье кольцо было самое маленькое и в основном там обитали приезжие, караванщики, рейдеры, заскочившие толкнуть добычу или назначившие встречу, а также те, кто просто на несколько деньков решил здесь перевести дух. Здесь же располагались стоянки для всего транспорта города, исключение делалось, только для самых важных чинов Атлантиса и спецслужб стаба. И два контейнерных мотеля, на противоположных сторонах поселения, как входили дороги в него.

В магазинчике, в котором, как в аптеках в момент покорения Америки, можно было продать и купить почти всё. К сожалению, тридцатимиллиметровые снаряды вошли в это самое «почти». Пришлось ждать, когда по звонку продавца (тут имелась как проводная, так и сотовая связь) прикатит на японском пикапе покупатель из центра. Ему я и Дед сдали свои снаряды по три горошины за штуку.

Скинув тяжёлый груз, я занялся продажей мелочёвки и покупкой нужных вещей. Так я

отдал ПМ и весь запас патронов к нему, продал винтовочные патроны, что собрал с земли после стычки с мутантом в Шерстинске и так и таскал в мешке, которым продавец очень обрадовался и даже скрывать этого не стал. Отдал тяжёлую, непривычную «Модель номер два», приобретя взамен обычный АКМС. Под автомат взял ПБС с запасом обтюраторов и два магазина специальных патронов с термоупрочнённым сердечником, ещё сотню простых, с нормальной навеской пороха, но также и с калёными сердечниками. Такие патроны пробивают шейку рельса и двадцатисантиметровую кирпичную стену, с полусотни метров. Дорого, правда, вышло, а может быть, я по молодости и неопытности, зря перестраховываюсь.

Из холодного оружия взял кинжал с обрезиненной рукояткой и матовым тёмным лезвием. Продавец заверил, что этому клинку споровые мешки развитых зараженных ни почём, все правильные рейдеры только и берут этот или похожий кинжалы. Что ж, поверим.

Топор, с которым я буквально сроднился и уже начал считать своим талисманом, оставил. Только попросил дать тёмный шнур для оплётки или маскировочную ленту, чтобы скрыть яркий цвет рукояти.

Переоделся в неяркую трёхцветную «пиксельку», к ней прикупил панаму такой же расцветки, тактические перчатки с пластиковыми вкладышами на костяшках.

Наконец-то подобрал обувь, о чём мечтал несколько последних дней.

Бинокль, моток верёвки, лёгкую флягу, маскировочную накидку (она лучше скрывает антропоморфность лежачей фигуры, ей можно накрыть окопчик, куст) и ещё кучу важной мелочи, для выхода в поход или на охоту.

Была у меня мысль сорваться в рейд, чтобы нащёлкать тварей ради споранов с горохом. Со своим умением я могу подкрасться вплотную, без шума проломить защиту спорового мешка, забрать хабар и скрыться. Если мне так повезло, то нужно пользоваться, набирать сначала средства, а потом, с их помощью авторитет, связи, статус, пока не завлекли в свои дела местные важняки и не подмяли под себя.

После магазина, я направился искать гостиницу, так как одной ночи в контейнере, мне хватило с лихвой, чтобы понять — экономия должна быть разумной, доставляющей удовольствие.

Всего во втором поясе, таких заведений была три. Одно — самое большое и расфуфыренное (другого определения просто на язык не пришло, когда я увидел строение) трёхэтажное здание располагалось на самой границе с центром и на главной улице, цены в номерах кусались, как голодные овчарки. За одну комнатку на первом, самом неавторитетном этаже, просили десять споранов за сутки, причём комната была — слёзы.

Второе и третье почти ничем не отличались друг от друга, когда-то были двухэтажными старыми домами из шлакоблоков с деревянными перекрытиями, после переноса и превращения в Атлантис, из них сделали гостиницы для среднего класса. Из этой пары, я выбрал самое удалённое от злчных заведений.

Одноместный номер состоял из комнаты, примерно четырнадцать квадратов, и совмещённого санузла. Причём ванна отсутствовала, вместо неё была душевая лейка и душевой поддон с занавеской.

Зато никаких ограничений и запретов на собственную готовку пищи, электроплитки и кипятильники. Об этом даже позаботились: в углу стоял узкий длинный столик с дверками, на котором находилась одноконфорочная индукционная плита, электрочайник, а в столике, набор металлической фирменной посуды.

И за всё это просили пять споранов. Конечно, дороговато, но Атлантис, вообще недешёвый стаб, зато безопасный настолько, насколько это может быть в Улье.

— С чем пожаловал?

Этими словами, меня встретил рабочий с засаленном синем комбинезоне. Высокий и худой, как щепка, он находился в мастерской, куда я обратился, после расспросов местных жителей. В этом месте делали всё — от пайки прохудившейся любимой кастрюли, в которой только и получался самый вкусный плов, до замены ствола в автомате или пистолете.

— Наварить на топор штырь, вроде как у клюва, — я показал свой матрикс.

— Так возьми сразу клюв, чего хернёй страдать? — удивился тот.

Клювом, жители Улья называли самый обычный клевец, то оружие, про которое у меня пару раз проскакивали мысли в голове, пока добирался до Атлантиса.

— Он мне как талисман, почти с самого начала здесь с ним хожу. С его помощью матёрого кусача завалил, так что, теперь он со мной всегда.

— Не свистишь? Хм, повезло. Давай сюда своего Потрошителя.

Получив в руки топор, он повертел тот в руках, пощёлкав ногтём по лезвию, потом по обуху, после всех этих манипуляций предложил:

— Точно нужно наваривать? Тут рукоятка — живая пластмасса, как бы чего с ней не случилось. Давай тебе верну штырь, а?

— Фибергласс, а не простая пластмасса.

— И что? Как он на температуру ответит?

Я молча пожал плечами.

— Вот то-то. Впрочем, мне всё равно, хозяин-барин, могу и наварить — делов-то!

— А ввинчивать, небось, дороже выйдет? — догадался я.

— Подороже, конечно, — кивнул тот. — Работы больше, возни мелкой полно, зато точно ничего с рукоятью не случится.

— А металлу?

— Тут обух шесть сэмэ. Он маленькой дырочки даже не заметит, и тебе не просеку в лесу рубить, а раз-другой тварей шарахнуть по черепу. Да я тебе хоть гарантию выдам — если сломается, то найду новый точно такой же и клюв в придачу бесплатно.

— Ладно, сверли.

Через полтора часа я получил в руки свой талисман, на обухе которого торчал пятнадцатисантиметровый четырехгранный шип, толщиной с указательный палец.

Как-то в суете и хлопотах пролетел день. Потом настал новый, который я провёл в комнате, выбравшись из неё лишь дважды, чтобы поесть и закупиться продуктами. Сидел не просто так, а копался в местной сети, в поисках информации по Улью, кластерам, стабам и Атлантису, в частности.

Атлантис, основали давно, но несколько лет он был ничем непримечательным стабом, однажды его даже разнесли в клочья толи муры, толи даже внешники, сумевшие забраться в такую даль. После этого, на нём не селился никто из-за суеверия. Но этот этап длился недолго, едва ли полгода, а потом сюда пришли женщины. Отряд сильных волевых дамочек, которым сам чёрт был не брат. Они быстро восстановили разрушенное, построили новое, пригласили наёмников. А позже создали и свою ЧВК, которая не только охраняла границы стаба и чистила прилегающие кластеры, но и оказывала военную помощь соседям. Позже эти соседи незаметно влились в состав Атлантиса, став эдакими фортами вокруг центрального стаба.

Из того отряда сейчас остались три женщины, что случилось с остальными, не знал никто. Быть может, погибли, а может просто ушли странствовать по Улью дальше, являясь непоседами и адреналиновыми наркоманами.

Три дамочки образовали совет Атлантиса, в который другим больше хода не было. Две женщины были ксерами, третья очень сильным ментатом и сенсом. Там и у её подруг, тоже был не один лишь Дар ксера, но какие прочие — то не знал никто.

Все важные места в стабе занимали женщины, то есть, здесь царил лютый матриархат. Мало того — женщин в Атлантисе было больше мужчин, намного больше. Быть бы рано или поздно стабу, эдаким мегаборделем в Улье, зоной секстуризма, но Совет постановил: никаких шашней на стороне с гостями, только с гражданами и кандидатами в граждане поселения. Нарушителей, ждало изгнание и внесение в чёрный список, лишение всех накоплений и имущества. За границу контролируемой Атлантисом территории, провинившегося выгоняли с минимумом вещей и оружия.

Навсегда.

Мужчины в стабе, из граждан и кандидатов, на обязательных условиях должны были быть всегда открыты для женщин. Фактически, оказывали услуги мальчиков по вызову. Плата — спокойная и вкусная жизнь, в одном и самых безопасных стабов, в этой области Улья. Впрочем, им и подарки перепадали от поклонниц. Содержанки наоборот, прям.

В нюансы я не вникал, лишь бегло ознакомился и поморщился: не моё, противно как-то. В сети даже выкладывались полные данные мужчин (впрочем, женщин тоже, чтобы кавалеры могли выбрать, если к ним целая очередь), дамочки смотрели и слали заявку.

А ведь кому-то это нравится — быть вроде мартовского кота, нет ни тревог, ни заботы о завтрашнем дне, риска получить пулю в рейде или попасть на зуб мутанту.

За три дня облазил весь стаб, точнее, ту часть, которая была мне доступна. Раз двадцать отказал местным милитаривумен и просто вумен, которые клевали на внешность и, чего уж там, молодость и незатасканность. Получается, не так тут и строго с «изменой родине», раз настолько открыто и в таких количествах вешаются на гостя стаба.

За столик в столовой, где я решил пообедать, села молодая короткостриженная женщина, миловидная и лет на пять старше меня, то есть вполне себе ничего.

— Привет, — улыбнулась она.

— Не интересуешь, пока, — буркнул я. Грубо, но я уже устал объяснять, что не хочу. Зато короткие фразы сразу доходят до сознания местных нимфоманок. К слову, о «не хочу» — хочу ещё как, но неприятно именно с местными, переломить себя не могу.

Та несколько секунд хлопала глазами, потом пошла красными пятнами от злости.

— Козлина, — прошипела она и резко встала из-за стола.

Только я прикончил рассольник и придвинул гречневую кашу с бефстроганов, как напротив опять кто-то плюхнулся.

— Не... Дед? — удивился я.

— Здорово, Се... Сервий, тьфу, вот наградила же она тебя имечком, язык можно сломать.

— Меня не спрашивали. А ты с чем, просто так или по делам?

— Да и поболтать просто так, и дело есть к тебе. Сейчас, или поешь сперва?

— Да говори уж, — кивнул я.

— У тебя какие планы на будущее? Чем собираешься заняться?

— Пока не решил, — слукавил я. — Отхожу от прошлых приключений, думаю, читаю, что можно найти в сети про Улей и монстров, и просто отдыхаю.

— Не устал глаза ломать и бока отлёживать?

— Нет, — отрезал я и вновь сосредоточился на каше.

Дед немного помялся, потом продолжил беседу.

— Тут собралась группа трейсеров. Крепкие, надёжные мужики, никаких Шпигов и ему подобных. Так вот они, хотят тебя пригласить к себе в группу, чтобы на мутантов сходить. Ты как смотришь на это дело?

— Новичка берут опытные охотники? — хмыкнул я. — Или неопытные, а так — понты одни?

— Опытные, опытные, я уже и справки тут навёл. Новичка бы они никогда не взяли, но конкретно тебе решили сделать исключение, ну, и мне заодно, если смогу уболтать тебя.

— Дай угадаю, — перебил я его. — Из-за моего Дара? Дед, я же просил, млин!

— Я тут не причём! — собеседник даже выпрямился и вздёрнул вверх подбородок, показывая своё негодование. — Про твой Дар уже половина стаба знает. Может, это Магдалена постаралась или кто из её подручных рассказал, это ж бабы, у них язык, что твоё помело.

— А тебе, зачем с ними идти? Или тоже Дар прорезался хороший?

— Да ну, чушь одна, — тяжело вздохнул собеседник. — Механику могу остановить, если прикоснусь к ней. Пока только часы сумел сломать, но знахарка сказала, чтобы не расстраивался и ел побольше гороха, а ещё лучше, жемчужину отыскал и чем больше съем, тем лучше будет. Рано или поздно смогу автоматы ломать на расстоянии, машины останавливать и даже петли на воротах и дверях научусь клинить.

— Угу, самолёты с небес опускать, — хмыкнул я. — Это сколько тебе нужно будет жемчуга съесть-то? А ведь там риск в кваза превратиться, имеется неслабый.

— Плевать, — беспечно махнул рукой он, — хоть квазом, хоть зомби, лишь бы получить возможность добыть белый жемчуг для дочки. А зачем я с ними — опыт мне нужен, чтобы потом податься в места побогаче.

М-да, вот человек, которому я завидую — у него есть цель и он готов в лепёшку расшибиться ради неё. А у меня в голове всё смутное, одна только идея обогащения, и крутится.

— Если я соглашусь, то куда подходить?

— Я провожу. Сегодня даже можно.

— Сегодня на знакомство или уже в поход? — уточнил я.

— Какой поход? — улыбнулся тот. — Сегодня посмотрят, завтра что-то вроде тренировки, притирка к команде. Может и не возьмут совсем.

Команда состояла из четырёх человек, мужчин от двадцати девяти до тридцати пяти лет. Но это внешне, Улей щедр на подарки и по мелочам не разменивается, поэтому самый молодой, может оказаться и самым старшим в группе.

— Привет, — поприветствовал я первым.

— Привет, бро, — ответил молодой и протянул руку. — Чек!

— Сервий.

— Кочан... Бес... Велес...

Один за другим представились члены моей, возможно, будущей команды. Старшим в ней был Кочан, который получил своё имя за то, что когда встретился с крёстным, то был

одет в сто одежек, так как боялся укусов зомби и заражения. Почему назвали не Луком — всё на совести крёстного.

— Оружие какое? — поинтересовался. — Почему без него?

— Так познакомиться только пришёл, не думал, что в рейд так скоро выберемся.

— Время — деньги, слышал такое? — наставительно произнёс он.

— Угу, слышал. Акаэмэс взял, патроны, все с калёными сердечниками, бронебойные, то есть, спецпатроны с уменьшенной навеской пороха с пэбээсом, топор и на него насажен клюв, нож. Всё по оружию.

— Пистолет?

— А зачем? — Удивился я. — С пустышками и даже бегунами, я справлюсь даже топором, а кусачи и так далее, чихать хотели на пистолетные пульки.

— Пристреливал? Прицел не ставил? Если нет, то советую поставить коллиматор надёжный и запасной взять из простых, которые без электроники работают, от световода. Там ломаться нечему, даже в мёртвых кластерах, можно с ним быть.

Я покраснел, когда услышал о пристрелке. Это же основа в стрелковом деле! Любой, уважающий себя стрелок, должен сразу после приобретения пристрелять оружие.

— Не пристреливал. Да и где?

— Завтра выедем и покажем место, а сейчас продемонстрируй свой дар, а то может, и зря мы с тобой возимся.

Невольно эти слова покоробили меня, так и потянуло сказать, что-то в духе «гордой и сильной личности», но сдержался, ведь правы они, слухи — ещё не есть правда.

— Ок, — кивнул я и исчез.

Кочан стоял пару секунд с серьёзным выражением лица, потом вдруг встрепенулся и завертел головой по сторонам. Не менее удивлёнными выглядели и прочие члены группы.

Я отошёл на десяток метров и заглушил шум барабанов в голове.

— Ну как, подхожу? — спросил я и невольно добавил в голос нотки вызова, само так получилось, но новым знакомым было плевать на колючки молодёжи, наверное, все тут такие, без понтов, жить не могут.

— Отлично, — Чек подмигнул и выставил большой палец вверх. — Я даже и не понял сначала, зачем пялюсь в одну точку, а потом думал, что с тобой не так и где ты.

— На сколько исчезаешь? — спросил Кочан.

— Пять-шесть секунд и раза три подряд, то есть, не совсем подряд, но промежутки небольшие, не дольше получаса, но потом могу свалиться. Или секунд десять, но тогда нужен долгий перерыв между использованиями Дара.

Чек уважительно присвистнул.

— Хорошо, Сервий, ты с нами, как и Дед, если у тебя нет возражений, — сказал Кочан и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Абсолютно никаких, — помотал я головой.

Знакомство состоялось и все остались довольны друг другом. Пожалуй, рейдеры даже больше чем я, хоть и пытались это скрыть.

Вечером меня навестила особистка.

Было уже девять вечера, когда в дверь несколько раз постучали. И это явно не Марьиванна, комендант, старший менеджер, совладелец гостиницы и ещё много кто по совмещаемым должностям, которые совмещать у неё удавалось отлично. Вот тоже имя себе выбрала с намёком на претензионность. Сразу при знакомстве, когда я заселился,

предупредила, что никаких Марий Ивановн, только — Марьиванна.

— Кто? — поинтересовался, не собираясь встать с кровати, на которой только недавно с удовольствием растянулся после дня беготни.

— Открывай, крестничек, — в ответ раздался насмешливый женский голос.

Пришлось встать и отпирать дверь.

— Магдалина?!

— А ты кого ждал, местную комендантшу? Или кого-то из тех дур, которые уже ставки назначают, кто же сможет тебя уложить в койку? — фыркнула та. — Ну-ка, посторонись.

Толкнув меня плечом, она вошла в комнату и сразу направилась к столу, на который поставила большой бумажный пакет с верёвочными ручками.

— Какие ставки? Ты о чём?

Пакет подозрительно звякнул.

— Ни о чём, — девушка села на кровать и посмотрела мне в глаза. — Сервий, я слышала, что ты с группой Кочана уходишь послезавтра?

— Ухожу. И что?

— Да так, — она слегка склонила голову на правое плечо. — Там в пакете бутылка вина, немного фруктов и бокалы, достань.

Я не стронулся с места.

— Ну не будь ребёнком, Сервий, — улыбнулась она мне. — Хочешь услышать волшебное слово?

— Типа того.

— Бегом, крестничек, пока я не надрала тебе зад!

На меня напал ступор от неожиданности, а девушка рухнула на кровать и залилась смехом.

— Сервий, видел бы ты себя сейчас! И-и-и, — она буквально пищала от смеха.

— Хватит! Магдалина, зачем пришла? Я серьёзно спрашиваю.

— Сначала вино. Потом разговоры...

В итоге утром я проснулся в одной кровати с обнажённой девушкой. Магдалина закинула на меня ножку... да она почти лежала на мне, что и неудивительно, учитывая разницу между нами в телосложении.

Только пошевелился, и тут же проснулась девушка.

— Приветик, милый, — улыбнулась она и потянулась ко мне с поцелуем и вдруг... в её глазах мелькнул ужас. В одну секунду она слетела с кровати и оказалась рядом с дверью.

— Твою мать! Мля... — не меньше минуты с её губ срывались грязные ругательства.

— Магдалина, что случилось?!

Несколько раз я был свидетелем таких сцен ещё на Земле. Обычно они следовали либо из-за опоздания куда-нибудь, к примеру, на работу или же из-за потери побрякушки, вроде подвески, повреждения любимой золотой цепочки. Машинально я даже провёл ладонью по простыне, чтобы нащупать драгоценную вещичку.

— Что ты там ищешь? — зло спросила девушка, прервав ругань, некоторым перлам из которой позавидовали бы докеры.

— А что ты потеряла?

— Мозги, мля! — вспылила Магдалина и тут же успокоилась. — Слушай меня внимательно, крестничек. Никогда не сближайся с этого мгновения с женщинами, слышишь? Никогда! С этого дня тебе будет лучше всего постричься в монахи, стать

импотентом да хоть... мля, убить бы тебя!

— А то ты ревновать станешь? — попытался я пошутить, чтобы хоть как-то разрядить ситуацию.

— А то ты сам пожалеешь, если не совсем моральный урод, вот что! Испортишь жизнь себе и той женщине навсегда. А если кто об этом узнает, то...

Магдалина не стала договаривать, повернулась ко мне спиной и стала одеваться.

— Про женщин забудь. Если так приспичит, то балуйся под душем или слови себе пустышку свеженькую, как делают многие рейдеры. И молчи про то, что я тебе сейчас сказала.

— Да ты ничего не сказала. Только панику навела и в мозгах компост устроила!

— Я тебя предупредила.

Через пять минут она ушла, оставив меня в смятении и полном непонимании произошедшего.

Может, она забеременела, просто ещё один Дар у меня проклюнулся — с первого раза и с гарантией женщина «залетает», потому и сказала особистка, что сломаю жизнь себе и партнёрше? С детьми в Улье дела обстоят очень тяжело, **ОЧЕНЬ**.

Это я пытаюсь шутить про беременность сам с собой.

Чёрт, хоть бы это и в самом деле оказалась шуткой.

— Ого, это что за аппарат? — поинтересовался я, когда увидел на месте сбора на одной из стоянок в третьем кольце Атлантика небольшой трёхосный фургон, выкрашенный в неброский камуфляж с несколькими штырями антенн, скаткой маскировочной сети на крыше, силовыми бамперами и обязательными шипами и решётками из нетолстой арматуры везде, где только можно. Окна были закрыты стальными листами с узкими смотровыми щелями. Сразу за кабиной торчал горб низкой башенки с крупнокалиберным пулемётом. Кабина и кузов были совмещены в одно целое, скорее всего, задняя стенка в ней отсутствует и вместо трёх сидений, там всего два, на месте центрального кресла проход, ну, или на боковом пассажирском.

— Лапландер! Один из лучших вездеходов, которые только есть, — ответил Чек, который первым меня встретил.

— А что за пулемёт?

— Корд.

— И тоже самый лучший? — усмехнулся я.

— А ты не знаешь? Его же ещё снайперским пулемётом называют. Двенадцать и семь калибр, шьёт насквозь даже мелкую элиту, руберов, вообще разбирает на части. Бэтэр совсем не противник, если первым по нему отстреляемся, — начал нахваливать оружие парень.

— А часто с бэтэрами приходится сталкиваться? — насторожился я.

— Да не, — махнул он рукой, — это я для красного словца добавил. От такого лучше удрать тихонечко, да и нет у муров такой штуки, внешники же здесь не показываются, далеко им от своих баз придётся топтать, чтобы забраться тогда.

— Понятно... а ты здесь что, один?

— Остальные ещё не подошли, это тебе и Деду назначили на полчаса раньше, чтобы у вас было время сбегать в комнату за вещами, которые в спешке забыли.

— У меня их не так-то и много, чтобы забывать, — усмехнулся я в ответ.

— А вот Дед умудрился забыть, за минуту до тебя умчался обратно к себе.

Первым, после Деда, пришёл к машине Бес, спустя двадцать минут, как здесь оказался я. Через пять минут подошли Велес и Кочан.

— Все всё забрали? — спросил старший команды, и посмотрел на меня с Дедом.

— Всё, — в один голос откликнулись мы.

— Надеюсь, у вас в головах ничего не выветрилось, чему вас три дня учили, — вздохнул он и махнул рукой в сторону вездехода. — Загружайтесь. Чек, за пулемёт сядешь, как Атлантик закончится.

— Есть, шеф! — рявкнул тот, и вскинул на американский манер ладонь к голове.

Насчёт трёх дней, правда, Кочан прихвастнул — едва день с хвостиком, в виде вечерних трёх часов, куда вошла и пристрелка, и дорога до «полигона», набирается.

В машине для шести человек с внушительными мешками и оружием, места едва хватило. Тут канистры с топливом были привязаны ремнями к бортам, пара ящиков с патронами к пулемёту, две коробки со снаряжёнными лентами к нему же и что-то ещё, прикрытое толстым брезентом.

— Едем в Питомник, так что будьте осторожны, ясно? — сообщил Кочан. — Там по дороге можно натолкнуться на кого-то из тварей.

Питомником называли два соприкасающихся кластера: с постоянно загружаемым собачьим питомником и охотхозяйством, где также разводили собак и проводили притравку их на кабанов. С полсотни самых различных пород, от чихуахуа до алабаев, последние, к слову, чуть ли единственные выживали и разрастались до монстров, всего сотни три голов. И примерно три десятка лаек и гончих, с таким же количеством кабанов.

Чаще всего там добывали руберов и лишь несколько раз натыкались на мелкую элиту. Ехать около двух часов, и потом ещё немного нужно было пройти пешком. Ближе, все опасные кластеры постоянно зачищались отрядами Атлантика. И Питомнику могло бы достаться — меньше ста пятидесяти километров до жилого стаба всего — но повезло с расположением: Питомник попал на заболоченный пятачок и от Атлантика, ко всему прочему, оказался отделён широкой рекой.

Внезапно зашипела радиостанция.

— Кочан! Это Бастион-пять!

Наш старший негромко выматерился.

— Чего им от нас понадобилось? — потом щёлкнул тангентой. — Кочан в канале.

Я сдвинулся к Велесу и поинтересовался по поводу вызывающего нас.

— Один из патрулей, которые тут объезжают всё. Бастионы в этой стороне катаются.

— И зачем вызывают?

— Случилось что-нибудь...

— У спасателей машина сломалась на старой трассе, с ними только джип остался с ручным пулемётом, — произнёс чужой радист, прерывая моего собеседника. — Вы сейчас где? Можете охрану обеспечить?

— К югу от Мазутного, — произнёс Кочан. — На каком километре поломка? Если недалеко, то подъедем.

— За такую помощь бабы хорошо платят, — тут же просветил меня Велес. — Спецом так делают, чтобы их отряды всегда могли получить помощь. Если рядом, то можем туда скататься, дожидаться, когда починятся и потом в Питомник рвануть, всё равно сегодня успеем...

— Не накаркай, — одёрнул его Кочан, отвернувшись от рации.

— На семнадцатом встали, — ответила рация. — На этой стороне озера, через мост вам перебираться не нужно.

Кочан раздумывал с минуту, потом щёлкнул кнопкой.

— Пять сек, Бастион, мне с моими парнями нужно обсудить, — потом сказал Бесу. — Тормози, посоветуемся... Чек, следи в оба, пока мы стоим!

— Понял, шеф!

— Ну, что думаете — едем или нет? Мы там будем минут через двадцать или двадцать пять, это край. Горошин двадцать нам отсыпят точно, а если постреляем, то и больше. Атлантистские атаманы своё слово держат и платят щедро.

— Я бы согласился, — пожал плечами Велес. — Часа два там простои́м, пока починятся, ну, три, если тягач нужно будет гнать за машиной. А там можно и дальше по своим делам чесать.

— Бес, ты что думаешь? — обратился к нему старший.

— Стрёмно, если по правде, — тот с хрустом почесал заросший щетиной подбородок. — Это ж спасатели, а там до города недалеко совсем... на семнадцатом, так ведь? Катались на свежий кластер, забрали иммунных, оружие с продуктами и на обратном

пути сломались. Интересно, почему их на буксир не взяли? Или не стали ждать, пока починятся, не послали трейлер с погрузчиком, если буксировать нельзя?

— Ты меня спрашиваешь? — удивился Кочан.

— Короче, я против, Кочан. Чуйка у меня свербит, как бы чего не случилось с этой помощью. Невнятно всё, но в Питомник я ехал со спокойным сердцем, а тут потяжелело в груди, чутка.

Кочан нахмурился и нервно забарабанил пальцами по нагрудной пистолетной кобуре.

— А я — за! — крикнул сверху Чек. — За охрану получим горох, а там и набегит кто-нибудь из мутантов. Нам даже кататься в Питомник не придётся.

— Точно, Кочан, он дело говорит, — восторженно воскликнул Велес. — Какая разница, где нам тварей стрелять? А там нам и помощь будет, ежели чего.

— Сплюнь, каркуша.

Велес с серьёзным видом изобразил три плевка через левое плечо в борт машины и постучал себе по лбу.

— Ладно, берёмся, — вынес вердикт Кочан. — Бес, если твоя чуйка что-то серьёзное нашепчет, то ты не молчи.

Все в команде Кочана были с сильным и полезным даром. Например, Чек мог передвигаться быстрее самого развитого бегуна, которые могут развивать скорость километров восемьдесят в час, тяжёлые руберы, от этого показателя отставали. У Беса, было развито шестое чувство, то предупреждающее про опасность, то шептавшее, где можно словить удачу, немного похоже на Дар знахарей, но лечить у рейдера не выходит. Велес очень силён и может на некоторое время становится незаметным для тварей, не как я исчезать, просто, маскировать запах, подстраивать шум шагов под стать заражённым, но если покажется им на глаза, то они тут же нападут. Сам Кочан сильный телекинетик и способен на десятиметровой дистанции отшвырнуть в сторону взрослого мужчину или заплести ноги суперу.

До включения меня и Деда в команду тактика у них была в основном одна: Чек заманивает мутанта, полагаясь на свои быстрые ноги, в засаду, где в кустах под масксетью ждёт своего часа Велес с крупнокалиберной винтовкой с глушителем, в соседних кустах замаскирован Кочан. Готовый в любой момент оглушить тварь или сбить с ног. Бес почти всегда сидит в машине за пулемётом в ста пятидесяти или двухстах метрах от засады, чтобы прикрыть ливнем тяжёлых пуль, товарищей.

Всё это я узнал ещё три дня назад, в свою первую тренировку с командой.

— Бастион-один, я Кочан. Мы едем на помощь группе, — сообщил Кочан по радиации.

— Отлично, за нами не заржавеет.

Мазутным, называли небольшое озеро, вечно подёрнутое маслянистой разноцветной плёнкой и абсолютно мёртвое, даже трава росла в нескольких метрах от кромки воды.

— От какого-то завода или фабрики водоём прилетает, а самого предприятия нет. Вон там дальше река начинается, но с озером не смешивается, зато несколько ручьёв впадает и выходит из него и потому болото вылезло на стабе перед Питомником. А трасса вон там проходит, петляет страсть как, из кусков состоит — стабов и кластеров. Повезло, что на семнадцатом встали спасатели, а то там дальше шоссе поворачивает от нас почти под прямым углом и идёт вдоль болота и реки, через мост нужно до него катить, а там вечно толпы заражённых снуют. Вот тоже странно — воду они не любят, но рядом с ней тварей больше водится, чем в полях и лесах, — рассказывал мне Велес, пока мы добирались до

места аварии.

— А как патруль узнал, что мы неподалёку? — вдруг спросил Дед. — Следят за нами, маячки стоят в фургоне?

— Ты ещё скажи — со спутников наблюдают, — хохотнул Велес. — Не, всё проще простого. Мы на блоке сообщили куда катим, а то патруль на своей территории может и пальнуть в превентивных целях по машине, которая вдали от трассы раскатывает, не пойми зачем. Запросто примут за муров.

Добрались, как и предсказывал рейдер, чуть более чем за двадцать минут.

На широкой шоссе стоял двухмостовой «зиллок» и рядом с ним полноприводный фургон «форд». Обе машины закрыты листами железа и опутаны колючей проволокой, как новогодняя ёлка «дождиком», на месте окон — стальные листы с узкими прорезями.

«Зил» стоял на домкрате и без задней пары колес, с той же стороны переднее растеклось в блин под диском. Капот открыт и под ним возился в моторном отсеке голый по пояс худой мужчина, а рядом с колёсами суетились ещё трое.

В люке фургона торчал боец с пулемётом вроде ПК. Его старший брат торчал в открытой башенке на кунге грузовика, опознать даже примерно я не смог, какая-то иностранщина, так сказать.

Оба этих красавца смотрели в нашу сторону.

— Бастион-один, это Кочан, подъезжаем к вам, — предупредил старший команды атлантисцев. — Не шмальните сдуру.

— Не шмальнём, подъезжайте и становитесь с другой стороны грузовика метрах в двадцати, — пискнула рация.

«Форд» сместился при нашем приближении в сторону, теперь он стоял позади «зилка» и немного правее, Бес поставил «лапландер» впереди и левее.

— Выйти-то можно? — поинтересовался Дед. — Ноги размять и отлить?

— Давай, — разрешил ему Кочан. — Кто ещё желает отлить?

— Я просто ноги размять, затекли, зараза, — сообщил Велес. — И пулемёт возьму, с ним на обочине постою.

Как только рейдеры — опытный и зелёный, вылезли на улицу, Бес совсем тихо сказал:

— Что-то совсем худо, Кочан.

Тот вместо того, чтобы ответить, посмотрел на меня:

— Сервий, не в службу, а спроси у этих неудачников, насколько долго они тут засели? И наших поторопи, а то может так случится, что придётся смазывать пятки салом невероятной быстротой.

— Хорошо.

Интересно, Бес о своём самочувствии или про предчувствие так выразился? Хотя, какое самочувствие, он с утра как огурчик выглядел, посерел с момента, как мы согласились на охрану места аварии.

М-да, придётся вертеть головой на триста шестьдесят, как лётчики во время войны.

— Давай назад в машину, — махнул я рукой своим товарищам, которые пристроились на обочине, рядом с Велесом на асфальте стоял РПД со свеженьким чёрным «бубном». — Там у Беса предчувствия нехорошие.

— Велеса нужно слушать, — мгновенно посерьёзnel рейдер и подхватил пулемёт с земли. — Дед, дуй хоть в штаны, но быстро валим назад. Серв, ты куда?

— Вел, я туда.

— Что тут у вас? — поинтересовался я у ремонтника, возившегося под капотом. — Надолго?

— Чуть больше часа осталось. Менты, суки, покоцали нас в городе — радиатору хана, генератору, колесам тоже. Из-за колёс и буксировать нас не стали, всё равно бы не дотащили, только диски испортили бы с мостами. Сюда доползли на одном акуме после того, как генератор сдох, да ещё движок чуть не стукнул из-за перегрева. Оставили нас тут чиниться, только патруль прислали на всякий пожарный, ну, и вас дёрнули.

— Вы быстрее давайте, а то у нас рейдер с развитым даром предчувствия нехорошо себя ощущает, — предупредил я его. — Ясно?

И тут хлопнула дверь «форда». Машинально я повернулся в ту сторону и замер от неожиданности, когда увидел ту самую брюнетку, которая сверлила своим взглядом сквозь оптику мою спину. Смотрела она на меня внимательно, понятно, что я опознан уже давно. Решившись на что-то, она сделала несколько шагов в мою сторону.

— Да брось, кому мы тут нужны? — произнёс ремонтник на мои недавние слова. — Все твари в город по любому полезут, и не с нашей стороны уж точно. Тут везде зачищаются кластеры, охотятся на бродячих тварей... бред, в общем, твой друг сказал, умные твари сюда не сунутся. Когда у них полный город свежего мяса...

Девушку спасло то, что она успела выйти из габаритов фургона.

Огромная тварь, в которой от человека уже почти ничего не осталось, вылетела из-под обочины и всей своей массой ударила в машину, в борт, одновременно с этим левой верхней лапой, отросшей почти до земли, оторвала голову пулемётчику, который отвлёкся на секунду на девушку. Наверное, мутант уже давно подкрадывался сюда, потом долго ждал удобного момента и... дождался.

«Форд», который после всех модернизаций и вместе с экипажем весил под три тонны, легко повалился на борт и проехал на нём пару метров.

За моей спиной секундой позже ударил пулёмёт с «лапландера», но почему-то ни одна пуля не пролетела и близко с элитником. И когда я на мгновение обернулся, то почувствовал, как всё тело покрывается ледяными мурашками: слева и справа на дорогу выскакивали крупные мутанты — руберы и лотерейщики, а самым первым на старом асфальте оказался ещё один элитник. Целых две твари на мою голову, на которых местные вояки ходят в составе колонны бронетехники!

Взревел мотор, и шведский внедорожник рванул прочь, очень быстро развивая максимальную скорость. Бес благоразумно поставил тот кормой к «зилку», чтобы иметь свободу маневра, как чувствовал... хотя да — именно почувствовал.

— Суки! — заорал я, и мгновение спустя почувствовал, как мурашки на теле превращаются в движущиеся ледяные айсберги. Не теряя и мига, чтобы оценить опасность, я ушёл в скрыт и тут же шагнул в сторону, прячась за грузовик.

Почти сразу же рядом приземлился тот самый элитник, который вывел из строя патрульную машину. Он рухнул на все четыре конечности, почти на то место, где доли секунды назад, стоял я.

Упал с шумом, вырывая из асфальта целые куски когтистыми лапами, замер на секунду, приводя мысли (если они есть в его изуродованной голове) в порядок, попав под воздействие моего Дара.

Я юркнул под грузовик и скинул невидимость, машинально коснулся ремня и мысленно обматерил себя, мутантов, атлантисцев и Кочана до кучи, но оружия мне это не прибавило.

Автомат остался в «лапландере», который сейчас уже в нескольких километрах от меня. Только кинжал остался, с которым я не расставался никогда, но лезть с ним на тварь, до головы которой я только в прыжке с разбега достану, будет особым видом извращённого самоубийства.

Над головой раздался человеческий визг и спустя пару секунд на асфальт рядом с колёсами упали ноги и нижняя часть мужского торса.

Мимолётно скользнув взглядом по бьющемуся изуродованному обрубку, я тут же вернул его обратно, буквально прикипев к открытой кобуре на пояском ремне, из которой торчала массивная рукоять револьвера.

«Была, не была!».

С этой мыслью я вновь активировал Дар и выскочил из-под машины. Спустя две секунды я держал в руке тяжёлый хромированный револьвер чудовищного калибра, с обрезиненными щёчками на рукояти и кургузым стволом.

Совсем неожиданно над головой загрохотал пулемёт, заставив от испуга вздрогнуть и потерять концентрацию. К счастью, элитная тварь внимания на меня не обратила, решив сначала разобраться с пулемётчиком, который сорвал очередь несколько костяных пластин с головы и изуродовал левую верхнюю лапу, которой та успела прикрыться.

Прыжком мутант взлетел на капот и провалился в отсек, когда его веса не выдержали внутренности в моторном отсеке. Пулемётчик успел воспользоваться этой секундной заминкой и юркнуть вниз, счастливо избежав участи своего коллеги из «форда».

Правда, пулемёта машина лишилась, что равносильно гибели всех, кто укрывался в бронированном кунге.

«Браунинг эм два, вот что это такое, просто старая модель, — вспомнил я название пулемёта, искорёженные останки которого, вместе со станком, полетели в кювет. Самая распространённая модель во всяческих боевиках, где стойкие морпехи громят врагов демократии. — Вас бы сюда, котики и тюлени заокеанские, посмотрел бы, как справились бы с таким живым танком».

Вновь ушёл в скрыт, с тоской успев подумать, что потом, если уцелею в этой мясорубке, меня будет ждать жестокий откат.

В этот раз кое-что изменилось: не только мутант потерял меня из вида, но ещё на его теле появились светлые дрожащие пятна, очень похожие на то, как если бы кто-то подсвечивал определённые участки тела элитника изнутри.

«Солнечные зайчики наоборот... и расположены странно», — проскочила быстрая мысль.

Самое большое свечение находилось на голове в районе горба, там шла узкая светлая полоса между двумя костяными половинками раковины.

Самая уязвимая часть, на теле заражённых.

За две секунды, что мутант находился в ступоре, решая сразу несколько задач — вспомнить, зачем он тарашится на пустое место на дороге, бросить эту попытку и заняться обидчиком в грузовике, я заскочил на бампер, потом на край искорёженной «морды» и, приставив почти в плотную ствол револьвера к «зайчику» на горбе, спустил курок.

Отдача рванула высоко вверх револьвер, а грохот выстрела был лишь немногим тише, чем от «браунинга».

Зато, каков эффект!

Элитник свалился сразу, как мешок с картошкой, сброшенный с плеч уставшим

грузчиком и даже агонии сильной не было.

Порадоваться я не успел, так как почти сразу же всё внимание тварей оказалось сосредоточено на мне. Ещё один элитник и три рубера, один из числа последних даже оставил преследование пары ремонтников, рванувшей по полю в сторону далёкого болота.

Вся эта толпа в дружном порыве бросилась ко мне.

«И за что мне такое счастье?!».

И вновь уход в скрыт, за секунду до атаки крупного рубера. Тварь пронеслась мимо, обдав ветерком и вонью, чтобы получить тяжёлую пулю в затылок, точно в световое пятно, которое было в несколько раз больше, чем у элитника.

После каждого выстрела я терял концентрацию и оказывался на виду нескольких пар алчных взглядов.

От элитника едва сумел увернуться, при этом не удержался на ногах и покатился по асфальту, и старательно удерживая барабанную дробь в ушах. Остановившись, я совсем рядом увидел узловатую бронированную конечность, на которой в районе колена дрожал «зайчик».

Свой третий выстрел я истратил на него и пожалел — тварь лишь припала слегка к земле, опёршись на длинные верхние лапы.

«Твою маман... что ж тебя сразу не съели, когда в Улей попал?!», — про себя проклял элитника и едва удерживая концентрацию, чтобы не выскочить точно перед тварью.

А та замерла, лишь голова вращалась да иногда приоткрывалась пасть, из которой выскакивал толстый фиолетовый язык, «облизывающий» воздух. Точь-в-точь, как пресмыкающиеся, у которых обоняние сильно завязано на такие вот движения раздвоенного языка.

С каждым разом во рту мутанта загорался светлячок.

Когда мутант начал вынюхивать меня в очередной раз, я уже держал на прицеле его зубастую морду и едва только появился «зайчик», как пустил в него пулю.

«Четыре, а в барабане всего шесть».

Два патрона на двух руберов — сумма бьётся, но...

Оказавшись в скрыте, я почувствовал, что это последняя попытка в ближайший час, после неё мне потребуется отдых.

К следующему руберу мне пришлось бежать самому, так как уцелевшие твари дружили с мозгами и не торопились мчаться к грузовику, рядом с которым уже лежала гора тел их сородичей.

Очередную пулю вогнал в глаз монстру и тут же, уже больше не используя Дар, перевёл револьвер на последнего рубера, стоящего в трёх метрах от меня.

Выстрел выбил кусочки кости, плоти и крови, откинул голову назад, но не убил тварь.

— А-а-а! — заорал я от злости, страха, несправедливости и, как несколько дней назад, кинул в монстра бесполезный револьвер. — А-а-а! Чтоб ты подавился!

Револьвер врезался в скулу и... сбил рубера с ног на асфальт, где тот забился в агонии.

— Да я монстр, блин, кулаком быка наповал, — пробормотал я и только после этого, отошёл от шока и быстро огляделся по сторонам. Монстров не увидел, а вот рядом с искорёженным «зилком» стоял везучий пулемётчик с короткой винтовкой булпап (любят они, как посмотрю, эту схему, наверное, из-за того, что в таком типе оружия можно совместить мощный патрон и ухватистость с удобными габаритами при нормальной длине ствола). Он что-то крикнул и махнул правой ладонью, на миг оторвав ту от оружия.

Кажется, я оглох.

В ответ коснулся ушей и помотал головой, мол, не слышу.

Тот поманил к себе.

— Сваливать нужно, сюда могут на шум ещё набежать твари или те вернутся, которые удрали за вездеходом, — сказал стрелок, когда я оказался рядом с ним. Чужие слова доходили до меня, как сквозь ватные беруши.

— Твоим помочь нужно? Или всех порвали?

— Давай посмотрим...

Уцелели двое: почти не пострадавшая девчонка, с джедайским именем Атрис, в помятом «форде», но зажатая там намертво, и моя знакомая брюнетка. Вот только выглядела она ужасно: элитник, походя, почти оторвал ей руку, сорвал скальп с левой стороны, буквально стащив тот с затылка на лицо, оторвал ухо, и что-то там было с глазом, левая щека оказалась разорвана и сквозь рану белели осколки зубов, и торчала сломанная нижняя челюсть. Бронежилет на левом боку и спине разнесён взрывом и, можно сказать с уверенностью, что хватает внутренних повреждений. И, при всём при этом, она была ещё жива.

Кое-как вытащили пострадавшую из «форда», потом перевязали брюнетку, влили ей в горло живец.

Отошли от дороги на полкилометра и спрятались в небольшом овражке с сырым дном. Края были затянуты кустарником, прикрывая схрон от чужих взглядов. Рано или поздно сюда должна примчаться помощь, до этого момента стоит сидеть тихо и смотреть на дорогу, чтобы успеть подать сигнал.

Хома, тот стрелок, что спас мне жизнь, засадив в голову твари винтовочную пулю, предложил оставить брюнетку здесь и уходить в сторону Атлантиды, чтобы повысить шансы на своё спасение. Уговаривал меня, так как Атрис не желала оставлять раненую. А я... я не знал, что мне делать. Уверен в одном, в том, что брюнетка меня опознала.

Может мне это принести вред? Не факт, но то, что попаду под навязчивое внимание со стороны совета Атлантиды и любых авторитетных личностей — это гарантировано. Новичок, принявший белый жемчуг, та ещё мишень для всех: лидеров групп, стабов, сект, просто психов и желающих погреть руки на чужих возможностях. Спокойной жизни, мне отныне не видать.

Можно бросить брюнетку и с Хомой рвануть в Атлантиду. Нам там слова плохого никто не скажет, как не скажут ничего Кочану, который спасал свою команду из места, где ни у кого шансов на спасение не было. В качестве объяснений, хватит одного слова — элита. При этом есть много шансов, что девчонок порвут заражённые, набежавшие на запах свежей крови и выстрелов. Или брюнетка сама скончается, унеся мою тайну с собой.

Подло это, пока я ещё не оскотинился, не принял правила Улья, чтобы так поступать. Не рыцарь в сверкающих доспехах, но и не последняя сволочь.

Хома, один не уйдёт ни за что, страшно ему без меня добираться до Атлантиды. А со мной — легко. Уже видел, на что я способен.

Ещё кое-что, напарница брюнетки — блондинка. Если здесь появилась одна, то и вторая находится поблизости, не конкретно здесь, а в Атлантиде.

— Я схожу на дорогу, — сказал я Хоме и Атрис. — Нужно вскрыть элитников, а то с приходом патруля могу остаться на бобах.

— Я с тобой! — тут же подскочил стрелок.

— Как хочешь, но учти, что я уйду от тварей со своим Даром, так как воевать с ними, у меня больше нет сил, а вот тебе придётся худо, если там уже кто-то пасётся.

И парень тут же сдулся.

Решение я принял: в Атлантиде мне делать нечего. Слишком много найдётся игроков, которые попытаются увлечь в свою игру новичка — беложемчужного хигтера.

Когда уходил от оврага, то чувствовал, как две пары глаз сверлят мне спину. Догадались или почувствовали, что сюда я больше не вернусь. В чём-то правы, но в другом ошиблись — бросать немедленно, я их не собирался. Не появится подмога, придётся думать, как жить дальше. Возможно, с Хомой отправлюсь в город за машиной.

Первым делом отыскал в разбитых машинах оружие и запас патронов к нему, воды и еды. Позже, отнесу уцелевшим атлантистам, а то мы так дружно драпали с дороги, что не позаботились о столь нужных вещах, а ведь скоро подступит жажда, во флягах же лишь живец, который много пить нельзя.

Оружие всё было сплошь импортного производства под натовский патрон. Ничего похожего на, привычный мне, «калаш». Выбрал себе автомат, разобраться в котором удалось с ходу, к нему десять двадцатипатронных магазинов. Похож на австрийский «штейр» — та же схема булпап (я говорил, что её тут любят?), но, с очень крупным патроном. И всего двадцать патронов в магазине. Скорее всего, этот «австриец» создан под редкий (настолько же редко встречаемый среднестатистическим военнослужащим, как СП-5, СПП или ПАБ триста тридцать восьмой калибр. Я и сам узнал о нём только из «Братишки», где как-то привели сравнение наших спецпатронов и американских аналогов, а сейчас эта статья вылезла из памяти. Сам патрон опознал по надписи на донце гильзы: .338 Wisper.

Пистолет выбрал под сорок пятый калибр и с надписью сбоку на затворе — ремингтон. Знаю, что эта фирма специализируется на выпуске винтовок, но чтобы ещё и пистолетов? Видать, или я мало интересовался этим на Земле, или в параллельном мире данные оружейники пошли дальше. Пистолет был с увеличенным магазином, который на несколько сантиметров торчал из рукоятки. Вытащив, я пересчитал патроны: двенадцать штук. Вернул его на место, передёрнул затвор и поставил на предохранитель.

Подобрал револьвер, который так выручил меня в недавней стычке. Если бы не он, то сейчас бы и моя кровь с потрохами украшали асфальт. Пересилил брезгливость и осмотрел обрубок тела, точнее ремень на нём, на котором висели несколько чехлов и вот в одном из них отыскал скорозарядник с ещё шестью патронами.

— Живём! — обрадовался я такой находке.

Ждал врагов или помощь на помятом кунге «зилка» с биноклем в руках.

Чувствовал страх, брезгливость и становилось противно до тошноты, когда взгляд падал на место кровавой бойни, где я играл в кошки-мышки со смертью в уродливом обличии.

Потом пришла помощь.

Колона из двух «бэтэров» с бронированным «камазом» и ещё одним грузовиком, в кузове которого стояла «зушка».

Заметив её в нескольких километрах от места аварии, я спустился на дорогу и выложил из найденного оружия стрелку в сторону оврага, а под хромированный пистолет положил записку, начерканную на листке журнала маркером. И то и другое лежало под сиденьем водителя «ЗИЛа».

Я даже не думал долго куда идти и не бросал монетку из-за множества вариантов, он собственно, был один — Внешка. Там нет централизованных стабов, нет союзов стабов и больше всего это место напоминает Северную Америку во время её колонизации — лютый Фронтир, где закон у того сильнее, у кого пушка больше или отряд крупнее.

Мало элитных тварей, зато хватает муров и главной опасности — внешников, которые с лихвой замещают жемчужников. Фактически, я пришёл с самой границы Внешки. Выброси мой кластер чуть дальше, или чуть ближе к чёрной полосе мёртвых «сот» Улья и неизвестно, как сложилась бы моя судьба.

Там, на одном из стабов, где существует порядок, мне предстоит обжиться в новом мире. На Внешке, точно никому нет дела до других. А на тех стабах, где любят влезать в жизнь гостей, мне пока что делать нечего.

И жить есть на что, при этих мыслях я машинально погладил карман на куртке, где лежала моя добыча с элиты и руберов, плюс, остатки гороха и споранов, которые имел при себе до этого.

Было жалко потерянного имущества, которое сейчас прикарманят рейдеры Кочана и особенно — мой счастливый топор. С ним бы мне не пришлось тратить драгоценные мощные патроны на руберов, тем бы хватило и пятнадцатиметрового «клюва» на обухе.

Тут я усмехнулся: без года неделю в Улье, а уже отношусь к самому сильному горошнику, как к чему-то, несостоящему большого внимания.

Город, который караван Атлантиса вынес в своих кузовах — оружие, продукты и тех редких иммунных, которых смогли опознать сенсы среди, пока ещё необратившихся заражённых, я обошёл далеко стороной. Сейчас там филиал Ада!

До вечера раз десять менял направление, прятался в оврагах, ручьях и дважды применял Дар, чтобы избежать встречи с группами мутантов. Никого сильнее кусача не увидел, с ним я даже без пистолета, одним лишь «клювом», прихваченным из машины, справился бы, но бросаться в бой, желания совсем не было.

На ночёвку остановился рано, в восемь вечера. И, хотя солнце светило всю по летнему, зато и место мне встретилось отличное — большой лесной массив, заросший до дремучести, по которой можно опознать стаб.

В таких лесах мутантам делать нечего, что даёт шанс нормально отдохнуть, а не сидеть всю ночь в темноте и вслушиваться, вздрагивая от малейшего шума.

Ужинал в сухомятку и в стороне от выбранного места для ночлега, чтобы даже мелочью, тем же запахом от просыпавшихся крошек или капелек жира, не привлечь внимание чуткой твари, буде такая забредёт в лес.

Долго лежал на спине, закинув руки под голову и смотря на темнеющее небо в прорехах крон. Лежал, смотрел и думал.

Из сети немного узнал про белый жемчуг, добываемый из скреббера — существа, чьё имя-произносить-нельзя. Слишком он редок, а ещё реже встречаются и рассказывают про себя те счастливчики, которые проглотили эту драгоценность. Известно немного. Например, дарует иммунитет заражённым, которые ещё не потеряли рассудок. То, что всегда Дар весьма полезен и очень развит (хотя, тут как посмотреть, например, раскуривание сигареты от пальца, есть лишь дешёвые понты, но при его раскачке уже можно жечь врагов на

расстоянии — это один и тот же Дар, который в первом варианте считается бесполезным, а во втором, приобретается после белой жемчужины) изначально. Ещё известный фактор, что белая жемчужина наделяет съевшего её, целой пачкой экстрасенсорных умений.

Судя по всему, я уже получил целых три штуки и лишь про один ничего неизвестно, кроме того, что лучше про женщин мне забыть и принять целибат.

— Ну, Магдалина, ну... чтобы тебе выговор занесли в личное дело и лишили премии за провал вербовки агента в группе Кочана, — процедил я сквозь зубы. На девушку я был очень зол, ну, почему она не рассказала спокойно, почему распахнулась и кроме сумбурных угроз и предупреждений не сообщила?

Второй Дар, я уже давно знаю. Благодаря ему и выжил в, случившейся этим днём, мясорубке на семнадцатом километре трассы.

Третий открылся только сегодня. Немного странный, но более или менее, понял о чём он. В момент его активации я видел уязвимые места на телах мутантов, только так и можно объяснить те самые «зайчики».

Раскачивать любую способность, можно было с помощью раствора гороха из споровых мешков заражённых и жемчугом. И последним, лучше всего.

— А почему бы и нет? — Вслух произнёс я, на пришедшую мысль, — прямо сейчас, и заняться этим делом.

Сегодня я стал богаче на три жемчужины — две чёрных и одну красную. Оба этих вида несут опасность превращения в кваза и даже уничтожение одного Дара и замены его на другой.

Ага, опасность есть и потому все те, кто получил редкий и очень полезный Дар Улья и смог развить во что-то большее, чем прикуривание сигареты, с приёмом жемчуга не торопятся. Исключение, только для белого. Если же его нет, то красную или чёрную жемчужину глотают под присмотром знахаря и способности стараются прокачивать приёмом гороха, который не столь эффективен, зато менее опасен на неприятные последствия.

Но белая жемчужина нивелирует почти весь негатив! Тот, кто её раз принял, уже на порядок свёл шанс обратиться в кваза или лишиться Дара, а если проглочена она была недавно, то убирает все побочные эффекты полностью.

Я достал из кармана небольшую пластиковую коробочку, в которой держал всю валюту Улья и достал красный шарик.

— Моя прелессссть! — усмехнулся я, вспомнив эпизод из старого фильма. — Надеюсь, я таким же уродцем из-за тебя не стану.

Жемчужина привычно потеплела, стоило взять шарик в пальцы, следом появилось желание попробовать её вкус, и я не стал его перебарывать. Спустя секунду приятно потеплело в животе и тут же всё быстро пропало. Никаких спецэффектов, эйфории и бурного подъёма сил, как случилось возле коровника, не было. Толи препарат не того цвета, толи, эффект проявляется лишь единожды и в самый первый приём.

Чёрные жемчужины решил оставить на завтра.

Выспался просто отлично! В последний раз, я так отдохнул ещё на Земле, до переноса в этот чёртов Улей. Завтрак был быстрым и всухомятку, что слегка подпортило мне настроение — мечтаю о горячем густом борще со свининой! И чёрном, крепком чае!

Шёл до середины дня, постоянно уклоняясь от встречи с тварями, которых с каждым пройденным километром в сторону Внешки, становилось заметно меньше и они были всё

слабее и слабее, словно, далёкие мёртвые кластеры как-то отпугивают их, даже находясь за сотни километров.

Часто видел издалека кластеры с посёлками и городами, но почти всегда, чтобы осмотреть их, мне нужно было уходить далеко в сторону от своего безопасного маршрута и терять время. Делать мне это было неохота, тем более, на далёких улицах жизни не виделось, лишь несколько раз замечал в бинокль движение и каждый раз это были заражённые.

В три дня мне, наконец-то, повезло выйти на границу кластера с дачами. Совсем небольшой кусок, вытянувшийся метров на двести и с домиками в два ряда. На некоторых узких улочках и на дачных участках стояли автомобили. Они-то меня и заинтересовали, так как бить ноги мне уже надоело.

Сколько я прошёл за сегодня? Километров сорок, пятьдесят? Даже по плохой разбитой лесной дороге, такое расстояние на машине можно проехать за час с лишним, главное, выбрать не пузотёрку какую-то.

В посёлок входил буквально на цыпочках и жалея, что не получил способность сенса из той кучи, что подарила мне жемчужина. С доплатой в виде двух чёрных, сейчас поменял бы тот неизвестный Дар, на возможность чувствовать живых существ.

К счастью, кластер перегружился уже давно — дорожки покрыты пылью, сухими листьями, ветками и похожим мусором, наметённым ветром. Окна в коттеджах и домиках покрылись серым налётом от пыли, словно, кластер тут не один месяц стоит. На грядках повсеместно встречаются сгнившие плоды, переросшие и совсем маленькие, лишь несколько дней как появившиеся. Там, где грядки не были или культурная, кхм, культура не смогла противостоять атаке агрессоров, тянулись к небу густые заросли крапивы, лебеды и чертополоха.

Возле богатых домов этими растениями было затянато всё, видимо, газонная травка недолго сопротивлялась и быстро уступила натиску сорняков.

Шёл по улице, засыпанной мелкой щебёнкой, которую уже начала скрывать невысокая редкая травка и вертел головой направо и налево, высматривая подходящую машину. Как назло, попадались в основном легковушки, также увидел два джипа и даже вскрыл один, но дальше этого дело у меня не пошло — завести не смог без ключа. Впрочем, и не сильно пытался — не в этой стороне лежат мои таланты.

Повезло, когда прошёл больше половины кластера. Рядом с одной из дач, стоял УАЗ, окрашенный в оранжевый (!) цвет. Краска уже выгорела под солнцем, грязь и мойка забрали блеск, но при всём при этом, машина сильно бросалась в глаза.

Чёрт, мне бы попроще транспорт, не настолько приметный.

К сожалению, других вариантов я не нашёл: или пузотёрки вроде «ларгуса» и «одиннадцатой» или джипы, которые с моими умениями не завести никогда.

Уазик, бывший хозяин, использовал явно для соревнований по бездорожью, о чем говорил не только «обвес», в большей степени это были несколько наклеек с заездов на бортах и капоте.

Бывший хозяин, который может бродить где-то в соседних техногенных кластерах, или лежать где-то поблизости в кустах в виде горки костей, заменил штатную резину на крупнопротекторные и большие колёса. Вместо бамперов, стояли двухдюймовые трубы. Пятимиллиметровые листы железа, защищали всё днище от переднего, до заднего бамперов. Крылья обрезанные, чтобы уместить колеса, и к ним прикручены широкие расширители арок

из мягкой пластмассы. Слева и справа, от крыши к «морде», тянулись толстые стальные тросики — веткоотбойники. На самой крыше, намертво прикрученный десятком болтов, располагался экспедиционный багажник, сваренный из профильной трубы, на двадцать пять миллиметров. Ещё один трос, гораздо толще, был намотан на переднюю огромную лебёдку. По мне, так с таким аппаратом не «уазик» вытаскивать из говнолина, а танк!

Внутри было всё... грустно.

Только сейчас я понял, что передо мной не «хантер» и даже не осовремененная реплика «четыреста шестьдесят девятого», а нечто из седой древности, может быть, списанный УАЗ с армейских складов длительного хранения.

Простейшие седушки из тонкой, круглой трубы и двумя поролоновыми подушками, обтянутыми кожзамом — сиденье и спинка, без подголовника и возможности регулировать положение. Такие, удобно и легко мыть, можно без опасения пачкать, что должно было случаться у бывшего владельца регулярно, учитывая его любовь к бездорожью. А вот попробуй застряв в болоте, вылезти, дотянуть трос лебёдки до далёкого дерева и потом весь перемазанный жижей от пяток до бровей сесть на тряпочное сиденье «хантера» — сердце кровью обольётся. И экокожу жалко — стоит она совсем не мало.

Чтобы завести «уазик» сначала мне пришлось снять замок и отсоединить все проводки от него. Так я деактивировал блокировку руля, а следом за этим подключил клеммы к тумблеру передних «противотуманок», которыми точно не собирался пользоваться. Пощёлкал и не получил результата, хотя был уверен, что с клеммами точно не ошибся, тем более, в армии у нас половина «таблеток» и «козликов» ходили с тумблерами вместо замков зажигания, так что, имел понятие что к чему. Значит, или масса выведена на отдельный тумблер, который может быть где угодно.

— Чёрт, да что с тобой?!

Масса нашлась под водительским сиденьем, но переключение рычажка ни к чему не привело. Вот ведь подозревал, что намучаюсь с машиной, ещё когда соединял провода: искра на них едва проскакивала, больше и крупнее вылетают из глаз при ударе лбом о стену. Пришлось выбираться на улицу и лезть в моторный отсек.

Под капотом всё было ничуть не веселее, чем в салоне, пожалуй, ещё хуже: аккумулятор сел практически в ноль, только и хватало, чтобы едва-едва дать ту искру, которую заметил в салоне при замыкании проводов с клеммами от замка зажигания.

— Вот зараза, я же тебя с толкача не заведу, — вздохнул я. — Кривой, интересно, тут есть?

Кривой стартер — полутораметровая гнутая железка, отыскался в верхнем багажнике рядом с парой запасок.

Потом пришлось страдать, когда оказалось, что лебёдка закрывает отверстие в «морде», чтобы вставить кривой в вал на двигателе. Может быть, хитрые крепления отворачиваются или снимаются как-то иначе, но понять этот секрет я не смог и пришлось потратить час, чтобы получить доступ к коленвалу.

Вставить кривой стартер в выемку, резко крутануть... ещё раз... ещё раз!

— Да заведёшься же ты, гадёныш! — вызверился я на «уазик».

Тот, словно обидевшись, тут же рыкнул двигателем, при этом чуть не отбив мне руки кривым стартером.

Выхлопная труба была выведена почти под самую крышу и сейчас вылетевший из неё бело-серый выхлоп, навёл на мысль о тракторе.

— Всё — в путь.

Только проскочив сотню километров по просёлкам и лесным дорожкам, я понял, что присказка про то, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти, верна как никогда! Подумаешь, на ухабах о жёсткое сиденье всю пятую точку отбил, и спину стало ломить уже через полчаса, зато всё дальше и дальше удаляюсь от тех мест, которым я не рад.

В сумерках загнал УАЗ в густую лесопосадку, чтобы деревья и кусты полностью скрыли его от чужих глаз. Для ночёвки нашёл укромное место в двух сотнях метров от машины. На ужине проглотил одну из двух чёрных жемчужин и, приняв решение оставить последнюю на чёрный день. Хм, каламбурчик получился: черную, на чёрный.

То, что перестраховывался не зря, узнал утром, когда вернулся к машине и увидел рядом с ней две человеческие фигуры, застывшие столбиками вроде сусликов на страже своих норок.

Опасными они не выглядели, скорее всего, обычные бегуны максимум, вон, на них даже одежда уцелела на обоих. Пожалел, что с собой нет счастливого топора, и придётся обходиться кинжалом.

Когда до «уазика» оставалось метров десять, прямо передо мной из зарослей папоротника поднялась фигура третьего заражённого. Эта тварь сразу же набросилась на меня, сообщив товарищам обо мне, урчанием.

От неожиданности, я на долю секунды остолбенел и начал действовать лишь когда мутант сбил меня с ног и едва не вцепился в горло. Спасло меня передвижение на короточках: положение шаткое, потому этот доходяга так легко свалил, но при этом я коленями упёрся ему в живот и когда изменившиеся челюсти щёлкнули прямо перед моим носом, с силой отшвырнул его от себя.

Вскочил на ноги и ушёл в скрыт.

Подскочившие бегуны столкнулись лбами, когда инстинктивно из-за воздействия Дара обошли меня стороной.

Замерли, приводя в порядок протухшее содержимое черепной коробки.

Чтобы дотянуться до затылка первого, мне даже не пришлось сходить с места — хлоп, и кинжал вошёл тому в висок. «Зайчики» сообщали, что у этих тварей почти половина тела является уязвимой зоной, куда хочешь, туда и бей. А голова и вовсе светилась, словно, окружённая со всех сторон святым нимбом.

Выдернув из раны кинжал, я сделал небольшой шаг и вогнал испачканное свежей кровью лезвие в глаз второму, заставляя того запрокинуть голову назад и осесть на землю на подкосившихся ногах, самостоятельно снявшись с клинка.

Как раз к этому моменту поднялся на ноги тот самый заражённый, который так меня напугал. Он оказался рядом с первой парой трупов секундой позже, как я прикончил его последнего товарища. Повёл головой в мою сторону и замер, попав под мой Дар.

— На, сука! — я с удовольствием, мстя за недавний страх, от которого до сих пор сердце бьётся в груди перепуганной канарейкой, ударил его кинжалом снизу вверх, под подбородок и до самой внутренней части теменной кости. Хруст, когда кончик заскрёб по толстой кости, аж передался через рукоятку оружия.

Больше гостей на стоянке не было и остаётся только гадать, как они меня нашли. То ли, по следу из примятой травы, то ли, заметили меня издалека, и я ушёл на ночёвку буквально перед их появлением. А может, и просто почуяли запах сгоревшего топлива или разогретого двигателя. Уж что-что, а обоняние у заражённых, отличное! Раз в пять лучше, чем у простого

человека.

От всей троицы мутантов я получил всего четыре спорана. После трофеев от элиты и руберов, это было сродни насмешке.

Этот город ещё два или три дня назад был полон жизни, его жители даже не подозревали ни об Улье, ни о параллельных мирах и страшном вирусе, который девяносто пять человек из сотни, превращает в алчущих плоть тварей. Сейчас, на его улицах лишь иногда встречались слабые заражённые — пустыши и прыгуны. Единственного бегуна, который решил мной поживиться и бросился вдогонку, я встретил ударом заднего бампера, переключив быстро скорости и направив машину навстречу мутанту. Потом ещё и проехал по нему, чтобы с гарантией прикончить.

В городе или скорее городке мне нужны были продукты, одежда, кое-какая мелочевка для гигиены, без которой, совсем тяжело, если привык всегда сверкать бритыми щеками и обходиться без зубного налёта. А ещё машинку для стрижки волос стоит отыскать, а то уже порядком зарос, ведь перед переносом, я так и не попал в парикмахерскую, хотя и собирался со дня на день заскочить. А ещё... да много чего мне нужно, то же топливо требуется залить в бак, а то в последней канистре, уже только НЗ плещется из тех запасов, которые я создал в дачном кластере, опустошив баки бесхозных тачек.

По улицам катил на минимальной скорости, стараясь не создавать шум и успеть всё осмотреть.

Притормозил возле аптеки. Двигатель глушить не стал, даром что тот на холостых совсем тихий, и не поверишь, что это древний «уазик», который на поле боя пугал врагов рёвом мотора, который те принимали за танковый.

Вышел из машины, дверь закрывать не стал, просто прикрыл, чтобы не тратить драгоценные мгновения на нажатие ручки, если придётся срочно удирать. Таблетки и мази брать не собирался, вспомнив, как смеялся Шпиг, когда я на полном серьёзе спросил, кому можно продать дорогие лекарства, немедленно покраснел. М-да, а ведь я ещё не поверил ему, так и тащил на пару с Дедом по пакету с аптечным хабаром. Но у моего товарища хотя бы перевязочные были, которые тут спросом пользовались, а вот на таблетки все чихали.

Вход в аптеку был свободен, видимо, заражение свалило продавцов днём на рабочем месте. На полу лежало содержимое половины витрин, очень многое оказалось раздавлено. На стекле и белых витринах бросились в глаза пятна крови, которые привели меня в запёртый изнутри кабинет.

— Эй, есть кто живой? — негромко спросил я и постучал костяшками по пластиковой поверхности. Мутантов я не боялся: элите или тому же горошнику там делать нечего, давно бы вышли, а переродивший пустыш или низкоуровневый заражённый мне не опасен.

В кабинете не раздалось ни звука в ответ.

— Я захожу, — предупредил я и двинул плечом в преграду. После второй попытки наружу вывалился замок вместе с куском дверного пластика.

Внутри за столом сидела женщина в белом халате, испятнанном кровью. Она сложила руки на столе и положила сверху голову, из-за длинных мелированных волос, прикрывших лицо, определить возраст было невозможно. Правая рука была от запястья до локтя плотно обмотана бинтом.

— Девушка?.. — спросил я, потом стволом автомата стукнул по краю столешницы. — Эй, вы как?

Та даже не дрогнула. Только сейчас я заметил рядом с ней несколько шприцев и полдюжины пустых стеклянных ампул с отломанными кончиками.

«Совсем молодая», — проскочила мысль, когда я взял девушку за плечо и аккуратно откинул на спинку офисного кресла. Милая девчонка, даже смерть её не обезобразила. Скорее всего, только недавно закончила медицинский колледж и сразу в аптеку на работу устроилась, а тут перезагрузка случилась.

Вот оно — влияние «голливудщины».

Не нужно быть Холмсом, чтобы заново создать картину трагедии. После укуса одного из обратившихся, девушка в панике заперлась в кабинете и сделала перевязку. Попасть внутрь мутанты не смогли, слишком слабы они сразу после обращения, а мозги едва работают. Потом стали усиливаться признаки, сопутствующие вирусу — тошнота, слабость, головная боль. Даже иммунные, от них страдают. Вряд ли девчонка что-то слышала про Улей и его обитателей, зато вволю насмотрелась ужастиков про зомби, в которых уже в течение пары десятилетий вбивалось в голову зрителям: укусили — стал ходячим мертвецом. И тогда, не желая быть похожей на своих земляков, она сделала себе смертельную инъекцию. Был ли это яд, или снотворное, или несколько лекарств, которые при совмещении быстро и безболезненно убивают — я не знаю.

Тихо, словно, боялся разбудить незнакомку, спящую вечным сном, я вышел из кабинета и прикрыл за собой дверь. Потом набрал необходимых вещей и, уже перед самым выходом, решил вернуться. Большую сумку из-под расширенной автомобильной аптечки, содержимое которой я наполовину выбросил, а потом заполнил доверху полезными вещами, я поставил у порога.

Я собрал все спиртовые крепкие настойки, вату и бинты, которые отнёс в кабинет, где разбил стеклянные емкости и бросил в резко пахнущую спиртом лужу перевязочные материалы. Один из бинтов намочил в спирте, вышел с ним в коридор и там поднёс к нему огонёк зажигалки, после чего бросил импровизированный факел на гору бинтов.

Да, я решил устроить огненное погребение незнакомке. Почему-то было неприятно думать, что скоро её тело начнёт раздуваться, растекаться слизью и кормить червей. Если бы я здесь оказался вчера, то небольшой шанс её спасти, у меня был, а сегодня, могу сделать для неё только это.

Подобрав сумку, я быстро зашагал к машине. Едва только коснулся ручки дверцы, как впереди раздались близкие пистолетные выстрелы. Пауза и опять выстрелы, которые уже зазвучали совсем близко, за ближайшим поворотом.

— Да что ты будешь делать?! — прошипел я и, вновь бросив сумку под ноги, отскочил от машины и метнулся под защиту стен домов. Вряд ли мой Дар сможет укрыть «Уазик», а уйти от стрелка до того, как он выскочит на перекрёсток.

Через минуту на дорогу выскочил молодой парень, чуть старше меня, одетый в чёрную униформу и с чёрной банданой на голове. Летел он так, что лично я бы его никогда не смог догнать... я — нет, а вот преследователь, явно нагонял.

Даже не думая целиться, бегун навёл пистолет за спину через плечо и дважды выстрелил. Ему явно было наплевать на собственный слух — жизнь важнее.

Спустя пару секунд, перед моими глазами появился тот, от кого незнакомец улепётывал во все лопатки, используя сой слабенький дар бегуна. Мутант всё ещё сохранял подобие человеческой фигуры. Издалека и в грубом приближении он походил на известного борца, чьё лицо пугает детей в рекламах с экранов телевизора. А может даже он сам и был,

выживший в первые дни после обращения, и сумевший развиваться до лотерейщика.

Парень промчался стрелой мимо меня и нацелился в дверь продуктового магазина, у которого все стеклянные витрины были закрыты решётками, зато сам вход гостеприимно распахнут.

Вмешиваться в эту схватку я не желал, но пришлось, когда незнакомец споткнулся обо что-то, едва проскочив мимо меня, и полетев кубарем по асфальту. От падения словил контузию, приложившись головой о землю, и, хоть и сумел встать на ноги, но дальше уже бежать не смог. И пистолет выронил.

Лотерейщик, или похожая на него тварь, тут же сбросила скорость и дальше пошла к своему перекусу вразвалочку. Понял, гад, что человеку деваться некуда. Мутант так увлёкся преследованием, что не обратил на меня внимания, хотя я и не думал применять Дар, не желая тратить тот на такую малость. Кхм, ну да, с моими талантами лотерейщик для меня противник средненький.

Убеги оба (добыча и охотник) дальше, и я бы вздохнул с облегчением, пожелав удачи парню, не более. Но когда в тридцати метрах от меня вот-вот начнёт трапезу мутант, и возможностей остановить её у меня хватает, то решил вмешаться.

Вскинув автомат к плечу, я навёл мушку на голову мутанту, задержал дыхание и нажал спуск. Оружие татакнуло, две горячие дымящиеся гильзы вылетели из-под ствола, а две пули ударили в череп заражённому. Я тут же опустил ствол чуть ниже и вбил две двойки в спину мутанту, целясь в позвоночник.

Всё, финита ля комедия.

Парень при первых выстрелах рухнул на землю и там затих, а подняться решил, только после того, как перестал биться в агонии мутант.

— Эй, не стреляйте! Я нормальный! — крикнул он.

— Кто ты?

— Ко... Колобок! Из команды Художника, а живём в Орешке! Не стреляй, хорошо?

— Оружие не поднимай, — предупредил я его и выбрался из своего укрытия. — Откуда тут взялся?

— Сталкеры мы, хабар собираем, — развёл он руками и поморщился, потом прикоснулся к бандане, которая каким-то чудом не слетела с головы во время всех его кульбитов на асфальте. — Бли-ин, всю башню себе разбил... дружище, я живчика хлебну, можно?

— Пей. Друзья твои где?

Тот сначала сделал несколько глотков из фляги, прицепил её обратно к поясу и только потом ответил:

— Уехали.

— Бросили? Ничего себе у вас команда, — усмехнулся я.

— Да не, просто уехали. Там Люку ногу лотерейщик порвал хорошо, пришлось мне эту тварь отвлекать, а Художник в это время затащил Люка в тачку и рванул прочь. Я бы удрал от того гада точно, но вон видишь цепь валяется? На ней и поскользнулся, блин.

На земле рядом с парнем лежала тонкая хромированная цепочка, которыми огораживают места стоянок и газоны в некоторых местах.

— Дар на скорость? — спросил я.

— Слушай, а почему Колобок или ты похудел уже? — решил я утолить своё любопытство.

— А-а, так, ерунда, — махнул рукой собеседник. — У крёстного неправильное чувство юмора просто было. А тебя как зовут?

— Сервий.

— Здорово, — он протянул ладонь вперёд.

Две секунды я колебался, потом решил, что успею активировать Дар, если собеседник что-то отчебучит неправильное и ответил на рукопожатие.

— А это что за имя? Типа, от сервера, да? Электронщиком был, Там? — удивился Колобок, закончив трясти мою ладонь.

— В честь древнего римского царя. Мой, кхм, крёстный тоже, тот ещё юморист.

— Слушай, Сервий, если ты на машине, то не докинешь меня до базы? — внезапно попросил он. — Художник сейчас потащит Люка к лекарю, за мной нескоро прикатит.

Ловушка или нет?

С другой стороны, погоня с лотерейщиком, точно подставой быть не может — это какие же ресурсы и возможности нужно задействовать для такого?!

— В Орешек? — вспомнил я его слова.

— Ага, — кивнул тот в ответ, — туда. Это часа полтора хода по дорогам. Я покажу, как ехать.

— Хорошо, — принял я решение, — поехали.

Когда тот понял, на какой машине ему предстоит ехать, он удивлённо присвистнул.

— Нифига себе пепелац ты надыбал! — покачал он головой. — Твари же издалека его отследят, а уж дроны внешников и вовсе только на него и станут смотреть. Я думал, что у тебя нормальный шушпанцер где-то припрятан.

— Конец шушпанцеру. Что потом нашёл, то и взять пришлось. Так ты едешь?

— Конечно! Ещё спрашиваешь, блин.

Через пару минут «уазик» проехал мимо места, где на сталкеров напал лотерейщик, об этом мне сообщил Колобок.

— Во, здесь нас эта тварь чуть на лоскутки не порвала. Вон лужа с кровью — это с Люка натекло, а вот ювелирка, которую хотели почистить.

— Ювелирка? — удивился я. Причём очень сильно и искренне. Одним из первых пунктов, что я полез прояснить в сеть в Атлантиде, это товарно-денежные отношения. На первом месте в Улье стояли потроха мутантов, потом боеприпасы, потом оружие. Всё! Три кита, на которых здесь всё держится. Деньги и драгоценности, шли почти по одной категории с дорогими продуктами, вроде чёрной паюсной икры, китового мяса, элитного многолетнего алкоголя.

— А зачем она вам, разве на Внешке в чести золото с брюликами? — спросил я и тут же подумал, а ведь всё возможно, тут же с сильными тварями, попроще дело обстоит, могут наравне со спорами ходить и золотые монеты. Точнее узнать я не смог, по причине убогой информации в сети Атлантиды, лишь самая-самая суть, выжимка.

— Да это цыганам, на обмен за спек. Кому оно тут нужно, рыжьё это? Это цыгане да армяшки с ума по нему сходят. Они бы и зубы себе в два ряда вставили бы золотые, да регенерация не даёт.

Колобок, называя цыган, делал акцент на первом слоге, то ли, местный сложившийся говор, то ли, его личный бзик. На всякий случай, я запомнил, вдруг однажды пригодится даже такое знание.

— Что за цыгане?

— Есть тут стаб один небольшой, он дальше за Орешком приткнулся. Табором его прозвали. В общем, там сотни три цыганьев поселились. Спек варят, да наркотой торгуют. Тут же хоть герычем закидывайся, хоть синтетикой — только приход словишь, потом чутка поломает, и всё — соскочил без привыкания. Да тут даже курильщики бросают свою привычку дымить, легче лёгкого- спасибо Улью, блин.

Внезапно я заметил что-то необычное, сильно выделяющееся на общем фоне и не несущее немедленной опасности, и затормозил.

— Что? Что случилось? Заражённые? Внешники? — всполошился Колобок, который и до этого момента вовсю крутил головой по сторонам, а сейчас начал ей вращать, как вентилятором. — Гони, блин, гони!!!

— Да нет здесь никого. Вот это что? — я ткнул пальцем в угольно-чёрную полосу в двухстах метрах от дороги, уходящую к горизонту. Больше всего, это было похоже на весенние поля, когда с них сходит снег и народ начинает баловаться спичками, подпаливая прошлогоднюю траву. Точь-в-точь так же — чёрное поле в окружении живой травы, выглядела и эта полоса. Даже редкие деревья там стояли обугленные, чёрные от корней до макушки.

— А-а, это, — немного успокоился мой пассажир. — Так то Язык, ну, мёртвые кластеры. Не видал, что ли?

— У меня такое не встречались, только слышал. Даже изображения нет нигде.

— Понятно. В общем, там несколько сотен мелких кластеров друг к дружке примыкают, ширина самого большого метров сто пятьдесят, а тянутся они километров триста, потом начинается сплошная чернота. Потому и прозвали Языком. Тут таких несколько имеется, есть и побольше чернота, километров десять диаметром и к ней сразу три языка тянется и лежит она, во-он там, даже дальше, чем Язык, — махнул в противоположную сторону от угольной полосы Колобок. — Сервий, ты гони что ли, а то налетит сейчас дрон и хана нам, блин.

— Часто летают?

— Редко совсем, а так-то, рассказать могут только те, кто попал под удар. Сам понимаешь — уцелевших счастливых мизер, рассказать, мало кто может.

К счастью, добрались до Орешка без приключений. На въезде нас даже не тормознул никто, хотя три мужика с двумя пулемётами — ПКМ и ДШК, на КПП имелись. Так бы и покатали дальше, если бы не Колобок, который попросил притормозить.

— Здорово, парни! — крикнул он, приоткрыв дверь, так как конструкцией стеклоподъёмники не были предусмотрены.

— Колобок? — удивился один из них. Ха! Где ж тебя потеряли-то твои? А это кто с тобой?

— Знакомый, Сервий. Слушай, а Художник приезжал?

— Ага, — кивнул тот, — промчался тут, пылищу поднял. Что случилось-то?

— Люка лотерейщик серьёзно порвал, из ноги целый шмат вырвал. Пока я его отвлекал, Художник и чесанул сюда.

— Лотерейщика и не прибили? А зачем стволы с собой таскаете? — расхохотались все трое охранников. — Ну, вы вапще щеглы.

— Сами вы щеглы, — тут же зло ощерился Колобок. — Вас бы туда, да только вы дальше полевых стабов, чтобы трясушку не словить, не выбираетесь, ссыте, блин.

— Ты езжай, куда ехал, ясно?

— Да идите вы, — махнул на них рукой пассажир, потом сказал мне. — Покатали до больнички, Сервий, — и тут же исправился. — Ты это, не подумай чего, я не за просто так,

обязательно расплачусь, просто сейчас даже патронов с собой нет... не, вру, магазин с парабемлумскими есть, возьмёшь?

— Оставь себе, — отказался я. — Вместо них расскажешь, что у вас тут и почём, где можно заселиться, купить вещи, оружие с патронами и вообще в целом.

— Тогда давай, сейчас налево заруливай... ага, в сторону этого барака. Мы по кругу прокатимся, и я тебе покажу, что тут к чему. Орешек — мелкий стаб, тут пешком за десять минут из конца в конец его пройдёшь.

Стаб и в самом деле оказался невелик, всё жильё лепилось друг к дружке, магазины и административные здания, тоже. Посмотрел на общежитие — двухэтажное строение из бруса, послушал краткую характеристику на него и решил в первую очередь, навестить гостиницу, которую держал некий Сильвер. Комнаты сдаёт дороже, чем в общежитии, но зато без клопов и тараканов, да и кухня вкусная — имеется кафе-бар в здании, а самое главное, у Сильвера никаких дебошей и пьянок с поножовщиной, которые порой происходят в общаге.

Магазинов — два. Один, почти только на оружии с боеприпасами и снаряжении для рейдеров специализируется, а во втором можно найти практически всё, как в аптеках в Америке, в девятнадцатом веке.

Возле больницы, ютящейся с торца трёхэтажного дома, очень старой, чуть ли не довоенной постройки из мелкого красного кирпича, я высадил Колобка, попрощался и направился в гостиницу.

Сильвер, сильно отличался от классического персонажа, чьё имя он носил. Невысокий сухопарый дядька с длинными волосами, собранными в небольшой хвостик, и неопределённого возраста: и тридцать можно было дать, и сорок с копейками. Попугая на плече не было, обе ноги были на месте.

— Привет, — кивнул я ему. — Комнаты есть?

— Здорово. Есть-то, есть, но хватит ли у тебя в карманах споранов, чтобы оплатить?

— Только спораны? Может, патронами?

— Можно и патронами, — пожал он плечами. — Только курс нужно подсчитать. Споранами будет три за сутки, отдельно еда, но за четыре получишь полный пансион.

Как-то сразу, желание устроиться получше, стало выветриваться из головы, когда услышал расценки, но тут собеседник добавил:

— Или за один споран в общагу, где клопы тебя до мяса обожрут, или нюхай химию, которой постоянно придётся всё прыскать, спать на обоссанных матрасах, ходить по щербатым доскам и слушать чужие загулы через стенку...

— Ладно, ладно, — перебил я его, — хватит рекламы — четыре, так четыре.

Следующие десять минут пришлось потратить на подгонку курса патронов и споранов. Автоматные триста тридцать восьмые, Сильвер наотрез отказался брать, аргументируя тем, что под такой боеприпас ни у кого нет оружия. Поэтому пришлось отдать кучу пистолетных за три дня жизни в гостинице. Светить своё богатство я не собирался, опасаясь, что лихие людишки решат прикарманить его себе и моего разрешения не спросят. А за чёрную жемчужину, сам Сильвер мне насыплет стрихнина в суп.

Решив все проблемы с жильём, и закинув большую часть вещей в номер, я вышел на улицу. На крыльце резко затормозил, увидев, как ко мне подъезжают два броневики очень странной формы на высоких «зубастых» колёсах.

Обе машины с зализанными боками, широкие, но при этом кажущиеся плоскими,

подкатили к гостинице и встали рядом с моим «уазиком». Из броневиков вышли восемь человек, экипированных так, как я ещё здесь не видел. Нечто похожее, разве что, на экране телевизора до переноса в Улей, когда там мелькали в кадрах бойцы спецподразделений.

— Твой рыжик? — Усмехнулся один из новоприбывших, и указал на УАЗ.

— Мой.

— Новичок?

— Если в Улье день прожил и не умер, то уже можно считаться ветераном, — ответил я. — А я прожил больше дня.

— Кхм, да ты у нас герой! — Без зла засмеялся собеседник. — Ладно, бывай, если что нужно, то обращай к нам. Оружие и снаряжение нормальное подгоним, а не тот хлам, который тут продают.

Проговорив, прошёл в гостиницу, следом за ним потянулись прочие бойцы. Удивил тот факт, что в отряде сразу две пары близнецов было! Братья, которым иммунитет по генам передан? В принципе, логично, ведь не просто так про некую душевную «сиамистость» близняшек говорят.

В оружейных магазинах, я откровенного хлама не видел. Правда, и особого выбора, также не имелось — «калаши» трёх модификаций, несколько типов пистолетов, (большая часть образцов состоит из пээмов), полно гладкоствольных ружей и тоже, как бы, не половина представлена «калашоидами». Ещё там стояла одна СВД, её охотничий клон — «Тигр-9» и три болтовых винтовки под калибр тридцать ноль шесть и российскую стандартную «семёрку». Если подробнее о «калашниковых», которые в обоих магазинах были трёх типов, то это: обычный АКС-74, АКМ с деревянным прикладом (может и модели намба, ту рассматривать не стал) и ментовской укорот — АКСУ. Специальных патронов и пэбээсов ни на один ствол не было, поэтому я не стал ничего приобретать.

Нищий, очень нищий стаб. После Атлантиса я, словно оказался в деревне, в автолавке, прикатив туда из мегаполиса.

Когда вернулся обратно в гостиницу, то увидел, что броневики никуда не делись, продолжая стоять рядом с моим «рыжиком».

— Сильвер, а что за ребята прикатили на броне, когда я только вышел от тебя?

— Янычары. Янычар — так называется их отряд. И они стронги, вроде тебя, только уже пару лет занимаются охотой на внешников.

Ага, так дело и обстоит — назвался я стронгом, чтобы не вызывать у местных ненужных подозрений и любопытства. Ведь странным может показаться, что из цивилизованных, так сказать, мест, я рванул на Фронтир, в пучину беззакония. Тут или я скрываюсь от кого-то, или стащил что-то у кого-то и опять же скрываюсь, или... таких или можно десяток придумать и все они будут вызывать подозрение ко мне. А так — стронг и стронг, решил отомстить за кого-то или проверить себя в драках с людьми, а не с тварями Улья.

— А близнецы у них откуда?

— Кто? — Удивился тот, — А-а, вот ты о чём. Не видел никогда дублей?

— Ты про тех, кто после перезагрузки на кластере находит самого себя? — Догадался я. — Нет, никогда не сталкивался.

— Янычары уже давно тут сидят и только ради своего кластера, где их отряд выбрасывает. Там что-то вроде военного сборного пункта, ценного не особо много, в основном люди — ополченцы и наёмники, и кое-какая старая техника. Но грузится часто — раз в три недели. Они только что оттуда и, судя по довольному виду, всё у них прошло

удачно, да и больше их стало на одного, видать, кто-то оказался иммунным в этой перезагрузке.

— Один из них предложил к нему обратиться насчёт оружия и экипировки, типа, в магазинах у вас один хлам. Не подскажешь, что в этом правда, а что ерунда?

— У них, точно всё лучшее, все трофеи с внешников, — сообщил Сильвер. — А в магазинах наших... ну, что ты хочешь, если всё добро идёт из охотничьих магазинов и полицейских участков? Там, одно заезженное барахло.

— Понятно. Сильвер, а что про цыган сказать можешь? Как они к гостям незнакомым относятся?

— Хочешь что-то продать? — Догадался тот.

Я кивнул.

— Да, вроде, в больших подлостях не замечены, главное, продавать что-то попроще, а то жадность запросто задавит разум у Барона. Или приезжать на танке. Что хоть толкнуть хочешь?

— Да так, — ушёл я от ответа, — уж точно не сверхценность. Тут Колобок проболтался, что в Таборе золото любят, правда?

— Любят. Они, и армяшки с Русиновки, но до тех дольше добираться. Решил им побрякушки впарить?

— Угу, — кивнул я. — У них могут быть нормальные стволы?

— У цыган-то? — ухмыльнулся собеседник. — Не, эти в оружии совсем не понимают. Им лишь бы понт был, да со стороны смотрелось красиво. А плохое или хорошее, на это им наплевать. Ходят с помпами и стечкиными, только охрану стаба нормально экипировали и периметр оснастили. Но, опять же, не со своего ума, а по подсказке наёмников из «Янычара», которым они спек за оплату услуг дали.

— Хороший спек?

— Самый лучший, который можно найти в ближайших стабах, — заверил меня Сильвер. — В чём, в чём, а в наркоте цыгане всегда разбирались и это знание с собой сюда притащили. Если нет у тебя хорошего спека, то обязательно возьми. Реально помогает, при ранениях тяжёлых.

Побрякушек у меня не было, зато имелся отличный янтарь, который я вытащил из элитников, из такого спек получится, отличный, если попадёт в руки профессионалов. Правда, как таковой, наркотик мне был не нужен, была мысль сменить янтарь на оружие и патроны. Вот же засада-то, и что теперь делать?

— Будешь брать — бери больше. На спек из Табора самая высокая цена, приезжали даже из дальних стабов за ним.

— Понятно, — кивнул я. — Спасибо, Сильвер.

Колобка я нашёл в одной из квартир в местных двухэтажках. Адрес сообщили в больнице, куда я первым делом наведалься, рассчитывая застать парня у кровати своего раненого товарища. Да куда там, и Художник, и Колобок свинтили уже через двадцать минут, как привезли раненого и заплатили за его лечение.

— Кто там, кого принесло?

Голос, раздавшийся с той стороны двери, в которую я несколько раз ударил кулаком, принадлежал пьяному и был незнаком мне.

— Знакомый Колобка, я сегодня его привёз из города. Перекинуться мне с ним нужно парой слов. Несколько секунд стояла тишина, потом пьяный вновь заговорил:

— Ты к вечеру подходи или лучше завтра к полудню, а то Колобок уже свалился — стресс заливал неумеренно и за спасение пил, на удачу. Да и я скоро рядом брякнусь... Поэтому, завтра, всё завтра.

На следующий день я повторил свой визит в знакомую квартиру. Сегодня мне открыл сам Колобок. Даже не стал спрашивать, кто там стучит.

Вышел парень в длиннорукавной тельняшке с синими застиранными полосами и тёмно-синий штанах из комплекта термобелья и в чёрных сланцах на босу ногу. Лицо было жутко опухшее, словно изнутри каждый капилляр накачали воздухом. А уж глаза... глядя на эти щёлочки, я сразу вспомнил шутку про утро на китайской пасеке.

— О-о, Се... Свер...

— Сервий.

— Точно, Сервий! Здорово, дружище, спасибо за спасение. Я тебе по гроб жизни благодарен. Вчера хотел тебя пригласить, да не знал, где ты остановился, а потом тупо нажрались с Художником и забыл я обо всём на свете. Думал сейчас, что это он припёрся, с литром антипохмелина.

— Я знаю про него, был вчера тут.

— Да? — Озадачено спросил тот. — А зачем?

— К цыганам хочу смотаться. Сначала в город к ювелирке, потом к ним за спеком.

— Это тема, дружище, — закивал тот головой, — спек — это тема. Только часто не принимай, а то совсем мозги в жижу превратятся. Я наркоту не уважаю, лучше ханки жирануть, она полезнее всё ж.

— Мне для дела. На внешников хочу начать охоту. Спек, на тот случай, если ранят. Так ты поможешь, имеешь выходы на цыган?

— Да я там каждого цыгана знаю, а с Бароном за руку здороваюсь, — заверил он меня. — Только можно ещё и Художника с собой взять. Компанией, в Табор лучше всего кататься.

— Возьмём.

Художник оказался чёрноволосым тридцатипятилетним мужчиной, носившим разномастный неновый камуфляж. Внешность простая, неброская, без особых примет. На кандидата в разведчики не тянет, правда, слова «отвернулся и забыл» под него не подходят.

— Привет, Сервий. Это я с тобой вчера гуторил? — Спросил он, ответив на рукопожатие.

— Со мной.

— Ты извиняй, вчера в нас уже по две бутылки было влито, Колобок храпел, когда ты появился. А у меня никакого желания продолжать пьянку, не было, потому и попрощался.

— Я не в обиде, тем более и не пить приходил.

— Да я уж понял, — пожал он в ответ плечами. — Значит, сначала в город, потом в цыганский стаб?

— Да.

Ювелирный магазин «Бесценная Лира» остался в том же состоянии, в котором его оставили сталкеры. В самом же городе прибавилось развитых мутантов, но убавилось общее количество заражённых, скорее всего, пожрали себя за один день. Вместо ковыляющих и притормаживающих тварей, появились прыгуны и бегуны. Трёх таких, действуя из арбалета и ПБ, сталкеры свалили рядом с магазином. Потом ещё двух, «клювом» зарубил я, оставшись на охране, пока товарищи ломали магазин. Всё равно они лучше знают вкусы моих будущих

покупателей янтаря.

— Вот твоя доля, — Художник кинул большой мешочек на панель передо мной, — сразу отложили. По дороге можешь заценить, если интересно. Всё по-честному, Сервий.

У цыган оказались через три часа.

Как и большинство стабов, Табор был небольшим посёлком с тремя десятками домов не выше третьего этажа. Часть строений пустовала, некоторые, оказались разобраны до фундамента. Куда пошёл стройматериал из них, легко угадывалось, стоило посмотреть на пять двухэтажных коттеджей, обнесённых забором из кирпича и строительных блоков.

Никакой внешней ограды не было, зато на дороге, на въезде в посёлок, стоял огромный броневедомобиль, немного смахивающий на пиндовский «брэдли» и рядом с ним вышка из стальных уголков, внизу и вверху одетая в стальные листы. Из верхней будки торчал длинный пулемётный ствол.

На другой стороне небольшого стаба, виднелась ещё одна похожая вышка, и третья конструкция, с высоты которой часовые контролировали подступы к поселению, стояла между ними, примыкая к двухэтажному нежилому дому, за которым начинался пустырь, а потом поле.

Из будки, в которую превратили нижнюю часть вышки, вышел чернявый паренёк с коротким «калашом» на плече и пистолетной кобурой на животе.

— Илья! — Обрадовался Колобок. — Отлично, с ним нормально договориться можно.

— Илья? Он не менял имя? — Удивился я.

— Да кто их тут знает, — развёл руками собеседник. — Может, и меняли, только не кличку взяли, а другие имена, самые обычные.

— Доброго дня, Илья! — Крикнул ему в окно Художник. — Мы поторговать приехали.

— Привет. Что привезли?

— Сегодня только золото.

— Плохо, — на лицо молодого цыгана напозла тень разочарованности, — нам патроны нужны к калашу и гранаты ещё. Тут ночью несколько дней назад мутанты забежали, пришлось много стрелять и взрывать.

— Не, — помотал головой Художник, — нет патронов, не успели мы в кластер после перезагрузки.

— Эх... ладно, давай отойдём и посмотрим что там привезли. А это кто с вами, где Люка потеряли, неужели умер?

— Тьфу-тьфу-тьфу, — быстро поплевал Художник и трижды постучал по деревянной накладке на двери УАЗа. — Жив он, лотерейщик ему просто ногу сильно порвал, сейчас в больничке лежит. Через пять дней выпишут. А это Сервий, он лотерейщика грохнул и помог Колобку до Орешка добраться.

— Это хорошо, что живой. Что брать будете?

— Спек, конечно, — даже немного удивился Художник.

— А ты? — цыган правильно понял, что я сам по себе.

— Тоже спек, и хотелось бы поговорить с Бароном.

Цыган изогнул бровь вверх.

— Может его заинтересует что-то из моих вещей.

— Илья, он с той стороны пришёл, если говорит, что заинтересуют вещи, то точно заинтересуют, — вмешался в беседу Колобок.

— Ну, ладно, спрошу я Барона, сможет ли он встретиться с тобой, — задумчиво

произнёс цыган. — Подождите, я сейчас.

И ушёл обратно в будку.

— По рации болтать станет, — просветил меня Художник.

— А это янычары им такие штуки сделали? — поинтересовался я, имея виду стальную защиту на вышках.

— Не, те им только сектора показали, вышки сказали, где ставить, вон там минные поля установили и в домах огневые точки сделали, только в них не сидит никто, лишь в броневики и на вышках. Всё вот это, цыгане уже от себя добавили. Полгода назад здесь блок-пост из мешков и блоков бетонных стоял и под той вышкой тоже, но местные его разобрали на свои дома, а мешки с землёй им не понравились, решили железом вышки понизу обварить. Бараны, одним словом, это железо только автоматную пулю держит, стальная винтовочная уже пробивает всю их, типа, броню.

Появился Илья и поманил к себе, когда мы с ним отошли немного в сторону, он спросил:

— Барон спрашивает, что предложить хочешь ему?

— Янтарь.

Глаза цыгана алчно блеснули.

— Слушай, зачем тебе тогда Барон? С янтарём я работаю, хорошую цену дам. Что хочешь?

— Оружие хорошее, по-настоящему хорошее. И спек.

Тот задумался, потом неуверенно произнёс:

— С оружием не знаю, как получится, вот с ним Барон занимается как раз. И как понимать — хорошее?

— Мне нужен, в идеале, акаэм с глушителем и спецпатроны к нему.

— Акаэм есть, — обрадовался, было, цыган и резко помрачнел. — Не, откуда у нас глушаки и какие-то спецпатроны? Тут и простые растратили сильно. Давай, ты спеком всё возьмёшь?

Спек я взял.

У цыган это средство было расфасовано в шприц-тюбики, в которых в оранжевых аптечках хранится промедол.

И на этом моё посещение Табора было завершено.

— Колобок, а что тут у вас так с женщинами плохо?

Я, и мой знакомый сталкер, зависли в кафе у Сильвера после посещения цыганского стаба. Я пил тёмное пиво, собеседник настойку на травах и кедровых орешках — очень крепкую и ароматную. Пил он её крошечными стопками, чтобы растянуть удовольствие подольше. Слышал, мол, если пить из «мелкой посуды», то опьянение наступит быстрее, но сидящий напротив меня Колобок это заявление опровергал напрочь — уже десятый напёрсток опрокинул, и лишь лицо покраснелось, ни на речи, ни на движениях алкоголь не сказался. Правда, он и закусывал жирной семгой и жареным по-деревенски картофелем — блюда, которые «градус крадут».

— А где с ними хорошо? — Удивился он. — Это ж бабы — слабые и беспомощные существа, их тут жрут в первую очередь.

После Атлантиса местное население, состоящее из одних мужчин, резко бросалось в глаза. Там был настоящий цветник, а здесь, словно угодил в воинскую часть какую-то. Уже стал жалеть, что там воротил нос, сейчас же, когда припёрла физиология, резко подстёгнутая усилившимся организмом, пересмотрел бы свои взгляды.

— Колобок, а что тут у вас так с женщинами плохо?

Я, и мой знакомый сталкер, зависли в кафе у Сильвера после посещения цыганского стаба. Я пил тёмное пиво, собеседник настойку на травах и кедровых орешках — очень крепкую и ароматную. Пил он её крошечными стопками, чтобы растянуть удовольствие подольше. Слышал, мол, если пить из «мелкой посуды», то опьянение наступит быстрее, но сидящий напротив меня Колобок это заявление опровергал напрочь — уже десятый напёрсток опрокинул, и лишь лицо покраснелось, ни на речи, ни на движениях алкоголь не сказался. Правда, он и закусывал жирной семгой и жареным по-деревенски картофелем — блюда, которые «градус крадут».

— А где с ними хорошо? — Удивился он. — Это ж бабы — слабые и беспомощные существа, их тут жрут в первую очередь.

После Атлантиса местное население, состоящее из одних мужчин, резко бросалось в глаза. Там был настоящий цветник, а здесь, словно угодил в воинскую часть какую-то. Уже стал жалеть, что там воротил нос, сейчас же, когда припёрла физиология, резко подстёгнутая усилившимся организмом, пересмотрел бы свои взгляды.

— Что, совсем у вас их нет, только они? — я указал подбородком на смазливую барменшу и двух официанток, типажом похуже.

— На Маркизу не смотри, она подруга Сильвера. А Трисс и Камила вполне себе безотказные, только постоянно нос крутят, выбирают, с кем гулять. Тут к ним чуть ли не очередь стоит.

— Маркиза, это которая за стойкой стоит?

— Угадал. Ещё во «Всякой всячине» есть продавщица и тоже не фонтан, по прежней жизни. С ней мутит хозяин магазина, Бер. И ещё семнадцать красоток у нас тут живёт на, почти, две сотни человек. У цыган и то проще с тёлками. У Барона, аж две жены, и на всё население табора десятка три баб.

— У цыган разрешено многоженство? — удивился я.

— Тут Улей! Тут всё разрешено, — философски ответил Колобок, потом звякнул графином о край рюмки и предложил. — Ну, за наших прекрасных женщин!

Выпили, закусили рыбой.

— Почему у цыган такая большая разница, по сравнению с вами?

— Да кто знает? — Пожал тот плечами. — Может, они своих мужиков иммунных гнобят после перезагрузки, берут только баб сейчас. Или у них гены такие, что женские лучше борются с той заразой, которая тут в каждом из нас сидит.

Просидели до самой темноты, изрядно нагрузившись алкоголем. Колобка, так и вовсе приехал Художник забирать.

Утром, не ощутив ни малейшего следа похмелья, я отправился на поиски янычар, которые снимали комнаты в гостинице чуть ли не на льготных условиях, за копейки. Вроде бы у них с Сильвером какая-то договорённость, что-то мне вчера про это говорил собутыльник, но я пропустил мимо ушей нюансы.

Троих бойцов из отряда «Янычар» я нашёл в барном зале, где они с аппетитом завтракали. К сожалению, того, кто однажды мне предложил заходить в случае нужды в снаряжении, за столиком не было, но я всё равно решил попытать удачи.

— Приятного аппетита, парни. Разговор есть. Как, не помешаю или подождать?

— Бери себе что-нибудь и падай рядом, — предложил один из них. — Если сытый, то хоть чая с бутером или пива с орешками закажи, а то как-то не так, если трое едят, а один на них смотрит.

Через пять минут со своим подносом я устроился за столом, который легко мог вместить шестерых.

— Так что за тема?

— Один из ваших, два дня назад обмолвился, что могу прикупить хорошего оружия и снаряжения, если то, чем торгуют в местных магазинах, меня не устроит.

— Не устроило? — хмыкнул он.

— Не-а.

— Это, наверное, Янычар сам был, только его сейчас не найдёшь, он с Королевой кувыркается в койке.

— Когда появится?

— Сюда часам к трём подходи и точно застанешь. Только учти, что у нас оружие хорошее и потому дорогое, есть у тебя, чем расплатиться за него?

— Иначе не спрашивал бы.

До назначенного времени я успел обойти весь кластер, осмотреть и сосчитать все дома, даже попытался свести знакомства с симпатичной молоденькой девушкой, но был послан в далёкое путешествие.

«Это тебе расплата за отношение в Атлантисе», — криво усмехнулся про себя я.

С Янычаром столкнулся на пороге, когда тот уже собирался куда-то уходить. Хотя до назначенного времени оставалось ещё десять минут. Правда, и не он назначал.

— Ага, здорово! — воскликнул он, едва завидев меня. — Это ты оружие ищешь?

— Я, — я кивнул в ответ.

— Считай, уже нашёл. Я сейчас срочно уйду, но там оставил за себя Прапора, к нему подойди и дальше он решит твою проблему.

Прапор оказался высокий мужиком лет сорока, с темными волосами, тронутыми сединой и мохнатыми большими усами. Они настолько резко бросались в глаза, что все прочие приметы — лицо, одежда, повадки, мигом забывались. Я сразу вспомнил негра из «Криминального чтива», носившего очень похожие, но чуть меньшие по «пушистости», так сказать.

Буквально пара предложений — представился и сообщил цель, и он меня повёл к складу отряда.

Находился он в небольшом кирпичном одноэтажном здании, обнесённом высоким железным забором из толстого профлиста.

На территории стояли четыре бронетранспортёра — «восьмидесятый» с автоматизированным модулем, в котором торчала «тридцатка» и ПКТ, «бардак» и два незнакомых броневика. Один, как те, на которых тогда янычары подкатили к порогу в момент нашей первой встречи, а второй был похож на «бредли», по-моему, у цыган такой же стоит. Кроме броневиков, имелся бронированный «камаз».

Территория охранялась двумя мужичками с гладкоствольными карабинами «Вепрь».

Внутри строения ничего в открытую не лежало, всё находилось в ящиках и железных шкафах.

— Так, приступим, — негромко пробормотал себе под нос Прапор и пошёл щёлкать

замками и греметь дверцами. — Это... это... и вот это тоже... Сервий, ты располагайся вон у того стола, я сейчас подойду.

Я плюхнулся на неудобную табуретку рядом с длинным железным столом, со столешницей из текстолита, и принялся ждать. Скоро Прапор положил передо мной несколько автоматов.

— Так, сразу говорю, что у нас нет ничего под пятёрку, только семёрка и девятка, винтовки есть даже на двенадцать и семь. Винтовки потом принесу. Или прямо сейчас станешь смотреть, что тебе нужно? Что-то я сразу не спросил.

— Автомат. Я не дуэль собираюсь вести.

— Тогда вот тебе куча автоматов. Начнём с самого простого — ака сто три. Классический калаш, но удобнее и легче акаэма, калибр тот же, функции те же. Вот автомат Кокшарова, — он взял в руки автомат, лишь отдалённо похожий на «калашников» и то больше пламегасителем да прицельными приспособлениями. — Очень точный и надёжный аппарат, отдача не ощутима. При стрельбе очередями, кажется, будто кто-то плавно тянет ствол за верёвку в сторону, очень легко контролировать прицел из-за этого. Но сложноват в эксплуатации, чистить нужно почаще, чем калашников. Навесить можно всё — гранатомёт, прицел, глушитель, фонарь и лазер, коллиматор. Да хоть штык-нож, если решишь с мутантами в рукопашку сойтись! Магазины стандартные, на тридцать патронов.

Прапор положил оружие на стол и взял третий образец, выполненный по схеме булл-пап.

— Вот «ураган», он же «гроза». Калибр девять миллиметров, здесь же подствольник стоит, как сам видишь. В принципе, хорошая вещь, если ты не левша... Нет? Тогда подходит вполне, тем более, в подствольник можно заряжать штурмовой картечный патрон, который топтуну голову отрывает, если стрелять сблизи. Так... так... следующий автомат тоже из калашей, двухсотая серия. Здесь магазин подствольный на пятьдесят пять патронов или восемьдесят в барабанном...

Автомат в его руках отличался от простого АК телескопическим пластиковым прикладом, длинной планкой «вивер» по всей длине крышки ствольной коробки, крупным щелевидным, как на СВД тормозом-компенсатором и толстым, с небольшим оребрением, стволом.

— ... тяжеловат, как по мне, зато можно остановить почти любую тварь, вплоть до мелкой элиты, если имеешь острый глаз и бронебойные пули в магазине. Впрочем, — тут он посмотрел на меня, — для тебя такая тяжесть нормальна, даже не заметишь. Прицел, глушак с фонарём, лазер — всё можно ставить, а вот граник, только с бубном, по-другому не влезет, но это уже вообще запредельная тяжесть получается. Точность, не особая, он создан для замены обычного эрпэка, у которого ствол длинный, для удобства в городских боях и в густом лесу среди веток. Ты не стесняйся, бери в руки, прикладывайся, смотри, какой для тебя лучше.

Следующий автомат был похож на АКСУ, отличался от него прицельными приспособлениями и «дульником», который больше всего был похож на тот, который установлен на «Печенеге».

— Ака девять. Патрон такой же, как на «грозе», магазины такие же, а вот конструкция на две трети взята от калаша. Легче грозы, но тяжелее «вала», если слышал о таком или пользовался. Ставится всё, кроме подствольного гранатомёта. С глушителем выстрелы достаточно тихие, хоть и не так, как у «винтореза» или «вала», но тут уже детали от калаша

виноваты, у которых подгонка, та ещё — не то что песок, мелкая щебёнка между ними проскочит.

— А эти все глушители, прицелы и прочие подствольники у вас есть? — поинтересовался я, прикладывая к плечу «двухсотый» с пустым шнековым магазином.

— Обижаешь, — осклабился Прапор. — У нас всё есть!

— А где берёте?

— Догадайся. Поставщик у нас один, но крайне капризный, иногда так и желает проверить на наших шкурах свой товар.

— Хм. Понятно. Значит, внешников щипаете.

— Молодец, умный. Возьми на полке пирожок, там их два, твой посередине, — развеселился собеседник, потом спросил. — Ты же тоже сюда прикатил ради них?

— Да, всё так и есть. Поэтому и оружие ищу подходящее.

— Один хочешь охотиться? Тогда тебе снайперку нужно брать, автомат же он для ближних и средних дистанций, даже прицел навесь и то, не то будет. И всё равно, даже с винтовкой ты в убытке будешь. Мелкими отрядами внешники не катаются, взводом минимум. Разве что, тебе эдакого мстителя изображать: раз-два пальнул и в кусты. Ты вообще, как с винтовкой обращаешься?

— Неплохо. До армии с эскаэсом ходил. В армии полгода служил снайпером с эсвэдэ, после армии, перед попаданием сюда, год имел маузер под спрингфильдский патрон.

— Маузер... маузер... блин, карабин немецкий! Представляешь, в голове у меня сразу комиссарский маузер представился. Вот что значит — штампы! Это ты охотник, что ли?

— Он самый, — кивком подтвердил я его догадку. — Из маузера стрелял много и часто, я от такого карабина и здесь не отказался бы, только чтобы пуля стальная была или ещё лучше — бронебойная.

— Есть кое-что интересное из этой серии, я сейчас, — сказал Прапор и быстро ушёл. Со своего места я видел, как он открыл железный шкаф и вынул из него длинный чехол с, судя по всему, винтовкой. Вернувшись обратно, он положил чехол на стол и расстегнул, после чего достал большую винтовку.

Вид, почти классический, только габаритами отличается: приклад с полупистолетной рукояткой, массивное цевьё, к которому прикреплены сложенные сейчас, регулируемые сошки, толстый ствол с продольными долами и несъемным дульным тормозом с рядом мелких боковых круглых отверстий. Сверху на ствольной коробке установлена длинная планка «вивер». Магазин у винтовки был небольшой и почти полностью утоплен. Ах да, прицельных приспособлений на оружии не было, скорее всего, штука сверхдальнобойная, бьющая на такие дистанции, где мушка бы закрыла собой полностью ту же БРДМ.

— Полуавтоматическая винтовка с калибром в десять и три миллиметра, пять патронов в магазине, все патроны бронебойные с сердечником из карбида вольфрама, тут только такие и применять, если жить охота, — быстро стал описывать оружие янычар. — Точность отличная, тебе такая и не снилась. Весь набор — прицел, инструмент для чистки и разборки, пристрелочные таблицы, имеется. Пятьсот патронов в комплекте. Тебе хватит надолго, можешь поверить.

— Её же за сто километров будет слышно, — усомнился я в эффективности данного оружия на территории Улья.

— Не за сто, конечно, но соглашусь, грохочет она, будь здоров. Но ты же против внешников собираешься воевать, а те сами поднимают такой шум, что мёртвого за

пресловутые сто километров поднимут из могилы. Они же, как чуть что случается, сразу начинают лупить из автоматических гранатомётов и пушек. На, поддержи, вдруг так прикипишь к ней душой, что потом отдавать не захочешь, — подмигнул мне Прапор.

И как в зеркало посмотрел.

— Вот что, мужики, хочу сказать, что вы нам не подходите, — сообщил Янычар группе из четырёх стрелков сразу после проверочных стрельб. — Нужно не только уметь стрелять, но и быть винтиком в механизме подразделения, а не песком в его подшипниках.

— Короче, Склифосовский, — ответил ему один из четвёрки. — Нет, так нет. Патроны нам восполни, которые мы на тренировке потратили, и пошли мы от вас.

Янычар кивнул Прапору:

— Дай им патронов.

Позавчера командир янычаров объявил о наборе в свой отряд новичков для разовой акции против внешников. Жалование обещал хорошее, в том числе и долю от трофеев. Сегодня была проведена проверка навыков и умений всех желающих, а набралось пятнадцать человек.

Шесть часов нас, разбитых на три отряда, гоняли в хвост и в гриву, в полях бойцы из отряда. Кому-то не нравилось, возмущались и их, после окончания проверки, только что рассчитал Янычар. Думаю, только ради избавления от балласта, настолько туго затягивали гайки инструкторы.

— А ты хорош, — ко мне подошёл Прапор и похлопал по плечу. — Не врал, когда говорил, что охотник. Ты там белку в глаз бил?

— Оружие у меня не для глаза беличьего было, — ответил я ему в тон. — Да и врать не люблю.

После пристрелки своего «слонобоя», я на стрельбище показал великолепные результаты. Правда, всё благодаря Дару, который подсвечивал уязвимые места на мишенях, созданных специально под меня. Среди высокой травы замаскированные цели выделялись «зайчиками», давая мне время прицелиться и поразить их, удивляя контролёра, стоящего рядом с секундомером в руках.

Янычары, как и предыдущая моя команда, выделялись среди толпы рейдеров своим отношением к, так сказать, работе. Притирка и проверка новичков — обязательны.

Следующие несколько дней отобранных гоняли в поля, заставляя стрелять, стрелять и стрелять. Патронов, стронги не жалели, как не обращали внимания на редких тварей, появляющихся на шум пальбы.

Наконец, нас — старый и новый состав, собрал командир.

— Завтра уходим в рейд. Должен уйти на перезагрузку один интересный кластер, который внешники, редко когда забывают навестить, — сообщил Янычар. — Мы устроим им засаду и, если будет по силам, то уничтожим. Нет — хотя бы дадим прикурить, напомним, что не стоит расслаблять булки в Улье.

— А что за кластер? — поинтересовался один из новичков.

— Не имеет значения.

— Хотя бы в которую сторону катить? — продолжал тот настаивать.

— На северо-запад, большего не скажу, — отрезал Янычар.

— Не доверяешь, командир. Зря, — покачал головой тот.

— Время и бой покажут.

А время уже подходило к концу. Сборы прошли в спешке и «бегом, бегом, вашу дивизию!». Выдвинулись на бронированном «камазе», бэтээре с автоматической пушкой в боевом модуле и парой зализанных броневигов, которые янычары называли «жуками». На этих машинках стояла автоматическая двадцатипятимиллиметровая пушка в автоматизированном модуле, спаренная с единым пулемётом вроде ПКТ, тренога с ПТУР на одном и автоматический гранатомёт на втором.

Всего нас было двадцать пять человек — янычары, наша сборная солянка новичков и наёмников группа с НСВ на треножном станке. С последними, Янычар уже работал и знал на что те способны, поэтому никакой притирки устраивать не стал.

Позиции заняли по сторонам двухполосного шоссе, которое уходило в сторону далёкого города, до высоток которого было километров пятнадцать от нас.

— Может, туда? — я указал на небольшой холмик с десятком берёз и осин, торчащий в поле в трёхстах метрах от дороги. — И высоко, и ближе до асфальта.

— А ещё очень удобное место для снайпера, — подтвердил мои слова Прапор, которого мне дал в пару Янычар. Сказал таким тоном, что я сразу догадался, что именно он оставил недосказанным.

— Думаешь, внешники нас сразу там заметят? А как же накидки?

У каждого из нас имелась накидка из особого материала, скрывавшего тепло тела и делающие невидимыми для тепловизоров.

— Лично я, не сводил бы внимания с холма до тех пор, пока не отъеду как можно дальше от него. А когда попал бы под обстрел, то непременно причесал там всё из крупняка или агэаса.

— Хм, понятно. Спасибо за науку, Прапор.

— Мне не сложно.

Бронеавтомобили поставили в двух километрах от дороги, а «камаз» отогнали аж за пять, оставив при нём всего одного охранника. Который по сигналу, должен был подогнать его в условленную точку.

Под броневики выкопали капониры, сверху натянули масксеть и тент, не выпускающий тепло. Иначе, разогретый на солнце металл, в таком количестве, даст засветку на приборы издалика.

Риск пострелять союзников был минимальный, несмотря на то, что сидели мы напротив друг друга, ведь дорога была заметно выше полей, в которых мы схоронились. Минус такой позиции — первый отряд не мог поддержать второй, если враг скатится на противоположную обочину.

Чуть меньше чем в километре от предполагаемого места засады, как раз за тем холмом, на котором я предлагал устроить позицию, оборудовали окоп для единственного «подноса». Вообще, на складе было три таких единицы оружия, но мало снарядов и людей, которые умели пользоваться миномётом.

— Всё, ждём, — сообщил Прапор, вернувшийся от Янычара. — Можешь подремать.

Хм, подремать... скажет тоже. Даже усталость в мышцах после оборудования позиций и установки фугасов с минами, не выгнала мандраж. Лишь вспомнив уроки из армейской школы, сумел немного успокоиться. Сидеть в засаде нас там научили на совесть, даже те, у кого шило в одном месте торчало, и то более-менее усвоили науку. Лучше всего, конечно, было флегматикам, которые по природе походили на котов, которые могут часами неподвижно лежать, смотря на норку с мышкой.

Я считал, что Янычар перестраховывается с количеством тяжёлых стволов и серьёзностью засады до той поры, пока не увидел столб пыли далеко-далеко от нас. Через несколько минут пылевая завеса стала расползаться, позволяя рассмотреть длинную автомобильную колонну, которая съехала с грунтовки на асфальт.

— Прапор, видишь?

— Угу, — угукнул тот, не сводивший взгляда с врагов, сквозь бинокль.

— Не до хрена ли их там, на нашу маленькую гвардию? — Озвучил я свои сомнения. Реально, колонна была огромная!

— Нормально, — спокойно ответил тот, — и не таких лупили. Там обычная рота и взвод спецназа в усилении. То есть, около сотни рыл, вместе с водилами, плюс пятнадцать, ну, двадцать, человек спецов в бронев автомобилях. Вот с ними придётся повозиться, если сразу не завалим.

Самым первым в голове и примерно полукилометре от колонны катил бронев автомобиль, имевший заметное сходство с «тигром». Из автоматического модуля на крыше торчал длинный ствол КПВТ и короткий гранатомёта. Машина прорысила вдоль засады, мимо фугасов на обочине, и умчалась дальше. Судя по тому, что прочая техника продолжала движение, как ни в чём не бывало, наших приготовлений никто не заметил.

— Они всегда такими отрядами передвигаются? — поинтересовался я.

— Не, это так, средненький, почти что небольшой. А так у них и вертолётные колонны облетают, и танки сопровождают, обязательно дроны курсируют. И катаются в составе батальона.

— Да там и так машин на батальон!

— Не, там треть или четверть грузовиков для пленников и трофеи. В основном вот этим внешникам очень интересная электроника и кое-какое оборудование, которое у них не встречается.

— Прапор, а вот скажи мне такую вещь, — спросил я. — Насколько знаю, эти твари охотятся на иммунных. Так зачем им столько пленников со свежего кластера?

— Потом.

— Что потом? — не понял я.

— Все объяснения потом, — как-то излишне резко ответил напарник. — Смотри лучше за колонной — скоро начнётся рокэнролл.

Я опять прикинул к прицелу. Девятикратное, максимальное приближение позволяло довольно точно и чётко рассмотреть врагов. Семьдесят процентов техники, были обычными тентованными грузовиками. Гусеничной техники не было, вместо неё бэтээры и бронев автомобили типа «тигр». Один из «бэтээров» отличался от своих собратьев более массивной и высокой башней, из которой торчало короткое толстое орудие.

Я на пару секунд активировал Дар, отвечающий за уязвимые точки, потом прицелился в «зайчика» на бронезаслонке бокового окна «тигра».

«Пуф! Ты — покойник... а это что?», — я сильно удивился про себя, внезапно увидев тонкий красный луч, уткнувшийся в светящееся пятно. Хотя, нет, не луч — дуга, которая уходила в мою сторону, а начиналась в бронезаслонке... где-то в районе бойницы. Неужели ещё один Дар открылся после употреблённых жемчужин, красной и чёрной? И сейчас он сообщает об опасности, показывает чужой вражеский взгляд?

Сердце мгновенно забило, в кровь щедро полился адреналин, заставив дрогнуть руку и едва-едва сместить ствол винтовки, которая покоилась на сошках.

— Пра... — я хотел сообщить напарнику про возможную опасность и тут заметил, как от моего движения красный луч вильнул в сторону.

— Что?

— Да нет, показалось, ничего, — пробормотал я.

Красная горбатая линия, соединившая меня и броневомобиль, быстро пропала. И тут в моей голове забрезжила догадка, что это могло быть.

«Проверим».

Вновь включил способность видеть уязвимые места, миг спустя появилась красная нить. Чуть поведя столом винтовки, я увидел, как и линия сдвинулась с места, повторяя движения оружием.

— Приготовься, сейчас начнётся, — произнёс Прапор. — Твоя первая цель броневомобиль с пушкой, бей под арку колёс или в ствол, если попадёшь.

— Попаду... теперь точно попаду, — прошептал я и слился в одно целое с винтовкой.

Шоссе резко вильнуло в сторону, и здесь же была граница кластеров, отмеченная небольшим острым возвышением. Первый грузовик немного сбавил скорость, входя в поворот и собираясь уменьшить тряску от стыка. За ним сбавил скорость второй... третий. Колонна реагировала от головы к хвосту с замедлением, и какими бы ни были классными водители, но как обычно и случается, задние машины прижались излишне близко друг к другу, нарушив безопасную дистанцию.

А потом рванули четыре мощных направленных фугаса, накрыв треть всей техники и весь центр колонны полностью. К головным уцелевшим машинам устремились реактивные гранаты, потом, на позиции где сидел Янычар, что-то оглушительно грохнуло, хлопнуло, и спустя несколько секунд, среди грузовиков полыхнул огромный шар огня.

— Давай!!!

Крик Прапора совпал с активацией моих способностей. Первоначально я хотел поступить как он и советовал — прострелить ствол пушки, лишив огневой поддержки колонну, но слишком крошечными были «зайчики» на ней, достаточно смазать на пару миллиметров верх или вниз и пуля уйдёт в рикошет, даже нить не давала гарантии, точнее, я не был убеждён в её работоспособности. И поэтому я выстрелил в большое световое пятно в борту броневика в передней части.

Тут же вернул прицел на место. Потратил три секунды на это и на активацию способностей и вторую пулю вбил в башню, в «зайчика» размером в половину моей ладони.

И всё — броневик вошёл в облако дыма и пыли, полностью скрывшись с моих глаз.

Перевёл винтовку на грузовик, который следовал за колёсным танком и опустошил магазин, расстреляв лобовое стекло. Прозрачная броня, которая должна была защитить водителя и пассажира, спасовала перед десяти миллиметровыми бронебойными пулями.

Пока перезаряжался, мимо грузовика с уничтоженным экипажем промчалась его точная копия и исчезла в дыму, следом выскочил «тигр». Эта машина вместо того, чтобы укрыться от наших взглядов, скатилась в кювет и тут же рванула по полю. При этом её автоматизированный модуль — это спарка пулемёт-гранатомёт, не умолкала, лупя тяжёлыми пулями и «вогами» по позициям наёмников.

— Его стопори! — орал в самое ухо Прапор, на пару секунд оторвав от глаз бинокль. — Или он нас сейчас в капусту порубит!

Ох, чую, добром всё это не кончится, ведь набегут на такой грохот твари!

Две пули уложил в область водителя, и хотя тот предусмотрительно поднял

бронестворки, закрыв себя дополнительной бронёй, но Дар нащупал прореху в защите. Джип резко вильнул в сторону, начал возвращаться на прежний маршрут и словил от меня ещё одну пулю в борт, точнѐхонько в самого крупного «зайчика». После этого машина встала запертво.

Перезарядившись, я трижды выстрелил по «тигру» и перенѐс огонь на дорогу, где метались мелкие фигурки врагов, пытающиеся отстреливаться из автоматов.

— Млин! Да где же техника! — во весь голос матерился Прапор, но при этом я его едва слышал.

«Нужно будет брать с собой наушники или ватные беруши, в аптеку скататься и там посмотреть», — отстранѐнно подумал я.

Грохот стоял такой, что не удивлюсь, если в Орешке его слышат, до которого немало часов езды. Твари-то уж точно слышали. Их, в окрестностях шоссе, должно быть немало, собравшихся на свежий кластер, куда ехали внешники.

Я старался искать в дыму самых опасных — пулемѐтчиков, гранатомѐтчиков, пытающихся командовать, тех, кто имел при себе радиостанции или ещё как-то выделялся из толпы, и укладывал одного за другим.

Через несколько минут подкатили наши броневые автомобили, сходу включившиеся в избиение на дороге.

Весь бой занял не больше пятнадцати минут — от подрыва фугасов и до момента, когда пришѐл сигнал от Янычара прекратить стрельбу.

— Вот и всё, а ты боялся, — довольно произнѐс Прапор. — Много настрелял?

Я посмотрел на три пустых магазина рядом с винтовкой, потом выщелкнул магазин из оружия... один. Значит, второй в стволе, и два магазина мне набил Прапор, самые первые опустошѐнные.

— двадцать восемь патронов, — подсчитал я.

— Дофига! Не нужно было пулять в белый свет, как в копеечку, — покачал он головой. — Это же не эсвэдэшка какая-то, всё-таки.

— Как уж вышло.

Убеждать его, что почти каждый выстрел попал в цель, я не стал, зачем? Потом посмотрим вместе на результат, вдруг мне только казалось и на самом деле я бил в «молоко».

— Сейчас что? — спросил я.

— Сейчас зачистка, но там без нас справятся. Сенс подскажет, кто и где спрятался и такого живчика махом помножат на ноль... кстати, глотни живца, он после стресса, полезен, прям как при ранении.

И первым подал пример, взял флягу с земли и приложился губами к горлышку.

— Эх, дрянь дрянью, а привыкаешь, как к наркотику, — крякнул он, вытер большим пальцем губы и завернул пробку. — По сторонам смотри, сейчас твари ползут.

— Заражѐнные? — насторожился я. — Сильные?

— Не, максимум лотерейщик прискачет. Он тварь тупая, мало что соображает, думает лишь о том, как брюхо набить, вместе с ним пустыши да бегуны могут заявиться, а уж сколько... тут как повезѐт. Кусач уже хрен сюда рванет, максимум в сторонке сядет и станет ждать, когда уберѐмся, чтобы до трупов добраться, он соображает, что мы ему не по зубам. Рубер и вовсе сначала приглядится, только потом действовать начнѐт, может, в засаду сядет, может, рванѐт на свежий кластер, если решит, что тут ловить нечего и вообще опасно.

Элита... — тут Прапор на секунду задумался. — Хм, элита может напасть, но её тут не должно быть.

— Такая тупая?

— Наоборот, умная. Ей наша банда на один зуб, мы же растянулись сильно, легко по одиночке перебить или незаметно утащить кого-то, пока соседи по сторонам ворон считают. А эта тварь, мастак подкрадываться. В трёх травинках в чистом поле замаскируется так, что только в упор разглядишь, да уже поздно будет. Как бы наших миномётчиков не решил кто попробовать на зуб.

К шоссе с нашей стороны перебежками выдвинулись пять человек, через несколько минут к треску костров на асфальте, добавились негромкие выстрелы, раздались хлопки гранат.

— И за небом посматривай. Эти с колонны могли посадить где-нибудь группу с дроном, чтобы она их прикрывала на обратном пути. До своей базы им не добить рацией, мёртвые кластеры мешают, а вот сообщить своему засадному полку и вызвать воздушную поддержку — запросто, — продолжил стращать меня Прапор и вдруг резко сказал. — А знаешь что? Давай-ка глянем ту машину, нам до неё метров двести, — и биноклем махнул в сторону «тигра» в поле неподалёку от нашей позиции.

Со стороны, даже когда мы с Прапором подошли к боевой машине, та смотрелась практически новенькой. Ни царапины, ни вмятин и пулевых отверстий кроме оставленных мной. Но все они едва бросались в глаза на фоне огромного броневедомоля.

— Охренеть! — присвистнул янычар. — Говоришь, белку в глаз не бил?

Он дотянулся до узкой смотровой щели в бронированном щитке, прикрывающим стекло, и сунул в неё палец, касаясь пулевого отверстия в «лобовухе». — Повезло или целил сюда?

— Повезло, наверное, — не стал раскрывать я карты. — Хотя очень хотел попасть.

— Действительно повезло... на скорости... по скачущей на кочках машине... — пробормотал он и пошёл в обход броневика. — Считаю, почти целый. Все дырки в стеклах и даже в ручке дверной.

В самом деле, одна из пулевых пробоин белела металлом на месте ручки на правой двери. Видимо, здесь появился «зайчик», когда убитый водитель увёл руль в сторону, и машина встала ко мне боком.

— А если там кто живой? — остановил я Прапора, который собрался открыть машину.

— Здесь? Ты сам веришь в это? Все дырки точно напротив экипажа... ты спецом сюда метил? Знаком автомобиль?

— Немного, — подтвердил я его догадку. Про Дар умолчал, как и о том, что салон боевой машины мне видеть на Земле не доводилось.

— Сработал на пять с плюсом. Практически, новенькая машинка. Стёкла только заменить да дверь отремонтировать.

— В общем, шансов тут ни у кого точно нет, — сказал напарник и резко дёрнул дверь. — Зараза, заклинило! Ты по сторонам смотри, а я сейчас открою.

Провозился он с машиной больше пяти минут, и открыть ему удалось задние двойные двери, при помощи толстого куска проволоки, неведомым образом оказавшегося у него в рюкзаке (ну, или специально таскал с собой). Передние, не поддались его усилиям. Своё умение пояснил тем, что на всякой боевой технике есть места под торцевой ключ и плоский, чтобы открывать машины (да хоть танки!) снаружи, например, если экипаж погиб в бою.

Утрируя, суть его слов сводилась к тому, что нужно время и простая шпилька, чтобы забраться внутрь любой боевой техники.

— Эх-ма, модулю крышка, — опечалено сказал он, заглядывая с опаской в салон. — На десять сантиметров бы правее и все были бы в шоколаде.

Одна из моих пуль угодила в электронный блок, который управлял спаркой автоматического модуля на крыше. В салоне всего было трое — водитель, оператор и, видимо, командир машины, сидевший на пассажирском месте впереди. Всех их достали мои пули. Водителю, так и вовсе снесло верхнюю часть головы вместе со шлемом. Наверное, потому, что стрелял я снизу вверх.

— Спецназ тут был. Смотри, какие крутые стволы! — довольно произнёс Прапор и показал очередной вариант автомата в схеме булл-пап с ручкой для переноски как на «грозе». Он отстегнул от него магазин и ловко, одним пальцем, выщелкнул верхний патрон, посмотрел на доньшко гильзы. — Двенадцать и семь мэмэ, обалдеть! Первый раз такие пушки вижу. Неужели специально для Улья их учёные создали? Патрон, точь-в-точь, как у «выхлопа».

— Прапор!

— Что?

— На холме кто-то быстрый и здоровый мелькнул! — сообщил я напарнику и тут же вскинул винтовку к плечу. Тяжело, но мне не долго её держать... от выстрела я даже на шаг отступил назад, чтобы удержать равновесие. Отдача была в несколько раз сильнее, чем при стрельбе с сошек.

— Попал? — держа свой автомат стволом в сторону холма, просил он.

— Вроде бы... только не рассмотрел, кто это был.

Прапор ругнулся себе под нос и схватился за рацию.

— Янычар, это Прапор, на холме крупную тварь засекли, очень крупную... Сервий стрелял и говорит, что попал, и я ему верю... молчат?... мля... уверен, там тоже двое были?... ладно, понял.

Слов его собеседника через гарнитуру я не слышал, но было ясно, что нас куда-то направляют.

— Янычар сказал посмотреть на миномётчиков, а то они что-то молчат, — хмуро сказал Прапор. — А там нормальные мужики сидят, не рохли и не зелёные сосунки. Если их без единого выстрела свалила тварь, то она точно не слабее рубера. Знаешь что, помоги-ка...

Прапор залез через заднюю дверь в броневедомоуль и вытащил первого мертвеца, потом скинул в салон второго, следом за ним третьего, а я их вытаскивал на улицу. Конечно, перемазался в крови, но мне всё равно садиться на загаженное сиденье.

Прапор опять выматерился, таким образом, сожалея об испорченном боевом модуле.

— Рулить можешь?

— На легковушках и простых джипах катался, а как тут с управлением, я не знаю, но могу попробовать, — ответил я.

— Пробовать не нужно, — напарник сел на место водителя и щёлкнул кнопкой пуска. — В окна смотри, ясно? И кричи погромче, глушануло после твоих выстрелов, в ушах как пробки стоят. Внимательно следи, — повторил он напутствие. — Если это элита, то для неё эта броня не прочнее картона, млин.

Прапор повёл броневедомоуль очень быстро, что доставило мне изрядных хлопот с контролем за местностью. Благоразумно обогнув по большой дуге холм, где должна валяться или

заливать раны и лелеять планы мести тварь, он направился к позиции миномётчиков. Не доехал почти двести метров, повернувшись правой стороной к окопу наёмников.

— Как бы не пальнули сгоряча, если они там сидят, — пояснил он мне свой манёвр. — Сам видишь что-нибудь?

— Землю вижу на бруствере и всё.

— И я, и никого там нет, — хмуро ответил собеседник. — Ладно, я сейчас покричу, а ты смотри в оба, потом приоткрыл дверь, огляделся по сторонам, распахнул её шире, встал на порожек и во всю мощь лёгких закричал. — Тук! Ерёма! Эй, янычары!

Крикнув несколько раз, он юркнул обратно в салон и с шумом прикрыл дверь.

— Ничего не видно и не слышно, нужно катить дальше.

Остановившись около окопа с миномётом он не стал, сделал круг, другой и отъехал в сторону, подальше от холма.

— Видел что? — Прапор на секунду обернулся на сиденье назад, в мою сторону.

— Видел. Кровь и её много. Миномёт стоит на месте и рядом два ящика раскрытых с минами. Живых и тел не видел.

— Хреново, — он забарабанил пальцами по рулю, потом вновь связался с командиром, получив распоряжение, стал ещё мрачнее. — Нужно миномёт забрать, Янычар сказал, чтоб обязательно. Тащить тебе придётся, так как я за рулём.

— Твою... — не сдержался я. — На дороге трофеев мало, чтобы так рисковать?

— Миномётов там точно нет, а они нас постоянно выручают... не, командир прав, нужно забирать. Я тебя прикрою и на, возьми ствол трофейный, там калибр нормальный, запросто заражённого остановит.

— Если там не элита прячется, — мрачно сказал я, вспомнив, как такие мутанты умеют прятаться и неожиданно нападать. — Оставь автомат себе, я с револьвером себя нормально чувствую.

Приоткрыв дверь, я с опаской посмотрел по сторонам, потом выскочил наружу. Чуть позже щёлкнула водительская, и на подножке показался Прапор с трофейным автоматом в руках (очень надеюсь, он разобрался, как им пользоваться и сумеет быстро открыть огонь и прикрыть меня).

В широком окопе, глубиной чуть выше пояса и с высоким бруствером, который был ранее прикрыт кусками дёрна, сейчас же валяющиеся на дне, стоял восьмидесятимиллиметровый миномёт на плите, наклоненный в сторону дороги. Рядом два ящика с минами, в одном из них лежала всего одна. Чуть в стороне, выделяясь на золотистом песке, темнело большое кровавое пятно, а у самой стенки окопа лежала оторванная по плечо рука.

— Вот же гадство, — прошипел я сквозь зубы, и быстро-быстро крутя головой по сторонам, столкнул на землю миномёт, не волнуясь по поводу сохранности прикрученного на станок прицела, потом подхватил его и почти бегом дотащил до машины. Бросив в салон оружие, я сделал ходку за плитой, потом ещё одну за минами, после чего запрыгнул в броневики и с шумом закрыл дверь.

— Гони, Прапор! Всё я забрал и никого живых не видел, только чья-то рука оторванная валялась да кровищи столько, сколько не с каждого борова натечёт! — крикнул я.

С меня буквально ручьями тёк пот и даже не скажу от чего больше: пробежек с тяжёлым грузом или страха.

По результатам боя с внешниками, я получил очень многое. Янычар расщедрился на премию, в размере пяти горошин сверх оговоренных десяти, за участие в засаде. Плюс, трофейный автомат с тремя сотнями патронов, отличный тепловизор, ноктовизор, костюм из ткани, которая скрывала тепло тела и много разных ништяков, описывать которые долго.

Свой «штаер» я сменил на АК-9, решив, что бесшумный автомат, всяко лучше будет, тем более, калибры у обоих образцов оружия почти не отличались. Да и привычный «калаш» казался удобнее и роднее, что ли. Ещё один плюс в обмене — боеприпасы. На австрийский (если это австрийский, конечно) ствол, патронов у Прапора, заведующего складом, не было, а вот российской девятки, просто завалились.

От предложения получить в счёт награды из трофеев маску внешников с запасом фильтров, сначала попытался отбрыкаться, не понимая, зачем нужна мне эта штука с моим бесконечным здоровьем и лютой регенерацией. Но, после того как Прапор напомнил об очень интересных местах, таких, как радиоактивные кластеры с тварями, у которых потроха ценились в два-три раза дороже обычных, тут же попросил две и расходников к ним побольше. Обычной марлевой повязке не доверял, грызли меня сомнения в её эффективности, а вот продукция внешников, заботящихся о своём здоровье, была достойна уважения.

Янычары от боя получили гору добра — оружие, экипировку, боеприпасы, бронетехнику и многое другое. Но и потеряли они немало: сразу три бойца, навсегда выбыли из списков отряда. Двое миномётчиков, которых сожрала подстреленная мной тварь, и один из гранатомётчиков, попавший под очередь из крупнокалиберного пулемёта в момент, когда выпрямился перед выстрелом.

Погибли два бойца из наёмного состава и столько же получили тяжёлые ранения, оказался ранен один из пулемётного расчёта. Но в целом, учитывая тот разгром, что мы учинили на дороге внешникам — победа была безоговорочной и с сухим счётом. Все свои затраты, Янычар окупил многократно.

И только вернувшись в Орешек, я узнал, почему стронги были так уверены, что свежеперезагрузившийся кластер обязательно посетят внешники. И зачем они столько пустых машин с собой везли для пленных, хотя такого количества иммунных, там быть не должно. Всё дело, в областном роддоме. Из только что родившихся, и нерождённых детей, внешники получали редкие и дорогие препараты. Беременные на последнем месяце, редко двух, имели сильную сопротивляемость вирусу Уля, поэтому могли протянуть неделю, а кто-то и две, прежде чем становились безумными монстрами. Перед этим, обязательно следовал выкидыш.

Вот для них твари из другого мира, которых людьми назвать было нельзя, и приготовили грузовики с клетками внутри.

Когда я это услышал, то не сразу смог поверить. Как такое было вообще возможно? Как можно убивать младенца, ради какого-то лекарства или вырезать плод из матери?

— Улей — страшное место. Здесь все превращаются в монстров, кто-то внешне, кто-то внутренне. Даже маски не спасают от последнего, — с тоской в голосе сообщил мне Прапор. — Я — монстр, и ты таким же станешь.

— Я, не стану.

— Станешь, станешь, — закивал он. — Вот что бы ты сделал с внешниками сейчас, когда узнал про роддом?

— Не знаю, но умирали бы они долго и больно, — сообщил я и непроизвольно скрипнул зубами.

— Во-от! — Прапор наставительно поднял указательный палец к потолку. — Именно так поступили с теми, кого нашли живым на дороге. Пятерых, кто живее всех был, посадили на колья прямо там же, среди машин. Раненых прибили к бортам грузовиков повыше, чтобы заражённые дотянулись сначала до ног, жрали их заживо. Вот кто мы после этого, как не монстры?

— Они это заслужили.

— Заслужили... Любой найдёт оправдание своим поступкам. Думаю, внешники тоже имеют веские доводы так с нами поступать, — он вдохнул, потом потянулся к бутылке с водкой, покачал её, оценивая взглядом количество содержимого, и разлил по большим рюмкам. — За парней, которые не с нами.

Выпили не чокаясь. Потом заказали ещё одну бутылку и ещё. Как я попал в свою комнату — сам или кто-то занёс, совершенно не помню.

Утром чувствовал себя так, словно и не было трёх литров крепкого алкоголя вчера. Разве что ощущал некую опустошённость и усталость.

Только выбрался на улицу, как встретил Художника, сидящего с банкой пива на бампере «рыжика».

— Привет, Сервий, как самочувствие? Могу подлечить, — произнёс он и вытащил из кармана штанов жестяную банку с «крушовицей». — Будешь?

— Не, спасибо, Художник, не хочу. Похмел с утра, ведёт к продолжительному запою, да и чувствую я себя хорошо.

— Как знаешь, — пожал он плечами и убрал пиво обратно, — мне больше достанется. Ты наш разговор вчерашний помнишь, или по пьяному делу всё вылетело из головы?

— Разговор?

Я напряг память, силясь вспомнить, что же там мы обсуждали с Художником вчера. За столиком сидели только я да Прапор, несколько раз подсаживались рейдеры из временного состава янычаров, набранные вместе со мной на одну акцию, кто-то из самих наёмников был, Янычар, помню, отметил, он предлагал войти в отряд... а-а, вспомнил!

Я всё пытался узнать у Прапора, есть ли у них винтовки с глушителями под мощный патрон. Особенно интересовался «выхлопом», о которой мой, мм, компаньон по питейному делу, отзывался особенно хорошо. Главным плюсом считал наличие боеприпасов к ней, которые получили от отряда спецназа внешников. Их новые автоматы питались точно таким же патроном, что и рекламируемая винтовка. К сожалению, у янычар такого оружия не было (или Прапор не желал признаваться).

Собственно, меня устраивала и уже имеющаяся винтовка, тем более, бронебойные пули калибром десять и три миллиметра показали себя во всём своём великолепии. Но, напрягал звук выстрела. Я только через три часа после боя, избавился от глухоты, потом посчитал, что беруши, это не панацея, эдак я одним единственным выстрелом оповещу всех монстров (и не только), в диаметре десятка километров! Глушитель и спецпатроны, решили бы процентов восемьдесят данной проблемы.

Потом подкатил Художник, посидел с нами несколько минут, услышал о моих интересах и сообщил, что в одном из стабов Внешки есть несколько торговцев редкими

стволами, которые точно смогут продать или найти в кратчайшие сроки винтовку «выхлоп» или её аналог. Он может с ними свести и показать безопасную дорогу, только нужно выезжать побыстрее, так как у него горит какое-то важное дело в нужной мне стороне. Предложи вариант: я довожу его на своём «рыжике», а он показывает торговцев тяжёлого оружия. Сам он уехать не мог из Орешка из-за какой-то поломки в машине, что-то там отвалилось или полетело, когда уносил раненого Люка от лотерейщика, и до этого дня отремонтировать не удалось.

— Твоя машина всё не на ходу? — поинтересовался я.

— Да кто ей будет заниматься? Механиков у нас не так уж и много. Всех, которые есть, ты озадачил своим рыжим, — и собеседник стукнул кулаком по бамперу УАЗа. — Брат с кластера и ехать на голой тачке, всё равно, что покончить жизнь самоубийством.

«Уазик» только вчера местные Кулибины закончили приводить в состояние пушпанцера. Везде, где можно, наварили решёток из стальных прутков и шипов, усилили крышу и передние двери пятимиллиметровыми листами железа, в них же вставили пулестойкие стеклопакеты. Открыть окошки, чтобы проветрить, уже не получится, зато можно не бояться выстрелов вплоть до «калаша» под пять сорок пять. Хотя, не в упор и не под прямым углом. С лобовым стеклом, сделали тоже самое, для этого им пришлось уменьшить размер обзора почти втрое и разделить лобовуху пополам, на два окошка. Вес значительно увеличился, но мастера заверили, что УАЗ и не такое выдержит. Дополнительно, в спинку и сиденье водительского кресла были вставлены толстые пластины брони, вырезанные из брони испорченных броневиков. Всего пять миллиметров, но зато выдерживают даже пулю из СВД с простым стальным сердечником, бронебойную, увы, не всякая сантиметровая броня держит.

— Тогда можем после обеда рвануть, — предложил я Художнику. — Как ты на это смотришь?

— Давай пораньше, в половину первого или час, так мы, при должном везении, ещё до темноты окажемся на стабе. Или у тебя здесь ещё дела?

— Да нет, думал немного отойти от хмеля, мало ли что и как.

— Ты эти свои старые привычки бросай! — засмеялся собеседник. — Нет тут ни гаишников, ни видеокамер. Если в глазах не двоится и руки слушаются, то смело можно садиться за руль.

— Тогда хоть через час поехали.

— Не, это рано, тут с нами пассажир один напросился. Он после полудня только появится.

Выросшая с момента появления в Улье паранойя от микроба до крупного паразита, тут же выдала «аларм» в мозг.

— Что за пассажир? — насторожился я.

— Молодой рейдер, ещё двух месяцев в Улье не прожил. Хочет прокатиться до крупного стаба, получше, чем наш Орешек. Караваны у нас редко появляются. Отряды, к которым можно примкнуть без опасения, что тебя не скинут на обочину с пулей в затылке, ещё реже ездят. А тут ему уже всё надоело.

— Брал бы машину в соседнем городском кластере, заплатил мастерам за отделку и катил куда хочет.

— С нами безопасно. Особенно с тобой, тут уже все в курсе, как ты из винтовки бэтээры останавливаешь и элиту влёт в глаз бьёшь.

Это он сейчас повторил почти дословно слова Прапора, который после второй бутылки всем рассказывал, как и какую я тварь убил на холме, которая неслась в нашу сторону. Мол, сначала миномётчиков схарчила, а потом решила нами закусить, так как мало показалось, но я оказался на высоте и мигом её приземлил. А что хабар из неё не стали забирать, так времени не было, командир срочно приказал уезжать.

— Ты в нём уверен? — спросил я, не горя желанием брать какого-то левого незнакомца.

— Не очень. Но что он нам один сделает?

М-да... как бы я не очень и самому Художнику доверяю. Если бы я знал точно, что он в курсе того богатства, которое я ношу при себе, гора споранов, гороха и чёрная жемчужина, то не взял бы даже его одного. Но в Орешке про мои финансы не знал никто, даже в пьяном угаре я контролировал свой язык.

— Зато платит три горошины тебе и одну мне, если сопроводим его до нужного стаба. А нам как раз по пути, там первый из тех торгашей живёт, у которых можно купить твою супервинтовку. Следующий по соседству, в полста километрах сидит.

— Ладно, пускай едет, — скрипя сердцем и не показывая этого, согласился я. Слишком подозрительно будет, если откажусь от такой платы. Три горошины за сопровождение и доставку, в пределах нормы по реалиям Внешки. В эту цену входит весь риск — мутанты, внешники, перезагрузка, которая может застичнуть прямо в пути на одном из кластеров.

— Я тогда с ним сюда подойду после двенадцати, — сказал Художник и соскочил на землю с высокого бампера.

Честно признаюсь, если бы не обещание, данное в пьяном угаре, свозить Художника, то ни за что бы не поехал! Ну, не нужна мне так срочно винтовка. Лучше бы я на трезвую голову поговорил с Янычаром о вступлении в отряд, пока свежо его предложение. К сожалению, до времени отправки я так и не смог с ним побеседовать.

Пассажиром оказался совсем молодой парнишка, едва ли старше двадцати лет. Одет в дорогой натовский камуфляж серо-песочной расцветки с крупными разводами, панаму, в которой по телевизору постоянно показывали американских морпехов и спецназовцев. Оружием обвешан с головы до ног: AR-15 с полным обвесом, какой только можно придумать для этой винтовки, ка-бар в ножнах на ремне слева, «беретта» в кобуре на правом бедре, из импортной разгрузки торчат магазины для автомата и пистолета, плюс, огромный станковый рюкзак, к которому привязан помповый дробовик с телескопическим прикладом и нормальной пистолетной рукояткой. Марку оружия определить не смог, не настолько разбираюсь вообще в стрелковке, только в том, что разрекламировано и на слуху и виду у всех.

Думаю, в мешке у него снаряжение, под стать выбору производителя, вещи которого носит. Всё натовское, может даже только американское. Интересно, где он всё это получил? По возрасту не тянет на крутого воина, способного обзавестись на ровном месте, за пару месяцев, таким барахлом. Я — исключение, мне просто невероятно повезло с белой жемчужиной.

— Здоров, — кивнул он. — Ты нас повезёшь в Ситигорск?

Обалдеть! Он ещё и спичку жуёт и сам в солнечных очках. Кобра, млин, да и только.

— Наверное, если ты тот, кто с Художником вторым пассажиром едешь.

— С Художником, ага. Куда снарягу убрать?

— Назад кидай, как там тебе будет удобно. Кроме тебя и Художника больше никого не будет, а втроём мы свои вещи как-нибудь уместим и сами влезем.

— Кобра, — парень положил рюкзак на заднее сиденье, рядом пристроил винтовку, потом повернулся ко мне и протянул правую руку. — Чего?

— Да так, нормально всё. Сервий, — ответил я на рукопожатие. М-да, на героя Сталлоне он совсем не похож, кроме как очков и спички. Ммм вот даже у меня возникла ассоциация про Кобру. Но тогда получается, что примерно в таком виде его встретил крёстный? Хм, а шмотьё всё новенькое, пара недель максимум, в носке.

Теперь, когда я увидел своего попутчика, напряжение и опаска почти ушли. Почти, так как паранойя не дремала даже в полглаза, не давая совсем уж расслабиться. Несмотря на весь его бравый вид, я не видел в Кобре опасность.

Вскоре появился запыханный Художник, он закинул свой мешок в задний отсек УАЗа, плюхнулся на переднее сиденье, указал Кобре назад, и весело крикнул:

— Шеф, трогай!

— Шеф потрогал и охренел, — буркнул я, занимая своё место за рулём.

Спокойно выбрались из Орешка и покатали по старой разбитой дороге, потом свернули на полевою грунтовку, в десять раз более лучшую, чем асфальт. В три часа дня проскочили по центральной улице старого кластера — небольшого посёлка. Ни живого, ни условно живого, не увидели.

В четыре дня Художник указал на старую «бетонку», увозящую нас с шоссе в сторону.

— Туда сворачивай. Дальше нам придётся ехать рядом с городом, а там могут сидеть заражённые. И ладно если пустыши или лотерейщики какие, но вдруг кто покрупнее? Нужно нам такое счастье? Вот и я говорю, что нет. А если туда свернём, то мы пройдем в двадцати километрах от мёртвых кластеров, к которым ни одна тварь, без особой нужды, не приближается. Дорога похуже, но зато ни одного кластера с деревней или посёлком, которые любят мутанты.

— Я слышал, что там машины ломаются, — встрепенулся Кобра.

— Машины ломаются НА чёрных кластерах, а мы их далеко объедем, — снисходительным тоном пояснил ему Художник.

По бетонке проскочили в опасной близости мимо низких строений из бетонных блоков и бетонных узких плит в качестве крыши. Вокруг них, всё заросло чертополохом и лебедой мне по грудь.

— Не сцы, — спокойно сказал Художник, заметив моё напряжение, — нет здесь никого. Кластер раз в два месяца грузится, и случилось это пять недель назад — раз, и эти скотники заброшены ещё при советской власти — два.

После бетонки опять пошла грунтовка, с одной стороны ограниченная светлой лесопосадкой, с другой — светло-жёлтым полем с ячменем.

Понемногу дорога уходила всё больше в сторону от нужного маршрута, о чём я и сообщил Художнику.

— Да мы уже почти приехали, — широко улыбнулся он и вдруг... исчез. Удивиться я не успел, так как всё тело внезапно скрутила болезненная судорога, почти полностью погасившая сознание.

Очнулся от сильного удара о землю, пока окончательно пришёл в себя, то к этому времени получил украшение в виде наручников на руках, завёрнутых за спину.

— Кобра, сука! — прохрипел я, просчитав претендента на случившуюся гадость. И не угадал.

— Надо же — очнулся! — раздался голос Художника, потом меня рывком перевернули

на спину. — Извини, но ты не прав, Сервий. Кобре точно так же не повезло, как и тебе. Если ты повернёшь голову влево, то увидишь, что твой брат по несчастью точно в таком же состоянии.

Художник встал надо мной и показал небольшой электрошокер с длинными, явно кустарно увеличенными шипами-электродами. Вот, значит, чем он меня приложил, ну, гадёныш.

— Зачем ты это сделал? Разве стоит такой риск, наших пожиток? — спросил я, а в голове в это время крутились мысли, что делать и почему со мной произошла такая несправедливость.

— Пожитки? Брось, мне нужны только вы, ваши упитанные молодые тушки. Даже окажись голыми, всё равно сгодились бы.

Тут до меня донёсся далёкий разбойничий свист, потом ещё раз. Услышав его, Художник оставил меня и сделал несколько шагов вперёд, подходя к капоту, чтобы посмотреть на свистуна, которого закрывала машина. Я внимательно следил за ним и в тот момент, когда он вложил пальцы в рот и резко свистнул, активировал Дар невидимости.

Попав в мёртвую зону благодаря тому, что враг сам закрыл меня собственным локтём, я выиграл две секунды, за который успел подняться и сделать несколько шагов назад, прячась за машину.

— Твою мать!.. — за спиной с удовольствием услышал удивлённый и немного испуганный голос Художника. — Сервий, хватит прятаться, никуда ты не уйдёшь, только рёбрами и зубами потом расплатишься, когда тебя притащат обратно.

Идею скрыться в посевах я мгновенно отмёл. Слишком низкорослый ячмень, да и выдаст меня движение колосьев и примятый след на ниве. Нет уж, лучше обежать «рыжика» и чесануть в лесопосадку, за которой раскинулось ещё одно поле, но уже заросшее бурьяном и молодой берёзовой порослью, в которой укрыться уже намного легче с помощью Дара.

А за спиной продолжал яриться Художник:

— Сервий, сука! Я тебе глаза вырежу и яйца раздавлю, когда найду!

«Найди сначала», — мысленно пожелал я «удачи» в этом деле предателю. Под неумолкающие угрозы и всё увеличивающуюся истеричность в голосе Художника, я проскочил лесопосадку и оказался среди молоденьких берёзок. Только тут, рухнув на землю в густых зарослях, я деактивировал скрыт и стал извиваться, как червяк на крючке, пытаюсь перекинуть скованные руки через ноги.

«Ну и зад ты себе отожрал, твое римское величество».

В видеороликах и в кино у героев всё получалось замечательно, а вот мне пришлось изрядно повозиться, пока не вернул себе некую свободу действий. Несколько раз замирал и начинал прислушиваться к суете на дороге у машины, где заметно прибавилось народу.

К гаду Художнику, подошли ещё пятеро, все разномастно одеты, один и вовсе щеголял в джинсах и кроссовках, светлой футболке и жилетке в сеточку. И именно этот гад, оказался самым опасным.

Я увидел, как он очень низко опустил голову, почти касаясь подбородком груди, замер и вдруг резко выпрямился и посмотрел мне прямо в глаза. Его жест в мою сторону уже почти ничего не значил и так ясно, что меня нашли.

Угораздило же меня наткнуться на команду похитителей с сенсом.

Пришлось активировать скрыт, и что есть духу убежать в сторону, уходя с направления, которое сенс указал своим товарищам.

Отмахав метров двадцать, я упал на землю, и потянул из кобуры револьвер. Скванными руками действовать было жутко неудобно, но, как сказал один киногерой: захочешь жить — ещё не так раскорячишься.

С револьвером в руках, я осторожно выглянул из кустов... Стоят родненькие, недалеко от машины стоят в кучке, а лицо у сенса изумлённое, даже отсюда это различимо. Видать, сильно потряс его мой пассаж с исчезновением.

Мне очень хотелось отомстить за предательство, так сильно, что самым первым на мушке револьвера оказался Художник. Но, выбирая между ним и сенсом, пришлось остановиться на Чувствующем, который был самым опасным в данный момент.

Между мной и врагами было чуть больше пятидесяти метров. Для кургузого револьвера, который Прапор ругал за короткий семисантиметровый ствол, дистанция запредельная. Тут уже никакое мастерство не поможет, только и остаётся, что уповать на удачу.

Или на дар Улья.

Красная нить протянулась от меня к сенсу, коснулась его головы, потом неуверенно сползла на левую сторону груди. Я просто испугался, что банально промахнусь, например, противник резко дёрнется, кивнёт или отвернётся, а от пули в сердце, не так-то легко уйти. Даже если она ударит рядом, всё равно рана будет смертельная — сердце банально остановится от мощного удара тяжёлой пули. Бронежилета на нём нет, а простая майка — слишком незначительная преграда для револьверной пули, весом около тридцати грамм.

За мгновение до выстрела сенс опять активировал свой Дар и даже почувствовал опасность, иначе с чего ему вдруг пытаться отскочить назад, чтобы укрыться за машиной.

Сразу после выстрела я перевернулся на бок, на спину и опять, пока не откатился в сторону метров на пять и не оказался скрыт корявым толстым стволом берёзы. И почти в этот момент загрохотали выстрелы.

Вражеские пули срезали траву, пробивали тонкие стволы молодой берёзовой поросли, вырывали кусочки дёрна на месте моего выстрела. Рядом со мной просвистели всего несколько пуль, да и те, считаю, случайно.

Отстрелявшись и опустошив по магазину, противники несколько минут лежали без движения. Не дождавшись от меня ответа, один из них быстро вскочил с места и прыгнул на водительское место, следом заработал мотор, машина дернулась вперёд, ускорила и совершила разворот по ячменю, встав между мной и противниками.

Бронирование, не давало и шанса поразить водителя, Дар, конечно, помог бы, но мне очень жалко было уродовать «рыжика».

Я тихо лежал и смотрел, как противники один за другим заскакивали в салон «уазика». При этом не забыли связанного Кобру и мёртвого, надеюсь, сенса. Загрузившись, водитель погнал машину на задней передаче по полю, пока между нами расстояние не увеличилось до трёхсот метров, после этого совершив полицейский разворот, он рванул вперёд на максимальной скорости ничуть не жалея машину.

— Ничего, ещё свидимся, обязательно свидимся, — зло пообещал я. — Скоро.

Кто-то мог решить, что от обиды, злости и жажды мести я помешался. А что ещё подумал бы такой человек, увидев, как я быстро, иногда переходя на бег трусцой, двигался по следам УАЗа?

С одним короткоствольным револьвером и пятью патронами к нему, большим кинжалом и... всё. Фляга с живчиком, спораны и горох в кармашках матерчатого пояса под рубашкой, а также чёрная жемчужина на шее, под категорию оружия не подходили.

Толкали меня вперёд злость и уверенность, что с этой группой я справляюсь точно, даже с имеющимся оружием.

Дороги, по которым катили враги, петляли, позволяя мне срезать углы между лесопосадками, через овраги и ручьи. В одном из оврагов я чуть не нарвался.

Сбежав с гребня вниз сквозь низкорослый кустарник ежевики, и помогая себя руками, хватаясь за стволы деревьев, я спустился на дно сырого оврага. И вот там увидел троицу мутантов, сидевших на корточках в кружке головами друг к другу. Ни дать, ни взять — мелкая городская банда гопников. Им бы ещё кепочки, да спортивные штаны с полосками, и будут один в один.

При виде меня, они дружно издали радостный «урк» и вскочили на ноги. Двое были обычными бегунами — грязные тела, уже начавшие изменяться, редкие, слипшиеся от грязи, лохмы на голове, полное отсутствие одежды. Третий, уже давно завершил трансформацию бегуна и приступил к новой, судя по огрубевшим, словно, мозолистым, участкам кожи, узлам мышц, распухшим суставам и сильно изменившимся стопам, которые уже стали покрываться костяными наростами. На голове, волос почти не осталось, надбровные дуги увеличились, наполовину прикрыв глаза, нос растёкся в стороны и сменил хрящи на толстую кость, которая вылезла из-под кожи — почти уже клюв попугая, который молодецким хуком просто так не свернуть на бок.

Достать оружие я не успел, а эта несвятая троица, уже набросилась на меня. Спасла сырая, вязкая почва оврага, в которой увязали ноги мутантов.

Первого бегуна я оттолкнул в сторону, второго, перехватил за протянутую руку, вывернул её и пропустил мимо себя, придав скорости к инерции его рывка. Недотоптуна встретил ударом ноги сбоку в колено и потом костяшками кулака в левый висок. Тот болезненно заурчал, покачнулся и опустился на повреждённое колено. Сразу после этого активировал скрытность, обнажил кинжал и повернулся к бегунам. Один уже успел подняться на ноги и собирался прыгать на меня, но попав под воздействие Дара, замер в позе лягушки.

Чик — и кинжал легко вошёл между нижними рёбрами на левой стороны груди, точно в сердце.

Вернулся в нормальный ритм, пнул пяткой в затылок третьего, заставляя того ткнуться мордой в грязь, увернулся от прыжка второго бегуна, и вдогонку ткнул его в затылок в спортивный мешок кинжалом.

— Млин!

Кинжал вошёл между долей костяной защиты и там застрял. Мутант по инерции пронёсся мимо, упал в трёх шагах от меня и забился в агонии, но при этом, гад такой, оставил меня без оружия, а недотоптун уже снова подняться решил.

Опять пришлось отбивать пятку о его хребет, заставляя упасть на землю, при этом он упёрся руками, словно собираясь посоревноваться со мной в отжиманиях, а я рухнул сверху, пропустил руки у него подмышками и сцепил ладони в замок на его затылке.

От приложенных усилий с одинаковой громкостью затрещали мои сухожилия и его мышцы, но спустя пять секунд, с громким треском у него хрустнула шея, и мутант ватной куклой упал в грязь.

Поднявшись и тяжело дыша, я со злостью пнул тварь в бок:

— Двойной нельсон, сука, ясно! Двойной нельсон!

Ещё чуть-чуть и накатила бы истерика, но несколько глотков живчика не только заставили кровь быстрее бежать по жилам (хотя куда уж и так быстрее после такой порции адреналина), но и прояснили голову.

Со всех трёх мутантов я получил семь спор. При этом в недотоптуне было всего две, как и в одном из бегунов. Почему, интересно знать, может, при переходе из формы в форму содержимое спорового мешка тратится на метаморфозы, как щедрая порция допинга или строительного материала?

Очень хотелось пить и даже имелось откуда — по дну бежал тонкий ручеёк, а начинался он у стены оврага, совсем рядом от того места, где кучковались заражённые. Но, только представив, как буду черпать воду, где непонятно чем занимались твари, меня перекосило от отвращения.

— Нафиг, нафиг, кричали бояре, — пробормотал я под нос и полез наверх.

Через час после стычки в овраге я натолкнулся на следы автоугонщиков. Причём, кроме характерных следов протекторов «рыжика» в пыли отметились ещё одни, чуть поуже и с мелким рисунком, какой-то джип или минивен. Привели они меня в центр поля, а там...

Машинами вся растительность была примята, скорее даже вмята в землю в виде большого круга, метров восемь диаметром. В центре стояли три больших креста, которые я заметил ещё издалека.

Неправильные кресты — перекладина была внизу. На каждом вниз головой были распяты люди, мужчина и две женщины. Раздетые, покрытые толстой коркой крови и истерзанные жестоким палачом. На лице мужчины чернели чистенькие солнцезащитные очки, очень знакомые мне. Кто-то после пыток издевательски повесил их на лицо Кобры, закрыв вырезанные глаза чёрными стёклами.

Рядом с крестами, на метровом стальном прутке, ровно вбитом в землю, была прикреплена железная тонкая пластина размером в два раза больше автомобильного номера, на ней неизвестный палач красиво вывел надпись: S-T-I-K-S-Z.

Кобра и две женщины были мертвы, но смерть наступила совсем недавно, тела даже не остыли, и кровь из крупных ран сочилась едва-едва.

Следы двух машин с места ритуальной казни свернули точно в сторону мёртвых кластеров. В километре от чёрной пустоши в крошечной роще я их и отыскал. Рядом с моим «рыжиком» стоял высокий «соболь», выкрашенный в армейский тёмно-зелёный цвет и украшенный шипами с решётками. Обе машины похитители постарались замаскировать большими ветками и срубленными под корень молодыми тоненькими берёзками.

Чуть в стороне в шалаше сидел один из врагов, я его узнал: он был в той группе, которая свистела Художнику.

Подобраться под прикрытием Дара к нему и оглушить рукояткой револьвера, было проще, чем отобрать конфетку у ребёнка.

До момента, когда он очнулся, я успел его полностью раздеть и прикрутить к толстым жердям, лишив даже минимума на подвижность.

— Поговорим? — спросил я его.

— Сервий, да? — тот криво усмехнулся. — Что мне будет за этот разговор?

— Не знаю, по итогам будет видно. Может, друзьями станем.

— Друзьями? Друзей не раздевают и не привязывают. Развяжи, дай штаны, и тогда поговорим.

— Нет, так нет, — пожал я плечами. Дальше вести беседу я не стал. Зачем, если и так видно, что пленник либо тянет время, либо пытается заговорить зубы и чего-то дожидаться, помощи, например, или активировать свой Дар.

Заткнув рот пленному, я активировал способность видеть уязвимые места, после этого воткнул в светящееся пятно на локте крепкую сухую щепочку. Я, таких, два десятка быстренько настругал, закончив связывать врага. Следующую деревянную иголку воткнул рядом с ключицей, ещё две с внутренней стороны бедра.

Уже после второй зубочистки человек задёргался и захрипел, глаза полезли из орбит, на шее от напряжения вздулись толстые синие вены.

— Ты слышишь меня? Сейчас уберу иглы, и вновь задам тебе вопрос, будешь играть в гестапо и партизана, я верну их на место и добавлю ещё парочку, пока не применишь к себе имя Павлика Морозова, ясно?

Выдернув пыточные снаряды и дождавшись, когда в глазах пленника появится осмысленное выражение, я освободил его от кляпа.

— Поговорим?

Тот попытался кивнуть и что-то прохрипел, откашлялся и с трудом произнёс:

— Спрашивай.

— Как тебя зовут, кто вы и зачем пытались похитить меня, зачем пытали и прибили к крестам тех людей в поле.

— Мы дети Стикса и должны кормить его плотью и кровью всех тех, кто не признаёт Его. И только боль и страх освобождают души изгоев, что изгнали сами себя. Стикс дал нам всем шанс, мы избранные Им! Он призвал нас служить Ему, но не отворачивать лицо от дел Его!..

С каждым словом пленник, словно, впадал в какой-то транс, накачивая себя эмоциями, уходя из реальности.

— Эй, меньше патетики! — я кольнул кончиком ножа в свежую ранку на локте. — Кто такие дети Стикса? Сектанты, вроде Отрицателей?

— Отрицатели, хуже изгоев, они извратили законы Стикса!..

Бился я с этим фанатиком больше часа, ещё дважды приходилось прибегать к помощи пыток. Один раз мне стало очень худо, так сильно, что едва успел отбежать в сторону, где меня и стошнило. Нет, это было не воздействие пленного на меня, не какой-то его Дар, просто мне стало мерзко от того, чем занимался. Во всех книгах и фильмах пытки врага выставлялись чем-то необходимым, малым злом, которое разрешалось творить без каких-то последствий. Но стоило самому этим заняться, как понял — не моё. Тяжело на душе, каждый хрип и судорога боли пленника, отзывается во мне.

После боя с внешниками я даже не задумался, что убивал людей. Потом, когда узнал, чем они собирались заняться после посещения свежего кластера, даже пожалел, что убил так мало уродов в человеческом облики. И даже думал, что смог бы вместе с янычарами

рассаживать на кольях тех, кто уцелел из военной колонны.

Сейчас, точно знаю — не смог бы.

Не озверел я ещё до нужной степени, и очень хочу надеяться, что не озверею никогда.

Но убивать уже готов без колебаний за свою правоту... а ведь правда у каждого своя.

Узнал, что Художник уже не раз проворачивал такую афёру с похищением. Предлагал гостям Орешка, которые не собирались задерживаться на стабе долго, доехать до следующего, мол, мне по пути и за десяток споранов я тебя и твоего товарища подвезу, куда надо. Работал с Люком, который также был сектантом, Колобка держали в прикрытии, для общения с ментатами, знахарями и на чёрный день, когда срочно потребуется жертва, найти которую будет невозможно.

На вопрос, где все остальные детки, пленник указал в сторону мёртвого кластера. Где-то там за чёрной пустошью лежат несколько кластеров и один стаб. Это кусочек условно нормального мира, со всех сторон окружён чернотой. Узнали об этом сектанты совершенно случайно и недавно, когда у одного их товарища, после съеденной жемчужины, открылся редкий Дар. Они уже дважды там были и принесли кое-какие трофеи, заинтересовавшие более высшую касту в секте, чем людоловы. Тогда-то они и ушли в третий раз, принеся в жертву, на удачу, угодных Стиксу людей. Вернуться отряд должен был через сутки, примерно в это же время. Всего ушло шесть человек, и среди них была та самая шишка, которой понравились трофеи с закрытых кластеров. К слову, Художника там не было, он умчался с Люком, который его ждал неподалёку от этого места на автомобиле команды лжесталкеров. Ни к месту казни, ни к стоянке сектантов, тот не подъезжал, не собираясь рисковать зазря перед возможным случайным наблюдателем, оставшимся для всех незамеченным. То-то я не видел следы третьей машины.

— Всё, я рассказал, что знал, — прохрипел пленник. — Что дальше?

— Ничего, жизнь такой мрази как ты, оставлять нельзя, — буркнул я, старательно накачивая себя ненавистью к связанному человеку. — Как ты с другими, так и с тобой.

Я накинул на лицо мужчине его же куртку, потом достал кинжал и замер... куда бить, как? В сердце или перерезать горло?

— Боишься смотреть в глаза, страшно стало от мысли, что стану сниться тебе, щенок? — забулькал тот странным и страшным смехом. — Стикс однажды возьмёт своё — тебя! Ты уже ему принадлежишь, на тебе печать его стоит, ха-ха-ха! Тебе не спрятаться...

Я приставил кончик кинжала между рёбер с левой стороны, положил правую ладонь сверху на рукоять и со всех силы надавил на клинок, который вошёл в чужое тело с поразительной лёгкостью.

Вспомнил кое-какие уроки нашего прапора — старшины роты, который считался инструктором по рукопашному бою. Не нужно делать размах, если есть возможность без него обойтись, в уязвимом месте клинку много усилий не требуется.

Сектант прервался и громко выдохнул, его тело напряглось, став почти каменным и тут же обмякло. Всё.

Улей забрал очередную жертву.

Меня тут же опять затошнило, хотя желудок был пуст ещё с прошлого раза.

Отплевавшись и вытерев рот пучком листьев с ближайшего куста, я собрал вещи убитого и направился к черноте. Да, я собирался отыскать ту тропу, по которой прошли сектанты и нагнать их. Или просто подкараулить на обратном пути и перестрелять в черноте, где им не получится укрыться и даже дать нормальный ответ. Не думаю, что тропа широкая, а стоит

сойти с неё и всё — организм придёт в жуткий раздрай, если верить записям из сети Атлантида.

Когда я увидел светлую полосу, похожую на солнечную дорожку на морской глади, то первой в голове появилась вот такая мысль: мой второй Дар не показывает уязвимые места, но помогает определить те точки, которые идеально подходят к текущей ситуации. Это я к тому, что во время пыток видел нервные узлы, хотя уязвимых мест на теле сектанта намного больше, практически всё тело, но нет — я увидел лишь то, что мне было необходимо на данный момент. Вот и сейчас, Дар нашёл ту самую тропу, единственное (или нет, кто знает?) слабое место в мёртвом кластере, где негативные воздействия не влияют на человека. Практически, безопасная тропа, которая ВСЕГДА есть в любой болотной топи. Думаю, что не ошибусь, если предположу, что смогу найти и в минном поле безопасный проход.

Шириной около метра, она уходила к самому горизонту. Запомнив направление и ориентиры, я деактивировал свою способность и шагнул на ломкую, захрустевшую, как будто покрытую инеем, чёрную траву.

И ничего.

Появилась едва заметная тяжесть в голове да лёгкая слабость в теле, на которые можно и не обращать внимания.

Несколько раз, чтобы убедиться, что я не сошёл с тропы, я активировал Дар, смотрел, запоминал и шёл дальше. Лишь через сорок минут тропа резко сменила направление, во второй раз, направление изменилось спустя тридцать минут. К тому времени впереди показался нормальный живой кластер с зеленеющей травой, деревьями и кустарником, за которыми проглядывали какие-то строения.

Я прибавил скорости, чтобы поскорее уйти с чёрной пустоши, где среди ломкой травы и невысоких деревьев с голыми ветками, которые частью опали на землю, я торчал, как бородавка на носу красавицы.

Последние шаги по тропе я проскочил в состоянии скрыта, отбежал на пятнадцать метров влево, упал там в траву и деактивировал Дар.

Уф, хорошо-то как!

Путешествие по мёртвому кластеру вытянуло из меня все соки. Заметил я это только сейчас, оказавшись среди привычной обстановки. Тропа или не тропа, но чернота брала своё, заставляла организм выматываться и неоправданно быстро терять силы.

Так бы лежал и лежал, приходил в себя, но требовалось продолжить погоню. А здесь, среди нормального кластера, отыскать сектантов будет сложно, потому как я совсем не следопыт. Нет той тропы, по которой сумел бы вычислить их маршрут, или хотя бы, направление движения.

Отдышавшись и попив живчика, я встал на ноги и пошёл в сторону замеченного ещё из черноты строения. Ни на один Дар, сил уже не было после путешествия по мёртвому кластеру, поэтому приходилось таиться за кустами и деревьями, скрываться в высокой траве, где сидел и вслушивался в окружающий мир, силясь услышать любой подозрительный шум.

Наконец, добрался до постройки, которая оказалась электроподстанцией... Нет, скорее всего, электростанцией, судя по железной трубе, метров пятнадцать в высоту. Рядом с двумя зданиями — двухэтажным (скорее всего офисное) и одноэтажным (сама станция), вырос железный «лес» из невысоких мачт, увешанных стеклянными и фарфоровыми изоляторами.

Электростанция оказалась обычным кластером, перегрузившимся довольно давно, судя

по скопившемуся лесному мусору и жутко пыльным окнам.

В километре от неё стояла ещё одна постройка, окружённая забором из красного кирпича и заросшая высоченными липами. В пору цветения, там, должно быть, стоит обалденный аромат, правда, и пчёл столько, что в ушах начинает звенеть ещё за полста шагов. Высота деревьев и жуткая заброшенность наводила на мысль, что вдалеке расположен стаб, а раз так, то и сектантов нужно там искать.

Определившись с целью, я устроил себе отдых в одном из помещений электростанции. В одном из кабинетов на втором этаже, выходящих окнами на крошечный дворик, утопающий в зелени кустов роз и сирени, нашёлся большой кожаный диван, мягкий, как перина. Пластиковые стеклопакеты на окнах были целыми и даже защищены решётками со стороны улицы, две двери и крошечный тамбур, дополнительно создавали чувство защищённости. Правда, ложное чувство, ведь даже руберу ни решётки, ни деревянные двери, совсем не преграда. А элите, только лишний повод поржать над надеждами глупого завтрака.

Устроившись на диване и положив на грудь руку с зажатым в ней револьвером, я отрубился почти сразу же, как только закрыл глаза.

Проснулся уже в темноте и тут же пожалел, что так долго провалялся.

Мысленно чертыхаясь, я нащупал рюкзак, автомат казнённого сектанта, которым тут же вооружился, убрав револьвер в кобуру. Трофеем был самым обычным АКМСом с железным магазином, без глушителя и спецпатронов, с которым можно было поиграть в невидимого мстителя. Ладно, это я уже ерундой страдаю, пытаюсь такими мыслями унять мандраж в теле.

Крадучись, несколько раз, на пару секунд, активировав отвод взгляда, я покинул здание, а немного позже и территорию электростанции.

За двадцать минут добрался до кирпичного забора. Всё это время ушло на подкрадывание и поиск укромных мест, которые прикроли бы меня от чужого взгляда. Ко всему этому стоит приплюсовать ночную мглу, в которой, уже в трёх метрах ничего нельзя было различить. Ориентировался по смутно различимому силуэту, на фоне ночного неба.

Оказавшись рядом с забором, я коснулся левой ладонью кирпичной кладки и медленно пошёл вдоль него. Каждый шаг делал только после того, как осторожно ощупывал носком ботинка почву под ногами. Любой сучёк, камешек, кочку огибал стороной, чтобы хрустом или шорохом не выдать себя. Иногда мусора под ногами было столько, что приходилось приседать и осторожно очищать место рукой.

Через десять минут такого неторопливого передвижения я ощутил лёгкий запах табака, свежий совсем. Замерев и даже стараясь дышать как можно тише, я через несколько секунд услышал едва различимый шум за стеной точно напротив меня, и тут же табачный аромат усилился.

Курит, что ли, кто-то с той стороны?

Следующие десять метров я прошёл под прикрытием Дара, уже ничуть не заботясь о шуме, который скрывался способностью. Практически, это была не какая-то невидимость, а самый настоящий отвод глаз, заставляющий наблюдателя игнорировать меня и все мои телодвижения.

Через десять метров рука нащупала трещину в стене, а чуть выше ствол дерева, которое проросло сквозь кирпичи, частью раздвинув их, частью разломав кладку. Затаившись и переведя дух, я вновь активировал скрытность и буквально за пять секунд оказался на гребне

стены, там потратил мгновение на осмотр по сторонам и ещё быстрее спустился вниз, где распластался на земле в траве.

В нескольких метрах впереди, на миг заалел огонёк, осветив человеческую фигуру с сигаретой в губах.

Допекло, видать, раз не боится мутантов и так легко курит на свежем воздухе. Или я чего-то не знаю и здесь безопасно?

Докурив, неизвестный бросил сигарету под ноги, чуть не ослепив меня снопом искр, и неторопливо направился в мою сторону. Когда он прошёл мимо, и я оказался у него за спиной, я в очередной раз запустил свой Дар и под его прикрытием оглушил револьвером по затылку.

— Жак?

То ли мне так не повезло, и в этот миг к курильщику подошёл товарищ, то ли звук прикосновения рукоятки оружия и чужого черепа оказался настолько громким, что кто-то услышал его. Но буквально сразу же, как только я уложил на траву, придерживав после удара тело, слева засветился тусклый жёлтый прямоугольник света, в котором появилась чёрная человеческая фигура с автоматом в руках. Я и не заметил в этой темноте, что совсем рядом, в каких-то метрах семи-восьми стоит здание. Может быть, невезучий курильщик и шёл к двери, что находилась точно напротив меня, когда получил от меня по голове.

— Жак? Твою... мля!

Это он меня увидел, сидящего на корточках над неподвижным телом своего друга, или кем там любитель сигарет ему приходится.

Я чуть не опоздал и ушёл в скрыт за секунду до того, как в руке говорившего вспыхнул огненный бутон выстрела, грохот разнёсся по окрестностям, совсем рядом с головой пронёсся горячий ветерок.

Стрелок на пару секунд застыл в дверном проёме, попав под воздействие моего Дара, потом шагнул вперёд, включив крошечный фонарик с ярко-голубым узким лучом.

— Жак!!! — крикнул он опять и замер, не решаясь идти дальше.

Воспользовавшись заминкой противника, я шмыгнул мимо него и оказался внутри здания, где почти тут же пришлось шарahnуться в сторону, чтобы уйти с пути здоровяка в джинсовом костюме и с пэкаэмом в руках.

Свет шёл от наклеенного на стену в нескольких метрах от двери, плоского круглого плафона размером с ладонь и толщиной в пачку сигарет. Такие штуки питаются от батареек и держатся на стенах с помощью двустороннего скотча, реже, благодаря вакуумной присоске. Несколько крошечных светодиодов могут от двух «пальчиковых» батареек освещать просторное помещение всю ночь.

Почти сразу же справа, начиналась стандартная бетонная лестница, уходящая вверх, перед ней расположилась ржавая решётка из толстых железных прутьев во весь проход и с небольшой калиткой, сейчас раскрытой нараспашку.

Барабанная дробь начала болезненно молотить в висках, предупреждая, что я слишком долго использую свой Дар. Коридор за решёткой просматривался хорошо, никаких укромных уголков не было видно, через пятнадцать метров он поворачивал вправо, и там стояла очередная решётка — закрыта или нет, я не видел, и рисковать не собирался. Как и не стал подниматься по лестнице, опасаясь, что и там имеется соответствующая преграда или этажом выше, спрятаться будет не менее трудно, чем здесь.

И я юркнул под лестницу, где лежали несколько невероятно ржавых узких и длинных

тележек или носилок-каталок чудного облика. За ними пришлось свернуться калачиком и изобразить испуганного ёжика, чтобы хоть как-то укрыться.

— Что тут у вас? Кто стрелял? Вы совсем рехнулись, суки?!

По-моему, это кричал пулемётчик, но может кто-то следом за ним успел сбежать с лестницы, пока я втискивался между каталок, и сейчас надрывал горло.

— Жака кто-то приголубил, Сверло, — по голосу я опознал стрелка. — Услышал я чудной стук, решил выглянуть и увидел, что Жак валяется, а над ним какая-то огромная тварь на коленках стоит, показалось, что жрать начала. Ну, я и пальнул от неожиданности.

— Где он?

— Жак вот лежит, а тварь исчезла.

— Попал?

Стрелок промолчал либо ответил жестом, который мне из укрытия было невозможно рассмотреть.

— С Жаком что?

— Да вот он лежит, живой вроде бы даже... крови нет. Даже от твари нет... блина, не попал, значит.

— Стрелок! — сказал с сарказмом Сверло.

Кто-то смачно плюнул.

— Да там секунда всего была, чтобы прицелиться, Сверло. Хоть спугнул... эй, да ты чо?!

— Спугнул??? — невидимый с моего места Сверло, буквально зашипел. — Спугнул?! Да ты сообщил всем мутантам, что мы здесь!

— Нихрена они нам здесь не сделают. Тут стены в метр толщиной, окна маленькие и решётки вмурованы такие, что даже танк не сразу вырвет.

— Идиот!

И опять смачный плевок.

— Ладно, приводи Жака в сознание и все наверх, поближе к карцеру.

Прозвучал топот ног по лестнице над головой, потом я услышал громкие хлёсткие пощёчины, которыми приводил в чувство стрелок оглушённого курильщика.

— Жак, мать твою, приходи в себя! Ну же, мля, тут сейчас скоро такое начнётся...

Момент, чтобы вывести из строя ещё одного сектанта был, самый что ни на есть, подходящий и пока один противник возился со вторым, я выбрался из-под лестницы.

— Жак...ну, наконец-то!

Курильщик застонал и, не открывая глаз, приподнял руку, чтобы закрыться от тяжёлой ладони, отвешивающей оплеухи.

Хрясь!

Рукоять моего револьвера с хрустом столкнулась с черепом стрелка, после чего человек мешком повалился на своего товарища, рядом с которым стоял на коленях.

Хрясь!

Уже пострадавший несколько минут назад от меня сектант, вновь потерял сознание, когда я от души пнул его чуть повыше уха.

После чего метнулся к двери, распахнул её и... через мгновение в груди взорвалась граната, как мне показалось. Мощнейший удар отбросил меня к решётке и выбил дыхание напрочь.

— Кхр... кхр... кхр... — дышать не получалось, молчать тоже, вот и издавал один хрип.

В проходе мелькнула чёрная фигура, которая попыталась втиснуться в дверной проём. Габариты у твари были такие, что в дверь у неё смогла пролезть только морда и одно плечо, причём боком.

Заурчав от злости, мутант исчез в темноте, чтобы тут же рывком сорвать дверное полотно и вновь попытаться удачу.

И опять у него не удалось.

Пока элитник пытался добраться до меня и бесчувственных сектантов, я сумел немного очухаться и даже перевернуться, сначала на бок, а потом на четвереньки. Слыша, как за спиной кошмарные когти царапают кирпичную кладку, я пополз прочь, в темноту коридора за решёткой.

Шум стих, когда я упёрся во вторую стальную преграду, которая перекрывала коридор, под прямым углом, поворачивающим вправо. Здесь, калитка или дверь (даже и не знаю, как её назвать-то в этом заборе из прутьев от пола до потолка и от стены к стене) оказалась заперта на старый навесной замок.

Оглянувшись, я никого не увидел, только изуродованный дверной проём, рядом с ним горку кирпичных обломков и немного уличного пространства, освещаемого диодным светильником. Сам элитник исчез, скорее всего, отправился искать новый проход внутрь здания.

Едва сдерживая стон, развернулся, сел на пятую точку и облокотился спиной об стену, после чего занялся своей раной.

Когти элитника разорвали разгрузку и одежду на груди, четыре автоматных магазина в кармашках разгрузки, превратились в кучку мятой жести, проволоки и горсти патронов (остальные рассыпались по полу, повторяя траекторию полёта и мой путь ползком сюда). Дышать было тяжело и каждый раз всю грудную клетку пробивает острая боль, на губах солоно от крови, которая течёт чёрт знает откуда: из отбитого лёгкого или расквашенной физиономии.

Несколько рёбер у меня, точно сломано или треснуто. Мда, с такими повреждениями мне только вдоль стеночки передвигаться. Не уверен, что смогу нормально пользоваться Даром, который ещё толком не восстановился даже.

И это мне сильно, просто фантастически повезло, что элитник лишь хотел подцепить меня, как кошка мышку когтистой лапой, но из-за тесноты дверного проёма и толщины стены смазал удар. Реши меня прикончить сразу, то его когти проббили бы меня насквозь!

Сверху, внезапно, раздалась заполошная стрельба и громкое урчание мутанта. Чуть позже раздался взрыв, громкость которого съели толстые стены и перекрытия здания.

Пока, где-то там, сектанты пытались подороже продать свои жизни, я занялся собой. Скрежеща зубами и почти плача, стянул остатки одежды, обнажив торс. Залепил раны ватным тампоном с лейкопластырем, потом автоматным ремнём стянул грудь как можно туже. Дышать теперь мог только частыми и мелкими «глотками», но и боль потеряла свою остроту. Эх, вот когда пригодился бы цыганский спек! Вколоть немного, чтобы боль убрать и прибавить уверенности, но сектанты забрали его, вместе со всеми моими вещами.

От злых мыслей про детей Стикса, отвлекли громкие звуки с улицы, только я перевёл взгляд на дверь, как в неё влетел мощный топтун, который буквально рухнул сверху на оглушённых сектантов.

Кто-то из людей перед смертью даже успел прийти в сознание и истошно безнадежно закричать, пока когти мутанта не разорвали ему горло.

Через минуту в дверь втиснулась ещё одна тварь, вроде бы мелкий рубер, который сбросил топтуна в сторону, с кучи человеческой плоти, и громко зачавкал, вырывая огромные куски мяса с кусками костей и в несколько движений проглатывая. Рядом, недовольно урчал топтун, но мешать трапезе своему более сильному собрату, не рисковал.

На меня, оба мутанта внимания не обращали, то ли не видели, то ли посчитали, что мне деться некуда, и я для них останусь на десерт. Даже топтун ждал, когда рубер насытится и ему то-то оставит, а не направился ко мне.

Автомат, к счастью, при ударе не пострадал, хотя и оставил на моей спине кучу синяков при падении. Патрон в патронник я дослал с самого начала, когда затрофеил оружие. Сейчас мне просто нужно было направить оружие в сторону тварей, активировать Дар, и нажать на спуск.

Стоило щёлкнуть переводчику огня и оба мутанта тут же замерли на мгновение и развернулись ко мне. И это несмотря на то, что наверху ещё шла войнушка, заглушающая всё на свете, да и рубер создавал ещё тот шум, разгрызая кости и пожирая сырое мясо.

«Какие суки чуткие».

Первая очередь прилетела в топтуна, раскроив тому голову и забрызгав черной кровью стену за ним. Никакой киношности, когда от одной пули у человека половина головы остаётся на стене: автоматные пули вошли и вышли сквозь толстую кость, вырвав с собой немного мозга и капельку крови.

От отдачи у меня перехватило дыхание в повреждённой груди, и я едва успел отвести глаза руберу, когда он своротил решётку и оказался совсем рядом со мной. Застыв в метре от меня соляным столбом, он превратился в прекрасную мишень, подсвеченную «зайчиками» и красной нитью.

Очередь из автомата вошла заражённому под подбородок, в светлую костяную пластинку брони, наиболее выделяемую световым пятном моего Дара. На этот раз пулям не хватило сил пробить изнутри череп мутанта и если бы не кровь сектантов, в которой тварь была вымазана с головы до ног, отличить мёртвого рубера от спящего, не смог бы никто.

— Об, мля! — вскрикнул я, когда мутант чуть не придавил меня, рухнув в считанных сантиметрах.

И как специально стихла перестрелка наверху.

К появлению элитника я готовился, ждал его, не отводя взгляда от лестницы, и всё равно едва не пропустил. Лишь на миг моргнул и вдруг увидел его рядом с покореженной решёткой. Показалось, что на его морде, похожей на крокодилью, покрытую круглыми серыми костяными щитками, мелькнула усмешка.

Сквозь решётку тварь прошла, словно та была сделана из мокрых газетных трубочек.

Очередь! Ещё одна! И ещё!

В узком коридоре, перекрытым одной целой и одной смятой решёткой начались очередные мои кошки-мышки.

Стрелять удавалось только в моменты, когда мутант попадал под воздействие отвода глаз и замирал на пару секунд, давая возможность наложить «нить» на «зайчика». Уязвимые точки на теле твари были крошечные, все солнечные «зайчики» не превышали ширины детского пальца или бутылочной пробки из-под минералки. Я измочалил левую верхнюю лапу мутанта в локте, и теперь она болталась, как ватная, исковеркал правое колено, правда, не так сильно и тварь кое-как могла наступать на ногу. Десяток пуль вбил в тело, в район сердца, но на подвижности элитника никак не сказались эти раны, выбил один глаз и

несколько зубов.

Мутант в свою очередь загонял меня так, что я с каждым вздохом выплевывал сгустки крови и слушал клокотание в груди, перед глазами стояла кровавая пелена, и с каждым разом применять свои способности становилось всё труднее.

Очень быстро опустел магазин «калаша», который я сменил на револьвер. И вот тут дело пошло уже гораздо лучше, когда тяжёлые пули стали находить лазейку в броне мутанта. Это вам не шильцем ткнуть, после которого рана сомкнётся, а мышечные волокна не рвутся, а расходятся на пути острия, если сравнить инструмент сапожника и автоматную пулю. Тяжёлая револьверная «маслина» рвала всё на своём пути и передавала энергию выстрела в несколько раз большую, чем из «калаша», когда попадала «по месту», как говорят охотники.

К сожалению, мутант ни разу не повернул ко мне свой уязвимый затылок, где за бронёй скрывался споровой мешок — кощеева игла любого заражённого этого мира.

Когда в револьвере оставалась последний патрон, а сил моих оставалось на одну активацию любой из способности, элитник вдруг попятился от меня, низко опустив костяной лоб, прикрывая избитую нижнюю челюсть и второй повреждённый глаз. Сейчас мы вновь оказались в первоначальных позициях — он у первой решётки, я у второй, за время догонялок помятой тварью. И вот этот момент элитник выбрал, чтобы отступить. Здорово, да? Неплохо... но ведь у этой твари регенерация такая, что через пару часов она вернётся мне мстить. А у меня, к тому времени, максимум кожа на груди корочкой покроется.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мутант пятился до самой лестницы, не сводя взгляда единственного уцелевшего глаза с меня, а я делал вид, что старательно целюсь в него и даже начал медленно, по крошечному шажку идти к нему, показывая, что нас фиг задразнишь, мы ого-го! Боюсь, если покажу слабину, то мутант рискнёт прикончить меня прямо сейчас, наплевав на новые болезненные раны. Потому и приходится отрывать ноги от пола и идти ему навстречу с одним патроном в барабане.

Оказавшись рядом с лестницей, мутант зацепился здоровой конечностью за неё и одним движением поднялся вверх, чтобы через секунду исчезнуть из вида.

Молясь про себя, чтобы это не оказался хитрый финт ушами со стороны противника, я доковылял с максимальной скоростью до разорванных тел сектантов, поднял измазанный в крови автомат и высадил половину рожка в верхний пролёт лестницы.

Просто «шоб було».

Перезарядив оружие и отыскав среди луж крови и рваных внутренностей, нужные магазины и забрав фляги с трупов, я поковылял обратно за решётку в коридор, где собирался хоть немного отсидеться и прийти в чувство. Шёл, точнее, пятился, как только что элитник, чтобы держать в поле зрения изуродованный дверной проём.

В коридоре сел на прежнее место, с которого меня подняли топтун с рубером и тут же опустошил свою флягу с живчиком. Через пять минут состояние резко стало улучшаться, одновременно с приятными ощущениями появилось чувство голода, да такое, что захотелось сожрать хоть что-то, даже от старой сапожной подмётки не отказался бы сейчас.

Через полчаса, после второй опустошённой фляги, появились силы, чтобы встать на ноги и направиться к лестнице. Я не исключал, что элитник может торчать наверху меня поджидая, поэтому поднялся на второй пролёт под отводом взгляда, замер и просидел несколько минут, вслушиваясь в окружающий мир.

На втором этаже планировка была похожая — решётки и коридоры. Первые, в данный

момент, оказались смяты. Несколько дверей сорваны с петель и валялись на полу. Стены, потолок и пол исклѣваны свежими пулевыми отметинами, витал густой запах сгоревшего пороха и убоины, именно так пахнут мясные цеха на рынках, пропитанные кровью.

Больше всего здание было похоже на больницу, с определённым уклоном. Двери со смотровыми окошками, комнаты небольшие, обстановка никакая, нашѣл одну без двери, где всё было обито коричнево-рыжими матами, которых полно в спортзалах старых школ, до коих не дошли субсидии.

Не ошибусь, если скажу, что попал в психушку, с крайне жѣстким режимом содержания больных. Или здание тут из той эпохи, когда больных лечили, как и чем попало: от лоботомии до ледяного душа, от электрического стула до приѣма препаратов, которые в двадцатом веке признаны самыми страшными медленными ядами.

Стены сложены ещё по старой системе, которая с успехом выдерживала снаряды немецких орудий от Бреста до Сталинграда. В таких проще дырку сделать, чем обвалить. Да и дырку нужно ещё постараться сделать, так как толщина стен была явно больше метра, про который говорил покойный сектант. Окна узкие с, вмурованными в них, толстыми ржавыми прутьями.

Элитник нашѣл всего одну уязвимую точку — кабинет главврача или что-то похожее, где полстены занимало большое окно, сквозь которое легко проедет небольшой автомобиль.

Сектантов я нашѣл в самом конце коридора за очередной решѣткой, которая не помогла людям. Как и не спасла толстая железная дверь и глухое небольшое помещение обито матами, на которых имелись брезентовые ремни с ремешками для рук и ног, кожаного пояса для тела и конструкции из нескольких тонких ремней для фиксации головы к стене.

Вся эта часть коридора и карцер для стреноженных психов, носили следы ожесточѣнного боя, в карцере даже витал лёгкий дымок от тлеющего обивочного материала, скорее всего, подпаленного взрывом гранаты, содравшим несколько кусков материалы и ваты со стены.

Все сектанты были мертвы, кроме одного.

Тварь раздавила ему руки, превратив буквально в колбасу — оболочка с фаршем внутри, после чего насадила животом на прут от решѣтки. Словно, рыба на кукане, пойманная рыбаком.

— Живой? Говорить сможешь? — Я ткнул компенсатором автомата в щеку человеку. — М-да, язык есть, но он молчит.

Быстро обыскав мѣртвые тела, я нашѣл несколько шприцев и ампул со спеком. Не мой, который, якобы, самый лучший, но и не мне его пробовать. Дозировку для укола уменьшил в пять раз, чтобы человек не уплыл в дальние дали, а смог хоть немного поделиться информацией со мной и при этом чувствовал боль от ран.

— Очнулся? — спросил я, когда сектант через минуту после укола и растирания ушей, открыл глаза. — Эй, слышишь меня? Могу спек вколоть, но потом. Когда поговорим.

Тот долго смотрел на меня мутным взглядом, наконец, начал что-то соображать.

— Добей... прошу... помоги...

— Помогу, но сперва, поговорим.

— Тяжело мне... плохо... не себе... сед... ник.

— А ты соберись, тварь! Когда людей пытали, тяжело не было, а, сучонок? — как-то внезапно на меня накатила ярость, и я буквально прошипел эти слова. — Сколько они мучились у вас?!

— Мы за... за это... ответили... Стикс на... наказал... новичка распяли... нельзя так... наказал...

Сектант последние слова уже шептал и, замолкнув, бессильно уронил голову на грудь. Пришлось опять тереть ему уши и хлопать по щекам, чтобы привести в чувство.

— Добей... прошу... — Как только сознание и адекватность к нему вернулась, раненый опять завёл свою пластинку.

— Сначала рассказ, потом, как пожелаешь. Хоть спека вколю тебе литр, хоть рожок из калаша в голову.

— Сейчас вколи... немного...

— Уже вколол, большая доза тебя вырубит. Всё, я начинаю слушать.

Первым делом сектант признался мне в своём грехе, за который, по его глубокому убеждению, Улей покарал весь «детский» отряд. Всё дело в Кобре, который в Улье оказался не два месяца назад, а меньше двух недель. Парню невероятно повезло, сразу после переноса встретить одиночку рейдера из старожилов, который полностью ввёл его в курс местных реалий быта, помог с экипировкой и оружием и окрестил — внимание — Жёлтым, от слова желторотый. На кресте под пытками Кобра сообщил, что когда через несколько дней расстался с крёстным, то решил, что с таким именем ему не «по масти» новую жизнь начинать и решил стать Коброй. Этот киногерой, для молодого парня был кумиром.

Потом умирающий рассказал о месте, куда меня привело преследование.

Это был оазис среди черноты. Несколько кластеров и небольшой стаб на территории, примерно, пять на десять километров. Про него не знал больше никто, кроме отделившегося перед тропой Художника. Даже та важная фигура, что пошла с сектантами на разведку, не дала информации ход дальше, возможно, рассчитывая получить какие-то дивиденды лично для себя.

В первое посещение, ни одного мутанта сектанты не увидели, следов не нашли, сенс, позже подстреленный мной, ничего не почувствовал.

Интересное место на этом пятачке было одно: крупная радиолокационная база. На ней торчал взвод спецназа, караульная группа примерно в три десятка человек и десяток операторов с несколькими офицерами.

Люди — это ерунда, совсем другое, что к этим людям прикладывалась боевая техника, мощное оружие и куча боеприпасов.

После осмотра территории, сектанты установили, что перезагрузка происходит примерно раз в три-четыре недели на Радаре. Через два или больше месяца перегружается электростанция, но, судя по почти полному отсутствию следов, происходит это ночью, когда кроме дежурной смены и сторожа, там находится не больше пяти человек. Ещё два кластера были разведчикам неинтересны — это крупное озеро и поле с куском лесного массива и оврагом.

Хоть следов мутантов и не нашли, но предпочитали таиться и когда один из них пальнул по мне, у старшего немедленно засвербело под сердцем. Рассчитывали они продержаться до утра в помещении, где нет окон, а стены даже танковая пушка не сразу возьмёт, но просчитались. Вообще, элиту тут никто не рассчитывал встретить. По каким-то там прогнозам и выводам выходило, что в закрытых со всех сторон чернотой кластерах развитие заражённых идет крайне медленно и с непрогнозируемым результатом. Мутации затухают на определённой стадии, или превращают заражённого в нежизнеспособное создание, которое однажды погибнет само по себе. И чем толще кольцо черноты вокруг

оазиса и меньше живая территория, тем слабее мутанты и быстрее погибают. Ещё проще, если кластер всего один или соседний не может защитить мутантов от кисляка, например, озеро или река, и тогда мутанты просто напросто гибнут при перезагрузке. Информации этой, сектанты верили, так как получена та была от ученых с институтского стаба, а те, слова на ветер не бросали.

И тут нате-здасьте — элита! Правда, всего лишь элита, а не Элита (есть и такое разделение мутантов в Улье), хоть и крупная. Вероятно тварь поджирала всех прочих, чтобы хоть как-то продержаться. Плюс, спасал быстрый кластер с радаром, каждый месяц (или даже чаще) приносящий семь десятков здоровых мужиков.

Возможно, мутанту нужно свежее мясо для нормального функционирования, и именно иммунные, а не зараженные. Вот поэтому он и не убил сразу меня внизу, не прикончил последнего сектанта, а наколот его на штырь и сломал руки, чтобы тот не освободился или не совершил самоубийство. Хотя, последнее — это мои домыслы, но крайне удачно ложающиеся на поступки твари.

Многого узнать от сектанта не удалось, так как он через полчаса стал всё чаще терять нить беседы и уплывать сознанием. Напоить его живчиком я даже не пытался, помня, как скрутило сектанта из другой секты, из Отрицателей, на моих глазах в самом начале появления в Улье, ведь и там и здесь оба человека имели ранения в живот. Снять его с железки? Если поднатужиться и подставить что-то высокое вроде стола или каталки из кабинета директора, либо одной из камер-палат, то смогу снять его с толстого стального прута, но ради чего? Всё равно мне бы пришлось его добить потом и разговор продолжить удалось не сразу, так как после всех манипуляций с ржавой железкой у него все внутренности перемешаются и если сразу не помрёт, то в сознание придёт не скоро.

Когда сектант перестал реагировать на растирание и пощёчины, то я прикончил его.

Буднично прозвучало... словно, сообщил о раздавленных колорадских жуках или отравленной крысе в сарае. А ведь месяц назад, при мысли об убийстве человека даже при самообороне, у меня бы сердце устроило брейк-танц. Про пытки и хладнокровный расстрел колонны с солдатами и говорить нечего. А вишь, как оно вышло — чик ножом в сердце и забыл про недавнего собеседника. Всё же, Улей меняет нас не только внешне, награждает Дарами, даёт силу и регенерацию, но и калечит разум, делая из нормального обывателя, выжившего в первые недели после переноса, конченого психа, которого на Земле упрятали в спецпсихушку на пожизненный срок.

В одном из помещений на втором этаже, которое было столовой когда-то, я нашёл свои вещи и рюкзаки сектантов. Впрочем, барахла у мертвецов, раскиданных в виде кусков тел по коридору и карцеру было немного, часть я уже видел в машинах рядом с границей черноты. Здесь же они при себе держали, в основном оружие, боеприпасы, перевязочные материалы, немного еды и кое-какие вещи. Последним я обрадовался больше всего, так как сейчас, моя одежда представляла жалкое зрелище.

Отмывшись от крови и переодевшись в чистое, я сожрал (по другому и не скажешь) две банки тушёнки с галетами, запил минералкой и живчиком. Сразу после этого самочувствие стало ещё лучше, но и не без минусов обошлось: потянуло в сон. Стоило остановиться, как начинал клевать носом.

Я и так не собирался покидать здание, пока на улице не рассветёт, но чтобы ещё и поспать до утра? Но организм настойчиво советовал прилечь на несколько часиков, угрожая самостоятельно уложить незаметно для меня самого.

Чтобы не проснуться уже рядом с Петром у ворот, пришлось взяться за создание безопасной лёжки. На комфорт мне было плевать, тем более, мог выбрать любую из камер с мягким покрытием, пусть и с толстым слоем пыли, но не наплевать на безопасность. Потому я провозился больше часа, устанавливая растяжки гранатные и стрелковые. Гранаты с почти выдернутыми усиками кольца, едва удерживающие чеку, поставил рядом с дверью на первом этаже, там же положил по одной уже без кольца под тела сектантов. Попутно поковырялся в споровых мешках мутантов, но тут меня ждало разочарование — только бесполезная «паутина», ни гороха, ни споранов. Вполне возможно, что это связано с расположением в кольце черноты, которая сродни тюрьме для тварей. Когда поглощал информацию в Атлантиде из местной сети, то там отыскал упоминание, что в неволе мутанты расти растут, но содержимое споровых мешков невероятно редко растёт. Думаю, такие питомники пытались создать не раз, не два и даже не десять.

Ещё две растяжки защитили лестницу, и на самом верху, на выходе на мой этаж, я поставил растяжку из двух автоматов и каталок в качестве станка. Заминировал окно в директорском кабинете, кое-как прислонил дверь там же, и уже от неё протянул шнурок к пэкаэму, установленному точно напротив неё. При попытке сдвинуть дверь, растяжка сорвет стопор с грузика, который был привязан к спусковому крючку пулемёта. Пулемёт, поставленный на сошки на каталку, прижал связкой из чего-то похожего на гири. Для чего эти толстые чугунные диски с гиревыми ручками использовались в данном заведении, я и предположить не могу, тем более весили они больше десяти килограмм каждая.

Я потянул ручку затвора на себя, ставя пулемёт на боевой взвод, потом сдвинул пластмассовый шпенёк вперёд, обратно на прежнее место и с облегчением вздохнул:

— Ну, вот и всё.

Никогда ничего подобного не делал, все мои знания, теоретические: из того же журнала «Братишка», ютубных роликов и рассказов с корявыми рисунками собеседников в армии.

Пока возился с взрывоопасными игрушками, то сон махом прошёл, но стоило закрыть за собой дверь в одну из палат, выбранной под спальню из-за отсутствия окон и наличия мягкого пола, как глаза стали закрываться сами собой. Мысль прицепить ещё одну гранату с обратной стороны двери отмёл, ибо в таком состоянии точно подорвусь сам на радость элите.

«Спать... спа-а-ать...», — зевнул я и отрубился.

Проснулся от грохота пулемёта.

Сердце в долю секунды взвинтило темп до бешеного, всё тело покрылось холодным потом и одеревенело на несколько мгновений. Успей противник добраться до меня в эти мгновения, то на этом, в истории моей жизни, можно было поставить точку. Жирную.

Пулемёт надрывался секунды четыре, пока вдруг резко не захлебнулся, подарив тишину, и одновременно с этим я стряхнул оцепенение.

Сидеть и ждать мутанта (а больше никто другой не смог бы здесь оказаться) в тесной камере, стены которой стали давить на сознание, я не собирался, предпочитая свободу в просторном коридоре.

Распахнув дверь, я отшатнулся назад, чтобы не попасть под возможный удар когтей на длинной лапе, выждал секунду, после чего выдернул у гранаты кольцо и забросил ту за угол, следом швырнул ещё одну. Сразу после второго взрыва под прикрытием Дара, от которого болезненно заломило в висках, вылетел в коридор с автоматом в руках.

Никого.

Только клубиться пыль от шпукатурки, сбитой пулеметными пулями рядом с дверным проёмом в директорский кабинет в конце коридора. Двери, которой я загородил развороченный проход туда, не было. Эта тварь каким-то чудом миновала мои растяжки на окне, бесшумно убрала баррикаду со своего пути и если бы не перестраховка с пулемётом, то я бы точно сейчас разговаривал с апостолом Петром.

— Вот же тварь, — скрипнул я зубами.

За окном только начинало сереть, и для отправления в дорогу было ещё рано, если я не хочу в сумерках наткнуться на элитника. До окончательного рассвета пришлось ждать ещё полтора часа.

За те несколько часов, что прошли с момента ранения, раны на груди зарубцевались, а сломанные рёбра почти не болели, если соблюдать осторожность и не беспокоить их неосторожными движениями. Серьёзно напомнили о себе, когда я рывком попытался забросить за спину тяжёлый рюкзак с трофеями.

— Ох, бляха-муха... — охнул я от резкой боли в груди, от которой даже перехватило дыхание. Пришлось немного умерить свои аппетиты и уменьшить груз, часть боеприпасов разложить по карманам в штанах.

Сектанты наградили меня ПКМ со стопатронным коробом, пристёгнутым к нему и большим коробом на двести пятьдесят в рюкзаке, АК-103 с неплохим обвесом и коллиматором «коброй», две сотни патронов к нему, две РГО и пять РГД, «Тигр-9» с бушнелевским прицелом переменной кратности и почти полторы сотни патронов соответствующего калибра. А также сто пять споранов и шестнадцать горошин, с тремя литрами в двух пластиковых, полуторалитровых, бутылках живчика. Возможно, что-то имелось в карманах одежды на мертвецах, но копать в разорванных телах, желания не было ни малейшего.

Это были всего лишь трофеи, лишний груз к моим вещам, которые сектанты забрали с собой из «рыжика».

Три автомата, ещё один аналогичный «Тигр», несколько мощных пистолетов, гору патронов ко всему этому оружию, полтора десятка гранат и два одноразовых гранатомёта я оставил в палате, в которой провёл эту ночь.

С собой взял только оружие, живчик и литровую бутылку с минералкой, оставив экипировку, продукты, перевязочные материалы и многое другое в психушке. Однажды, я сюда точно вернусь, так как оазис оказался очень интересным местом, и заберу трофеи.

Покидал здание и прилегающую территорию, под прикрытием Дара, который убрал только через пятьдесят метров от забора в ближайших зарослях. Осмотревшись по сторонам и не заметив опасности, я осторожно направился в сторону электростанции.

До мёртвого кластера дошёл без проблем, несколько минут искал тропу, которая почему-то оказалась в другом месте, чем вчера. Отшагав по ней метров сто, я вдруг почувствовал чужой тяжёлый взгляд между лопатками. Обернувшись, я увидел на самой границе черноты ночного мутанта, с которым у нас вышла ничья. Никаких следов ночных ранений уже не было — эта тварь за ночь всё зарегенерировала. Ночью, в узком коридоре, рассмотреть толком не удалось, тогда я больше концентрировался на «зайчиках» да на том, чтобы держать свои способности в рабочем состоянии и не потерять сознание от боли. Зато это сделал сейчас.

Мутант, казалось, позировал, выбрав самую удобную для рассматривания себя любимого позу.

Больше двух с половиной метров ростом, сутулый, с шириной плеч, не менее полутора метров и руками почти до икры. Тело, практически не имело шеи или та настолько была короткая, что казалось, будто голова крепилась сразу к плечам. Сама голова, была похожа крокодилью и покрыта толстой костяной бронёй, в которой едва угадывались щели для глаз. Из пасти торчали кривые огромные зубы, самый большой был с мой указательный палец. Всё тело было покрыто крупными овальными и круглыми костяными нашлёпками, делая элитника похожим на змею и одновременно на футбольный мяч.

Я вскинул свою «снайперку», почти поймал в оптику тварь, и тут она прыжком ушла в сторону, чтобы потом исчезнуть среди высокой травы.

Стрелять наугад я не стал, а способности не сработали, когда мутант упал на землю и спрятался среди растительности. Да и свою отрицательную роль сыграла большая кратность оптики, сузившая поле зрения.

— Ничего, я скоро сюда вернусь и вот тогда мы с тобой ещё раз встретимся, — пообещал я мутанту. Один раз я уже сказал коронное «айл би бек» — это сектантам, и обещание я выполнил сполна.

Выполню и это.

В Орешек я вернулся в середине дня, вошёл в стаб пешком и под прикрытием Дара. Машину спрятал в каких-то кустах, в километре от стаба, потом вернулся назад и вошёл в посёлок с другой стороны.

Больше всего на свете, я желал, чтобы чёртов Художник и Люк оказались здесь. Искать самостоятельно этих кротов от сектантов, у меня, никакого желания не было. А будет ли прок от моего заявления в администрацию, этого я не знаю.

Потом ломал голову, как справиться с сектантами, где напасть и что после этого делать с ними. По дороге сюда, решил, что стоит по-тихому пристрелить из своего бесшумного автомата обоих, под прикрытием дара Улья. Провернуть мне это, с расстояния метров двести-триста с какой-нибудь крыши, будет легче лёгкого.

Но пока прошёлся по Орешку, то передумал. Сейчас план звучал так: пленить и допросить.

Где находится жильё сталкеров, я знал, и мне не составило труда незаметно пробраться в дом. То, что они на месте, я понял по личному автомобилю сектантов, который стоял под их окнами.

А вот рядом с дверью в квартиру, я завис: как её открыть без шума, или заставить сектантов открыть её мне? Наличие двух замков, не давало нормальных шансов на взлом, даже с использованием своих способностей.

«Будем ждать», — решил я про себя и занял позицию в дворике дома напротив.

Только ближе к вечеру из подъезда вышел тот, кто мне был нужен — Художник. Погасив секундный порыв немедленно врезаться гаду по затылку, я перебрался поближе. Через пятнадцать минут, сектант вернулся. В подъезд я зашёл вместе с ним, используя отвод взгляда.

— Люк, я пришёл! — крикнул Художник и отбил быстрый ритм по дверному полотну. Через минуту раздались несколько щелчком в замках, звякнула цепочка (ого, как у них там всё устроено!) и дверь приоткрылась.

— Пива взял?

«Гадство, ты-то мне совсем не нужен, — от досады я скрипнул зубами, когда оказалось, что дверь открыл не второй сектант, а их возможная жертва — Колобок. — Теперь извини».

Держать скрыт, становилось всё тяжелее и поэтому и речи не шло ни о какой тонкой тактике.

Художника я от души приласкал по затылку, не понявшего ничего Колобка, пнул в пах, потом оттолкнул пучившего от боли глаза парня в сторону и бросился в квартиру. Потратил секунд восемь, чтобы оказаться в комнате, но этого времени хватило второму сектанту, чтобы выхватить оружие и встать у стены, чтобы видеть дверь. Любого другого влетевшего в комнату ждала очередь из «калаша», но со мной Люк сплеховал и, точно также как и Колобок, не успел ничего понять, как согнулся от сильного удара в пах (а чего плодить сущности, если для обезвреживания противника, такой приём подходит как нельзя лучше?).

Автомат я откинул в сторону, завёл руки хрипящего и пускающего розовую слюну Люка за спину, где накинул заранее приготовленную веревку с петлями на запястья. После этого пулей вылетел в коридор, убедился, что Художник и молодой сталкер лежат на месте, скрутил руки и одному и второму и затащил их в комнату, где связал уже качественнее.

Каждому из троих пленников, я одной верёвкой стянул руки и согнутые к спине ноги, вставил кляп и перевернул на спину. В таком положении и при такой вязке, у них за считанные минуты затекут конечности.

Больше всего я опасался Художника, который был клокстопером, одаренным, способным ускоряться в сотни раз на дистанции в несколько шагов. Именно так он и вырубил шокером меня с Коброй в машине, после чего благополучно остановил ту, не доведя до аварии, хотя гнал я порядочно, и потеря управления могла сказаться катастрофически на всех нас троих. Люк, был слабеньким сенсом, чей Дар сектанты только начали раскачивать и особой опасности не представлял. Разумеется, если мои пленники из детей Стикса, ни в чём не соврали, когда я их допрашивал.

Я ушёл на кухню и вернулся с ведром холодной воды и вылил часть на Художника.

— Поговорим? — спросил я у него, когда он зафыркал и раскашлялся, придя в себя.

— А? Ты к... — возмутился Художник и вдруг прервался.

— Узнал, я смотрю.

Несколько секунд сектант сверлил меня взглядом, потом торопливо заговорил:

— Сервий, прости, бес меня попутал. Понравилось мне барахлишко твоё, оружие и польстился на твою награду от янычар, которую они тебе выплатили. А у меня, в последнее время, дела совсем никак не шли, на мели сидел с кучей долгов...

— Чего?! — не понял я в первый момент, что он мне говорит. — Какое «на мели»? Какое «польстился»?

— С бандой Хрома связался, они мне пообещали за твои вещи треть. Честное слово. Они бы не убили тебя, к себе хотели взять, в работники, на их стабе пожил бы, дрова порубил, воду таскал на кухню, стирал бы. А потом предложили стать одним из них. Им хорошие бойцы нужны. Да я тебе поклясться чем угодно готов, что жив остался бы, ну, может, побили бы немного. Ты же видел, что я тебя просто оглушил и связал, а мог бы убить, что проще намного. Кобра у них на базе живёт, можешь его выкупить, я помогу с этим, увидишь, что живой пацанчик и тебе ничего не грозило...

Я не выдержал и ударил его под рёбра носком ботинка, расчётливо пнул, чтобы нижние плавающие рёбра совсем уплыли.

Тот захрипел и выгнулся в дугу, с губ потекла кровь, как и у его товарища, Люка.

— Кобра?! Живой?! Выкупить?! Ах ты, сука!

С каждым словом, я бил сектанта, пока он не потерял сознание. Только когда он перестал реагировать на удары, я остановился, успокаивая тяжёлое дыхание.

Показалось, что в комнате запахло жжёной тряпкой, но значения не придал. Так как дым мог мне просто показаться или его затянуло с улицы.

Вылив остатки воды на Художника, и дождавшись, когда он очухается, я присел рядом с ним на корточки и поднёс нож к его лицу.

— Я тебя сейчас резать буду, как резал твоих друзей — братьев по вере, как вы резали Кобру и тех двух женщин на крестах. Да-да, я видел то место, видел вашу табличку, знаю откуда ты. Художник или ребёнок Стикса, как к тебе обращаться, скажи мне? — от злости некоторые слова я выговаривал невнятно, проглатывал окончания, когда спазмы сдавливали горло. В этот момент я был готов содрать с него шкуру и всё потому, что вспомнил картину истерзанных людей. Кобру, с которым за несколько часов до этого разговаривал, да и просто сказалось напряжение последних суток. Его бы снять длительным сном и крепкой выпивкой, да некогда. Наверное, именно так и сходят с ума на войне или после картин жестокости,

когда нет возможности снять стресс хоть чем-то — сексом, лекарствами, алкоголем. Общением с психиатром наконец... Да хотя бы баней, лишь бы тело испытало шок, который перекрыл бы шок сознания.

Отвлекло меня от желания пустить кровь сектанту, мычание Колобка. Кажется, он начал привлекать к себе внимание сразу, как только я упомянул про детей Стикса, до этого момента, он и Люк лежали тихо, словно мёртвые.

— Тебе чего? — грубо обратился я к сталкеру, которого несколько дней назад спас. — Твоё счастье, что про тебя ничего не рассказали и даже сообщили, что ты вроде бычка на закланье, которого с собой возили, вот они.

— М-м-м...

— Потом поговорим, — отмахнулся я от него, — после них. Видел бы ты, что я...

— М-М-М!

— Да, что ты размычался, блина?! Или мне тебя оглу...

Запах дыма резко усилился. Словно, источник его был совсем рядом. Может быть, прямо в этой комнате.

— Что за хрень тут горит?

Ответил мне Люк... молчаливо. Сектант вскочил с пола и, скидывая тлеющие обрывки верёвки, налетел на меня, сбивая с ног и отвесив оплеуху, от которой у меня лицо вспыхнуло так, будто его кто-то решил горячим утюгом погладить.

От моего ответного удара сектант отлетел к стене, где приложился с таким стуком головой об неё, что я подумал: готов. Да только куда там! Я не успел проморгаться от слёз, которые градом текли от боли, как Люк вновь повернулся в мою сторону, выбросил вперёд правую руку, и из неё вырвалась струя пламени не меньше метра в длину.

Увернулся я каким-то чудом и вместо меня, огонь прошёлся по столу, стулу с мягкой обивкой, задел Колобка.

Я отпрыгнул спиной назад, за что-то запнулся и повалился на пол, больно ударившись левым боком о ещё один стул, отбил локоть и чуть не попал под огонь, когда Люк шагнул ко мне.

Полыхнули занавески на окнах, что-то на окне вспыхнуло голубоватым пламенем с лёгким хлопком, а лотом я, наконец-то, достал пистолет и несколько раз выстрелил в грудь сектанту. После второй пули, ударившей в грудь, исчез с его руки огонь, после третьей, он пошатнулся и одной рукой ухватился на край тлеющего стола, и только четвёртая заставила его рухнуть на спину. И это пули из моего ремингтона, который сорок четвёртого калибра! Здоров же он был, сволочь.

— М-м-м!!!

Одежда на Колобке горела, парень пытался перекатиться и придавить пламя, но не мог из-за пут. Чуть лучше дело обстояло с Художником, у которого ткань только тлела, и язычков пламени ещё не было видно. Зато огня хватало в комнате: весело трещал, распространяя удушливый запах краски и лака, стул, горели какие-то бумажки на полу. Тлела столешница. Пламя с занавесок, перебралось на потолок, который был оклеен пенопластовыми панелями.

Первым делом я затоптал огонь на Колобке, после этого перевернул его на бок, взялся обеими руками за одежду и волоком по полу вытащил в прихожую, лотом повторил такую же операцию с Художником. Последним, в коридоре оказался мёртвый Люк. Я решил, что будет неправильным оставлять его в огне. К тому же, на телах сектантов могут иметься

какие-нибудь знаки — татуировки, тавро, ритуальные шрамы, которые подтвердят мои слова. Вряд ли местным нравится, когда какие-то фанатики вешают их на кресты и пытаются. Кто-то что-то должен слышать или видеть. Вот такие видящие и помогут мне оправдаться, а то хреново всё вышло с этим допросом, вон как огонь гудит и дерево трещит в комнате. С такими спецэффектами, мне не обойтись без опасных допросов местными законниками. Несколько секунд я стоял перед дверью и не решался ту открыть и когда, всё же, нашёл в себе силы взяться за замок, с той стороны кто-то сильно заколотил, не жалея своих рук и ног.

— Эй, вы там! Мать вашу, у вас пожар! Перепились, суки!.. Ломайте на хрен дверь!

— Не надо ломать! — крикнул я в ответ. — Я её открываю уже.

На площадке стояло четверо мужиков. У одного в руке был узкий топорик на длинной ручке, с приваренным к обуху гранёным штырём. Все малость обалдели, когда я на их глазах стал вытаскивать связанных. Помогать, никто не помог, но и мешать, правда, не стали.

— Это что за петрушка, парень? — спросил тот, что держал в руке топор. Сейчас уже все пришли в себя и стали нехорошо посматривать на меня. Ну да, я тут чужак без роду и племени. Незнакомец для всех, а сталкеров знали, пусть не все, но многие.

— Работорговцы, вот кто. Новичков вывозили из Орешка и продавали бандитам и в секту, где их пытали, — пояснил я. — Не веришь? Пошли к ментату с ними, пусть допросит, задаст свои вопросы.

— А ты? — прищурился один из четвёрки, уже достав откуда-то пистолет (на виду кобуры не было, наверное, под рубашкой сзади прятал).

— Я отвечу. Вот он, — я пнул застонавшего Художника, только-только пришедшего в себя, — пообещал довезти до большого стаба, где оружейник хороший имеется, а сам оглушил шокером, связал и чуть на крест лично не привязал. Мне просто чудом повезло, что удрал.

— М-м-м!

— Да помолчи ты! — прикрикнул я, на завозившегося Колобка.

— А он тоже из тех, кто людей на кресты вешает? — спросил топорщик.

— Он? Не знаю, — пожал я плечами. — Художник и Люк — точно, а про него не в курсе, но на всякий случай, пусть побудет связанным.

Тут снизу зазвучали тяжёлые шаги и через несколько секунд на площадку вылетели двое крепких молодых мужчин с бухтой обычного садового шланга.

— Что стоите? Открыли дверь? Там уже из окна факелом пышет всё! Эй, а это что? За что вы их так? — быстро проговорил один из прибывших. — Буянили?

— Нет, Чек, тут дело хуже, — покачал головой топорщик. — Вот этот парень говорит, что они килдинги.

— Твою...

— Кто? — ахнул второй, который держал пистолет, потом направил оружие на меня, но миг спустя перевёл ствол на Художника. — Да их же, тварей...

— Утихни, Клопяра, тут ещё разбираться нужно, — топорщик осадил товарища, потом посмотрел на меня. — С нами пойдёшь, парень. За оружие не хватайся. А то можем не так понять и кучу дырок насверлим.

— Пусть его сдаст вообще, — предложил Клоп и опять навёл на меня пистолет.

— Оружие не сдам. За последние два дня, меня уже обезоруживали и я чудом уцелел. Хочешь отобрать? Рискни. Только обещаю, что сдохнешь ты раньше меня Клопяра, —

сообщил я этому задире.

— Че-о?! Да ты знаешь...

— Умолкни, Клоп, задрал уже, — вновь осадил его топорщик, потом обратился уже ко всем. — Тащим Художника и Колобка вниз... С этим что, готов? — он коснулся кончиком ботинка мёртвого Люка.

— Готов. Это он и устроил пожар. Пироманом оказался, а я не знал.

— Да тут никто не знал о нём такого, — хмыкнул топорщик. — Неплохой, получается, пироман, раз такое сумел устроить.

— Вы разбирайтесь тут поскорее, а то нам воду нужно в хату провести, пока весь дом не полыхнул, — вмешался в разговор один из новоприбывших со шлангом. — Только если это килдинги, то их нужно в администрацию тащить, за самосуд можно люлей огрести неслабо. Помните, как того мура из засланцев в группе Кожуха на части порезали? А потом приехали менты из Парадиза и всех раком нагнули.

— Поучи ещё тут, — цыкнул на него топорщик. — Иди делом занимайся, вон дверь открыта давно.

Вместе со всеми, вытащил двух связанных сталкеров на улицу, предупредил, что Художник клокстопер и для безопасности, будет лучше всегда его держать полностью связанным. Старательно обходили шланги, которые прятались в кустах за домом, наверное, там скважина или колодец стоит, из которой насосом качают воду.

Потом кто-то подогнал «буханку», в которой вместо сидений, вдоль бортов имелись откидные деревянные лавочки, загрузили в неё на пол пленников и покатали в сторону здания администрации Орешка. Там нас сразу разделили — я на верхние этажи ушел, в сопровождении двух суровых мужиков, пленных унесли в подвал, как я понял, там имелась тюрьма или нечто вроде того.

Местная власть на рабочем месте отсутствовала, и пришлось ждать больше получаса, когда появился местный шериф.

Мимо меня, распространяя свежий аромат алкоголя, прошёл мужчина около сорока лет, в серых джинсах, коричневой рубашке с короткими рукавами и жилетке в сеточку, кивнул приветливо моим конвоирам, быстро глянул на меня и завозился с дверью комнаты, возле которой, наша троица и была баклуши.

— Чёрт, сраный замок, понаделают же барахло, — бурчал он под нос, пока не открыл дверь. После чего махнул рукой в нашу сторону. — Заходите и рассаживайтесь.

Кабинет был странным, полный раздрай в сознании вызывал: обшарпанные стены, потрескавшийся линолеум, имитирующий паркет, облупившаяся побелка на потолке, соседствовала с кожаным, роскошным, диваном, большим столом из натурального дерева, с тремя стульями из набора с ним, кожаным креслом с функцией вибромассажа и огромным моноблоком на столе.

— Ну, рассаживайтесь и начинайте рассказ, — предложил хозяин кабинета. — Как зовут, парень?

— Сервий, — ответил я, смотря на то ли конвоиров, то ли сопровождающих, которые рассаживались на диване, оставив мне три, не самых удобных стула, только выглядевшими красиво.

— Ты с янычарами недавно в рейд ходил? — уточнил он.

— Ходил.

— Я Плацкарт, здесь за шерифа, участкового и иногда за судью. Мне сообщили, что ты

обвиняешь команду Художника в том, что они килдинги. Поверь, это очень серьёзные слова. Не докажешь и сам окажешься на их месте.

— Не знаю про килдингов, сами они назвались детьми Стикса. И даже если не докажу их принадлежность к секте, то есть факт нападения Художника на меня и ещё одного парня, новичка. Его звали Коброй, хотя это имя он взял себе сам и попал в Улей совсем недавно. Он хотел выглядеть старожилом и прибавил себе пару месяцев срока.

— Дети Стикса и килдинги — это те же яйца, только в профиль. Килдингами, их называем мы, простые рейдеры, а дети Стикса — это самоназвание сектантов, — просветил меня Плацкарт и нервно забарабанил пальцами по столешнице. — Говори, Сервий, что было, где, как.

Я рассказал почти всё, утаил некоторые факты про свои способности, про мёртвые кластеры и оазис в черноте. Про пытки сказал обтекаемо. Без подробностей, мол, расколол пленного сектанта, потом убил при попытке к бегству.

— Интересные ты вещи поведал, блин, — скривился Плацкарт, когда я замолчал. — Вот же млядство-то, надо было им угнездиться в Орешке, на мою седую голову.

— Да ещё неизвестно, не свистит ли этот чувак, — сказал один из конвоиров. — Я Художника и Люка с Колобком, давно знаю, несколько раз с ними выезжали в города за хабаром, мутантов отстреливали и ни разу гнили не заметил.

— А может ты вместе с ними работал, а? Новичков поставлял сектантам, спораны за это получал? — процедил я сквозь зубы и одновременно со словами взялся за рукоятку пистолета в набедренной кобуре.

— Че-его? Да я тебя сейчас урою, — тут же окрысился тот.

— Сидеть! — рявкнул Плацкарт и от души хлопнул ладонью по столу. — Замерли оба!

— Да он...

— Тихо!

Конвоир замолчал, принявшись сверлить меня злобным взглядом.

— Прямо сейчас, проверить твои слова мы не можем, Сервий. Ментата или знахаря, в Орешке нет, придётся катить тебе вместе с пленниками, в Парадиз.

— Я не против, тем более, находиться больше необходимого на вашем стабе, мне самому не хочется, — пожал я плечами. — С нормальными людьми тут большая напряженка. Либо килдинги, либо ещё какая тля, — и посмотрел на своего сопровождающего, который от моего взгляда пошёл белыми пятнами от бешенства.

— Армат и Таракан, выйдите в коридор, — сказал шериф прежде, чем мой недоброжелатель сказал или сделал что-нибудь.

— Но у него оружие, Плацкарт, одного опасно оставлять, пусть его отдаст. И вообще, его в камеру сразу после допроса стоит посадить.

— Ты мне будешь указывать, что делать?

— Нет, — пожал тот плечами, — это твоё решение. Я напомнил, что этот хрен с бугра может свинтить по темноте, а на нём труп на нашем стабе висит. Что скажут люди, если у нас начнут убивать направо и налево?

— Я разберусь, — процедил шериф и махнул ладонью в сторону двери. — И я не уверен, что без оружия он станет менее опасен. Если верить его рассказу, то он ушёл связанным и безоружным от полдюжата сектантов, потом их же всех перебил.

Когда мы с шерифом остались одни, он спросил:

— Какой у тебя дар, не хочешь рассказать?

— А то никто не знает? Стреляю хорошо, очень метко и быстро.

— И благодаря этому сумел удрать в наручниках, прямо из-под глаз килдингов? — не поверил он мне.

— Повезло. Художник остался со мной и Коброй один, потом отвлёкся на своих друзей, которые из кустов стали выбираться, ну я и свинтил. Несколько секунд мне хватило, чтобы спрятаться в кустах. Пока они искали меня в другом месте, я скинул наручники и достал револьвер, про который этот урод забыл или не хватило времени вытащить, и пристрелил ихнего сенса, который почти нащупал меня.

— И они тебя не нашли?

— Не поймали. Начали стрелять в ответ по тому месту, откуда я стрелял, я выстрелил в ответ с помощью своего дара. В итоге они просто не стали рисковать и убрались с одним Коброй, а я пошёл по их следам. Я же всё рассказал. Плацкарт, зачем два раза переспрашивать?

— Да это, так, привычка, — покрутил он ладонью в воздухе, — ловить на противоречиях. Ладно, сегодня отдохай, а завтра тебя и Художника с Колобком, отправят в Парадиз с утра, а то сегодня, уже не успеем. Отдыхай здесь, чтобы кривотолков не вызывать в народе.

— Мне бы помыться, одежду сменить, — попросил, было, я.

— Денёк потерпишь. Лучше быть грязным, чем мёртвым. А то, как бы кто из друзей Художника и Люка, не решил с тобой по квитаться тишком. У них тут, каждый второй знакомый, каждый пятый — собутыльник.

— Хм, ну, ладно.

— И ещё кое-что, — задумчиво сказал собеседник.

— Оружие не отдам, — догадался я и наотрез отказался разоружаться. — Можете рискнуть и попытаться отобрать.

— В Парадизе всё равно разоружат тебя.

— До него ещё добраться надо. Никому из вашего стаба, я не доверяю, и ты сам же сказал, что у Художника и его команды, тут друзья-товарищи могут быть, а я меньше всего желаю столкнуться с ними, безоружным.

— Эти дружки, им товарищи до поры до времени, как только ментат подтвердит твои слова, так сразу все от них открестятся.

— То есть. Ты уже мне веришь? — удивился я. — С чего бы?

— Интуиция, да и... в общем, подозревал я что-то такое, только грешил на муров, думал, что это они похищают людей для продажи внешникам. В голову не могло придти, что такая зараза, у нас засела. А про команду Художника, подумал бы в самую последнюю очередь... м-да.

Остаток дня и ночь, я провёл в одном из местных кабинетов на хорошем большом диване. За такой, мне бы пришлось, в прошлой жизни, выложить четыре зарплаты, не меньше, а здесь, такое барахло не считается ничем особенным. Сталкеры таскают фурами. На своей бывшей работе такую мебель работодатель никогда не брал, предпочитая возить ширпотреб, под который подходила присказка: дёшево и сердито. Да и мне с напарником спокойнее, ведь случись авария, и не расплатишься и за год за комплект мебели. Да уж, как звучит-то — в прошлой жизни!словно, я уже умер и реинкарнировал, попал сразу во взрослое тело и со старой памятью.

После ужина я лёг на диван, положил на живот пистолет, руки завёл за голову и очень

долго лежал, всматриваясь в потолок и вспоминая яркие моменты из жизни на Земле. Так получилось даже, что ТАМ я вёл серую и скучную жизнь, адреналин, больше на тренировках да сборах (страйкбол, пейнтбол) выжигал, а здесь, он сам выплёскивается в кровь каждую минуту. За месяц, мягко говоря, истратил этого гормона больше, чем за всю свою жизнь до попадания в Улей.

Внезапно раздался громкий стук в дверь, следом грубый мужской голос посоветовал поторопиться встать с кровати и отпереть замок.

— Кто там? — спросил я, не торопясь выполнять указание и схватив пистолет, кувыркнулся на пол.

— Дед Пихто! Ехать пора. Или ты думал, что тебя станут дожидаться пока твоя светлость до обеда выдохнется? Открывай, давай, пока не снёс дверь! Платить за неё сам будешь! — прокричал неизвестный и сопроводил свои слова сильным ударом по дверному полотну.

— Какой ехать? Так поздно? Мне Плацкарт обещал завтра машину!

— Так уже завтра, блина! Ты там не спеком обколосся?

Я отпустил левой рукой рукоять пистолета, потряс кистью, чтобы рукав сполз с часов, и посмотрел на циферблат.

— Коли будет хреново и заблюёшь машину, то парни тобой весь кузов вытрут. Ясно? — сообщил мне бородатый мужичок, обладатель щуплого телосложения и мощного голоса, как только я распахнул перед ним дверь.

— Я не колосся, просто уснул и не заметил, как время прошло, — сказал я ему. — Через сколько отправка?

— Полчаса у тебя есть, — хмуро произнёс «будильник», осмотрел меня с головы до ног, хмыкнул каким-то своим мыслям и повернулся ко мне спиной.

Когда бородач ушёл, я вернулся к дивану, сел и спрятал лицо в ладони. Так просидел несколько минут, потом оделся в сбрую, взял свой рюкзак и чехол с винтовкой, и вышел на улицу, где навестил кабинет с удобствами и умылся холодной водой из-под древнего алюминиевого умывальника со штоком-клапаном.

До загрузки в машину, успел наскоро перехватить лёгкий завтрак и набрать пирожков и блинчиков с мясной начинкой и резаной яично-луковой смесью.

Для доставки в Парадиз меня и двух килдингов. Орешек приготовил три машины: «шишигу» со стальным кунгом, обваренным дополнительной бронёй с шипами и нитями «егозы», пикап на базе «головастика» с «утёсом» на вертлюге, и «буханку», которую превратили неведомые Кулибины в эрзац-броневик, поставив в центре кузова низкую башенку со спаркой ПКТ. Более крупное, наверное, не сумели пристроить, без опасения, что отдача не разнесёт и башню и УАЗ. Или не переклинит механизм поворота и наведения, что превратит машину, лишь в самодвижущуюся гору металла.

Четвёртым, был мой «рыжик».

Я наотрез отказался сесть в шестьдесят шестой. Через десять минут споров и трёхэтажного мата, старший отряда, некий Хвост, плюнул себе под ноги и махнул рукой:

— Чёрт с тобой, езжай на своём рыдване, только я с тобой человечка посажу, который присмотрит.

Отказываться и продолжать спор, у меня уже сил не было, и я только кивнул. После чего, развернулся к нему спиной и пошёл к своей машине.

— Третьим катишь, ясно? — крикнул он мне. — За шишигой!

Порядка в Орешке было мало, поэтому выехали мы не через полчаса, как обещал тот мелкий бородатый хрен, а спустя час с лишним, пока дождались всех сопровождающих членов команды и загрузили попутные грузы в Парадиз.

Сопровождающим оказался румяный молодой мужчина на несколько лет старше меня, одетый в неновый охотничий камуфляж с рисунком камышей и тростника на мягкой материи. Из оружия имел АКМ с деревянным прикладом, наган и, разумеется, обязательный клюв. Подошёл он к моей машине за пару минут до того, как прозвучала команда выезжать.

— Я Пузырь, привет! — широко улыбаясь, он протянул мне ладонь.

— Сервий, — ответил я на рукопожатие. — Забирайся на переднее сиденье.

После трюка Художника у меня уже не было надежды, что успею среагировать на точно такое же нападение, но иметь незнакомого человека, дышащего в затылок позади, было ещё неприятнее.

Тронулись.

Сначала наша колонна катила по знакомой дороге, именно с неё меня недавно обманом заставил свернуть Художник. Через три часа покинули её и, проехав пару километров по пыльной разбитой грунтовке, оказались на магистрали с четырьмя полосами на каждом направлении движения. И здесь мы впервые, как выехали из Орешка, столкнулись с тварями.

— Всем внимание! Слева на мосту сидит лотерейщик! — прохрипела рация в кармане Пузыря. Чуть позже приглушённо пророкотала пулемётная очередь. — Чисто!

Пикап действовал перед «шишигой», выполняя роль дозора. «Головастик», то ускорялся, уносясь далеко вдаль, то замирал на месте, дожидаясь отряд. Вот и сейчас он заметил мутанта, метрах в четырёхстах от головы колонны. Рисковые, всё же, там парни катаются, защиты нет никакой, вся надежда на скорость и меткий глаз пулемётчика.

— Так, Пузырь, ты рулить умеешь? — спросил я соседа.

— Ну, так, более-менее, — ответил тот. — А что?

— За руль садись, а я буду по сторонам посматривать. Если нужно будет тварь пристрелить, то свалю.

— Э-э, не, — замотал он головой, — я и сам неплохо стреляю...

— Неплохо? — перебил я его. — Ты слышал про меня, Пузырь? Недавно я с янычарами конвой внешников расстрелял и так метко укладывал этих уродов, что Янычар мне большое спасибо сказал и к себе в отряд снайпером звал потом. Ты уверен, что стреляешь лучше меня, а? Дар у меня такой — меткая стрельба.

— А-а... блин, ладно, только мне предупредить нужно всех, а то паника начнётся, — после этих слов он нажал тангенту на рации, не доставая ту из нагрудного кармашка, и произнёс. — Это Пузырь, мы сейчас на полминуты остановимся для смены мест, я за руль, Сервий за стрелка.

— Рехнулись, что ли?! Никакой остановки! — прокричал кто-то грозным голосом в радиостанции.

— Не разре... ты что делаешь?! — вскрикнул пассажир, когда я остановил УАЗ.

— Торможу, сам не видишь? Давай садись за баранку, и погнали. Только аккуратнее с моим рыжиком.

Радиостанция после нашей остановки не смолкала минуты две. Брань и угрозы сыпались на мою голову и голову побледневшего Пузыря, пока я не выхватит рацию у него из кармашка и не высказался, поймав паузу:

— Это Сервий, хватит эфир засирать, а то из-за тебя дозор не слышно!

В рации что-то хрюкнуло, и наступила тишина.

— Нормально ты его приласкал, — покачал головой Пузырь. — Только зря ты так, он тебе это припомнит.

— Кто?

— Да старший наш, помощник главы Орешка. Петом все зовут, хотя с самого начала, его Петухом окрестили, но лотом срезался последний слог. Он сам и срезал, подмазал кого нужно. Борзый он очень, задиристый не по делу. Потому и Петух, хотя поначалу, в это слово и другой смысл вкладывали.

— Попроще можно сказать — говенный. Плевал я на него, мне бы разобраться с этими килдингами и отдохнуть нормально, а то который день, то бегу, то стреляю, то еду, то убегаю, — вздохнул я. — Из-за этого, на всех и срываюсь.

— Тьфу... тьфу... тьфу, — быстро поплевал в левую дверь Пузырь, потом серьёзным тоном произнёс. — Не вспоминай сектантов вне стаба, плохая примета.

В тишине мы катили минут двадцать, пока впереди вновь не затарахтел «утёс», а в рации не раздались злые голоса дозорных. Через минуту к создаваемому ими шуму присоединился пулемёт с «шестидесят шестого».

Затем в рации затрещали сразу несколько операторов.

— Тут кусач... два!..

— Мля, лотерейщики толпой валят на нас! И Прыгуны!..

— Сука! Сука! На!..

Перебил весь шум и гам голос разведчика из пикапа:

— Это орда! Орда! Мать вашу! Всем назад!

Пузырь от неожиданности нажал на педаль тормоза, заставляя машину пойти юзом и развернуться боком.

— Ты сдурел?! — заорал я на него. — Дебил, что творишь? Кто тебя учил водить машину?!

Разумеется, «уазик» после таких выходки заглох и перестал заводиться. Пузырь бессмысленно щёлкал ключом.

— Стой! Хватит! Да стой же! — я от души приложил ладонью по его руке, которая давила на ключ. — Сломаешь же!

— Пузырь, что там у вас? Почему встали? Мы разворачиваемся и уходим на грунтовку вправо в пяти километрах от этого места, мы её проезжали несколько минут назад — в рации прозвучал голос Пета.

— Машина заглохла, не заводится! — чуть ли не плача ответил мой напарник.

— Выходите, вас подберут!

— А вот щас, — оскалился я. — Прикрой меня!

— Что? Ты что задумал? Пошли наружу, пересядем к парням.

— Да иди ты... к этим парням, — с трудом сдержался я и выскочил наружу. На этой старой модели капот открывался с помощью двух кнопок на «морде» с улицы. Откинув на лобовое стекло капот, я первым делом посмотрел на аккумулятор.

— Так и знал, — прошипел я. — Вот урод.

Последнее слово было адресовано Пузырю, из-за которого батарея соскочила со своего места и сорвала клеммник. Хорошо, что массу. Замкни тут «плюс» и пришлось бы в самом деле перебираться в чужую машину, бросая своего «рыжика».

— Ты чего возишься? — крикнул водитель из «шишиги» притормозив рядом. —

Запрыгивай в кунг, пока мутанты за жопу не взяли!

— Клемма соскочила. Я за полминуты всё исправлю, — ответил я и вернул на место тяжёлый аккумулятор, нештатный и потому с трудом уместившийся на заводском месте. Из-за размера и штатное крепление пришлось снимать, прихватив батарею тросиком, да только не помогло. Ну, Кулибины, нашаманили мне тут. Когда вернусь в Орешек, то непременно всем там вставлю пи... волосатой штуки.

Узик завёлся с полуоборота, стоило крутануть ключом в замке зажигания.

В колонну я вошёл последним и с огромным отставанием. Когда машины уже скатились на грунтовку, которая шла сразу за большой заправкой, я только к ней подъезжал. И провозился-то всего минуты две с машиной, но пока разгонялся (УАЗ — далеко не гоночный болид с Формулы-1) колонна успела умчаться далеко. И даже про меня совсем забыли, даром, что я чужак, а мой напарник уже успел давным-давно смазать салом пятки.

А ещё этот урод рацию забрал, а моя «телефункен» спрятана в мешке, в который мне не забраться на ходу никак.

— Урод, — вслух наградил я своего недавнего товарища неприятным эпитетом.

Меня, всё же, не бросили.

Где-то через три километра от трассы я увидел «шишигу» на дороге.

— Ну, ты и псих, — проворчал водитель, который недавно предлагал забираться в кунг. — А если бы мутанты тебя схарчили?

— Как видишь сам — я жив. Но спасибо за заботу. Что стоишь?

— Тебя жду, чего же ещё. Забирай своего напарника, и покатили.

— Пузыря? Пошёл он в жопу, — почти тактично отказал я. — Лучше скажи, куда мы сейчас?

— Километров семь до шоссейки, потом по ней ещё пятнадцать и опять выскочим на трассу, а там крюк кэмэ в сорок и, считай, на месте. Часа за полтора управимся. Главное, чтобы орда не свернула или не остановилась. Поехали!

— Он сказал «поехали, он взмахнул рукой», — негромко произнёс я. — Поехали, космонавт!

— Это откуда, про кого? — заинтересовался собеседник.

— Гагарин. Ты чего, первого советского космонавта забыл?

— Первого? — хмыкнул он. — У нас Швыдко был первым, кто полетел в космос, за ним какая-то тётка, а потом только американцы. И на Луне мы их опередили, правда, те такую бучу подняли, мол, всё это постановка, невозможно так быстро всё...

— Эй, да погнались уже! — прервал водителя чей-то злой голос из кабины. — Наболтаетесь, когда в Парадиз прикатим. Наши уже километров пять, наверное, отмахали!

Нас прихватили на середине шоссе, поймав в классическую ловушку в партизанской войне «федеральная колонна vs террористы».

В этом месте, где мы попали в засаду, дорога проходила между двух огромных, как по высоте, так и по протяжённости, холмов, огороженных старым ржавым сетчатым забором, от проезжей части.

Вылетевшие из-за холмов два боевых беспилотника накрыли пулемётно-ракетным огнём головной пикап, лотом прошли по «шишиге» и в довершении задели самым краешком меня. «Буханка» каким-то чудом умудрилась уцелеть и даже попыталась проскочить мимо полыхающего пикапа, но нарвалась через двести метров на пулемётную очередь.

На «рыжике» осколками от рядом взорвавшейся небольшой ракеты (примерно точно такую же я уже видел, неразорвавшуюся и с отказавшим самоликвидатором, в груди у отрицателя-сектанта) посекло колёса с правого борта, выбило стёкла и продырявило двери. Повезло, что все влетевшие в салон кусочки металла уже потеряли свою убойную мощь и большей частью попали в сиденье. Кустарная броня спасла, остановив мелкие осколки и почти полностью забрав энергию у тех, что побольше.

Схватив мешок и оружие, я открыл дверь и почти «рыбкой» выпрыгнул из машины.

Где ползком, где перебежками пригибаясь как можно сильнее к земле, я побежал вдоль забора по кювету, включив Дар. Опасался не внешних — понять, кто нам устроил горячий приём, помогли летательные аппараты — случайных пуль и осколков, щедро летавших вокруг.

Из разбитой техники вылезли мои спутники по автоколонне, которых уцелело, к моему удивлению, очень много. Вслепую застучали их автоматы. Иммунные не видели врага, но страх и адреналин не давал сидеть тихо, пока над головой летает смерть. Кто-то сажал рожок за рожком в небо, пытаясь сбить дронов, пара человек, поливали вершину левого холма, заросшую кустарником, где так удобно сесть в засаду.

Помогать им я не собирался. Слишком неравные силы, поэтому и шансов нет на спасение, никаких. Человека три с моими способностями, могли бы переломить ход боя и вытащить зажатых у разбитых машин людей, один же я ничего не мог сделать, только отомстить... потом. Как мстят бойцы Янычара.

Я прополз уже почти весь холм в кювете, когда в трескотню автоматов вплелись негромкие, почти неслышимые хлопки.

Выглянув из своего укрытия, я увидел, как на дороге быстро распускаются фонтаны непрозрачного серо-белого дыма. Или газа.

На моих глазах Пузырь согнулся пополам, уронив оружие и прижав к лицу руки, когда его задело самым краем газового облака.

«Суки! Как тараканов... дихлофосом...», — в голове мелькнула мысль и тут же вылетела от сильнейшего удара по голове, уже почти потеряв сознание, я успел увидеть проскочившую надо мной стремительную крестообразную тень боевого аппарата. Взрыва от ракеты, осколок которой приласкал меня, я не увидел и не услышал... вот так, избирательно, поступил организм, в состоянии стресса.

Пришёл в себя от острой боли в колене.

— ...е слишком ты его?

— Да плевать, очухается зато быстрее.

Чужие голоса звучали прямо надо мной, но казалось, будто нас разделяет стена, уж очень они казались какими-то глухими.

— Урод, вставай и вали дальше сам или я сломаю тебе сейчас коленную чашечку на хрен! Не притворяйся, что спишь, после моего коронного в колено только мёртвые ещё не вставали, — хохотнул незнакомец. — Учись, Санёк, пока я жив, когда бьёшь вот в эту косточку, то кажется, словно, тебе в колено раскалённый гвоздь резко вбили.

И вновь мою многострадальную ногу пронзила острая боль, заставив выдавить из себя стон.

— О-о, очнулся. Не повезло, Сань, а я уж хотел тебе предложить потренироваться на нём.

Открыв глаза, я увидел рядом с собой две мощные фигуры, похожие друг на друга, как близнецы. Такое сходство им придавало одинаковое снаряжение и оружие. Про себя я назвал их Правым и Левым, выделял лишь тем, что и Правого был обычный штык-нож с чёрной эргономичной рукоятью, а у Левого какой-то кинжал с латунной гардой и деревянной рукоятью.

— Встал! — рывком Левый и махнул рукой мне за спину. — Пошёл туда!

На ноги я поднялся с трудом из-за навалившейся тошноты и головокружения, да ещё ногу пробивало огнём от каждого неловкого движения.

— Врубай, Стас.

Только услышав эти слова, я в один миг понял, что ничего хорошего они мне не сулят. Так и оказалось: вокруг шеи полыхнула волна холодного огня... даже описать сложно те ощущения, которые я испытал. Дыхание перебило, челюсти свело так, что захрустела эмаль, в глазах вспыхнули сотни искр.

Застонав, я рухнул на землю, как подкошенный, под весёлый ржач внешников.

— Почему ещё мясо не в клетке?

Третий голос, похожий своей «глуховатостью», которую придавали герметичные дыхательные маски, на голоса левого и Правого, мигом остановил веселье бойцов.

— Тащ лейтенант, вот мы тут... это... регулируем мощность ошейника, — торопливо произнёс Левый. — Уже почти всё.

— Заканчивайте. Живо.

Как только офицер ушёл, меня в две пары рук рывком подняли с земли и как мешок картошки потащили к большому трёхосному грузовику с бронированной капсулой, выкрашенную в российскую «пиксельку».

Каждые несколько секунд шею сводила судорога, не дававшая сосредоточиться на своём Даре.

Внутри, грузовик был разделён на несколько отсеков без окон, обитых металлом со всех сторон, словно, разделочный цех на мясокомбинате. Сердце на мгновение тронула холодная костлявая рука страха, когда я представил, что меня вот-вот начнут пластать на куски и органы. К счастью (никогда бы не подумал, но это было так), здесь всего лишь был аналог автозака. В дверцах даже имелись наблюдательные окошки для надзирателей. Каморка, была размером два на два метра.

Ни скамеек, ни сидушки-лопуха не было и помине. Пришлось сесть на ледяной пол, обхватить колени руками и задуматься, содрогаясь через разные интервалы от

электроразряда, посылаемого толстым ошейником, одетым мне на шею.

Прямо бешеный пёс со строгим ошейником в вольере, да и только. Ни оружия, ни ремня, все карманы вывернуты, а вот шнурки из одежды вытаскивать не стали, наверное, поленились. Или им плевать, если я решу с собой покончить?

Через несколько минут ко мне впихнули ещё двоих — пожилого мужчину лет пятидесяти и молодого парня, годов двадцати двух или трёх.

— Салам общий, — оскалился тот, что помоложе. — За старшего?

— Я тут первый, — скривился я. — А хотелось бы вообще не попадать.

— А ты по жизни кто?

— Да хватит уже тут язык ломать, говори по-человечьи, — произнёс пожилой, потом посмотрел на меня. — Я Дед Мазай, или Мазай, если проще, но не Дед — таких много, а я один.

— Сервий, — пожал я ему руку, потом протянул ладонь молодому.

— Шприц, — ответил тот, а вот на мою руку никак не отреагировал.

— Не обращай внимания, — посоветовал мне Мазай, — у него свои понятия о жизни, блатные. Для него Улей — это большая зона с вертухаями, мужиками, ворами и так далее.

— Мазай, ты бы тут не мёл языком попусту. — Скажешь, внешники тут не мусора? Вон как замели нас на кластере...

Тут машина дёрнулась и парень едва не упал, спасло его лишь то, что камера узкая и он просто упёрся руками в стену.

— ...суки! — потом левой рукой подёргал себя за шею и повторил с ещё большей ненавистью. — Суки!!!

На каждом из моих соседей висело точно такое же украшение, как на мне — чёрный матовый ошейник шириной в два пальца и толщиной в один. Никаких следов замка, места крепления видно не было, словно, нам надели неведомым образом монолитное кольцо.

— На кластере нас взяли. Моих товарищей и вот его друзей. Хороший кластер, богатый, одно плохо — внешники часто бывают там. Вот нам и не повезло с ними. Если бы не волна миграции мутантов, то нас бы уже разделали на запчасти.

— Орда? — поинтересовался я.

— Она самая. Внешникам пришлось уходить далеко в сторону, очень далеко от своих баз, чтобы их самих не сожрали.

— И мой отряд наткнулся на орду, и тоже стали обходить, — вздохнул я. — Ну, и на внешников наткнулись среди двух холмов. Сначала попали в засаду, а потом нас причесали беспилотники.

— Холмы? Хм... Старая мусорка, скорее всего. Внешники разведку отправили, та вас увидела, ну и решили они вас прищучить быстренько, чтобы план выполнить по донорам, а то из-за орды пришлось им с кластера сниматься быстро.

— А что за мусорка? Вроде бы ничего такого там не видел. Просто два высоченных и длинных, не меньше километра или двух вала, — поинтересовался я. — А-а, не важно... зараза!

Очередная судорога заставила всего передёрнуться и прикусить до крови язык.

— Холмы и есть мусорка, только старая. Лет двадцать как землёй засыпали и перестали стаскивать отходы. Вот и превратилась она в холмы, а копни там на пару метров и оба-на — пакеты да банки всяческие, — пояснил мне Мазай. — Крутит?

Я кивнул.

— Это они придумали для одарённых, концентрацию сбивает на раз. У самого какой дар?

— Стреляю метко, — буркнул я.

— Тю-ю, — покачал головой Мазай, — тут тебе это не поможет. Шприц, а у тебя?

— А тебе какое дело до этого? — через губу произнёс он.

— А вдруг поможет выбраться?

— Помогло бы — уже давно меня тут не было, — ответил он и вновь затих в своём углу.

— Неразговорчивый какой, — покачал головой Дед Мазай, — переживает, видать. Всю его братву перестреляли, а он забился в щелку, откуда его вытащили за хобот.

— Помолчал бы, а то...

— Что?

Парень несколько секунд сверлил его злым взглядом, но лотом что-то малопонятное пробурчал себе под нос и отвернулся.

— Дед Мазай, а сам чем можешь похвастаться? — спросил я.

— А у меня удача хорошая. Всегда вылезая из передряг... вот только действует она, почти всегда на меня одного, другим не везёт обычно со мной, — сообщил он и развёл руками. — Вот так. Подумал, что у вас кого-то Дар есть, который поможет мне выбраться.

— На чужой спине в рай въехать задумал? — прошипел Шприц. — Как крыса.

— Помолчал бы, — ответил ему ледяным голосом мужчина. — Я всегда плачу по долгам, лишнего не беру, пакость не несу. Заранее предупреждаю, что может выйти из знакомства со мной. Ко всему прочему, со мной многие хотят в одну группу войти, чтобы кусочек удачи получить. В крупных делах, да — можно и головы лишиться у меня под боком, поймать ту пулю, что в меня летела, зато в мелких, почти всегда срывали ва-банк. Так-то вот.

Два часа мы катили куда-то без остановок и происшествий, пока вдруг Дед Мазай не вскинулся:

— Стреляют никак? Столько тишины и вот тебе... закончилось всё.

— Уверен? Я ничего не слышал? — спросил я и посмотрел на парня.

— Я тоже не слышал. У старика заскок, — буркнул тот. Он уже смирился со своей участью и стал, по сути, живым мертвецом. Я не уверен в том, что он сумел бы скинуть меланхолию, даже отвались сейчас часть стены в нашей камере и появилась возможность пойти на прорыв.

— Пулемёт дважды татакнул. Может, тварь какую пугнули от дороги, или пару пустышей шлёпнули, они глупые, не понимают, что в такой колонне им жратва не светит, — сказал Дед Мазай. — О-о, останавливаемся.

Через пять минут дверь в нашу камеру распахнулась, и в нас с Мазаем влетела девушка в разорванной одежде.

— Опаньки, — оживился Шприц. — Кто это тут у нас? Какая кобылка, узенькая, как копилка!

— Не тронь, парень, — предупредил его Дед Мазай.

— А нам тут терять нечего. Считай, награда за всё будущее и чтобы дорогу скрасить, — оскалился тот.

Я в перепалку не вступал. Смотрел на девушку и узнавал знакомые черты. Такие милые, такие красивые и такие далёкие когда-то для меня. Неужели это?..

— Олеська?!

— Сла... Славик?!

Сокамерница вскрикнула одновременно со мной, но если у меня это было удивление, то во взгляде девушки читался настоящий ужас.

— Какой Славик? — опешил я. — Олесь, я Тарас. Ты чего? А здесь меня зовут Сервием.

Знакомая затравлено осмотрелась по сторонам, потом вздрогнула и схватилась за ошейник.

— Я не Олесь. Меня Сашей зовут. Это ты всё забыл или свои мозги окончательно наркотиками высушил, — тихо произнесла она.

— Хе, наш человек, — развеселился Шприц. Кажется, я догадался, за что он получил такую кличку.

— Цыц, молодёжь, не вцепитесь тут в глотку друг другу, — вмешался Мазай. — Дивчина, ты как тут оказалась?

— Ехали с дачи в город с друзьями, я с ними вместе учусь на втором курсе, в медицинском, в Страховском.

— Где-где? Это в какой стороне? — озадачился я.

— Это у нас дома, забыл?

— Стоп. Сервий, потом будешь выяснять, если вообще это понадобится, — остановил выяснения обстоятельств Мазай. — Красавица, ты продолжай. Ехали с друзьями с дачи, и что?

— Увидели колонну на дороге с военными машинами и съехали на дорогу, чтобы пропустить. А они, они.

Олеська сжалась и уткнулась мужчине в грудь, её плечи задрожали от рыданий. Истерика, правда, быстро закончилась, и за это стоило «благодарить» ошейник с его электромассажем.

Кое-как Мазаю удалось выяснить, что из четырёх человек — два парня и две девушки — выжила только моя знакомая. Пару, что сидела впереди, скосил пулемётчик головного бронированного джипа, а соседа Олеськи лотом добили из автомата в голову, так как тот был ранен в грудь и живот. Девушка выжила чудом — раненый прикрыл её собой, точнее, сразу два: девушка на переднем пассажирском сиденье и парень рядом с Олеськой. Короткая пулемётная очередь пробила сразу два тела и едва не достала третье.

Пулемётчик отстрелялся и покати́л дальше, оставив девушку в машине среди убитых. Почти сразу же рядом остановилась ещё одна машина, похожая на бэтмобиль из комиксов. Из броневи́ка вылезли двое, осмотрели легковушку, доби́ли раненого и вытащили Олесю, чтобы надеть электроошейник и спустя несколько минут, закинуть её к нам.

— Значит, его зовут Славиком? — спросил у неё Дед Мазай.

Та кивнула, подтверждая.

— И вы оба из Страховска? И зовут тебя Александрой, а не Олесей?

И вновь согласный кивок.

Мужчина посмотрел на меня:

— А ты не Славик и не из Страховска?

— Нет, конечно. Мазай, да понял я уже, что мы из разных параллелей, — вздохнул я. — Ясно мне всё.

— Молодец, — усмехнулся Мазай, после чего заговорил с девушкой. — То, что я тебе скажу, Саша, покажется фантастикой... хм... в общем, ты в параллельном мире, эдаком отстойнике, куда попадают люди из соседних миров, копий Земли по большей части. Но

есть и отличия, которые иногда едва заметны, а иногда буквально бросаются в глаза.

— Бред — не очень уверено ответила та. — Вы меня за дуру держите?

— Сервий, закатай рукава, — попросил мужчина меня.

— Зачем? А-а, понял.

Вместо того чтобы выполнить его указание, я полностью разделся по пояс, после чего протянул руки вперёд внутренней стороной вверх.

— Отличные трубы, браток, по ним спек, в тему, самое, то пускать, — вроде как похвалил меня Шприц. — Или герыч.

— Смотри, красавица, видишь ты следы от уколов наркотика? А ведь они не заживают, это не больничные инъекции.

Девушка с паникой в глазах смотрела то на меня, то на Деда Мазая, потом перевела взгляд на Шприца, который открыл рот, собираясь что-то сказать, но решил промолчать при виде кулака мужчины и его злых глаз.

— И фигуру его оцени. Разве может быть наркоман таким? Это же год тренировки, или даже больше. Вот когда ты видела своего знакомого? — поинтересовался Мазай у неё.

— Месяц... чуть меньше месяца назад. Он приходил ко мне домой с друзьями, кричал. Потом приехал наряд милиции и забрал его.

— Сервий, а ты здесь сколько?

— Да уж побольше месяца и до этого, Олесь, я тебя уже давным-давно не видел. Ушла ты в Москву на кафедру журналистики, где столичная красивая жизнь, тебе так вскружила голову, что ты про всех старых знакомых позабыла, — со вздохом произнёс я.

— Вы меня разыгрываете?! Всё это неправда! Не бывает параллельных миров! — внезапно она вскочила на ноги, сжала кулачки и закричала изо всех сил. — Не бывает!

— А военные, которые походя расстреливают гражданскую машину в центре страны — это, по-твоему, бывает, нормально всё, да? — холодно ответил ей Мазай. — В общем, сама решай признавать или нет, но всё так и есть.

— Зачем мы им? Зачем эти ошейники? — совсем тихо сказала она. Из девушки, словно, стержень вынули, она в один миг сгорбилась, опустила взгляд в пол и обхватила себя руками.

— На органы.

— Ч-что?! — неверяще переспросила она.

— Да на органы нас порежут через несколько часов. Чего не понятно, овца тупая? Мля, братва, она реально меня достала. Ей рот пора чем-нибудь заткнуть.

— Сам заткнись, — предупредил я его. — Ещё лишнее слово в её адрес и я тебе язык вытяну и вокруг шеи узлом завяжу.

— Чё? — вскинулся тот. — Кого ты заткнуть хочешь, а?

— Оба успокоились... кхм, все трое! Хватит тут склок, — повысил голос Дед Мазай. — Думать нужно, как выбираться отсюда.

— От внешников, редко кому удавалось сбежать, — угрюмо сказал Шприц. — Эх, а ведь у меня была пачка спека, держал до последнего, пока эти суки-краснопогонники не забрали себе его. И чё я, дебил, не вколол его себе?

— У тебя Дар какой? — поднял повторно вопрос мужчина.

— Два Дара у меня. Один — механику могу сломать, но только у себя на руке или нужно касаться её. Второй... второй всё равно вам не поможет, — угрюмо ответил Шприц на вопрос мужчины.

— Это мне решать, что полезно, а что нет, — оборвал его Мазай. — Ну, так?..

— Могу спек, да и любой наркотик определить — качественный или бодяга. Помогло?!

— Помогло понять, что использовать это не в наших силах, — хмыкнул мужчина. —

Так... Саш, ты у нас новичок, получается.

— Я? — спросила она.

— Да видно же, свежак, пользы никакой, — скривился Шприц.

Тут мне в голову пришла идея.

— А ты наши ошейники сломать можешь, Шприц? — спросил я у парня. — Тут же механика.

— Смог бы, будь времени побольше, или точно знал, где ломать самое слабое звено. А так, от этих разрядов вся концентрация сбивается, нужно каждый миллиметр прощупывать, проверять... не, пока меня так колбасит, то я такое не потяну. И сил у меня на столько попыток не хватит просто не просто.

— О чём вы? Какой Дар? — девушка с удивлением смотрела на нас, не понимая, о чем идёт речь и мне казалось, что она склоняется к мысли о розыгрыше.

— Потом, красавица, потом, — выставил ладонь в её сторону Дед Мазай. — выживем — объясним. Да и ты сама всё поймёшь, когда сама чем-то таким обзаведёшься.

— Главное не нимфой, а то грохнут за просто так, — осклабился Шприц.

— И нимфа хороший Дар, — возразил ему мужчина. — В любом женском стабе или вумэн-отряде, её примут с распростёртыми руками. Это, фактически, тихое оружие против каждого второго мутанта.

— Ы? — опешил тот. — Чё?

— Слухи ходят, что сильная нимфа, может заставить подчиниться на время не только мужиков из иммунных, но и тех заражённых, которые от мужского пола произошли, — пояснил ему Дед Мазай. — Представь, идёт группа рейдеров и натывается на элитника, царя горы на ближайших кластерах, и тут нимфа одним щелчком пальцев заставляет того...

Пока шло обсуждение Даров Улья, я обдумывал одну интересную идею и сейчас решил вмешаться в беседу.

— Стоп! — прервал я его. — Шприц, а сколько тебе нужно времени на использование Дара, если будешь знать точно место, куда его применить?

— Да, как бы, — он почесал затылок и ответил, — ну, несколько секунд точно. Или больше, если штука сложная.

— В наших ошейниках сложного немного, — ответил ему Дед Мазай и с интересом посмотрел на меня. — Сервий, ты что-то придумал?

— Придумал, — кивнул я. — Я могу определять уязвимые места... так-то в основном на мутантах, но и разок было на машине... ладно, это к делу не относится. Могу попробовать найти самую слабую точку в ошейнике, потом Шприц использует свой Дар поломки.

— А говорил, что стреляешь метко? — прищурился мужчина.

— Стреляю. Если я вижу слабое место, то завалю кого угодно. Даже танк куском арматуры в руках, — ответил я ему.

— Ну, попробовать можно.

— Сначала на мне! — тут же вылез вперёд Шприц. — Мой Дар, мне первому снимать ошейник!

— Не снимать, а отключать. Внешники тебе башку прострелят, да и нам за компанию, если увидят тебя без этого ожерелья, — возразил ему Дед Мазай.

После очередного удара электротоком я сосредоточился на поиске уязвимых мест на ошейнике Мазая.

— Есть! — радостно выкрикнул я и потянулся к предмету. — Ту... чёрт!

Очередная судорога заставила начать всё сначала, но я, по крайней мере уже знал, куда нужно смотреть. И за короткий промежуток между разрядами успел приложить ноготь к светящему пятнышку на ошейнике Мазая.

— Давай, Шприц, действуй, — сказал я. — Вот здесь самая слабая точка.

— Ну-у. — протянул он. — Ладно, попробую, но в следующий раз на моём ошейнике смотри, ясно?

— Ты этот сперва разряди, — ответил ему. — А то, может, только я один и могу пользоваться Даром.

Но нет, оказалось, не только я.

Шприц смог отключить ошейник на Мазая. Не с первой попытки, но смог.

— Ух, хорошо-то как! — с облегчением произнёс мужчина и покрутил головой. — Даже не верится, что эта пытка закончилась.

— А теперь на мне! Мне показывай! — занервничал Шприц. — Быстрее!

На себе отключить парень не смог — выдохся после нескольких попыток.

— Может, ты не там мне показываешь? — со злостью произнёс он. — Специально, сука?

Хрясь!

Я и так был на взводе, страшно было не только за себя, но и за девушку, а тут этот... это... эта тля такими словами разбрасывается.

— Сам виноват, — прокомментировал мою зуботычину Дед Мазай. — Тебя среди братвы не учили, что за словами следить нужно?

— Да пошли вы, — Шприц сплюнул кровь из разбитой губы на пол и отвернулся от нас. — Подышайте тут вместе со мной.

— Сервий, а ты точно ему показывал место на ошейнике? — поинтересовался у меня Мазай.

— И ты, Брут? — скривился я. — Да точно, точно. Может, он не способен воспользоваться даром, если не видит место приложения силы? Я вот, тоже не могу найти слабую точку на своём ошейнике, не вижу одного — не вижу другого.

— Хм, — призадумался тот, — а что, вполне рабочая версия. Сервий, а покажи-ка ты...

В этот момент машина стала тормозить.

— Это нехорошо, — нахмурился мужчина. — Очень нехорошо.

— Мазай, что нехорошо? — прошептал побледневший Шприц.

— Да всё. Похоже, пришла наша очередь.

В груди у меня появился комок холода. Невольно передёрнул плечами, облизал губы.

— Резать будут? — спросил я.

— Будут. А иначе с чего им тормозить. Наверное, пришло сообщение от разведки... какое-то.

— Какое?

— Да кто ж знает? — пожал он плечами. — Может, они нашли стоянку рейдеров, или свежий кластер поблизости перезагрузился. Да хотя бы большая драка случилась между иммунными и внешниками, как воронье решили налететь на свежие трупы, добить ослабевших победителей и забрать у мертвецов органы. А нас под нож — места

освобождают. Или я ошибаюсь во всём, и причина в чём-то другом.

К сожалению, он не ошибся.

Первой ласточкой наших неприятностей стало включение ошейников на постоянный разряд, который повысили. Глядя на наши выгибающиеся тела, с пеной на губах, рядом забился в корчах и Мазай.

— Девку хватай. Она полегче будет и нам док пообещал вернуть почти в товарном виде. Развлечёмся, пока он остальных резать будет, — услышал я глухой голос сразу после щелчка дверного замка.

С появлением в камере пары крепких парней в тяжёлой экипировке, сразу стало тесно. Один из гостей наступил на ладонь Шприцу, но даже внимания на это не обратил.

— А на винт ничего не наматываем?

— В первый раз что ли? — хохотнул его спутник. — Не ссы, эта гадость, в основном, через дыхательные передаётся. Ты местных баб можешь трахать без резинки, главное, чтобы не до крови, а то она как сифилис пролезет. Или СПИД. Но с резинкой спокойнее. У тебя есть?

— Ага, перед проходом сюда кое-кто посоветовал взять побольше, мол, девочки тут безотказные, но опасные.

— Это точно, как автоматы Калашникова! — заржал в полный голос первый.

— Да я и не думал, что это про мутантов речь идёт... щас ей ошейник отключу, а то дёргается сучка.

Два бойца подхватили обмякшую девушку под локти и вытащили из каморки.

— А ты что и без гандона с ними пробовал?!

— Я не совсем дурак. Только с рези...

Закрывшаяся дверь отрезала камеру от посторонних звуков. Вместе с уходом внешников вернулся в прежний ритм работы ошейник.

— Мрази! — я оттянул обод из прочного материала на шее, попытался тот разорвать. — Ненавижу! Убивать буду!

Я размаху ударил ногой в загудевшую дверь, ещё раз и ещё... и скорчился на полу от сильнейшего разряда электротока, который пробил всё тело до кончиков пальцев на ногах.

— Всё. Сервий, успокойся, — урезонил меня Мазай. — Так ты только себе хуже сделаешь.

— Почему ты не вмешался? — я со злостью посмотрел на мужчину. — Почему, Мазай?

— Ты предлагал мне наброситься на двух здоровенных вояк? У меня нет боевых Даров. И ладно, пусть я их свалил, убил, завладел оружием... дальше что? Кунг бронированный, открывается только снаружи, с улицы, в коридорчике напротив камер никто не сидит с ключами. Я смогу что-то делать, когда окажусь у врачей. Там не бойцы, охрана в процедурной, точно сидеть не станет, а уж с парочкой эскулапов мне будет легко справиться. Дальше уже по возможности.

— Что за возможность? — скрипнул я зубами.

— Смогу — помогу вам, нет — уйду один. Моя удача не бесконечная, рисковать и на неё надеяться постоянно, не могу, — пожал он плечами. — Девчонку твою постараюсь вытащить, это обещаю.

— За это, спасибо.

Следующим забрали меня. Опять мощнейший разряд от ошейника, опять судороги почти до беспамятства.

Более-менее, пришёл в себя в разделочном цеху (других слов не нашёл для этого места), находящемся внутри небольшого домика, стоящего внутри круга из машин.

Постройка удивляла до того момента, пока я не увидел блестящие штанги и цилиндры гидравлических механизмов. После этого, догадался, что эту новинку я видел в рекламном ролике про «технологии будущего», где огромный дом с полной внутренней отделкой, только без мебели, перевозился трейлером и самостоятельно раскладывался из параллелепипеда, размером с контейнер сухогруза.

Меня затащили в «предбанник», где срезали всю одежду, после чего солдат сменили два тела в белых резиновых костюмах, с дыхательными масками вместо шлемов. После этого перенесли и кое-как закинули на ледяной хирургический стол из нержавеющей стали.

— Здоров же, — пробурчал один из врачей, шумно дыша.

— Это ты слабый, давно сам-то штангу в руки брал?

— Нафига? Моё здоровье позволяет и без физических нагрузок нормально себя чувствовать...

Переговариваясь, они закрепили меня ремнями, после чего быстро сняли ошейник.

— С чего начнём?

— Катетер вставляй в вену, сначала кровь. Потом спинномозговую откачаем, а потом резать начнём.

— Уроды, — прохрипел я, обретя возможность говорить.

— Очнулся? — надо мной наклонился один из врачей.

— Может, его ещё разок шокером?

— А зачем? Кровь спустим и он сам отключится... так, что у нас тут...

— А если у него сверхспособность?

— И что? Из ремней никто ещё не выбирался, да и какая у него способность может быть, если его взяли разведчики? Такие к нам или не попадают, или попадают уже мёртвыми, после ракет дронов. А это так, мелочёвка какая-нибудь... хм...

Он взял меня за левую руку, несколько раз надавил пальцем на ямку в локтевом сгибе, провёл ниже.

— Ремень нужно передвинуть, не попадает игла, — сообщил он через минуту. — Мутант нестандартный, а ремни под девчонку установили перед этим.

— Что вы с ней сделали?!

— Максим, держи ему руку, а я сейчас ремнём займусь, — не обратил внимания на мой крик живодёр.

Один из врачей навалился мне на руку, прижимая ту к столу, второй щёлкнул застёжкой ремня.

Это был шанс, чтобы попытаться освободиться, и я активировал отвод взгляда.

На несколько секунд оба человека впали в ступор. Тот, что держал меня, обмяк, ослабил хватку.

Этих секунд мне хватило, чтобы вырвать руку из захвата и кулаком со всей силы ударить под маску, в горло. И тут же попытался вцепиться в шею второму, который был занят ремнём.

К сожалению, тот успел скинуть оцепенение и машинально дёрнулся назад.

— Что за чёрт? — удивился он.

В самый последний момент я разжал кулак и кончиками пальцев уцепился за маску, потянул на себя.

Тот упёрся руками в стол, чтобы не упасть на меня.

Несколько секунд длилось сопротивление, а потом крепления не выдержали, и маска осталась у меня в руках. Не ожидавший такого хода, противник отшатнулся назад и упал на пол.

— Не-е-ет!!!

Пока он кричал, а его товарищ хрипел, я успел снять ремни со второй руки, потом с тела, освободил ноги и спрыгнул со стола.

Пяткой в голову оглушил раненого, потом подошёл к визжащему врачу, который сидел на пятой точке и прикрывал лицо ладонями. При этом на одной ноте кричал:

— Не-е-е-ет!

Он так и выл, пока я не проломил ему висок кулаком, только за миг до удара отнял ладони и посмотрел снизу вверх на меня.

Хрясь!

Второму живодёру я перерезал горло скальпелем и тут же пожалел, что дал волю своему гневу — у кого теперь спрашивать, что случилось с Олеськой и где она сейчас находится?

Костюмы, в которых ходили врачи внешников, имели разбег размеров в пять, как по ширине, так и по росту. За десять минут я подогнал один из них под себя, после чего вышел в предбанник, и осторожно выглянул наружу сквозь окошко.

Чисто.

— С Богом, — прошептал я, после чего активировал незаметность и быстро вышел наружу.

История с беспилотником, который легко меня увидел и накрыл ракетой (точнее оператор, ну да не суть важно), показала, что мой Дар действует только на живые создания и бессилён скрыть от всяческих электронных глаз. Так что, если сейчас внутреннее пространство, где стоит домик-госпиталь, находится под наблюдением, то меня видят, именно потому я и озаботился костюмом. На экране, всяко больше сходства меня с любым из врачей, чем при взгляде вживую. Мой рост и комплекция, которыми я гордился ещё со школы, сейчас меня могут подвести под монастырь, если столкнусь с кем-то.

Кстати, а где все? Что-то совсем мало людей в округе. Один тягач с платформой, на которой таскает домик в сложенном состоянии (любят же они комфорт, или в обычном кунге не создать всех условий для сложнейшей операции?), два бронированных «КамАЗа», один трёхосник незнакомой конструкции, немного больше, чем отечественный грузовик, в нём нас держали до операции, два бронированных джипа, похожих на «Тигры» и один, вообще незнакомой конструкции, который Олеся назвала бэтмоби́лем. И одна двухосная, размером с ГАЗ-66, но внешним видом похожая на уазик-буханку, с вытянутой вверх, метров на семь, телескопической антенной-трубой. Кашэ́мка, наверное, туда я загляну перед самым уходом.

В каждой машине, кроме командно-штабной, из верхнего люка — даже в арестантском такой имелся, только в задней части кабины, где у дальнобойщиков стоит кровать — торчал боец, с пулемётом на станке. И всё, больше ни единой живой души.

Только вспомнил девушку, и у меня защемило в груди.

На земле, изрытой тяжёлыми «зубастыми» покрывками армейских машин, никаких следов прочитывать было невозможно.

Пришлось действовать наугад.

Подошёл к первому «КамАЗу» и ударил дважды кулаком по задней двери.

— Керый, наконец-то ты пришёл, мы уже решили тебя не ждать и пустить мутантку на полшишечки... что? А?..

Открывший мне дверь боец, застыл на несколько мгновений, дав мне все возможности, чтобы быстро и тихо с ним разобраться.

Длинная полая трубка из нержавеющей стали со скошенным острием вошла с такой силой ему в подбородок, пробив толстую резину маски, что согнулась, когда воткнулась в теменную кость. Втолкнув труп, который ещё продолжал моргать, внутрь машины, я влетел следом.

Внутри сидели на скамейке у правого борта трое, ещё один торчал слева. Под ногами троицы лежала Олеська, и один из внешников тискал ей грудь ладонью, стянув ради этого дела защитную перчатку.

Лицо у неё было обмотано бинтом, точнее переносица и лоб.

Зарывав и чуть не потеряв концентрацию, я наотмашь полоснул хирургическим тесаком ближайшего по шее, ударил коленом в голову второго и навалился на урод, который посмел прикоснуться к моей девушке.

Пытаясь сосредоточиться на происходящем в тесном объёме кунга, внешники раз за разом попадали под воздействие моего Дара. Они не просто меня не видели, а теряли сосредоточенность, так как постоянно их взгляд падал на меня.

За десять секунд я нанёс несколько ударов, разрезав кому шею, кому лицо.

— Что за шум? — в открытую дверь заглянул очередной враг. Наверное, тот самый Керый, которого ждала вся дружная компания извращенцев. — Охренеть... Тре!..

И поперхнулся брошенным тесаком, который ударил его в прозрачное стекло маски. Убить не убил, но стекло треснуло, а это значило только одно — заражение. Вояка повёл себя совсем по-другому, не как врач, который чуть сам с ума сошёл, когда понял, что вдохнул заражённый воздух. Этот парень тут же потянулся за пистолетом, одновременно заорав:

— Тревога!

Меня он не видел, но хватило вида окровавленных товарищей, бьющихся в агонии.

Мой бросок дал всего несколько секунд, которые я потратил на то, чтобы поднять автомат — знакомый АК-74М, валяющийся на полу рядом с лавкой, сдвинуть переводчик вниз и нажать на спуск.

Знакомые по нашим страйкбольным игрищам, те, кто побывал в горячих точках, рассказывали, что там оружие почти всегда готово к бою. Либо переводчик снят с предохранителя и остаётся только дёрнуть затвор, либо патрон уже в стволе и переводчик огня поднят вверх до упора.

Я надеялся, что местные вояки тоже ценят своё время и жизни, и не желают тратить лишние секунды, от которых может зависеть их жизнь, на следование правилам уставов и наставлений.

Так и оказалось.

Автомат забился в руках, выпуская длинную очередь. Пули выбили искры из двери, толкнули в грудь внешника и унеслись дальше.

Дальше. Быстрей. Движение — жизнь и свобода.

Перепрыгнув через внешника с разрубленной переносицей, который мало что сейчас соображал, я подскочил к люку и снизу вверх высадил остаток магазина в пулемётчика. Пули прошли под фартуком бронезилета и вошли в них живота, пах и бёдра солдата.

Дальше. Дальше!

Скинул пустой автомат и взял другой, добив раненых тесаком, я выпрыгнул наружу и

метнулся к «КМШке», потом обозвал себя дураком и бросился назад, чтобы забрать несколько фанат из разгрузки мертвецов.

Если и есть здесь камеры, то выведены они на мониторы командирской машины. Оператор может по гарнитуре вести стрелков, указывая куда стрелять из пулемётов. И тут отвод глаз может спасовать, даже находясь в прострации, стрелки могут вести ствол пулемёта и давить на спуск.

Эх, люка на КШМ нет, какая жалость. С каким бы удовольствием я закинул два зелёных яичка, перед этим освободив чеку от колечка.

Из второго «КамАЗа» выскочили пять солдат, разбежавшихся по пяточку стоянки. Взревели моторы джипов, пулемёты уставились в сторону медицинского домика. Правильно понимая, откуда может исходить опасность, стрелки мигом взяли её источник на прицел. Два пулемётчика — на втором «КамАЗе» и на автозаке, развернули стволы на внешнюю сторону периметра.

Вот только это никак не помогло мне добраться до сидящих в салоне главной машины. Автоматные пули, явно её не возьмут, противопехотные гранаты, на которые я так надеялся, тем более. Впору расстроиться и начать скрипеть зубами, но тут в нашу сторону сунулся бэтмобиль, из люка которого торчал ствол внушительного калибра.

— Да! Есть Бог на свете! — зло оскалился я.

Прицелившись, я дважды выстрелил в пулемётчика, потом пользуясь тем, что скорость у машины оказалась невелика и на броне хватает скоб и углов, за которые можно ухватиться пальцами, заскочил на крышу броневика.

— На! И ещё!

Кидая фанаты в люк, я совсем не думал, что может сдетонировать боезапас в салоне. Злость и отчаяние не давали обдумать свои ходы, действовал на инстинктах, экспромтом. Но вот когда изнутри броневика, через бойницы, вылетели осколки, искры, повалил белый дым и неслабо вздрогнул корпус подо мной — мигом дошло.

Пулемётчик был пристёгнут ремнями, и занять его место без существенной траты времени, у меня бы никак не выходило. Пришлось приспособливаться лёжа на крыше и, частично, на покойнике. Правой рукой нащупал гашетку, левой взялся за короткий приклад. Никогда бы не взялся стрелять из такого положения и из незнакомого оружия, если бы не ситуация цели на расстоянии «можно доплюнуть» и оружие было приведено к бою его покойным хозяином. И...

Та-да-да-тада-дах! Та-да-да-тада-дах!

Первая же очередь в одно мгновение оглушила, сбила концентрацию, и я на короткое время предстал перед чужими взглядами.

Зато вражеской машине, прилетело по полной. Две очереди, примерно по пять патронов каждая, насквозь продырявила кашэмку, досталось салону и кабине.

Та-да-да-тада-дах!

Следующим стал один из «КамАЗов», точнее его кабина, где увидел шевеление сквозь бронестекло.

А потом из джипа прилетело мне в ответ и пришлось спрыгивать на землю и прятаться под пеленой Дара. Автомат потерял, но нашёл новый, отобрав у одного из бойцов, а самому сломав шею пинком.

И начались кошки-мышки, которые завершились моей полной победой.

Оба джипа я взорвал — сначала гранаты под колёса, потом сквозь люк в салон.

Расстрелял пулемётчиков на автозаке и втором грузовике. Прикончил всех пехотинцев и добил двух человек, которые были ранены в КШМ и решили выбраться наружу, видимо, за помощью. У одного, крупнокалиберная бронебойная пуля, практически напрочь оторвала руку, только экипировка и не давала отвалиться куску мяса с костями, вот во что превратилась левая конечность выше локтя. У второго, мелкими осколками посекло маску и лицо и, ко всему прочему, оба были контужены, судя по их поведению.

И на этом победы закончились. Тягач и второй «КамАЗ» ушли.

— Живы?

Дед Мазай и Шприц посмотрели на меня, как вернувшегося с того света.

— А мы думали, ты уже того, — Мазай pokrutil перед лицом ладонью. — Ты там гремел?

— Угу, — кивнул я. — Управлять грузовиком кто может?

— Я.

— Я.

Оба ответили слитно, но Шприц тут же схватился за шею.

— Блин, — простонал он, — с этой штукой из меня водила паршивый. Снять бы её.

— Потом, всё потом. Сначала убратсья нужно, пока сюда подмога внешникам не пришла. Повезло, что основной отряд куда-то ушёл, здесь даже взвода не было, считая и водил, — ответил я ему. — Мазай, ты за руль этого грузовика и куда-нибудь назад рули.

Всё-таки, меня зацепило, а я не заметил ранений в пылу боя.

То ли, тот пулемётчик с джипа, первой же очередью накрыл меня на крыше бэтмобиля, то ли, кто-то из пехоты постарался. А может, банальный рикошет — учитывая наличие полудюжины бронированных объектов на крошечном пяточке, пулям было от чего отлетать.

В итоге, у меня оказалась рваная рана на спине и дырка в левом бицепсе. К счастью, пуля лишь пробороздила кожу вдоль лопаток, с виду, всё страшно и крови много, на первый взгляд, но после перевязки, почти никакого дискомфорта не ощущал. Больше беспокоила дырка в руке, но и к ней привык. Плюс, помогли обезболивающие из аптечки, которую отыскал Дед Мазай.

Но всё гораздо хуже, обстояло с Олеськой, точнее, с Сашей... чего уж теперь — пора привыкать к новому имени. Повязка на её лице скрывала два жутких кровавых провала на месте глаз.

Сейчас, девушка сидела рядом с Мазаем в кабине и ничем не отличалась от куклы: безвольная, неподвижная, молчаливая.

А я даже не мог побыть рядом, успокоить, что-то сказать, обнять. Вместо этого торчал в люке с пулемётом, иногда посылая короткую очередь в сторону погони.

Внешники сели нам на хвост через десять минут, после того, как мы, на бронированном грузовике, покинули разгромленную стоянку. Первого же дрона, которого оператор с великой наглостью хотел подвести чуть ли не на голову нам, я снял двумя очередями. Десяток дешёвых пулемётных пуль сняли с неба аппарат, стоимостью в миллионы. Второй БЛЛА, я повредил с полукилометровой дистанции, подловив оператора, научившегося осторожности.

Следом испятнал бронестекло на двухосном небольшом броневице и повредил автоматическую спарку из пулемёта и гранатомёта на крыше.

И сейчас, погоня держалась в четырёх сотнях метров, иногда пытаюсь поймать нас в прицел пушек и пулемётов двух бронемашин и мощного «тайфуна».

— Сервий, спустись вниз! — крикнул снизу Дед Мазай, когда я покинул боевой пост, он указал левой рукой вперёд. — Глянь, никак чернота впереди или меня глаза подводят?

— Она самая Мазай.

До чёрных кластеров было ещё километров шесть, которые мы проскочим за несколько минут.

— Загнали-таки, суки, — мужчина со злостью ударил кулаком по рулю.

— Ещё не всё потеряно. Есть тропы в ней, можно пройти или проехать.

— Машины глохнут, Сервий. И людям тяжело там приходится. Придётся бросать всё и уходить пешком.

— Я проведу!

Мазай молчал несколько секунд, потом покачал головой:

— Нет, не пойду я туда. Страшно мне, Сервий. Это же чернота! Да и девчонке туда, даже близко не стоило бы подходить. Она же новичок, её там ломать будет не по-детски. Умереть может.

— Я знаю тропу.

— Ох, и упрям же ты, — покачал головой он. — Как знаешь. Со своей жизнью сам

разбирайся, с её... он посмотрел на безучастную девушку, привязанную ремнём к креслу, — её жизнь тоже в твоих руках. Может, так лучше будет. Ты же сам понимаешь, что шансов мало, что у неё иммунитет.

— Сам, значит, сам.

Дед Мазай прибавил скорости, чтобы получить фору для последующего бегства на своих двоих. Я вернулся в люк и не жалея боеприпасов и пулемёта, открыл огонь по врагам, заставив их увеличить дистанцию между нами.

Машину бросили совсем рядом со стеклянным кластером, в который упиралась грунтовка. Шприц и Дед Мазай бегом умчались в поля, заросшие молодой осиновой и березовой порослью, к далёкому лесу, чернеющему в нескольких километрах от дороги.

Шанс спастись у них есть: беспилотники внешников выведены из строя, местность неровная, изобилует канавами и балками, кое-где деревья вымахали настолько, что снести бронированным носом машины не выйдет, плюс, только вечереет и из-за нагретых солнцем стволов, приборы бесполезны, что тепловизоры, что «ночники». Шанс уйти у них есть. Но лишь шанс.

Рисковать девушкой я не желал. Да и двигаться с ней на руках, среди густых зарослей, не смог бы, выйти же на открытое место — верная смерть под пулемётами внешников.

Потому осталась на мою долю, только чернота.

Минус был и здесь: если на долю моих товарищей досталась густо заросшая местность, то мне придётся идти, почти по ровному полю, и лишь высокая густая трава да редкие мелкие берёзки высотой с мой рост, могли прикрыть от чужих взглядов с дороги.

Пришлось бежать, чтобы успеть отойти хоть на пару сотен метров, пока до брошенного грузовика доберутся враги. Из оружия, взял только пистолет незнакомой конструкции с надписью слева под стволом на рамке ПЛ-14, запасной магазин и большой нож с причудливым клинком и резиновой шершавой рукояткой, две фляги с водой, аптечку и всё. Хотелось прихватить пулемёт, но мне предстояло нести Сашу на руках и лишние десять килограммов, сказались бы на мобильности.

— Ну, погнали, — подбодрил я сам себя и рванул по полю в сторону черного кластера, до границы которого Мазай не доехал метров сто.

Тропу я нашёл не сразу, лишь отмахав пару километров вдоль границы нормального кластера и мертвого, увидел светящуюся стёжку среди чёрной ломкой травы и кустарника.

Мысленно перекрестившись, я шагнул вперёд.

Где-то позади рычали двигатели бронемашин, раздавались выстрелы, но далеко. Кажется, внешникам в голову не пришло, что найдётся чужак, что согласится пойти в это проклятое место. Или они меня увидели, но посчитали, что я никуда не денусь на открытом месте, прижатый к мёртвому кластеру. Может даже подумали, что такая явная ошибка, это, не что иное, как попытка увести погоню за собой. Бог весть, мне им в головы не залезть. Но как бы то ни было, то, что они не беспокоят, мне на руку.

Через два десятка шагов девушка у меня на руках застонала и задёргалась.

— Тихо, тихо, — я остановился и опустился на колени, — О... Саш, всё хорошо, скоро будем в безопасном месте.

Второй приступ случился с ней через сто метров от границы. Девушку, словно, изнутри ломало или она пыталась найти опору, которую так и не находила.

Через час она начала кричать и вырываться из рук.

Через два часа она затихла. С испугом я прикоснулся к её шее кончиками пальцев и не

сразу уловил биение пульса.

— Жива, — произнёс я, когда ощутил дрожание жилки. — Саша, держись, пожалуйста. Очень тебя прошу — держись. Нам чуть-чуть осталось, немножко. А глаза у тебя излечатся, тут всё лечится, место здесь такое.

В наступившей темноте я ориентировался только с помощью Дара, который чертил светящуюся тропинку впереди меня.

Чернота была сверху, под ногами, слева, справа.

Когда исчез противный хруст — этот момент я не сразу заметил. И только поправшаяся под ногу кочка, из-за которой я свалился на землю, заставила выйти из того транса, в который я сам себя загнал.

Падая, успел покрепче прижать к себе девушку и развернулся боком. И тут вдруг почувствовал, что подо мной не ломкая стекляннистая масса, а сочная, немного колкая трава.

— Саш! Сашенька! Саша, слышишь меня? Мы дошли! Мы вышли! Теперь всё будет хорошо!

Ответа я не получил. Немного успокоился, только убедившись, что девушка дышит и есть пульс. Попробовал напоить её, но лишь всю облил водой.

Что делать — я не знал. Будь под рукой белая жемчужина, которая спасла меня от заражения, то попробовал бы заставить Сашу её проглотить, да любую бы жемчужину дал, может быть, это встряхнуло бы организм.

Опять поднёс к губам девушки горлышко фляги, вылил тонкой струйкой воду, но никакой реакции на это не случилось.

«Живчик бы, да где его взять?», — вздохнул я про себя.

Хоть бери и поднимай шум, чтобы приманить тварей. Будь я один — сделал бы, но рисковать девушкой...

Да и спирта у меня всё равно нет, не в чем растворять. Сосать живую споран, можно только от полной безнадёги, или умирая в корчах. В любом другом случае — это хуже, чем пить вместо утреннего чая полынный отвар. Хотя и здесь не без отличий, кому-то споран не кажется гадостью, кто-то живчик пьёт, как нектар. К слову, от этого и пошло одно из названий. А другим хоть с чем мешай — гадость гадостью.

Сидеть на месте не стал. С умирающей девушкой на руках, такое промедление может оказаться критическим. Вдруг, тут холм какой-нибудь поблизости и за ним скрывается стаб или старый кластер, где сильных тварей нет, зато хватает алкоголя, продуктов и слабых мутантов?

Блуждать в темноте, было не самой лучшей идеей.

Это я понял, свалившись в воду. До момента, пока под ногой не оказался провал, я ничего не видел. Спокойно прошёл по высокой траве, на ощупь продрался сквозь кусты спиной вперед, чтобы прикрыть Сашу и вдруг, вместо твёрдой почвы, нога ловит пустоту, и я сразу же начинаю падать. Ужаса добавил и тот факт, что падал я на спину.

Полёт продлился недолго и уже через несколько ударов суматошного сердца, я с громким плюханьем, погрузился в воду.

Несколько секунд я мало что соображал от шока.

Махал руками, ногами, плевался водой, попавшей в нос и рот... пришёл в себя от мысли — Сашка!

На наше общее счастье, глубина оказалась совсем небольшая, чуть выше пояса, с учётом того, что ноги глубокого ушли в ил.

Когда вытащил девушку на берег и перевернул на живот, намереваясь похлопать по спине на тот случай, если она наглоталась воды, она на короткое время пришла в себя. Закашлявшись, она с трудом произнесла:

— Где я? Что... происходит?

— Ол... Саша! — обрадовался я. — Ты очнулась!

— Кто? Ты кто?

— Та... Сл... Сервий, ты меня знаешь. Мы с тобой сидели... Саша?

Но девушка меня не слышала, вновь отключившись.

Дальше идти, я передумал. Только чудом повезло, что берег оказался низким, и я упал в воду, а не в карьер какой.

Рядом с водоёмом я просидел до самого рассвета и с первыми лучами солнца стал узнавать местность.

Каким-то чудом, я вновь оказался в том самом отстойнике, где сражался с сектантами несколько дней назад. С другой стороны, если подумать, то ничего чудесного и нет. Тот язык черноты протянулся на изрядное расстояние среди стабов и обычных кластеров, ничего удивительного, что я сначала попал в этот самый язык, а потом, по тропе вышел в, так сказать, Глаз Черноты. Возможно, он единственный на сотни километров мёртвых земель и все тропы ведут сюда.

— Саш! — я легонько прикоснулся к плечу девушки, — утро. Нужно вставать.

Никак не прореагировавшую на это девушку, я поднял на руки и пошёл в сторону старой клиники для душевнобольных. Там, среди оставленных трофеев, есть продукты, оружие и самое главное — живчик, без которого я слабею с каждым часом.

Девушка пришла в себя на полпути. Тут же потребовала отпустить её, но оказавшись на земле, идти не смогла. Потом у неё случилась истерика, когда она вспомнила про вчерашние злоключения. Никакие мои слова, что зрение скоро вернётся, она не слушала. И когда её накрыло в очередной раз беспмятство, я посчитал это за благо.

К моменту, когда оказался у знакомого здания, обнесённого кирпичной стеной, я вымотался так, что едва держал на руках Сашу, да и сам еле-еле держался на ногах.

Моя надежда разжиться живчиком и взбодриться, лопнула, как мыльный пузырь.

— Тварь! Убью суку! — не сдержался я, обманувшись в ожиданиях.

Элитник, а никого больше я не знаю, кто подошёл бы на роль вандала, выломал двери в камеры, где я спрятал трофейное снаряжение. И ладно бы выломал, убедился, что кроме запаха от меня больше ничего нет, и после этого ушёл восвояси, так ещё взял и разломал всё: оружие, снаряжение, разнёс на клочки продуктовые пайки и смял все ёмкости вроде консервов и фляг, разбил всю стеклянную тару.

Самым сохранившимся оказались боеприпасы, но что толку от них, когда к ним нет нормального «ствола»? Хотя, для своего пистолета, взятого с тела внешника, я нашёл в мусоре полсотни патронов.

Была идея оставить девушку в одной из камер и сбегать сначала до подстанции, потом на военный радар, посмотреть что-то полезное там. Хотя бы оружие, ведь переродившимся оно не нужно, сектанты тут сами гостями оказались, случайно отыскав проход незадолго до нападения на меня. Да и сухпайки там должны быть, а они и вовсе вечные, если в пластик запаяны. Не думаю, что элитник и там поработал своими загребушими лапами, повода крушить всё на радаре, у него не было.

Сбегал бы, да страшно оставлять Сашу одну. Вдруг, в этот момент, на огонёк заглянет та

тварь?

«Или пусть заглядывает? Заодно разживусь горохом, споранами... Да и жемчуг в таком чудовище должен быть, и немало», — тут же пришла другая мысль.

И я стал готовить для встречи с тварью собственное поле боя. Схватка должна начаться и завершиться в коридоре второго этажа. Всего два прохода оставил открытыми и один из них, был разнесён ещё в прошлый раз. Это был оконный проём в директорском кабинете.

В палатах, где имелись окна, в процедурных кабинетах, я вытаскивал из рам стекло, из кладовки и лазарета — стеклянную тару, вплоть до ампул с просроченными лекарствами. Всё это, кроме ампул, колот и рассыпал по коридору осколки к осколку, чтобы пол был полностью скрыт. Рассчитывать, что монструозная тварь повредит ноги, даже не собирался, зато такое стеклянное крошево, под ороговевшими стопами элитника прозвенит ничуть не хуже, чем сигнализация ЧОПа. Во всех прочих местах, где мутант может проникнуть в коридор, минуя моё стекло, я сложил старые каталки, подставки для капельниц металлические и стеклянные утки, которые не смог разбить, и всяческий громоздкий хлам, которого в старой больнице, имелось с избытком. Укладывал так, что достаточно было лёгкого толчка, и вся конструкция обязательно завалится.

Несколько раз за время работы, навещал Сашу, проверяя, как она себя чувствует. Один раз смог её привести в себя и напоить водой. Воду она выпила с жадностью, опустошив фляжку до дна, но жажда у неё так и не прошла. Сейчас ей нужен живчик. Мысль, что она может оказаться заражённой, гнал от себя подальше. Только не она, только не сейчас. Я уже несколько лет, как смирился с тем, что потерял свою Олесю и вдруг встречаю её в этом мире, пусть и под другим именем. Ещё раз потерять её, не смогу.

Напившись, она вновь потеряла сознание, я же, закрыв дверь в её палату и забаррикадировав вход всем, чем только можно, отправился на крышу.

— Я обещал вернуться и вот я здесь! — во всю мощь лёгких прокричал я и следом дважды выстрелил из пистолета в небо. — Сюда, сволочь, живее!

Надеюсь, если не голос, то уж выстрелы-то мутант должен услышать. Слух, у заражённых неплохой, как и все прочие органы чувств. И если он голоден, а такой горе мышц требуется немало энергии, то просто обязан сканировать всю местность. Главное, чтобы в ближайшие дни после моего ухода, не было перезагрузки на радаре и подстанции.

Ждал элиту в коридоре, ровно посередине между двух входов, которые я оставил для этой бестии. Не хотелось бы испугнуть, если у той мозги хоть немного работают. Всего один свободный проход, когда все прочие забаррикадированы — это может и насторожить. Два же входа — уже что-то. Перестраховывался? Да, не без этого. Принято считать, что все заражённые поголовно тупы, у элиты же, работает не столько интеллект, сколько опыт и невероятно развитые паразитом животные инстинкты. Но я готов лучше принять противника равным себе по соображаловке, чем спугнуть, и попасть под планомерную осаду.

Ожидание затянулось на несколько часов. В один из моментов, я не выдержал и решил пройтись по коридору из конца в конец, не обращая внимания на стекло под ногами. Когда оказался напротив кабинета директора, то обомлел — мутант, которого я столько жду, уже прошёл практически весь путь от окна до дверного проёма. Без звука прошёл по полу, заваленному битым стеклом и ампулами, которые взрывались под моими подошвами при проверке не тише, чем детский пистон!

Столкнувшись взглядом с элитником, я с неприятным удивлением различил нечто похожее на досаду у него. И это в глазах у твари, которая признана безмозглой!

Действовать мы начали одновременно.

Я активировал Дар, отпрыгнул в сторону и вскинул пистолет на уровень глаз. Мутант оттолкнулся от пола и буквально распластался в воздухе, вытягивая лапы в мою сторону.

Пара секунд дезориентации твари обеспечено.

Когда враг пролетел мимо, я успел навести красную нить на «зайчик» на его затылке, и дважды надавил на спуск.

С чудовищным грохотом тяжёлая туша влетела в стену напротив кабинета и забила в судорогах на полу. С не меньшим шумом, секундой позже, я упал на собственную сигнализацию, сильно разрезав левую ладонь, которой упёрся в острые зазубренные осколки.

Только через несколько мгновений, в течение которых я приходил в себя, появилась острая боль в правом бедре.

— Ох, мать!.. — охнул я, увидев поток крови, который вырывался из ноги чуть ниже паха. Ударь коготь мутанта немного выше и сейчас бы я наблюдал собственные кишки. К моменту, когда ремнём перетянул ногу, кровью было залито несколько квадратных метров вокруг, а в глазах стало темнеть.

«Живчик... левую руку за флягу с живчиком», — успел ещё я подумать, прежде чем потерял сознание.

В сознание пришёл достаточно скоро. По крайней мере, когда с помощью куртки крепко перетянул рану и ослабил жгут, то нога вскоре обрела чувствительность. Не успела омертветь.

С ножом в руках подступил к мутанту и с трудом смог разрезать споровой мешок. Не столько прочным был он, сколько я сам чуть живой.

Содержимое меня разочаровало сильно. Внутри нашлась всего лишь одна мелкая жемчужина тёмно-красного цвета. Сам янтарь какой-то блёклый, словно, старая паутина, на которую чуть-чуть грязно-жёлтой пыли сыпанули. Ни споранов, ни горошин, не было и в помине.

Подобрав штатив для капельницы, и подволакивая раненую ногу, я вернулся к Саше. К этому моменту девушка вновь очнулась и даже смогла на ощупь найти дверь, возле которой я её и нашёл.

— Сашенька, Кошка, слышишь меня? — я кончиками пальцем прикоснулся к её щеке. — Саша!

— Что? — слабо отозвалась она. — Кто здесь?

— Я Сервий. Лекарства принёс, — вспомнив, как меня тянуло каждый раз, как касался или смотрел на жемчуг, я приложил к её губам жемчужину. — Глотай... умница. Вот вода.

Красный шарик исчез у неё во рту в одно мгновение.

— Это что? меня горячо стало... здесь, — она положила ладонь себе на живот в районе солнечного сплетения. — Уже прошло.

— Это лекарство. Должно помочь.

Сказал и... кажется, незаметно для себя отрубился. Очнулся от вспышки в боли в ноге.

— А-а!

От моего дикого крика, неуклюже дёрнулась в сторону Сашка, которая до этого момента, ощупывала меня.

— Сервий, это ты?

— Да... блин... я — переводя дух, ответил девушке. — Как ты?

— Я? — она горько усмехнулась. — Просто супер, учитывая, что я теперь навсегда слепая уродина. Ты почему кричал и что у тебя там... липкое такое, ты тоже ранен? Серьёзно?

Меня обдало чувство умиления, по-другому и не описать, когда я почувствовал тревогу и заботу в её голосе.

— Ерунда, небольшая рана, считай царапина, заживёт как на собаке.

— Ах, ну да.

— Саш, не волнуйся, пожалуйста. Всё будет хорошо, веришь?

— Нет! — резко ответила она и тут же смягчила тон. — Извини, я не хотела тебя обидеть.

— И с глазами всё будет нормально. Ты повязку не снимала? Не нужно, а то инфекция может попасть.

— Там у меня всё печёт, очень неприятно и больно. И дёргает что-то внутри, в глазу... где левый глаз был.

Чёрт, чёрт, чёрт! Как мне её успокоить? Да скажи мне кто несколько месяцев назад, что у меня заново вырастут глаза, послал бы злого шутника далеко и надолго, да ещё попытался бы нащупать его горло. Одно только радует, и это то, что отношение, девушка, ко мне поменяла. Не дёргается, не отшатывается от меня с испугом, не кричит «чтоб ты сдох, Славик».

— А тошнота, головокружение, неустойчивость?

— А сам как думаешь? — вспыхнула она. — Тебе бы оба глаза вырезали почти без наркоза, чтобы чувствовал сам, а?

— Извини, не хотел.

Девушка замолчала. Через несколько минут окликнула:

— Сервий... Сервий, да?

— Да, — кивнул я и тут же мысленно обругал себя за этот жест.

— А откуда такое странное имя? Тебя родители так назвали?

— Не совсем. Крёстный это. До этого Тарасом звали... — и прикусил язык.

— Тарасом? Славик?! — отшатнулась от меня Саша. — Вспомнила, тебя тот мужчина в камере звал так!

— Саша, Саша, успокойся. Я сейчас всё поясню. Никакой я не Славик, как и ты не Олеся. Но мы друг друга знаем очень хорошо, точнее, знали свои копии, — торопливо заговорил я. — Ты слышала что-нибудь про параллельные миры?

— Слышала. И ты сейчас скажешь, что мы в параллельном мире? — с сарказмом ответила собеседница. — Бред!

— А ты слышала, чтобы у тебя военные, вот так запросто, расстреливали бы гражданских на дороге, а потом резали на органы? Наверное, если бы было так, то никогда твои знакомые не остановились бы перед колонной.

— Может, они всё тихо делают, без свидетелей, вот никто и не слышал.

Быстро же она пришла в себя. С одной стороны, хорошо — она точно иммунная, правда, жемчужина лишь на время дала ей бодрости, в борьбе с лихорадкой Улья, хорошо помогает только живчик и рассасывание споров. С другой стороны, мне сейчас так паршиво, что никакого желания нет спорить и рассказывать о месте, куда она попала. Но не отталкивать же девушку сейчас, когда только-только понимание пришло между нами.

— Хорошо, зайдём с другой стороны. Вы давно ехали на машине, случайно, не

заблудились? Катили да катили себе, ничего знакомого, мобильники не ловят, попуток не видно. А?

Девушка молчала.

— Вот-вот. Сама всё понимаешь, но в силу вредности, не желаешь признаваться.

— Я не вредная!

— Хорошо-хорошо, это я, не подумав, сказал, — пошёл я на попятную. — Ты хорошая, милая и добрая.

— А в этом мире принято всех незнакомых людей убивать? — вдруг спросила она. — Как вы здесь живёте?

— Как везде. Просто ты попала в дикую местность, где человек человеку волк.

— Если так, то зачем ты меня спасал?

— Потому что ты для меня не чужой человек.

— Всё-таки, Славик? Неужели попав в другой мир, ты вспомнил про наши старые отношения? — горько усмехнулась она.

— Не Славик я! Не Славик! Не наркоман я. Саша... блин... Как же тебе объяснить-то...

— Нормальным человеческим языком.

— Я пытаюсь.

— Не вижу... не слышу, — в голосе у собеседницы проскочили истеричные нотки.

— Сашенька, Кошка, успокойся. Просто мы из разных миров, копии своих знакомых. Один и тот же мир, но с отличиями, вроде того, что в моём, ты была Олесей и мы любили друг друга безумно, потом расстались. А когда ты уехала в Москву поступать, там познакомилась с кучей нового народа, попробовала другую жизнь, более красочную, чем в нашей провинции, начала дружить с такими людьми, рядом с которыми все твои знакомые стали казаться серыми, и в итоге, у нас всё потухло. А у тебя меня звали Славиком, который стал ширяться и доставать тебя своими поступками, угрожать...

— А когда вы расстались? — тихо спросила девушка. — Мы... вы...

— Я понял. После армии я вернулся и узнал, что ты уехала в Москву. Я подался следом, тоже думал поступить на соседнюю кафедру, но, увы. А ты всегда была умничкой и решила стать журналисткой. Я как мог, крутился поблизости, старался быть похожим на тех, кто тебя окружает, с кем учишься и постоянно общаешься, но вновь, увы.

— И не нужно было так поступать, — вдруг сказала она. — Если мы любили друг друга, то любили теми, к кому привыкли, а ты стал одним из кучи, да ещё и в виде жалкой подделки. Извини, я не хотела обидеть.

— Я не обиделся. Наверное, ты права, — вздохнул я. — Полтора года я крутился в Москве и за это время, мы стали практически чужими друг другу. Плюнул и вернулся на родину.

— И Слава стал таким после армии. Он попал на войну, там пристрастился к наркотикам и вернулся в таком состоянии, что не мог жить без них. Сначала держался, даже ездил на лечение, но это очень дорого, мы не смогли столько набрать. Однажды, у него случился срыв, он разнёс всю квартиру, меня избил... и, в общем, мы очень быстро расстались. Я вернулась к родителям, он связался с компанией Пискли.

— Писклю тоже знаю, и у меня он был наркошей, только его посадили уже полгода как.

— А у меня умер совсем недавно. На железке его нашли, но непонятно — сам упал и расшиб голову, или поездом зацепило. Сервий...

— Что?

— А ты говорил, что мне глаза вернут. Это правда, здесь такое возможно? — с нескрываемой надеждой в голосе спросила Саша.

— Вернут. Месяца не пройдёт, как твои кошжины огоньки будут на месте, — как можно увереннее сказал я. Девушка помолчала, потом сказала:

— Знаешь, вот я слушаю тебя, и вижу Славика...

— Я...

— Не перебивай. Прежнего Славика, пока он не попал на войну.

Я почувствовал, что уплываю в темноту.

— ...ий! Сервий!

Почувствовал несколько ударов по лицу, причём не по щекам, а именно по лицу — куда придётся била, такое ощущение.

— Саша, всё, всё, я в норме, — я придержал маленькую ладошку с тонкими пальчиками, которые только что чуть не угодили мне в глаз.

— Да какой нормально! Ты полчаса в себя не приходил. И у тебя кровь не перестает течь. Где тебя так задело? Это совсем на царапину не похоже! Это тебя военные так?

— Нет, тут кроме них кое-кто другой обитает, — ответил я и зря, как оказалось.

— Кто? Слушай, если ты сейчас скажешь про разных монстров. Зону, инопланетян и мутантов, то я обижусь, ясно? Не надо меня за дуру принимать, — зло ответила девушка.

— Кхм...

И что ей сказать-то?

— Пошли.

— Что? Куда? — удивилась она. — Зачем?

Я с трудом поднялся на ноги, опираясь на стену, взял в руку штатив, который с честью выдержал мой вес по пути сюда, правую протянул девушке.

— Моя рука прямо перед тобой. Хватайся, — когда она оказалась на ногах, я сказал. — Хватайся за мой ремень со спины.

— Зачем? Почему не можешь вести за руку?

— Потому что в одной руке у меня костыль, а в другой пистолет. Тут без оружия опасно ходить и скоро сама... э-э, сама сможешь пощупать кое-что. Говорить не стану, не поверишь, пока не прикоснёшься.

— Хо-хорошо.

Возле мутанта я остановился, отгрёб в сторону кусочки стекла и сказал:

— Саша, опускайся на колени и вытяни руки вперёд. Нащупаешь кое-что, во что ты не веришь. Только осторожно — вокруг стекло битое.

— Что именно? — выполнять мои указания она не торопилась, даже ещё сильнее вцепилась в мой ремень, прихватив до кучи и штаны.

— Здесь лежит то, во что ты не хочешь верить — мутант. Ты его ни с чем не спутаешь даже на ощупь, ничего подобного в нашем мире нет, и не было.

— Не хочу, я тебе верю. Пошли назад, а то мне страшно тут стоять почему-то. И мне нехорошо.

— Да-да, пошли, — заторопился я.

«Только бы не зараза, только бы...».

Ночью нас трясло с одинаковой силой в палате. То я, то Саша теряли сознание, а очнувшись и видя партнёра без чувств, то сразу же начинали его тормозить. Я — потому что боялся потерять Кошку. Она — так как становилось страшно одной.

Утром нам стало ещё хуже, но меня радовало, что обращаться девушка не собирается.

— Нужно уходить, Саш. Вот только...

— Что? — напряглась девушка.

— Тяжело нам будет, двум калекам, выйти с этой территории, — вздохнул я. —

Несколько часов придётся идти по местности, где ты вчера сознание потеряла.

— А позвать на помощь? Неужели здесь все такие, как те военные?

— Здесь? Хм, здесь конкретно людей, вообще нет и попасть сюда, невероятно сложно.

Я потому и унёс тебя в это место. Кто знал, что та тварь сумеет меня задеть, да ещё чуть ли не полноги оторвать?

— Как?! Что у тебя с ногой? — всполошилась девушка. — Да это же... это же...

— Заживёт, тут если не убили сразу, то всё заживает. Главное, кушать и лекарство принимать вовремя, а вот с ним как раз, у нас всё плохо. С этим лекарством, я бы уже только хромал и только, мда.

— Сервий.

— Да? — я посмотрел на девушку.

— А этого мутанта, ну того, в коридоре... его кушать можно? — тихо спросила собеседница.

— Есть?!

— Ой, я не то сказала, забудь.

— Забыл. Но отвечу: есть нельзя. Не потому что, радиоактивный какой-то или весь в болезнях, просто он от человека произошёл.

— Что?!

Шах и мат мне.

Посчитав, что я над ней издеваюсь, девушка закатила истерику на полчаса. И откуда только силы на это нашла. Успокоил я её словами:

— Я знаю, где можно найти еду и машину.

— И вообще... а? Где?

— Тут неподалёку есть воинская часть, — заброшенная. Точнее, законсервированная и там, вполне может стать, есть работающая техника и запасы сухих пайков. Только нам двоим, туда придётся долго добираться.

— Дойдём, как-нибудь, — тут же позабыла о своих обидах девушка. — Ты будешь показывать, а я вести. На меня опирайся...

— Саша!

— Чего?

— Ты меня видела? Я же в три раза больше тебя, упаду — раздавлю.

— Жрать меньше нужно, — заявила та. — Кстати, мне немного лучше стало. А тебе?

Рану нужно перевязать.

— У вояк перевяжем. И мне получше, — соврал я.

— Так, а это уже очень паршиво, — сквозь зубы произнёс я, наблюдая за военным объектом.

— Ну, что там? Что? — подёргала меня за рукав Саша.

— Военные там.

Девушка вздрогнула и на миг тесно ко мне прижалась, после чего отпрянула и потянула в сторону с такой силой, что я чуть не упал.

— Пошли отсюда, пожалуйста, Сервий! Я не хочу к ним опять попадать!

— Тише, Кошка, тише. Это другие вояки, не те, от которых мы убежали. Они такие же, как мы с тобой — попаданцы в другой мир. И вскоре почти все умрут.

— Всё равно, пошли подальше. Умрут, и тогда мы к ним вернёмся, — настойчиво умоляла девушка. — Или ты хочешь им помочь?

— Помочь... вряд ли, от этого лекарства нет. Иммуниетет должен быть в крови, или очень редкое лекарство, которое невероятно сложно найти.

Я с девушкой спрятался рядом с прудом, в низинке, скрытой от посторонних глаз высоким кустарником.

С помощью штанов с завязанными штанинами и нескольких палок, даже сумел порыбачить и вытащить из воды полтора десятка чёрных рыбок, с невероятно большими головами. А уж пасти у них были — раскрывались настолько, что вдвое увеличивали размер туловища. На вкус вышли весьма неплохие, их белое мясо слабо пахло болотом, а после жарки на прутиках, и этот слабый запах исчез полностью. В качестве наживки, использовал... муравейник. Вдруг вспомнилась одна из как-то виденных краем глаза программ, в которой говорилось про мутную воду и рыбу, любящую в ней выискивать личинок и жучков.

Костёр развёл из сухих палочек, которые совершенно не давали дыма. Огонь получил экстравагантным способом: распотрошил один из пистолетных патронов, пулю выбросил, часть пороха высыпал в костёр, а гильзу заткнул кусочком ткани, после чего вставил искалеченный патрон в патронник и выстрелил. Хлопок был не громче, чем из мощной пневматики, из ствола же вылетел кусочек тлеющей ткани и куча искр. После этого мне оставалось только раздуть огонёк и подкинуть веточек и сухих травинок.

— Кошка, кушать будешь? — поинтересовался я у девушки, которая к моменту полной готовности рыбы, проснулась.

— А что есть? Рыба? — спросила она и тут же догадалась по запаху. — Какая?

— Без понятия, — я машинально пожал плечами. — Чёрная и с огромной пастью, сама меньше ладони.

— Чёрная? Ротан, наверное. У меня папа иногда приносил их, только кошкам всё отдавал, считал, что это совсем не рыба.

— Папка у тебя тот ещё рыбак, — согласился я с ней, — он может позволить себе выбирать рыбу на стол. А я этого ротана, впервые в глаза вижу, всегда карасей, да окуня с плотвой ловил, ещё карла с толстолобиком на рынке покупал, щуку...

— Сервий? — девушка взяла в руки прутик с насаженной жареной рыбой, но есть, не спешила, вместо этого обратилась ко мне.

— Да? Что такое? Давай я помогу тебе покушать, кусочки буду отламывать и передавать, что бы ты костями не подавилась, — предложил я, решив, что понял причину её заминки.

— Спасибо. Но я хочу другое спросить... вернуться обратно можно? К себе домой? В свой мир? Если есть проход сюда, то должен быть и обратно.

Я ответил не сразу, подбирая слова для короткого и понятного ответа.

— Саша, если проход и есть, то им лучше не пользоваться. В нас теперь живёт паразит, который распространяется по воздуху со скоростью ветра. Стоит тебе раз выдохнуть у себя после возвращения и начнётся цепная реакция заражения всего мира. От населения останется... да ничего не останется. Мы для своих родных миров, теперь хуже активированной грязной радиоактивной бомбы, в тысячи мегатонн. Вот так-то. Ты ешь пока тёплая, без соли, потом, эта речная рыба в горло не ползет.

Ела девушка молча, отказавшись от моей помощи.

После завтрака попили воды из пруда и даже немного подремали. Состояние немного улучшилось по сравнению со вчерашним, но без живчика, это ненадолго, уже к вечеру на нас опять накатит целый букет, с которым знаком любой любитель выпивки: тошнота, головокружение, боль и потеря координации.

Проснулись после полудня от звуков далекой перестрелки.

— Ты слышишь? — встревожилась девушка и указала рукой в сторону радара. — Там!

— Слышу. Это военные с заражёнными воюют. Кто-то уже стал обращаться и напал на своих бывших товарищей. Ну, а народ у нас воспитан на зомбятине, в курсе, что когда друг потянулся к тебе нечищеными зубами с целью отхватить кусочек помясистее и перестал реагировать на слова, то он уже и не друг вовсе, а самый настоящий зомби, и таким нужно стрелять в голову.

— А если укусят того, кто не переродился? Таким же станет?

— Нет, не станет, этот паразит и так в нас, только ему не удалось захватить мозг, как у большинства. Думаю, часа через три стоит наведаться на точку и посмотреть, что там и как. Выжившие, постараются укрыться поглубже в своих дотах и бункерах, а заражённые, станут разбредаться по окрестностям, можно будет нескольких из них прихватить и снять оружие, одежду, может, ещё что-то полезное будет в карманах. И машину присмотреть, авось, иммунным будет не до нас, и примут в форме за кого-то из своих раненых.

— Фу, — девушка сморщилась, — надевать одежду с зомби? Ни за что!

— Да не зомби это, не зомби. Они могут умереть точно так же, как ты и я от пули в живот. Просто обычные сумасшедшие, с повышенной агрессивностью. Вот через несколько месяцев они станут теми ещё машинами смерти, но нас в это время, здесь не будет.

— И всё равно, я — не надену.

М-да, сложно, всё-таки, с женщинами. Иногда, их логика выкидывает такие коленца, что мужской разум готов есть кактусы, лишь бы только отвлечься от попытки разобраться в чужих мотивациях. Такое чувство, что шутка о тараканах, в отношении женщин и не шутка вовсе, а вполне себе рабочая штука, и все закидоны исходят из тараканьих голов, чьи мысли транслируются в мозг представительницы слабого пола, вдобавок, попутно искажаясь.

Вышли в путь около пяти часов вечера и уже через час встретили уцелевших с военной точки.

Почти нос к носу столкнулись с парой молодых крепких парней в российском цифровом камуфляже, в тяжёлых бронежилетах, кевларовых касках и с автоматами в руках.

Точнее, один нёс автомат за спиной, а в руке держал пистолет. У второго, в руках был ручной пулемёт с примкнутой спаркой длинных магазинов, связанных скотчем. У первого бойца, левая рука отсутствовала чуть ниже локтя.

Первым среагировал я и успел наставить на них пистолет. Вторым вскинул оружие пулемётчик и самым последним среагировал однорукий.

— Что случилось? — прошептала Сашка, вцепившись в ремень.

— Ты кто такой? — следом за ней спросил пулемётчик.

— Ой! — пискнула девушка и прижалась к моей спине. Если она так решила спрятаться то, в самом деле — ой.

— А ты? — буркнул я. Раз сразу перестрелка не началась, то все шансы есть на то, что мы разойдёмся краями.

— Главное разведывательное управление, спецбат, — важно сообщил боец. — Теперь твоя очередь?

— А часть какая? Страна? Удостоверение имеется? Вдруг вы шпионы или война началась, и сейчас напротив меня стоят враги из десанта?

— Слушай... — влез в разговор однорукий. — Ты... как там тебя...

— Ладно, ладно, — я опустил пистолет, — пошутили и хватит. Я гражданский, по закону, вы меня должны защищать. Увидел радар и решил попросить помощи.

— Издеваешься? Ты ещё скажи, что с рыбалки возвращаешься, а это у тебя спиннинг телескопический.

— О-о, вижу собрата-рыболова! У тебя точно такой же дома имеется? А марка какая? А то у меня импортная модель и паспорт на китайском, ну никак не прочитать...

— Ты, млин, — заскрипел боец зубами. — Рехнулся, что ли?

За моей спиной зафыркала девушка.

Чувство, что нам ничего не грозит, только крепло, вместе с этим накатила странная эйфория, кружащая голову.

— Сервий, ну, хватит. Скажи им про мутантов и заражение. Они же нормальные, не обратятся, так ведь? — сказала Сашка.

Оба бойца молчали, и не трогались с места. Только пулемётчик попытался заглянуть мне за спину.

— Парни, убираем оружие и давайте представимся друг другу. Я Сервий, со мной Кошка...

— Я Саша! — тут же перебила меня возмущившаяся спутница.

— Как скажешь, — согласился с ней. — Вот ты будешь Нельсон, а ты...

— Охренел? — набычился однорукий.

— Парни, вы с зомби сражались? Местность узнаете? Связь с командованием имеется?

Незнакомцы промолчали.

— Вот то-то и оно, — продолжил я. — А мы разбираемся в этой ситуации, знаем больше, чем вы два здоровых лба, вооружённых до зубов и служащих в разведке. Считаю, что вы только что заново крестились и ваш крестник — я. Так что, Нельсон и... м-м, Джон, присаживайтесь рядышком и открывайте уши пошире.

Я воткнул штатив в землю и медленно сел, держась за него, пистолет положил на землю рядом. Но даже сидя, нога продолжала очень сильно болеть, и пришлось лечь на бок, вытянув раненую конечность и облокотившись на локоть.

— Что стоим? Или вам неинтересно?

— Ладно, послушаем твои сказочки, про белого бычка, — буркнул Джон, опускаясь на японский манер на колени, в паре метрах от меня.

Наша беседа затянулась на добрых сорок минут. Меньше половины этого срока, я знакомил новичков с реалиями новой для них жизни, говорил не только парням, но и Сашке, которая до этого момента, получала от меня только обрывки информации. Оставшееся время я отвечал на вопросы, вал которых буквально захлестнул меня. На первом месте был тот, что задала мне сегодня девушка — можно ли вернуться обратно.

— И рука точно отрастёт? — с надеждой спросил Нельсон. — Не врешь?

— Отрастёт. Через месяц сможешь пользоваться ей, как раньше. А заплатишь знахарю, так и за неделю он тебе всё восстановит.

Руку парню отрубил Джон по его же просьбе, после того, как из предплечья вырвал кусок мяса один из заражённых. Точно так же, как и я однажды, он подумал про инфекцию зомби.

Перезагрузка кластера случилась вчера, ранним вечером, наверное, в тот момент, я как раз разобрался с элитником и валялся в отключке.

Сотня человек — обслуживающий персонал и охрана секретного объекта, просидела в ОЗК и противогазах, поднятые по тревоге, до сегодняшнего полудня, после чего произошло массовое обращение.

Бойцы с жалобами на недомогание обращаться стали ещё утром. Небольшой лазарет, за пару часов переполнился, и больных укладывали в столовой подземного объекта, где заняли оборону девяносто процентов личного состава. На улице остались только парные караулы и наблюдатели, всего четырнадцать человек. Нельсон и Джон были из их числа.

Что произошло с людьми под землёй, никто из парней не знал, но подозревали самое страшное. Никто же не знал, что укус заражённого, если он не повредил важного органа, не опасен. А напуганные люди легко начнут стрелять друг по другу или пускать себе пулю в голову при виде укусов.

Джон и Нельсон удрали с точки, оставив за спиной десяток мертвецов живых и окончательно упокоенных.

— А почему Джон и Нельсон? — поинтересовался последний. После обещания, что потеря руки в этом мире совсем не фатальное происшествие, парень взбодрился, депрессия исчезла без следа. — У него глаза не было, насколько помню. Это если ты про английского моряка.

— Про него, — кивнул ему. — Но с глазом у него, просто проблемы были, кое-как, но он им видеть мог, а вот руки у него было, точно. Даже есть памятник, где он без правой кисти.

— А Джон из какой серии?

— А потому что Рембо, — усмехнулся я.

— ???

— Ты с пулемётом, он с пулемётом, но так как твой ручник совсем не тянет на рембовскую пушку, то и полноценную фамилию ты не заслужил, всего лишь имя.

— Как же здесь у вас всё сложно, — вздохнул пулемётчик. — Клички, суеверия, правила, писанные и неписанные законы.

— Уже не у вас, а у нас. Привыкай. Что с техникой на точке?

Чего-чего, а всевозможных машин на радаре хватало. Бронированный «КамАЗ» — раз. Простой «Урал» — два. «Уазик» армейского образца, то есть, с чуть более длинной и

широкой базой, чем гражданские варианты. Две БМП-2 с ПТУРами. И два «выстрела» которые числились за взводом спецназа. По словам моих крестников, последние броневики были выше всяческих похвал. Верить или нет — это уже на моей совести. Один из броневиков имел автоматизированный комплекс, с двадцати трёх миллиметровой пушкой, у второго, имелась башенка от БРДМ с «кордом».

— А оружие где хранится?

— Большая часть, внизу, в бункере. Но по тревоге нам выдали немало всего, можно насобирать у наших... у заражённых, — Джон тяжело вздохнул.

— Понятно. А что именно?

— Пару пулемётов, точно найдём, пэкаэмы. Эсвэдэшку одну, пять автоматов. Патронов море, там по цинку на двоих дали, фанат пять штук на брата, даже снайперу. «Пламя» на позиции стоит, с двумя улитками и цинк фанат рядом. Вроде всё? — и посмотрел на своего товарища.

— Всё, — подтвердил Нельсон.

На брошенных позициях, прикрытых маскировочными сетями, бродили несколько человек в камуфляже. Я насчитал пятерых, Джон сказал, что видит шесть зараженных.

— Костик... Макс... Зингер, — шептал над моих ухом Джон. — Сервий, может ты их а? Мы ничего тебе не скажем, сами бы да... эх. Сделаешь?

— Автомат давай, — я протянул руку.

— Автомат? Может, пулемёт.

— Мне всё равно, только время не трать.

Парень вручил мне оружие, потом поинтересовался:

— Прямо отсюда будешь стрелять? Здесь же метров триста будет.

— Зато видно половину территории.

Наша команда калек расположилась на холме, по соседству с радаром. Возвышенность немного ниже, чем та, где расположен военный объект, но кое-что и отсюда видно. Местность здесь была выстрижена едва ли не газонной косилкой, наверное, чтобы вражеские диверсанты не смогли укрыться. Будь на точке соображающие противники, то мы бы сейчас уже давно торчали в их прицелах. А после заражения, всем было плевать, кто там что делает, в нескольких сотнях метрах от секретного объекта. Мы поочередно смотрели в прицел от гранатомёта, который отыскался у Нельсона в мешке.

Выстрел! Выстрел! Выстрел!

— Ни х*** себе! — поражённо произнёс Джон. — Где так научился?

Выстрел! Выстрел!

— Всё? Больше никто не ходит? — спросил я, когда упала последняя фигурка вдалеке.

— Угу, больше никого. Наверное, посчитал кого-то за двоих.

Пять минут следили за доступным кусочком территории, рассчитывая, что остальные заражённые заинтересуются своими убитыми товарищами. Но никто не появился. Или они просто не заметили, или крестники, при уходе, перестреляли больше пустышей, чем сообщили. Ничего удивительного, если считать, что они стреляли только в голову, считая, будто, пуля в грудь или живот не убьёт мутанта.

Первоначально я хотел уйти только с Джоном, оставив Сашку и Нельсона на этом холме. Я, хоть и одноногий, но был единственный обладатель Даров Улья (про которые, пока, не распространялся) и при столкновении с мутантами, практически один смогу вынести несколько десятков врагов. Джон мог завести машину и показать, где что

находится, докричаться до закрывшихся в бункере, если там кто-то выжил, в чём я сомневаюсь, правда.

Нельсон же стал плыть. Действие лекарств закончилось, боль, кровопотеря и тяжёлая рана, плюс, ломка из-за отсутствия живчика. Чуть лучше себя чувствовала Саша, но я не хотел её тянуть в опасное место. И до этого рассчитывал уговорить пересидеть в кустах, пока я буду исследовать военную базу, а сейчас, когда есть кому за ней присмотреть и вообще пожелал оставить подальше от опасностей.

Но стоило мне озвучить своё решение, как девушка вцепилась в единственную деталь моей одежды намертво.

— Я с тобой! Не останусь одна! Ни за что!

Аргументы она совершенно не слушала. Так что, пришлось тащиться всем четверым на холм с радаром. Впереди шёл Джон, будучи самым здоровым и маневренным, за ним хромал я с Кошкой на буксире, последним едва плёлся Нельсон, то и дело утирая с лица пот и прикладываясь к фляге с водой.

Кроме убитых мной, столкнулись ещё с двумя пустышами, которых опять же, успокаивать пришлось мне лично.

Убедившись, что на небольшой территории больше нет заражённых, и двери в бункер закрыты, мы похромали к боксам с техникой.

— Который берём? С пушкой или пулемётом? — поинтересовался Джон.

— С... пусть будет пулемёт. Умеешь управляться?

— Конечно! — даже удивился собеседник. — Нас со всем здесь учили обращаться. Разведка как-никак, — не забыл похвастаться он. — А почему не пушка? Снарядов к ней порядком имеется. Калибр нормальный, любых мутантов в клочья порвёт.

— Ну, с любыми ты загнул, — усмехнулся я. — Есть тут такие красавчики, на которых только с танком охотятся.

Кажется, мне он не поверил, судя по брошенному взгляду. Да и плевать. О причине, основной причине, почему я не стал занимать пушечный броневедомство, я умолчал. После выздоровления, я рассчитываю сюда вернуться, зачистить бункер, да и весь Глаз Черноты от мутантов и устроить, что-то вроде базы, в здании поликлиники. Радар обеспечит меня всем — техникой, оружием, продуктами, аппаратурой. Это будет место, где я смогу укрыться ото всех — друзей и врагов. А «выстрел» с автоматизированным пушечным комплексом, я позже прихвачу, для себя лично. Буду рассекать по Улью в бронированном орешке, который не всякой твари по зубам. Или продам, тем же «янычарам».

За несколько минут Джон проверил состояние машины, количество топлива в бензобаке, боеприпасы к пулемёту, даже радиостанцию включил и послушал тишину в эфире. Потом, пока мы — три калеки, отдыхали в салоне под струями кондиционера, он бегал по территории и собирал оружие с патронами.

Через час, когда мы покинули военную точку, в салоне лежали два ПКМа, одна СВД пять АК-74М, два из них с подствольными гранатомётами. АТС «Пламя», с запасом гранат в ленте и в цинке, плюс, станок. Шесть РПГ-26 шли приятным бонусом, правда, против мутантов, я бы не стал их использовать, учитывая, насколько те быстры и ловки. К оружию шла целая гора боеприпасов — в магазинах и цинках.

Кроме этого, из здания, где в обычное время располагается столовая, сидят штабисты и операторы, Джон притащил два десятка сухпайков в зелёном пластиковом корпусе, три вещмешка консервов — каши, тушёнка и овощи с мясом.

После отъезда с территории радара, от нас остался большой фанерный щит, на котором Джон нарисовал корявый план оазиса и оставил надпись, сообщавшую, что отныне все выжившие находятся в параллельном мире, где бродят мутанты, происходят катаклизмы, первыми признаками которых, является туман и запах кислой химии. Тем, кто выйдет из бункера, следовало идти в сторону старой психиатрической больницы и сидеть там, так как туман до нее не доходит. Всех заражённых следует уничтожать, иначе они разовьются в опасных мутантов, с которыми уже тяжело будет сладить. Укусы не опасны, так как у тех, кто сохранил разум через несколько дней после переноса, имеется иммунитет.

Дорогу проложил так, чтобы проехать рядом с клиникой и когда машина оказалась рядом с воротным проёмом в заборе, сказал, чтобы Джон рулил туда.

— И зачем мы здесь?

— Сделаю схрон на всякий случай. И кое-что покажу вам.

При виде элитника оба бойца не удержались от матерных слов. Даже мёртвым и на полу, он впечатлил их почти до мокрых штанов.

— И как с этим зверёншем бороться? — слотнул Джон. — Он же весь в броне, как танк!

— Хлеще танка, Джон. Пока такие твари живые, они имеют нечто вроде экстрасенсорных сил, что позволяет мутанту делать свою броню ещё прочнее. Против такого вот красавчика, даже пэкаэм не поможет, да и корд не сразу упокоит. Но если выстрелишь сюда, — штативом, которым до сих пор пользовался, как костылём, ткнул в развороченный споровый мешок, — то мутант сдохнет в считанные секунды. Это ахиллесова пята у каждого заражённого. При большой удаче, можно убить простым ножом.

— Это здесь лежат те сахарки и жемчужины? — поинтересовался Джон.

— Здесь. Только в этом, конкретном, мутанте ничего не было. Почему — не знаю, — пожал я плечами. — Может быть связано с тем, что он заперт на кусочке территории из нескольких крошечных кластеров. Не знаю, это нужно спрашивать у кого-то из старожилов. Будь этот элитник нормальным, то я бы стал богачом.

— А как ты его убил?

— Повезло просто, — потом прикоснулся к ноге. — Он мне почти ногу оторвал, поиграться хотел, наверное, как кошка с мышкой, я всего один раз и успел выстрелить, зато попал прямо в затылок.

На территории больницы, в углу у забора, сделал схрон, куда положил ручной пулемёт, с боем выторговав тот у Джона, четыре магазина на сорок пять патронов, три фанаты, пистолет, опять же из трофеев с радара, с которым до этого ходил Нельсон, и старый застиранный Камок, который прихватил мне из штаба Джон. Одежда оказалась маловата, и я решил её оставить здесь. На всякий пожарный.

Неприятности начались там, где их никто не ждал. К тому, что мои спутники свалятся, как только машина окажется в черноте, я был готов, из-за этого даже поменял за рулём Джона, хотя водитель из меня, с моей рваной ногой, был тот ещё. А вот то, что броневик начнёт работать с перебоями, словно, в бак попало топливо с водой — не ожидал. Не верил словам Мазая про отказ автомобилей в мёртвых кластерах, рассчитывал на тропу, которая должна была свести негатив к минимуму.

Проехав несколько сотен метров по угольно-чёрной траве, машина остановилась.

— Зараза!

— Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса, — изобразил веселье

Джон, который скорчился на соседнем пассажирском сиденье и выглядел так, что в гроб краше кладут.

Повторное нажатие на кнопку стартера заставило несколько секунд бесполезно фырчать двигатель, пока он не схватился.

— Слава богу, — выдохнул я и медленно нажал на педаль газа. — Давай, родненький, не подведи.

Проехав метров триста, броневедомобиль вновья встал колом. И опять пришлось мучить стартер, затаив дыхание слушать стрекот мотора...

Черноту мы, всё-таки, проехали, но кто бы знал, сколько нервов мне это стоило. На путь мы потратили, чуть меньше часа и, учитывая пройденное расстояние, это было очень и очень много.

— Джон! — окликнул я парня, когда зубастые покрывки «выстрела», вместо чёрной стеклянистой пыли, примяли зелёную траву и мелкий кустарник.

— Что? — прохрипел тот.

— Как самочувствие? Приходи поскорей в себя и садись за руль, потому как я уже не могу дальше рулить. У меня нога, отваливается просто, после этой дороги.

Дальше рулил мой крестник, а я указывал ему дорогу.

За пулемёт так никто и не сел, о чём я немедленно пожалел, когда на повороте с грунтовки на шоссе мы чуть не столкнулись с «тигром».

— Мля! Это кто? — заорал Джон, выворачивая руль и уводя машину в сторону. — Да он же стреляет, сука!

По бронированным стенкам нашей машины что-то простучало, словно, снаружи горсть гаек бросили.

— Не он там колонна целая, — сквозь зубы ответил я. — Чёрт, вот попали же.

В первый момент я решил, что судьба надо мной посмеялась и вновья столкнула с внешниками. Это было так обидно, так на душе стало погано, что на глазах появились злые слёзы. Столько выдержать, обрести любимого человека и... всё?!

— Что делать будем, командир? — поинтересовался у меня Джон, уведя машину в глубокий кювет, прикрывшись асфальтированным полотном. — Впереди дорога поворачивает, там мы попадём под прицел.

— Гони, чего ещё...

И тут заговорила радиостанция, включенная Джоном ещё при проверке броневедомобилия в боксе:

— На броневике, назовитесь! С вами говорит отряд янычар из Орешка!

— Да ну нах?! — не поверил я.

— Кто такие, ты их знаешь? — спросил Джон.

— Угу, — кивнул я ему, потом отстегнул микрофон и нажал тангенту. — Это Сервий. Как поняли? На броневике, который вы обстреляли, еду я!

— Сервий? Кто таков?

— Я с вашим отрядом с внешниками недавно разбирался. Прапор, ты в канале, слышишь меня?

Спустя две секунды мне ответил знакомый голос:

— Сервий? Снайпер?

— Он самый.

— Ты совсем с ума сошёл так выскакивать на нас? А если бы из пушки расхреначили?

— А где ваша разведка? — разозлился я. — Кто должен следить за обстановкой? Вы мне краску содрали на, совсем новой машине!

Ответил вместо Прапора сам Янычар:

— Разведку ты сейчас увидишь, она проскочила прямо перед вами. Ты там не суетись, подожди нас.

— Мля, приехали, — повторно выругался Джон, выезжая прямо на БТР-80, вылезший на край дороги в том месте, где дорога делала крутой поворот. — Приехали. Он со своей дуры нас мигом в ведро с гайками превратит. Ты как с этими парнями — не в контрах?

— Воевали недавно вместе. Должны помнить и уважать. Ждём.

Через минуту к нам подъехал «тигр», из которого вышел сам Янычар и Прапор.

— Здорово, бродяга, — крепко пожал мне руку мой бывший напарник. — Что ж ты такой рискованный, а? Вот вдарили бы не из пэка, а из крупняка — чтобы делал тогда?

— В ответку бы вдарил, — ухмыльнулся я. — И у меня крупняк имеется, а как я стреляю, ты знаешь. Здорово, Янычар.

— Здорово, — пожал протянутую руку командир наёмников. — Смотрю, хоть и с прибытком, да шкуру не сберёг. Где ты так?

— Да где и кто только не поиздевался надо мной, — ответил я уклончиво.

— Хм. Я слышал, ты в Парадиз ехал с парой килдингов?

— Ехал, но не доехал. На пути столкнулись с ордой мутантов, свернули и покатили в объезд. Возле, э-э... какой-то старой мусорки попали в засаду внешников, где почти всех и положили. А кого не убили сразу, тех зарезали на хирургическом столе. Мне и ещё двум рейдерам, чудом удалось выскользнуть.

— Кто такие?

— Проверить хочешь? — криво усмехнулся я. — не веришь?

— Верю, но привык узнавать до конца всё, что связано с внешниками.

— Не наши это были, не из отряда с Орешка. Один назвался Дедом Мазаем, на вид лет пятьдесят, средний рост и сложение. Второй, молодой парень, лет двадцати двух, сказал, что он Шприц. Мы с ними разбежались в разные стороны у черноты, которая самым большим языком выползает в кластеры.

— Понятно, — с задумчивостью ответил Янычар. — А сейчас куда?

— Куда глаза глядят. Я местность не знаю, рулили просто по дороге.

— С нами до Парадиза поедешь? У нас там срочное дело нарисовалось, очень срочное, такое, что пришлось срывать, всё бросать и катить.

— Только не в качестве бойца. Я сейчас чуть живой.

— Вижу. Внешники? — кивнул собеседник на мою перевязанную свежими бинтами ногу.

— Мутанты зацепили, когда от внешников убегал.

— Так поедешь, или в Орешек рванёшь, на отдых и лечение? До него чуть ближе, но рискуешь заблудиться, если дорогу не знаешь, попетлять придётся, — повторил он свой вопрос.

— С вами, в Парадиз. У меня двое тяжёлых, им нужен хороший знахарь.

Почему-то, расспрашивать про моих спутников он не стал.

— Хорошо. В центр становись, за грузовиком, у которого на крыше две запаски. Позывной — твоё имя, — и собрался вернуться в джип.

— Постой, Янычар. Живчика не одолжишь? А то у меня пусто. Патронами заплачу или

оружием. Есть пятёрка наша, семёрка пулемётная, ручные фанаты, но немного, и пэка.

— Не нужно, — махнул тот рукой в ответ. — Прапор, дай им свою фляжку.

Когда я вернулся в броневтомобиль, Джон насел на меня с вопросами:

— Крутые парни, да? Местная армия? Пограничники? Или типа рейнджеров?

— Наёмники, вроде как, плюс, команда за головами внешников. Тут много таких, поживёшь подольше — не раз столкнёшься. Джон, нас берут в колонну, становись за грузовиком с запасками на крыше и вот — глотни.

Тот с подозрением посмотрел на флягу.

— Что это?

— Живчик, про который я говорил. В первый раз, может показаться гадостью, но эффект от него лучше, чем от ящика энергетиков. Пей, давай, глотков пять на первый раз.

Сашку пришлось долго упрашивать, пока она сделала несколько глотков из фляжки. Да и то, половину, тут же выплюнула. Самым покладистым оказался Нельсон, который без вопросов и пререканий выдул половину оставшегося живчика. Наверное, всё потому, что в его состоянии он бы и на яд согласился, пообещай кто, что после этого, его страдания облегчатся.

Парадиз довольно близко напоминал Атлантис, из которого я сбежал. Только здесь женщины если и правили, то немногие, и из тени, через своих супругов. Впрочем, не о том речь. Как и в женском городе, здесь шло разделение на территории: внешнее кольцо заселялось гостями стаба и кандидатами на получение гражданства, наёмниками, простыми рабочими. Центр же, полностью подмяла под себя элита (по сути, те же твари, что и мутанты, если верить словам местных, только в человеческом облики), отделившись от внешнего района настоящей бетонной стеной, с несколькими КПП, ДОТаами и парой вышек обитых сверху донизу листами железа и с торчащими стволами пулемётов. Заметил, что бойницы были только вовне, и ни одной не смотрело внутрь центра. Никак, местные хозяева жизни бояться, что кто-нибудь из подсобного персонала может рискнуть поквитаться, показать, что кровь и кишки у всех одинаковы, и дохнёт крутой перец точно так же, как и серая рабочая скотинка.

На въезде нас ожидала настоящая «змейка» из бетонных подушек для фундамента многоэтажек. Целых пятьдесят метров извилистого пути, под прицелом ЗУ-23-2, которую водрузили на крышу блок-поста и обложили мешками с землёй со всех сторон. Рядом с ней стоял «бардак», который смотрел своим «Владимировым» куда-то мимо нас, но готов был поспорить, что при этом, краем глаза, оператор в башне держал нас в поле зрения.

Разговор с дежурным на КПП, почти ничем не отличался от всех тех, которые происходили в подобной ситуации. Разница лишь в моём последнем вопросе.

— Командир, — поинтересовался я у старшего в карауле, — где у вас больница здесь? Мне бы поскорей добраться.

— Смотри туда, — он встал вполоборота в сторону города и вытянул руку. — Видишь флажки на флагштоке вон за той трёхэтажкой жёлтой?

— Белые с какими-то красными... что ли... красными пятнами? — прищурился я, всматриваясь в указываемое.

— Они самые. И там не пятна, а кресты медицинские. Хотя, по-моему, неправильный знак выбрали, незаметно слишком, если не подсказать. В общем, там наша поликлиника для внешнего кольца, для замкадovшей типа, хе-хе.

— Мне бы получше что-нибудь. Знахарь нужен, сам же видел, что с моими товарищами случилось.

— И знахарь там есть, — спокойно ответил он. — Два входа в больницу. Один, для тех, кто заплатить много не может, второй, кому нужно особое внимание и дорогое обслуживание. На месте поймёшь, там даже таблички читать не нужно.

Разобрался, и в самом деле быстро. Там, где ступеньки были менее обшарпаны, и торчал рядом с дверью охранник в серой униформе, и оказалось нужное отделение. Возле второго входа хватало окурков, и мялись несколько потёртых типов.

Оплату предложил патронами, которых отвалил уйму только за один осмотр и первую помощь. Зато, после коротенького вмешательства Знахаря, я как заново родился. Да и с моими товарищами подобная метаморфоза произошла.

Чуть подпортило настроение истерика Сашки. Девушка, оставшись одна с последователем Гиппократов, словно, взбесилась. Стала метаться по кабинету в поисках выхода, звать меня. Успокаивать пришлось добрых десять минут.

— И такое бывает с новичками, вскоре всё пройдёт. Вы же с самого начала с ней, как она попала в Улей? — произнёс знахарь — молодой мужчина, с чёрной, как сажа, шевелюрой и небольшой бородкой, носящий белый халат.

— Почти.

— И зрение она потеряла почти сразу, так?

— Угу, — кивнул я.

— Считайте, что у неё развился некий синдром. Всё это время она слышала только вас и держалась рядом. Как только зрение восстановится, она начнёт понемногу отвыкать. Хотя...

— Что?!

— Я правильно понимаю, что вы были близко знакомы ещё ДО Улья?

— Да. Только не с ней лично, с другой, она Саша, а я знал Олесю... блин, как же поточнее... мы из разных миров...

— Всё, всё, — выставил в мою сторону ладони собеседник, — я понял. В общем, может и не стоит вам отвыкать друг от друга? Чувства у девушки к вам очень сильны, верь я в любовь, то сказал бы, что она любит вас безгранично, до фанатичности. Это даже не страсть, это что-то большее. У вас очень интересная ситуация сложилась: знакомство Там, и совместное спасение Здесь. Она беззащитна перед окружающим миром, и только вы прикрывали её... м-да, бывает же такое, — он покачал головой. — В нормальных мирах, на таких случаях люди диссертации пишут и нобелевки получают.

— Вот именно по этому поводу могу сказать: я рад, что мы не в том мире. Со зрением у неё что будет? Как можно ускорить восстановление?

— Пить живчик и посещать меня. Общий курс обойдётся, э-э, — собеседник на миг поднял глаза к потолку, потом вновь посмотрел на меня. — Двести споранов. Живчик ваш или ещё тридцать, тогда я приготовлю по личному рецепту.

— Хорошо, — вздохнул я, — пусть будет так. Теперь по Нельсону... безрукому парню.

— Новичок который? Да, в принципе, в двести пятьдесят споранов, не считая живчика, можно уложиться.

— М-да, — покачал я головой, — цены у вас кусаются.

— А что делать? — развёл он в ответ руками. — Сервис обязывает. Кстати, она сенс. Если прокачает этот дар, то её возьмут в любой отряд. Может даже прямо сейчас заключить договор с городом, тот обеспечит ей лечение, горох для усиления и через месяц, она приступит к отработке долга. За два или три месяца, легко всё отработает и заработает сама.

— Не хотелось бы в кабалу лезть... нет, не вариант. Ладно, я придумаю что-нибудь. Кстати, а никому не нужен современный броневедомобиль с пулемётом корд на крыше? Не юзанный, двигатель не убитый броня штатная и не ремонтируемая ни разу, правда, краска местами содрана, но нужно будет — замажу.

— Броневедомобиль? Хм, — задумался тот. — Я могу спросить у знакомых с центра, только...

— Пять процентов от стоимости, вам лично, как посреднику, — мигом понял я намекающую на кое-что паузу.

— Договорились.

— Буди свою подружку и можешь идти в гостиницу, — знахарь кивнул в сторону дремлющей девушки. — На процедуры завтра с утра, между десятью и двенадцатью. Потом вечером, после пяти и до десяти.

Растормошив Сашку, которой знахарь вколол слабое успокоительное для удобства

проведения сеанса лечения, я покинул медицинский кабинет. Въезд в гостиницу прошёл безо всяких проблем, никаких документов не требовалось. Администратор на вопрос о такой демократии пояснил, что раз прошёл проверку на блокпосте, то со мной всё в порядке. Вот в центр, меня бы не пустили, да и обратно не выпустят, если я отчебучу что-то эдакое и не заплачу за это.

Платил, разумеется, патронами. На них же купил споранов и одежду себе с Сашкой. По цинку пулемётных патронов для выплат в Парадизе, взяли я и Джон. Остальные наши финансы остались в «выстреле». Сама же бронемашина стояла на стоянке, на въезде в город, так как «не горожанам», было запрещено передвигаться на боевых машинах, а кое-кому и на крупном транспорте, даже если тот без оружия и брони. Стоянка охранялась очень хорошо — вооружёнными сторожами, камерами, а кое-какие машины и с датчиками сигнализации.

Общая договорённость с «трутниками» (хотя, как сами они признались, ГРУ было только в названии шевронов на «камках», на самом деле, оба парня были водителями на грузовиках и никакой специальной подготовки, с ними не проводилось) заключалась в том, что все трофеи делятся пополам, в том числе и техника, которую выставили на продажу.

В гостинице взял двухкомнатный номер, чтобы не беспокоить девушку своим постоянным присутствием рядом с ней. Мы уже не «в поле», и сейчас совсем другие нормы поведения начинают работать. Однако, быть одной она не захотела и напросилась (или вытребовала со слезами и всхлипываниями) ко мне. Выторговал только одно — спим отдельно и точка. Не потому, что я такой правильный или ханжа, но как вы себе представляете совместный ночлег с девушкой, которая получила тяжёлое ранение и ко всему прочему, заработала нечто, сродни «стокгольмскому синдрому»? Вот-вот. Чего скрывать не стану, так это своих чувств. Поутихшая страсть с момента, когда я увидел её в последний раз в Москве, вспыхнула вновь, да ещё как!

К вечеру, ко мне в номер позвонил администратор и сообщил, что ко мне пришёл некий покупатель на машину.

Через час я получил большую коробку со споранами, маленькую с горохом и два десятка доз спека, качество которого я определить не смог, но решил поверить на слово. Вообще, цена оказалась хоть и ниже рассчитываемой, но совсем ненамного. Оружие с патронами, пришлось вместе с Джоном перетаскивать на своём горбу по снятым номерам. Завтра, всё это барахло, предстоит носить по местным магазинчикам. Себе на первое время, я оставил только пистолет и запас патронов. Малокалиберные автоматы совершенно не интересовали, снайперку, после короткого раздумья тоже решил продать. Вот полдюжину фанат РГН оставлю для оборудования растяжек и аналога сигнализации в тех местах, где решу поохотиться на мутантов. Да и в целом — пусть лежат, такой запас, карман не тянет.

Ночь прошла настолько спокойно, что утром, после пробуждения, я несколько минут лежал и напряжённо вслушивался, не понимая, что же такого странного в окружающем мире. Только потом дошло, что последние дни я привык жить жизнью загоняемого волка, который даже во сне слушает опасность, а сегодня, я оказался в защищённом месте.

После посещения знахаря, я вернулся с Сашкой в номер, где уложил её в кровать. И когда она уснула после того, как подействовали лекарства, отправился по магазинам. Уже во второй лавке мне повезло.

— Винтовку с глушителем и мощным патроном? А чем вас винторез не устраивает? А-а, хм...

Немолодой продавец с небольшим брюшком, среднего роста и лицом, немного похожим

на лысого российского режиссёра, любящего себя ставить на полуглавные трагические роли в своих картинах, задумался, потом раскрыл ноутбук, защёлкал клавиатурой.

— Парень, ты как относишься к поделкам импортных оружейников? — наконец, нарушил он молчание.

— Если вещь хорошая, то почему бы не взять. А что именно?

— Вот, — он развернул ноутбук монитором ко мне, сам перегнулся через стол и ткнул пальцем фотографию. — На базе американской эм шишнадцать, только калибр семёрка дозвуковая, натовская разумеется. Грендель Си шишнадцать, если заводское название интересует.

Цифру «шестнадцать» он произносил довольно странно, привлекая внимание, тогда как в остальном, речь звучала правильно и чётко. Собственная фишка или бзик?

— А конкретнее? Патрон тут, какой?

— Сейчас, — он двинул пальцем по сенсорной мыши ноутбука, поднимая картинку вверх и открывая таблицу. — Так, так... семь пятьдесят один на тридцать шесть. В магазине, двадцать патронов.

— А ещё что есть?

— Ещё... вот под такой же калибр, только не самозарядка, а болт, си эс пять а. Очень точная, очень удобная, разбирается на несколько деталей для удобства переноски. Приклад регулируется под стрелка. Ещё раз повторю — очень-очень точная. Магазины на пять и десять патронов, но если есть время, то могу подогнать за неделю штук пять двадцатипатронных от гренделя.

— Бронебойные есть?

— Есть со стальным сердечником две сотни. Бронежилет, метров со ста, пробьют точно. Но зачем из такой красотки бить в броню, если с двухсот можно попасть в глаз?

— Это весь выбор?

Продавец насупился.

— Ну, если винторез не интересует, то да... ай, нет, есть ещё кое-что, но придётся ждать до завтра и цена на неё немалая. Зато лучше неё, нигде ничего не отыщешь!

— А выхлоп? — скептически ответил ему я. — Он хуже её?

— Парень...

— Я Сервий.

— Меня Хома зовут, как парубка у Гоголя, — представился он в ответ. — Сервий, ты видел выхлоп у многих? Этот винтарь, или не попадает в Улей, или тут же обретаёт хозяина. У внешников стали попадаться автоматы под спецпатрон, который в винтовке также используется, но вот самой винтовки, у них никто не встречал. Они предпочитают работать из чего-то особо мощного и издалека, из дронов, например, или винтовки корд или такого же пулемёта. Бесшумками, они не пользуются практически или очень редко.

— Мне сказали, что в Парадизе выхлоп можно легко отыскать.

— Почти наврали, — пожал он плечами. — Была одна в магазине, в центре, но её кто-то из тамошних хозяев себе неделю назад приобрёл. А больше ты такую, не отыщешь. Или под заказ, придётся ждать и переплатить вдвое или даже втрое.

— Жаль, — вздохнул я. — А эта твоя красотка, что из себя представляет?

— А вот, — он вывел на экран фотографию, на первый взгляд обычной винтовки, которую можно увидеть в нормальном мире у охотников, только у этой, был непропорционально толстый ствол. — Спешелн рифэл пятьсот, патрон дозвуковой лапуа

супер спешелн. Это где-то... — точно не вспомню, а тут ещё и записи нет, но если память не подводит, то восемь восемьдесят шесть на шестьдесят девять. Всего у меня триста патронов, двести целевых со стальным сердечником и сто с сердечником калённым, практически бронебойные. В комплекте, мощный прицел с дальномером, счётчиком ветра.

— И сколько за всё это удовольствие просишь?

Когда он озвучил сумму, я присвистнул.

— Не свисти, а то денег не будет. Знаю, что дорого, зато качество и всё как ты хочешь: бесшумность и мощный патрон. Если будешь брать, то говори прямо сейчас, потому как винтовка, в центре, лежит в магазине, мне нужно договариваться о передаче сюда.

— Ладно, — решил я, — чёрт с ними с деньгами, звони.

— Но только завтра приходи, — предупредил он. — Ещё что-то нужно?

— Нужно, АК-9 с патронами и пистолет полегче и поубойней. Он для женской руки.

— И автомат есть, и пистолет подыщем, — заверил он меня.

По возвращению в гостиницу с почти пустым карманом, но с покупками, я узнал про неприятности.

Скинув в разгромленном номере часть покупок, я бегом помчался в больницу.

— Что ж ты так-то, а? — укоризненно покачал головой знахарь. — Я же предупреждал тебя. Вот зачем ты девчонку одну бросил?

— Что с ней? — пропустил мимо ушей чужие слова. — Где она?

— Спит. Я ей вколол сильное успокоительное, обработал синяки и шишки. В целом, отделалась легко.

Если коротко, то после моего ухода девушка проспала немного. Проснувшись и не дозвавшись меня, она устроила погром и истерику. На шум примчался гостиничный работник, попробовал её успокоить и чуть не лишился глаза, когда в лицо ему вцепилась Сашка. В итоге, охранники скрутили её и отправили в больницу, а там, на шум заглянул Хома, узнал свою пациентку и забрал к себе, где оказал первую помощь.

Первое, что я услышал от Сашки, когда она очнулась, это были слова:

— Сервий, пожалуйста, не бросай меня больше. Я очень прошу тебя! Если я ещё раз останусь одна... я... я умру, наверное.

Прижав девушку к себе, я погладил её по голове.

— Кошка ты моя, да кто тебя бросит. Ты так сладко спала, что я не стал тебя будить, но и дел слишком много накопилось, чтобы зря время тратить. Тем более, через два часа уже вернулся назад, — сказал я ей.

Сашка уткнулась мне лицом в грудь.

— Ты меня всегда Кошкой звал, или Желтоглазкой, — тихо произнесла она. — Раньше не нравилось, вульгарно и пошло звучало... кошка... фу-у, а сейчас, так приятно. Словно, ты меня гладишь, вот как сейчас. Ты меня не бросишь?

— Никогда!

— Никогда-никогда?

— Никогда-никогда!

Повязку с лица, ей сняли на шестой день, как мы приехали в Парадиз.

— А я не верила, что такое случится. Думала, что успокаиваете меня, — прошептала она, стоя напротив зеркала и рассматривая себя, — не верила, что глаза могут сами собой вырастить, как яблоки какие-то, — она коснулась век, провела кончиком пальца под глазами, по щеке. — А что с кожей, почему она такая... странная?

То, что кожа стала у неё меняться, сереть, грубеть, покрываться морщинами и складками я заметил ещё три дня назад. Тогда это было едва заметно, а сегодня, когда с Кошки сняли повязку, изменения сильно бросились в глаза.

— Из-за лекарств и лечения. Организму нужно было откуда-то брать ресурсы, и проще всего это делать с собственными запасами, девочка моя. Разве не видела тяжелобольных никогда? Недаром есть поговорка: краше в гроб кладут. Ничего, через несколько недель ты окончательно пойдёшь на поправку и вновь станешь красавицей.

Кошка тяжело вздохнула, попробовала разгладить несколько больших складок на скулах и отошла от зеркала.

— М-м, Кошка, мне бы с твоим парнем кое о чём переговорить нужно. Провести окончательный расчёт за лечение и решить дела, о которых мы договаривались ранее, — обратился к ней Хома. — Не могла бы ты оставить нас одних? Я предпочитаю такие вопросы решать с глазу на глаз, да и Сервий обещал, что о наших планах будет знать только он один.

— Не могла бы, — холодно ответила девушка. — Я не болтушка, умею держать язык за зубами.

Хома покачал головой и посмотрел на меня.

— Кошка, это, в самом деле, деликатный вопрос. Тебе я верю, но компаньон... в общем, сама видишь, какой он осторожный. На минуту, ровно на одну минуту выйди в коридор и подожди меня там, — я сложил ладони перед грудью в молитвенном жесте. — Пожалуйста, Кошка, очень тебя прошу.

После того приступа, когда она попала в больницу и едва не угодила в «обезьянник», у девушки развилась настоящая мания ей казалось, что она должна быть всегда рядом со мной, что произойдёт нечто ужасное, если я оставлю её хоть на минуту.

— Но только на минуту, — помрачнела она.

Когда она прикрыла за собой дверь, я повернулся к Хоме:

— Что хотел сказать? Откуда у нас с тобой совместные секретные дела?

Он поманил меня к себе и когда я оказался в шаге от него, он очень тихо произнёс:

— Твоя Кошка становится квазом. В курсе, кто это?

У меня по коже поползи холодные мурашки, когда услышал его слова.

— Да, — кивнул в ответ, — в курсе. Но из-за чего?

— Точно не из-за лечения, не нужно на меня так смотреть. Или у неё организм излишне восприимчив к живчику и случилось банальное отравление, или она приняла жемчужину, — он пристально посмотрел мне в глаза. — Она не хиггер случайно?

Врать знахарю? При такой постановке вопроса любые мои слова дадут ему ответ на него.

— Да...

— Как это случилось? Не подумай, что выпытываю ради каких-то меркантильных целей. Просто мне самому интересно, как целителю.

— У меня была красная жемчужина. Я решил, что если Кошка съест её, то ей станет легче даже без живчика. И с ранами поможет.

— Да уж.

— Я ошибся?!

— Не то, чтобы ошибся. Иногда — не всем и не часто — жемчужина помогает, особенно новичкам. Но она же на них и действует сильнее, увеличивает риск внешнего

перерождения, изменения тела. М-да.

— Ей чем-то можно помочь?

— Если только встретишь Великого знахаря и сможешь убедить в помощи или получишь белую жемчужину, — покачал головой собеседник. — И больше никак. Для женщины стать уродом — очень тяжёлое потрясение, ты уж за ней приглядывай, чтобы не отчебучила что-нибудь. Я про срок, якобы выздоровления, специально сказал, попробуй за это время её подготовить к тому...

Тут открылась дверь и в кабинет вошла Кошка.

— Минута, — сообщила она.

— А мы всё уже, — улыбнулся я ей. — Пока, Хома, на днях я заскочу, окончательно решим наши дела.

Девушка сидела перед зеркалом не шелохнувшись, словно, каменная статуя, а не человек.

— Кошка, ведь ничего страшного не случилось. Ты живая, здоровая, стала сильнее и быстрее. Тебя не тронут мутанты из тех, которые простые, а от сильных, ты вовремя ускользнёшь благодаря своей способности чувствовать тварей на расстоянии.

— А зачем мне всё это нужно? — без каких-либо эмоций произнесла она. — Зачем? ты на меня смотришь как... как... я же уродка! Я страшная уродливая тварь! Да на меня все смотрят с омерзением на улице! А вчера один пистолет наставил...

— Ты покажи мне этого пистолетчика — я ему мигом его в зад вставлю, — пообещал я, потом подошёл сзади и обнял девушку. — Кошка, ты для меня будешь самой-самой. Ты что забыла? Я же обещал быть всегда рядом. А какова цвета у тебя кожа или волосы...

— У меня и волосы выпадают! — крикнула она и зарыдала. — Ты лысых тоже любишь?!
— Тебя я люблю любой.

С момента разговора с Хомой, когда он сообщил про изменения с девушкой, прошло две недели. Как подступиться к Кошке с сообщением, что она становится квазом — я так и не смог придумать. Вот сегодня попытался, настроился на разговор, придумал кучу аргументов и вариантов развития беседы и сел в лужу. Она уже давно была в курсе про изменения своей внешности, какой-то доброхот в гостинице постарался (узнаю — убью). А я, со своей попыткой сообщить то, что она уже знала, сорвал плотину в её сознании. Все те чувства, которые она держала до этого в себе, вырвались наружу, сметая любые доводы и аргументы, как девятый вал корабли.

— Сервий, я не хочу, чтобы ты мучился. Ты красивый, и сильный, а ещё, у тебя столько всяких способностей. Все женщины станут тебя любить... однажды, ты подумаешь про меня «зачем мне этот монстр нужен, ради чего я держу её рядом?».

— Хватит чепуху нести! — я встряхнул Кошку за плечи. — Слышишь? Я всегда буду рядом с тобой, всегда! Под этой серой кожей находится моя Кошка. Один раз я тебя потерял, больше этого не случится. Вы, женщины, сами говорите, что внешность не главное, важно то, что внутри. И вдруг, ты начала прямо противоположное утверждать.

— Ты мне парик купишь? — тихо произнесла она.

— Хоть десять! Только не нужно хандрить, будь собой, моей милой Кошкой с коготочками.

— Да уж, — горько усмехнулась она и подняла к лицу ладони с увеличившимися ногтями, которые пожелтели и уже стали напоминать звериные когти, — коготочки у меня, те ещё.

Девушка мягко освободилась от моих рук и встала со стула.

— Пойду, умоюсь, а то косметика вся расплзлась. Ты теперь на женских мелочах разоришься, — изобразила она улыбку. — Я обязательно буду самой красивой, пусть и стану наносить пять сантиметров штукатурки.

— У нас с тобой весь мир, с самыми лучшими тенями, тушью и помадой. Что скажешь, то и принесу, — улыбнулся я. — А ещё — ты и так сама красивая для меня. Не слушай никого.

— Ну, уж нет, вместе пойдём, — погрозила она мне пальцем. — Раз обещал быть рядом,

то выполняй.

— Это я, тебя теперь не отпущу, и не надейся. Ни у кого нет такой очаровательной квазочки, пусть мне все завидуют. Теперь и в печали, и в радости, и смерть в один день.

— Не говори ерунды! Не шути про смерть.

— Извини, ерунду сказал, — улыбнулся я ей и притянул к себе, чтобы поцеловать.

— Всё, всё, мне нужно привести себя в порядок, — мягко оттолкнула меня девушка. — Я... быстро.

Выстрел из пистолета прозвучал через две минуты, как Кошка скрылась в ванной комнате.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Конец